

Э 99
4

801-13
1902

МИССЪ М. БРЕДОНЪ

ТАЙНА
ИНДІЙСКИХЪ ОФИЦЕРОВЪ

ТАЙНА ИНДИЙСКИХЪ ОФИЦЕРОВЪ

РОМАНЪ

ИЗДАНИЕ

Михаила Николаевича

ВОРОНОВА.

Цена 1 руб. 50 коп. съ пересл. 1 руб. 75 коп.

МОСКВА.

Типографія Е. И. Погодиной, Софійская набережная, домъ Котельниковой

1878.

ИМСОР И ВРЕДОНЛГ

АННАТ

ИПДІСЯНІА ОФІЦІОНА

РОМАНО

Дозволено Цензурою. Москва 25 Іюня 1878 г.

ИЗДАТЕЛЬ

Михаила Николаевича

Воронова.

22541-0

2011123773

ГЛАВА I.

Черезъ восемь лѣтъ.

Заходящее осеннее солнце золотило массивные стволы дуба, которые вѣчаютъ вершину одного изъ кособоровъ суссекскаго графства.

— Издали доносился глухой ропотъ морскихъ волнъ и сбѣшившаяся съ жалобнымъ стономъ сентябрьскаго вѣтра. По узкой тропинкѣ, проложенной по вершинѣ кособора, ходила вадъ и впередъ молодая женщина въ траурѣ, не своди глазъ съ плающего небосклона и блестящаго красноватымъ свѣтомъ моря. Между кустами бѣгалъ мальчикъ лѣтъ семи, останавливаясь по временамъ, чтобы сорвать желтые цвѣты, которые черезъ пять минутъ топталъ уже подъ ногами. Въ долині поднялся дымъ изъ трубы нѣсколькихъ хижинъ и оживлялъ нѣсколько этого суровый ландшафтъ; а по извилистой дорогѣ, ведущей въ горѣ, виднѣлся небольшой фаятонъ, запряженный паромъ рѣзвыхъ лошадей и ожидавшій прогуливающихся на вершинѣ особъ. Эянакъ стоялъ тутъ уже около часа, а груму уже надобно ходить вокругъ него и прислушиваться къ полету куропаатовъ, да въ раздававшихся изрѣдка въ лѣсу выстрѣламъ какого-нибудь охотника.

— Когда ты пойдешь домой, мама? спросилъ ребенокъ, подбѣгая къ матери.

— Скоро.

— Я такъ усталъ....

— Мой Рупертъ!

Съ этимъ восклицаніемъ молодая женщина нѣжно положила

руку на плечо мальчика, но все же не отводила глазъ отъ стороны, гдѣ солнце исчезало за моремъ:

— Дитя мое, докторъ Персонъ говоритъ, что тебѣ нужно больше движенія; я потому-то и привезла тебя сюда.... Побѣгай еще, мой милый... побѣгай.

— Я не люблю бѣгать..... Давай, мама, играть въ лошади.

Мать глубоко вздохнула и, станувъ шаль покрѣче вокругъ талии, приготовилась исполнить просьбу ребенка. Это была женщина довольно высокаго роста, но очень деликатнаго тѣлосложения и поразительно хорошенькая. Дѣйствительно, большіе, ясные, голубые глаза ея были прекрасны, хотя имъ и не доставало выразительности; маленькій, тонкій носикъ, ротъ, который далеко не свидѣтельствовалъ о силѣ характера и длинныя, совершенно свѣтлорусые волосы составляли привлекательное цѣлое. Можно сказать, что это лице сорофѣ шло бы къ кулакѣ, чѣмъ къ воодушевленному существу. Молодая женщина еще сильнее стала шаль, завязала концы ея и, давъ ихъ въ руки сыну, начала бѣгать по косогору, между тѣмъ какъ мальчикъ поощрялъ ее слабымъ, визгливымъ голосомъ. Онъ называлъ это игрою въ лошади.

Она бѣгала очень медленно, но достаточно скоро, чтобы удовлетворить ребенка. Вскорѣ однако у нея захватило дыханіе; она вдругъ остановилась и прижала свои маленькія, обтянутыя перчатками, руки, къ сильно бьющемуся сердцу. Мальчикъ продолжалъ дергать концы шали.

Противъ нея, на тропинкѣ, показался мужчина, котораго она не видѣла въ теченіе восьми лѣтъ. Последніе лучи угасающаго солнца освѣщали его смуглое, блѣдное лице и отражались въ его карихъ глазахъ, а громадная тѣнь ложилась отъ него по холму.

— Капитанъ Вальдзингамъ! воскликнула молодая женщина съ легкимъ оттѣнкомъ ужаса въ голосѣ.

— Леди Лисль, проговорилъ новоприбывшій, снимая шляпу. Осенній вѣтеръ приподнял пряди черныхъ волосъ капитана и отбросилъ ихъ на его низкій лобъ. Онъ былъ красивъ, но его мрачная красота имѣла какой-то своеобразный характеръ: черты

его были очень правильны, но рѣзки, цвѣтъ лица былъ, какъ мы уже замѣтили, смуглый, а каріе глаза его казались совершенно черными отъ оттѣнявшихъ ихъ густыхъ и темныхъ рѣсницъ. Онъ былъ высокаго роста, широкоплечій и сильный. Въ одной рукѣ онъ держалъ трость съ золотымъ набалдашникомъ, на которую опирался. Ветрѣча эта, очевидно, не удивила его и во всей его особѣ не выразилось ничего, кромѣ легкаго оживленія.

Послѣ минутнаго молчанія, онъ проговорилъ:

— Я прочелъ въ одномъ журналѣ, что *она* умеръ.

Леди Лисль кинула на него полу-удивленный, полу-испуганный взглядъ и пробормотала:

— Я думала, что вы находитесь въ Индіи.

— Да, но я же прочелъ объ *его* смерти въ журналѣ. И нилъ ниво въ одномъ изъ малькутскихъ клубовъ, въ обществѣ нѣсколькихъ товарищей, которые играли на билліардѣ. Одинъ изъ нихъ подаль мнѣ какой-то англійскій журналъ и я, хотя рѣдко читаю журналы, началъ пробѣгать этотъ номеръ глазами. Такимъ-то образомъ я прочелъ, между прочимъ, извѣстіе о смерти сэра Режинальда Лисля, владѣльца Лисльвудъ-Парка, въ графствѣ Суссексъ, двадцати девяти лѣтъ отъ роду.... Ну, на другой день *Долгуэзъ* поднялъ паруса — и я уѣхалъ.

— Такъ вы меня лю...

— Я всегда любилъ васъ.... а теперь люблю еще болѣе прежняго.

Онъ схватилъ маленькую ручку леди Лисль и прижалъ ее къ губамъ. Мальчикъ снова началъ дергать шаль матери и спросилъ громко:

— Кто этотъ господинъ, мама, и почему онъ цѣлуетъ твою руку?... почему онъ любитъ тебя.... Вѣдь, это не мой блѣдный папа.

Капитанъ Вальдзингамъ взялъ мальчика за голову и, повернувъ его блѣдное, болѣзненное личико къ свѣту, внимательно посмотрѣлъ на него.

— Вы похожи на вашу маму и лицомъ и характеромъ; сэръ

Рупертъ Лисль, произнесъ онъ. — Мы будемъ по этому хорошими друзьями и я буду играть съ вами въ лошади.

— Тогда я буду любить васъ, отвѣтилъ ребенокъ.

— Вы удивились при видѣ меня, леди Лисль? обратился капитанъ къ молодой женщинѣ. — А между тѣмъ, что же можетъ быть естественнѣ моего пріѣзда?... Я прочелъ, что сэръ Режинальдъ умеръ и отправился на другой же день въ Англію. Прибывъ въ Доверъ, я узналъ по справкамъ, что вы все еще живете въ Лисльвудѣ и побѣхалъ къ вамъ, не заглянувъ даже въ Лондонъ. Въ замкѣ мнѣ сообщили, что вы побѣхали кататься на вашихъ пони... ну, я и пошелъ прямо сюда.

— Почему же именно сюда?

— Ахъ, вы не догадываетесь?... потому что мы разстались на этомъ косягорѣ, въ Сентибрѣ же, восемь лѣтъ тому назадъ.... я думалъ, что вы иногда посѣщаете эту мѣстность.

— Не будете-ли вы жить съ нами въ замкѣ?

— Нѣтъ, я остановлюсь въ гостиницѣ „Золотого Льва“, по буди приходите ежедневно въ паркъ. Если же я остановлюсь у васъ, то вы можете сдѣлаться предметомъ сплетенъ.

— Вы правы.

Она такъ рѣдко задавала себѣ вопросы и такъ привыкла жить чужимъ умомъ, что ее постоянно нужно было наталкивать даже на самыя простыя мысли.

— Я видѣлъ на дорогѣ вашъ экипажъ и узналъ ливрею дома Лисль, продолжалъ Вальдзингамъ. — Не подвезете-ли вы меня?

— Подвеземъ.... Если хотите быть у насъ, то займите, что мы обѣдаемъ въ семь часовъ. Теперь, должно быть уже болѣе, но я почти всегда заставаю ждать себя.... Идемъ, Рупертъ.

Она взяла мальчика за руку и всѣ трое стали спускаться съ горы. Капитанъ шелъ рядомъ съ леди Лисль и ея сыномъ.

— Вы говорили, что рады видѣть меня, сказалъ онъ вдругъ, ударяя тростью по деревьямъ, —но между тѣмъ въ васъ вовсе не замѣтно радости.

— Вы такъ испугали меня!... Вамъ бы слѣдовало предупредить меня письменно о вашемъ пріѣздѣ.... я, вѣдь, не особенно сильна.

— Это вѣрно, отвѣтилъ капитанъ съ странною, почти презрительною улыбкою: — вы никогда не имѣли силъ.... ни для борьбы, ни для страданій.... Простите мнѣ, леди Лисль; одному небу извѣстно — скрывается-ли причина этого недостатка въ вашей душѣ или же въ вашемъ организмѣ.... Я даже спрашивалъ себя нѣсколько разъ: есть-ли у васъ душа?

— Вы жестоки, по прежнему, Артуръ, проговорила она.

Большіе голубые глаза ея наполнились слезами.

— Скажите вашему сыну, чтобы онъ шелъ одинъ къ экипажу, а вы пройдитесь немного со мною.

Леди Лисль исполнила это желаніе и мальчикъ бросился бѣжать къ фаэтону, на козлы котораго и помѣстился рядомъ съ грумомъ.

— Кларибелль, началъ капитанъ съ увлеченіемъ, — знаете-ли вы, что въ продолженіи тѣхъ многихъ лѣтъ, проведенныхъ вдали отъ васъ, въ Индіи, я часто молилъ Бога, послать намъ эту встрѣчу? Это была грѣшная мольба, не такъ-ли?... она была равносильна просьбѣ о смерти человѣка, который никогда не дѣлалъ мнѣ зла... а все-таки эта мольба услышана... можетъ быть — къ моему несчастью... Это была мольба страстно-любящаго человѣка, сумасшедшаго, отчаяннаго, осгьлѣннаго... такъ молятся развѣ только одни язычники. Сколько разъ говорилъ я самому себѣ, „если даже я встрѣчу ее на улицѣ нищею или лежащею на больничной койкѣ, покинутою и презираемою всѣмъ свѣтомъ, то я и тогда женюсь на ней.... женюсь, гдѣ бы и какъ бы ни пачель ее“ — и это такъ же вѣрно, какъ то, что свѣтъ нисходитъ съ неба.... Въ теченіе восьми лѣтъ повторилъ я эту молитву и этотъ обѣтъ; Богъ видалъ моей мольбѣ — и я снова здѣсь.

— Сэръ Режинальдъ былъ для меня добрымъ мужемъ, отвѣтила леди Лисль на это страстное признаніе: — и я старалась исполнить мой долгъ относительно его.

— Да, да, Кларибелль, и вѣрю этому. Вы также исполнили вашу обязанность относительно вашей тетки и вашихъ опекуновъ.... безжалостно разбивал мое сердце, тому назадъ восемь лѣтъ, и измѣняя данному мнѣ слову, чтобы сдѣлаться женою сэра Режинальда Лисля.

— Меня так мучили тогда.... говорили мнѣ столько ужасныхъ вещей....

— Ну, да—вамъ говорили, что я влюбленъ въ ваше богатство, не такъ-ли? Говорили, что бѣдный индійскій офицеръ добивается руки дочери-сироты богатого негодяя исключительно ради миллионъ, оставленныхъ ей ея отцомъ.... Вотъ, что напѣвали вамъ и вы, вы, зная меня какъ нельзя лучше, зная искренность моей любви къ вамъ, могли вѣрить этому, Клэрисбелль!

— Я боялся полагаться на свое собственное сужденіе.

— Да, лэди Лисль, это было важною ошибкою въ вашей жизни.

Онъ взялъ опять ея нѣжныя ручки своими сильными руками и, держа ихъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ себя, долго смотрѣлъ на нее съ любовью.

— Великіе боги! проговорилъ онъ: — какъ можетъ человѣкъ основывать всю свою надежду на такой слабой, достойной сожалѣнія былинкѣ! Чему же тутъ удивляться, что все зданіе рухнуло?... Бѣдная моя Клэрисбелль! такое вы хорошенькое существо, но локмое и бездушное.... скорѣе можно положиться на силу этихъ глацинговъ, чѣмъ на вашу нѣжность и ваше постоянство.

— О, какъ вы жестоки, Артуръ!

— Вы находите?... Помните вы еще Сентябрь за восемь лѣтъ тому назадъ? Кто былъ тогда жестокимъ, Клэрисбелль? Мы находились въ этой же мѣстности.... О, какъ живо представалась мнѣ иногда вся эта печальная сцена и какъ тоскливо сжималось мое сердце при этомъ воспоминаніи!.... Да, ужасны, почти невыносимы были эти нравственные пытки!... Каждую ночь, въ теченіе многихъ лѣтъ, видѣлъ я во снѣ этотъ косогоръ и малѣйшія подробности нашего грустнаго разставанія. Я даже слышалъ шедеть вашего шелковаго платья, цѣпляющагося за кусты; чувствовалъ легкое прикосновеніе вашей маленькой ручки къ моей рукѣ; видѣлъ ваши слезы.... въ ухахъ моихъ звучали опять ваши отчаянныя, раздражающія душу слова, которыя вамъ также тяжело было произносить, какъ мнѣ — ихъ слушать. Я прижималъ васъ къ сердцу, какъ и при прощаніи, а послѣ этого я просыпался,

чтобы смотрѣть на звѣзды сквозь крышу шатра, и слушать завываніе голодныхъ шакаловъ.

— Я тоже страдала много.... я страдала не менѣе васъ, сказала Клэрисбелль прерывающимися голосомъ.

— Нѣтъ, Клэрисбелль, сильно ошибаются тѣ, которые думаютъ, что женщина страдаетъ такъ же, какъ мужчина; она страдаетъ, если можно такъ выразиться, *про себя* только и часто сильною горе дѣйствуетъ на нее благотѣльнымъ образомъ, измѣняетъ ее иногда къ лучшему. Съ мужчиною же бываетъ не то: видя свои надежды разрушенными, потерявши цѣль своей жизни, онъ поворачивается спиною къ несчастью и начинаетъ искать себѣ развлеченій въ обществѣ.... Я не стану объяснять вамъ, лэди Лисль, какое широкое значеніе имѣетъ слово „развлеченіе“; я хочу единственно сказать вамъ, что восемь лѣтъ тому назадъ я былъ достоинъ васъ, но сегодня я уже недостойнъ.

— Слѣдовательно, вы не любите меня больше? спросила она.

— Люблю, Клэрисбелль, люблю; сердце мое никогда не было въ силахъ полюбить другую. Я встрѣчалъ женщинъ прекраснѣе васъ и болѣе достойныхъ быть любимыми, но въ своемъ безуміи — и къ моему несчастью — и не могъ забыть васъ, не могъ разлюбить.... я проклиналъ васъ за вашу безхарактерность, презиралъ за измѣну, но въ продолженіе восьми лѣтъ, полныхъ горя, труда и отчаянія, я ежедневно долженъ былъ признаваться самому себѣ, что все еще люблю васъ. Скажите: не заслуживаю-ли я хоть какого-нибудь вознагражденія? Вы теперь вполнѣ самостоятельны; тетка ваша, которая имѣла такое сильное вліяніе на васъ, давно ужъ умерла. Опекуны ваши не имѣютъ больше надъ вами никакихъ правъ, Клэрисбелль. Спрашиваю васъ теперь, когда вы свободны, и — на томъ же мѣстѣ, гдѣ вы оставили меня восемь лѣтъ тому назадъ, въ такомъ отчаяніи: хотите-ли вы исполнить обѣты вашей молодости?

Лэди Лисль молчала нѣсколько минутъ, а потомъ прошептала, утирая слезы, катившіяся по лицу ея съ самаго начала этого разговора:

— Да, Артуръ, если это можетъ составить ваше счастье.

Она произнесла эти слова скорѣе подъ вліяніемъ какого-то стра-

ха, чѣзъ подь вліяніемъ чувства. Артуръ обіялъ ее, прижаль къ себѣ и поцѣловаль въ лобъ, а затѣмъ довель молча до экипажа.

— Мама, мама! закричалъ ребенокъ своимъ слабымъ голоскомъ, — я жажду тебѣ. Я очень голоденъ и ужъ становится темно, а Врукъ усталъ разсказывать мнѣ сказки.

— Потому что вы слышали ихъ ужъ много разъ, сэръ Рупертъ, замѣтилъ почитительно гужъ.

— Такъ Врукъ разсказываетъ вамъ сказки, сэръ Рупертъ? спросилъ весело капитанъ. — Впрочемъ, онъ разсказывалъ о Джэбъ, убійцѣ великановъ и мальчикѣ съ пальчикъ? Я думаю, будетъ не дурно, если я разскажу вамъ какую-нибудь индійскую сказочку.

— Въ такомъ случаѣ и буду васъ любить и желать, чтобы вы сдѣлались моимъ новымъ паномъ.

— Садитесь, сэръ Рупертъ, сказала Врукъ. — Теперь восемь часовъ, а вамъ пора кушать.

Легкій фэтонъ быстро покатился по дорогѣ и достигъ черезъ полчаса рѣшетки Лисльвудъ-Парка, одного изъ самыхъ большихъ и красивыхъ помѣстій суссекскаго графства.

Маленькій баронетъ былъ въ восхищеніи отъ своего новаго знакомаго и удержалъ возлѣ себя капитана до девяти часовъ, просилъ его разсказывать ему сказки. Но какъ только часы пробили девять, въ гостиной появилась важная, чонорная гувъ-рантца и уговорила, хотя и съ величайшимъ трудомъ, сэра Руперта, слѣдовать за нею въ его комнату.

— Вы будете своего сына, замѣтилъ капитанъ, когда мальчикъ ушелъ.

— Что же иначе дѣлать? Мнѣ некого больше любить.

— Онъ очень миленькій мальчикъ, но слабъ тѣлосложеніемъ.

— Да, онъ не изъ особенно здоровыхъ. Это одна изъ причинъ, почему я позволяю ему дѣлать почти все, что онъ захочетъ. Доктора утверждаютъ, что не слѣдуетъ противорѣчить ему, такъ какъ онъ чрезвычайно впечатлительнъ.

— Уменьши онъ?

— О, нѣтъ, я не думаю, чтобы онъ обладалъ инымъ умомъ, отвѣтила лэди Лисль послѣ некотораго колебанія; — онъ учится

очень вло. Господинъ Мэйсомъ, пасторъ, приходитъ ежедневно сюда и даетъ ему двухъ-часовой урокъ, я опасаясь, что онъ находитъ его слишкомъ дѣльными.

— Жадуете ли онъ когда на него?

— Да, жадовался нѣсколько разъ, проговорила лэди Лисль задумчиво.

— Это ничего не значить, Клэрибелль; Рупертъ будетъ богатъ и не имѣть нужды сдѣлаться ученымъ. Это только намъ, бѣднякамъ, осужденнымъ на вѣчную борьбу за существованіе въ этомъ мѣрѣ, необходимо развивать свой умъ.

Капитанъ произнесъ эти слова съ горькою улыбкою и вставъ съ своего мѣста, подошелъ къ камину и, облокотясь на него, устремляя глаза на огонь. Пламя озарило фантастическимъ свѣтомъ его смуглое лицо, засверкало въ его грустныхъ, черныхъ глазахъ и рѣзче обозначило строгія очертанія его красиваго рта, полузакрытаго усами, которые онъ то и дѣло разглаживалъ рукою. Лэди Лисль, сидѣвшая по другую сторону камина, за маленькимъ столомъ, на которомъ стояла лампа подъ абажуромъ, пристально смотрѣла на него.

— Вы измѣнились, капитанъ, сказала она наконецъ.

Онъ отвѣтилъ не съ-разу, но пожалъ плечами и подталькивалъ концами сапога уголья. Потомъ послѣ короткой паузы онъ произнесъ спокойно:

Такъ вы находите, что я измѣнился?... и очень измѣнился!... Удивительно-ли это послѣ того, какъ я пролежалъ восемь лѣтъ въ Индіи? послѣ того, какъ я восемь лѣтъ ниль эль и водку... восемь лѣтъ упражнялся на биллардѣ, игралъ въ кости, въ экартэ, въ различнаго рода азартныя игры, въ крикетъ... дѣлалъ набѣги на неприятеля, охотился на вепрей и тигровъ, есорился, заводилъ любовныя интриги, сражался, должалъ!... О, лэди Лисль! мнѣ кажется, что ужъ лучше не пересчитывать всѣ свои дѣланія: онѣ могли бы не прійтись вамъ по вкусу.

— Артуръ, сказалъ Клэрибелль, разсѣянно верти свои длинные, золотистые локоны вокругъ бѣленькихъ пальчиковъ: — знаете-ли, что вы сдѣлались настоящимъ медвѣдемъ?

— Медвѣдемъ! повторилъ капитанъ насмѣшливо. — А! только

эту-то перемену видите вы во мнѣ послѣ восьми лѣтъ разлуки! Обращеніе мое ужь не такое вѣжливое; голос мой звучитъ рѣзче; я начинаю говорить дерзости и смѣюсь прямо въ глаза людямъ. Я сталъ нервно-раздражительнымъ и мнѣю теперь несносный характеръ.... то есть, я не стараюсь выказать его хорошимъ, какъ дѣлаютъ люди благовоспитанные. Я объдаю въ пальто и въ цвѣтной жилеткѣ и явился къ женщинѣ, избѣившей, восемь лѣтъ тому назадъ данному мнѣ слову и которую я не видѣлъ съ тѣхъ поръ, — въ шесть часовъ по-полудни. Не оставъ ее дома, я отправляюсь вездѣ за нею, нахожу ее въ пустынной мѣстности — и предлагаю ей выйти за меня замужъ, между тѣмъ какъ еще не истекъ годъ ея траура.... однимъ словомъ, леди Лисель, употребляя ваше же выраженіе, — я сдѣлался медвѣдемъ: вы правы.

При послѣднихъ словахъ онъ взглянулъ въ зеркало, висѣвшее надъ каминомъ, и, быстро откинувъ назадъ свои черные волосы, долго смотрѣлъ на себя съ задумчивою улыбкою. Леди Лисель не сводила съ него полного недоумѣнія взора, но не сказала ни слова. Его вліяніе на нее было, очевидно, громадное и въ ея обращеніи съ нимъ проглядывала робость, которая, вѣроятно, возникала изъ сознанія его силы и своей собственной слабости.

— Леди Лисель, продолжалъ онъ, — я ужь не кажусь вамъ больше такимъ, какимъ былъ въ Сентябрь, тому назадъ восемь лѣтъ? А если я скажу вамъ, что и съ тѣхъ поръ сталъ во всѣхъ отношеніяхъ другимъ человѣкомъ?

— Артуръ!

— Взгляните на меня въ зеркало... идите сюда, Клэрибелль, станьте рядомъ со мною и будемъ изучать вмѣстѣ мое лице. Въ немъ нѣтъ особенныхъ переменъ: двѣ-три едва замѣтны морщинки подъ глазами, нѣсколько рѣзкихъ линій вокругъ рта и сильная смуглость, произведенная индійскимъ солнцемъ.... Великіе боги! какъ мало отражаетъ лице внутреннее состояніе человѣка, и какимъ изсохшимъ, старымъ, безобразнымъ казалось бы мое, еслибы на немъ остались слѣды всѣхъ пережитыхъ мною душевныхъ бурь! Посмотрите, какая у меня между тѣмъ пре-

красная маска и удивляйтесь, какъ искусно умѣетъ человѣкъ, эта величайшая изъ всѣхъ загадокъ, скрываться за нею!

— Артуръ, я отказываюсь слушать васъ, если вы все будете продолжать въ этомъ же тонѣ.

— Ахъ, да — я говорю медвѣжьимъ языкомъ, не такъ-ли?... Я долженъ бы лежать у вашихъ ногъ и обрисовывать вамъ самыми радужными красками картину моего восьмилѣтняго пребыванія въ Индіи: какъ я, изъ любви къ вамъ, никогда не пилъ двойнаго эля; какъ, по той же причинѣ, не прикасался ни къ игральнымъ костямъ, ни къ картамъ и какъ избѣгалъ общества женщинъ, чтобы мечтать о вашемъ хорошенькомъ личикѣ. Это звучало бы пріятно въ вашихъ ушахъ, не такъ-ли?... Нѣтъ, Клэрибелль, я не говорю вамъ всего этого. Я медвѣдь, какъ вы сказали, и по этому буду говорить вамъ одну истину. Выслушайте же меня! Я ненавижу васъ столько же, сколько люблю — и сердце мое буквально раздирается этими двумя противоположными страстями, я еще не уяснилъ себѣ даже вопроса: которая изъ нихъ привела меня сегодня къ вамъ? По недостатку вѣры, вы совершили восемь лѣтъ тому назадъ убійство, и теперь вы видите правду собою только духъ сэра Артура Вальдзингама, котораго вы убили въ то время. По милости васъ и вашей измѣны, и сдѣлался игрокомъ, пьяницею, развратникомъ. Воспоминаніе о васъ преслѣдовало меня безостановочно и, чтобы избѣгнуть этой пытки, я старался забыть въ винѣ, въ игрѣ, въ оргіяхъ.... Вотъ, что я долженъ сказать вамъ, леди Лисель, если я уже обязанъ сказать вамъ что-нибудь.

— Артуръ, сердце мое разрывается, слушая васъ, сказала Клэрибелль, когда онъ отвернулся и закрылъ лице руками. — Артуръ, я обѣщала сдѣлать все, что будетъ въ моихъ силахъ, что-бы вознаградить васъ за прошлое.... Я обѣщала это; да! повторяла она, стараясь поднять его голову своими маленькими руками.

— Да, да, вы добры, Клэрибелль, и вы обѣщали даже сдѣлаться моею женою.... О, моя возлюбленная, моя мучительница, моя дорогая и жестокая Клэрибелль!.... Пусть это ужасное прош-

ле забудется раз навсегда, и да не падет ни малейшей тѣни отъ него на эту прелестную головку!

Онъ притянулъ ея прекрасные локоны къ себѣ, смотря на нее съ нѣжностью, грустью, но и съ глубокимъ состраданіемъ.

— Клэрибелль, началъ онъ снова, — вы обѣщали быть моею женою: не раскаиваетесь-ли вы теперь въ этомъ обѣщаніи? Не страхли принудилъ васъ сдаться на мою молбѣ? Обдумайте это, моя дорогая, пока еще не поздно; скажите одно слово и я оставлю сегодня же вечеромъ этотъ домъ, а черезъ два дня буду снова на пути въ Индію.... Одно слово, Клэрибелль, и вы будете избавлены отъ меня на вѣки.

Она подняла на него полные слезъ глаза и, положивъ свои нѣжные пальчики въ его широкую руку, проговорила чуть-слышно:

— Никогда.... никогда не любила я никого, кромѣ васъ... Я поступила очень дурно, измѣнивъ данному вамъ слову и выходя за сара Режинальда Лисель; но я была слишкомъ слаба, чтобы противиться волѣ моихъ родныхъ.... Какъ часто сидѣла я съ мужемъ противъ этого камина и думала о васъ, такъ что и эта комната и лице мужа исчезали для меня... Я видѣла васъ раненымъ на полѣ битвы или — сплотивъ въ какомъ-нибудь мрачномъ, непроходимомъ лѣсу.... видѣла васъ одинокимъ, покинутымъ, больнымъ, умирающимъ; но слава Богу! вы здоровы и невредимы, вы возвращены мнѣ снова.... и вы все еще любите меня!

— Люблю и буду всегда любить... Это, вѣдь, пунктъ моего помзательства, Клэрибелль.... Такъ вы выйдете за меня, чтобы ни случилось, по Вожей волѣ, дурного или хорошаго?

— Да!....

Она задрожала, взглянувъ опять на его мрачное лице, и съ ужасомъ повторила медленно его послѣднія слова: *„дурного или хорошаго“*.

ГЛАВА II.

Взглядъ на прошлое.

Почтенные жители Лисельвуда, въ Суссексѣ, вѣроятно, помнятъ еще, какъ какой-то капитанъ Вальдзингамъ, служившій въ индійской арміи, пріѣхалъ погостить къ сѣру Режинальду, за восемь лѣтъ тому назадъ. Быть можетъ, въ ихъ памяти еще сохранились его свѣжее лице, изящныя манеры и воинственная осанка; не забыли они, конечно, и брачаніе его шпоръ, когда онъ проходилъ по длинной, дурно вымощенной улицѣ деревни, — свистъ хлыстына, который онъ вертѣлъ такъ граціозно въ рукахъ и лоскъ его прекрасныхъ черныхъ усовъ (капитанъ служилъ въ кавалеріи), — добрую его улыбку, съ которою онъ обращался къ дѣтямъ, приближавшимся къ нему, чтобы полюбоваться на блестящаго офицера и его звонкій голосъ, когда онъ останавливался предъ „Золотымъ Львомъ“, ожидая прибытія лондонскаго дилижанса или когда заходилъ къ кузнецу или ветеринару, чтобы посоветоваться насчетъ своей охотничьей лошади.

— Это очень благородный и любезный джентльменъ, великодушный и откровенный, говорили о немъ жители Лисельвуда.

Помнятъ они такъ же, какъ онъ до безумія, отчаянно любилъ въ мясѣ Клэрибелль Мертонъ, сироту и наследницу одного богатаго негодянта великой Индіи, жившую подъ опекою своей тетки, старой дѣвы, сестры зѣвъ-ректора прихода. Эти добрые люди помнятъ объ этой любви, потому что капитанъ Артуръ Вальдзингамъ, который вовсе не принадлежалъ къ числу скрытныхъ людей, имѣлъ по крайней мѣрѣ двадцать повѣренныхъ и угрожалъ тысячу разъ застрѣлиться или утопиться, если любовь его будетъ отвергнута. Мартинъ, его слуга — превосходный малый — сказалъ однажды служанкѣ „Золотого Льва“,

что онъ спряталъ пистолеты своего господина и очень жалѣть, что не можетъ сдѣлать того же съ рѣкою. Капитанъ Вальдзингамъ выказалъ себя черезъ-чуръ неосторожнымъ и нескромнымъ въ своей любви къ прекрасной наслѣдницѣ съ свѣтлорусыми волосами, дѣтскими манерами и съ подлѣйшимъ отсутствіемъ энергіи и характера. Капитанъ, клаяся, угрожалъ и протестовалъ, когда его обвиняли въ томъ, что онъ ухаживаетъ за нею только ради ея богатства и просилъ отдать ее за него безъ всякихъ денегъ и основать на ея милліоны богадѣльню. Весь Лисльвудъ зналъ повѣсть этой любви, чрезвычайно интересовался ею и сочувствовалъ страданіямъ капитана. Каждое тайное свиданіе, происходившее на широкой равнинѣ или на косогорахъ, которые окружаютъ село;—было извѣстно всѣмъ и каждому. Каждый вечеръ, когда онъ проходилъ мимо сада тетки, чтобы видѣть слабый свѣтъ лампы, пробивавшейся сквозь оконныя занавѣсы, каждое письмо, доставленное укладкою горничными, гинее, которую кузнецъ раскѣлъ пополамъ, но просѣлъ капитана, и половниками которой подѣлились влюбленные, бурная сцена между капитаномъ и опекушкою миссъ Клэрибелль, все это было предметомъ общихъ толковъ и пересудовъ во всѣхъ домахъ въ Лисльвудѣ; толковали объ этомъ молодыя женщины, которыя находили прекраснаго капитана слишкомъ завиднымъ обожателемъ для этой „глухой, взбалмошной миссъ“—съ такую непочтительною отзывались онъ о миссъ Мертонъ;—толковали и старыя женщины, которыя утверждали положительно, что капитанъ добивается единственно денегъ; присоединялись къ этимъ толкамъ также холостяки съ сѣдыми головами, называвшіе капитана сумасшедшимъ за его бурную и откровенную любовь. Однимъ словомъ: весь Лисльвудъ обсуждалъ со всѣхъ сторонъ увлеченіе Вальдзингама и разбиралъ и его самого до мельчайшихъ подробностей.

Я думаю, что единственною особою, остававшеюся безусловно спокойною въ это время, была—мохлатая героиня этой сентиментальной драмы. Клэрибелль Мертонъ не дѣлала никакихъ признаній и не искала повѣреннихъ. Никто и никогда не слышалъ, чтобы она сдѣлала сцену или ушла безъ чувствъ къ ногамъ своей неумолимой опекушни, или совершила бы опрометчивый шагъ,

отвѣчалъ на страстные посланія своего обожателя. Дѣйствительно, она выходила на свиданіе на отдаленные косогоры, но всѣ были увѣрены, что съ ея стороны эти свиданія имѣли самый безгрѣшный характеръ и объясняли ихъ тѣмъ, что капитанъ бродилъ вокругъ ея дома, видѣлъ ее выходящею оттуда и слѣдовалъ за нею. Словомъ—о миссъ-Мертонъ упоминалось рѣдко. Красивая, блѣдная, съ длинными, золотистыми локонами, которые окружали какъ бы ореоломъ ея граціозную, наклоненную голову, она приковывала къ себѣ каждое воскресеніе, въ церкви, вниманіе всего Лисльвуда но никто никогда не замѣчалъ, чтобы ей лице вспыхивало или блѣднѣло подъ жгучими взглядами Артура Вальдзингама, который грызъ съ досады переплетъ своего молитвенника. Онъ могъ стоять во все время чтенія псалмовъ, опираясь на находящуюся передъ нимъ деревянную рѣшетку и умирно смотрѣть на Клэрибелль, съ свирѣпымъ видомъ, небритый, съ тусклымъ, неподвижнымъ взоромъ, могъ выбѣгать изъ церкви въ самой срединѣ проповѣди ректора, скрылся сапогами и звена шпорами по каменнымъ плитамъ храма, могъ беспокоить сколько хотѣлъ всѣхъ находящихся въ церкви, могъ всѣмъ этимъ шумомъ привлекать вниманіе воспитанниковъ, такъ что они нерѣдко невольно восклицали: „негодный Вальдзингамъ.“—Но чтобы онъ не дѣлалъ, ему не удавалось нарушить постоянное спокойствіе миссъ Мертонъ. По окончаніи проповѣди, когда ректоръ благословлялъ присутствующихъ, а народъ начиналъ расходиться изъ церкви, миссъ Клэрибелль выходила на кладбище и также спокойно проходила мимо капитана, сидѣвшаго на какой-нибудь могилѣ и смотрѣвшаго на нее въ мрачномъ отчаяніи. Если она нечаянно задѣвала его своимъ шелковымъ платьемъ, вслѣдствіе чего онъ начиналъ трепетать всѣмъ тѣломъ, то какъ будто не замѣчала этого и въ ея холодныхъ голубыхъ глазахъ не выражалось ни удивленія, ни волненія, ни смущенія, ни досады, ни любви, ни даже сожалѣнія.

— Вы считаете меня сумасшедшимъ, потому что я люблю до безумія восточную куклу? воскликнулъ капитанъ однажды вечеромъ въ Лисльвудъ-Паркѣ, когда онъ вышелъ больше обыкновеннаго и баронетъ съ другими товарищами началъ смѣяться надъ его страстью.—Я знаю не хуже васъ, что это глупость, проститель-

ная только школьнику, но тѣмъ не менѣ эти бредни могутъ довести меня до могилы.

Однако, какъ бы много общаго ни имѣла миссъ Мертонъ, какъ утверждали ей враги, съ тѣми прекрасными произведениями искусства съ голубыми глазами и золотистыми волосами, которыя можно видѣть въ игрушечныхъ магазинахъ, но все же она была богатою наследницею и вдобавокъ еще прелестнѣйшею женщиною; желѣдствие этого-ли обстоятельства, или по причинѣ говора, вызваннаго бѣшенною страстью капитана — а черезъ шесть недѣль по прибытѣ индѣйскаго офицера въ Лисльвудъ, она, какъ говорится, вошла въ моду; и будь она безобразнѣе семи смертныхъ грѣховъ, то и это не помѣшало бы ей выйти теперь замужъ за перваго красавца этого околodka; она могла бы выйти и за самаго богатаго, еслибы была бѣдна. Будь она хоть идиоткою, некрасивою и горбатою — но войди уже въ моду, она должна была сдѣлаться предметомъ восторга, удивленія, искательства и поклоненія. Чудесная пережѣя произошла вдругъ и люди, которые прежде едва замѣчали ее, стали сходить съ ума отъ желанія жениться на ней — то есть не на ней собственно, а на ея известности; имъ просто хотѣлось отражать лучи этой яркой планеты, попиравъ на чужомъ шкуру. Миссъ Мертонъ сдѣлалась такою-же знаменитостью въ Лисльвудѣ, какою дѣлается въ Лондонѣ человекъ, написавшій романъ о рабочихъ классахъ народонаселенія или странный преступникъ.

И такъ, миссъ Клэрибелль Мертонъ сдѣлалась центромъ вниманія всего Лисльвуда и черезъ два мѣсяца послѣ прибытія капитана, сэръ Режинальдъ предложилъ ей руку — единственно изъ-за удовольствія отбить ее у другаго; предложеніе это было принято дѣвушкою, благодаря подстрекательствамъ тетки. Въ это-то время и разыгралась ужасная сцена на вершинѣ косогора, носившаго названіе Бишеръ-Рида. Не дождавшея капитана къ обѣду, изъ замка послали Мартина его, слугу, искать его и тотъ, направившись инстинктивно къ косогору, нашелъ своего господина распростертымъ на мокрой травѣ, въ состояніи совершеннаго оцѣпенѣнія. Послѣ этого Вальдзингъ хотѣлъ вызвать на дуэль сэра Режинальда, вышла отчаянная ссора между соперниками, которая кончилась однако только отъѣздомъ капитана. Онъ оставилъ замокъ,

желая баронету быть счастливымъ съ своею бездушною невѣстою, затѣмъ поскандавъ какъ сумасшедшій по улицамъ села и отправившись въ Индіа-Гузъ — просить, чтобы его послали куда-нибудь, гдѣ враги его отечества, изъ жалости, поспѣшили бы убить его.

Въ Лисльвудѣ спрашивали себя: была-ли миссъ-Клэрибелль Мертонъ огорчена тѣмъ, что ее принудили отвергнуть своего „сумасброднаго“ обожателя? — Но, какъ по обыкновенію, лице молодой дѣвушки не выдавало ей тайны; оно было прекрасно, но исполнѣ безмятежно. Она вышла за сэра Режинальда безъ любви, сдѣлала это такъ же безстрастно, какъ брала уроки музыки, не имѣла слуха и училась рисованію, не обладала эстетическимъ вкусомъ. Все, что ей предписывали дѣлать, то она исполняла. Она вышла бы за капитана по его приказанію, такъ какъ не была въ состояніи противиться силѣ, еслибы не поддержало ее противодѣйствіе тетки, которая, вслѣдствіе долгой привычки, имѣла надъ нею неограниченную власть. Она зависѣла исполнѣ отъ тѣхъ, которые руководили ею, смотрѣла ихъ глазами, думала ихъ умомъ и употребляла въ разговорѣ только ихъ выраженія. Капитанъ могъ быть совершенно искреннимъ въ своей любви и честнымъ, но если тетка миссъ Клэрибелль было угодно выставить его обманщикомъ, то и сама миссъ начинала тотчасъ же сомнѣваться въ немъ. Она говорила ему своимъ тихимъ, нѣжнымъ голосомъ тысячу несправедливостей, которыя были неслучайно повтореніемъ словъ ея опекуниши. Ее можно было сравнить съ кораблемъ безъ руля и якоря, отданнымъ на произволъ вѣмничиваго вѣтра; не успѣвъ еще капитанъ съ довѣреннымъ ему полкомъ достигнуть Мальты, отправляясь въ Индію, какъ крестьянскіе дѣти ужъ усматривали цвѣтаиъ путь, по которому должны были идти изъ церкви къ замку сэра Режинальда и лэди Лисль.

Прошло безъ малого восемь дѣтъ съ того прекраснаго октябрьскаго утра, въ которое Клэрибелль Мертонъ сдѣлалась женою молодого баронета, и сэръ Режинальдъ-Мальвингъ-Бернардъ-Лисль сдѣлался главнымъ предметомъ любопытства въ другой церемоніи и въ той-же сельской церкви. Эта церемонія происходила безъ всякаго блеска и шума, потому что смертные останки молодого человека покоились въ гробу, обитомъ чернымъ сукномъ, украшен-

нимъ серебрянными гербами и рельефными начальными буквами его имени, подъ тяжелымъ бархатнымъ покровомъ, который несли благороднѣйшіе джентльмены Лисльвуда. Затѣмъ появился новый надгробный памятникъ изъ дорогаго мрамора возлѣ испещренныхъ стихами статуй кавалера Маркюдюка Лисля, почетнаго камергера ея величества королевы Елизаветы, и Марты, его супруги, въ колыбнопреклоненной другъ противъ друга позѣ. Этотъ новый памятникъ свидѣтельствовалъ, что подъ нимъ, рядомъ съ прахомъ его высокородныхъ предковъ возлѣ алтаря, погребено тѣло послѣдняго баронета Режинальда-Мальвина-Бернарда, сына Оскара. Сэръ Режинальдъ умеръ отъ наследственной болѣзни, которая свела въ преждевременную могилу большинство членовъ рода Лисль. Въ продолженіе трехъ поколѣній умирали глава этого дома по достиженіи тридцати-лѣтняго возраста и оставляли одного только сына наследникомъ своихъ титуловъ и богатства. Еслибъ сэръ Режинальдъ умеръ бездѣтнымъ, то баронство наследовалъ бы одинъ дальній родственникъ его, любитель музыки и живописи, жившій въ Неаполь; но сэръ Режинальдъ послѣдовалъ примѣру отца и дѣда, оставивъ послѣ себя шестилѣтняго сына, блѣднаго и нѣжнаго, сильно похожаго на мать и въ нравственномъ и въ физическомъ отношеніяхъ. Сэръ Режинальдъ и леди Лисль не были несчастными супругами. Сэръ Режинальдъ былъ любитель спорта, лошадей, собакъ, сгрѣбъ въ дѣль, поѣздокъ—однимъ словомъ, всѣхъ тѣхъ развлеченій, которымъ такъ охотно отдаются джентльмены, имѣющіе много денегъ и никакого дѣла. У него была ферма и онъ началъ примѣнять на ней новыя системы земледѣлія, что потребовало громадныхъ расходовъ и не дало ему ничего въ результатѣ; но эти попытки занимали его и онъ заставлялъ молодую жену ходить съ нимъ черезъ вспаханные поля и сѣнокосы, въ дождь и въ жестокой зной, чтобы видѣть его омыты, противъ чего она и не протестовала.

У него происходили конскія скачки и весь Лисльвудъ оживлялся присутствіемъ прекрасныхъ бѣговыхъ лошадей и жокеевъ; однако и это удовольствіе, какъ и всѣ другія, прѣялось баронету. Въ одно прекрасное утро на столбахъ „Вель-Лейфа“ появилось объявленіе о продажѣ «бѣговыхъ лошадей сэра Режинальда Ли-

сли, включая *Кларрибелъ*, одерживавшей постоянно побѣду на всѣхъ скачкахъ». Со временемъ ему надоѣло, и прочее: все потеряло цѣну въ пресмыченныхъ глазахъ. Кларрибелъ, какъ мы видѣли, была тиха, мягка, хотя и не нѣжна. Она сопровождала скучающаго мужа когда ему вдумалось путешествовать для развѣнія и пѣла воды въ Сна въдѣствие его просьбы, пробѣгала съ нимъ картинныя галлерей, наполненныя произведеніями фламандской и итальянской школь,—не умѣя отличить одну отъ другой и принимая Тициана за Тэнiera или Сальватора Розу за Рубенса. Еслибъ онъ предложилъ ей взойти на Монъ-Вланъ, она храбро взобралась бы до самой вершины, хотя бы это могло стоить ей жизни. Это рабское послушаніе, сопровождавшееся спокойною улыбкою, нельзя было назвать прирожденною кротостью: въ немъ скорѣе выражалась полная апатія ко всему окружающему—все было для нея легче сопротивленія. Она слушала баронета, когда онъ говорилъ, читала ему вслухъ, по лѣтнимъ вечерамъ, описанія боксовъ, помѣщавшіяся въ „Вель-Лейфъ“, не понимая даже ни единого слова изъ того, что читала. Она садилась въ его фаэтонъ, запряженный паромъ пони, чтобы ѣхать на какую-нибудь скачку, хотя она не была въ состояніи отличить побѣдившую лошадь отъ прочихъ и едва помнила названія своихъ лошадей. Когда сэръ Режинальдъ началъ хворать, она ухаживала на нимъ съ величайшею заботливостію; если онъ начиналъ сердиться на нее, она переносила безъ возраженій вспышку; если же онъ былъ печаленъ, она всегда старалась успокоить его, а когда онъ скончался, то горевала о немъ—тоже по своему. Она покинула Лисльвудъ сейчасъ же послѣ похоронъ и уѣхала на воды, находившіяся гдѣ-то въ Суссексѣ, сопровождаемая только сномъ и горничною. Обширный, великолѣпный замокъ съ его прекрасными комнатами, въ которыя недавно вошла мрачная смерть, наводилъ на нее какой-то страннѣйшій ужасъ и видъ темныхъ аллей вліялъ на ея нервы. Тетка ея умерла вскорѣ послѣ ея замужества, у нея не осталось ни родныхъ, ни друзей. Вслѣдствіе этого она страстно привязалась къ единственному сыну и посвятила ему всецѣло свою жизнь. Вспоминала-ли она о прекрасномъ капитанѣ, съ тѣхъ поръ какъ сдѣлалась свободною?—Это могло случиться и нѣтъ ничего

страннаго, если причина грусти ея заключалась въ сознании, что она такъ терзала этого человѣка, за восемь лѣтъ назадъ. Ей не было извѣстно: живъ-ли онъ или умеръ и она не имѣла ни малѣйшей возможности узнать объ его участи. Сэръ Режинальдъ не произносилъ никогда больше имени своего эвекъ-пріятеля со времени ихъ ссоры. Она не смѣла даже думать о Вальдвингамъ: по мнѣнію ея, было нечестно думать о другомъ человѣкѣ, когда мужъ такъ недавно похороненъ въ могилу и серебряныя украшения его гроба не успѣли еще потускнѣть въ сырости склепѣ. Она начала путешествовать съ сыномъ, показывая ребенку громадные, мрачные соборы, которые она посѣщала нѣкогда съ своимъ отцемъ. Она повезла его въ Антверпъ, Кельнъ, Брюссель, Мюнхенъ, а послѣ шестинѣдельнаго путешествія возвратилась въ Лисльвудъ. На другой день своего возвращенія она снова увидѣла Артура Вальдвингама въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ оставила его восемь лѣтъ тому назадъ.

ГЛАВА III

Новый владѣлецъ Лисльвудъ-Парка.

Прошло полгода со времени пріѣзда индійскаго офицера и вершины дубовъ прекраснаго Лисльвудскаго парка гнутся съ трескомъ подъ напоромъ сильнаго жаргонскаго вѣтра. Лисльвудъ—громадное и великолѣпное помѣстье: на далекомъ разстояніи тянутся принадлежащія къ нему земли, составляющія вмѣстѣ съ нимъ собственность молодатаго баронета. За облаженными холмами, покрывающими окрестности, виднѣются довольно порядочныя фермы, плата съ которыхъ сэру Руперту Лислю производится послѣ сѣнокоса или жатвы, стрижки овецъ или убоя свиней. Можете пройти цѣлыя мили по тѣнистымъ проселочнымъ дорогамъ или по гладкой большой дорогѣ, миновать цѣлые тѣса низкорослой сосны и множество разбросанныхъ между холмами деревень—вы все еще будете на земляхъ сэра Руперта. Спросите, гдѣ хотите: кто владѣлецъ

этой дороги, осѣненной орѣшникомъ и шиновникомъ, этихъ сочныхъ луговъ, виднѣющихся тамъ за изгородями или этихъ красивыхъ коттеджей?—спросите, кого хотите и вамъ непременно отвѣтятъ: „это собственность сэра Руперта Лисла“. Если вы останавливаетесь въ какой-нибудь деревенской гостиницѣ и поднимете глаза на грубую вывѣску, качающуюся надъ входомъ, то прочтете: „Гербъ Лисла“, или „Корона баронета“, или же: „гостиница сэра Руперта Лисла“. Если, во время прогулки по окрестностямъ Лисльвуда вы увидите какого нибудь фермера, надсматривающаго за работниками, стоя на стогѣ сѣна или въ дворяхъ житницы—то знайте, что это одинъ изъ ленниковъ сэра Руперта. Имя Лисла такое же древнее и знаменитое въ Суссексѣ, какъ Гастингская битва, потому что Оскаръ, одинъ изъ лордовъ Лисла, командовалъ въ этомъ страшномъ сраженіи полкомъ стрѣлковъ, который помогъ побѣдить Гарольда, короля англо-саксовъ. Жалованныя грамоты и титулы семилѣтняго баронета могли бы покрыть собою самую длинную аллею Лисльвудъ-Парка, еслибъ развернуть ихъ во всю ея длину. Церковь Лисльвуда была наполнена памятниками и трофеями этого стариннаго рода; знамена, отбитыя у непріятеля при Кресси, Гарфлорѣ и Флодденѣ, висѣли доскутками на портретахъ кавалеровъ и воиновъ, прахъ которыхъ покоился подъ плитами церкви. Въ ризницѣ этой церкви, бывшей нѣкогда часовнею Лисла, почтенный ректоръ постоянно задѣлывалъ стихарежь за памятники превосходнѣйшей скульптуры. Куда вы тутъ ни взглянете—повсюду взоръ вашъ встрѣчаетъ знатное имя Лисла: оно виднѣется на всѣхъ стѣнахъ, покрытыхъ надписями на исковерканномъ латинскомъ нарѣчій; оно красуется золотыми литерами и на органѣ, пожертвованномъ дѣдомъ настоящаго баронета, и написано старыми иерменами надъ папертью, гдѣ, въ силу завѣщанія шестого баронета, еженедѣльно происходила раздача хлѣба неизучшимъ поселанамъ Лисльвуда.

Налибовавшись всѣми этими памятниками древней фамиліи, этими матеріальными доказательствами знатности и богатства рода Лисла, было какъ-то странно видѣть въ единственномъ владѣлцѣ этого громаднаго помѣстья блѣднаго, болѣзненнаго мальчика, машинально играющаго въ саду. Неужели вождь норманскихъ стрѣл-

ковъ, могучій гонитель саксонцевъ, герои Кресси и Флюдена, всѣ благородные роялисты, сражавшіеся подъ знаменами Руперта лю-Ринъ, храбрые джентельмены, одержавшіе побѣду надъ надменнымъ сыномъ Луи Ветера, въ Местонъ-Муръ — всѣ эти гордые, неустрашимые люди оставили по себѣ только этого слабого ребенка съ золотистыми волосами, чтобы наследовать ихъ славу и богатство? Казалось, что тяжесть громаднаго наследства должна бы раздавить такое слабосильное и нѣжное созданіе, у него даже не было ни какихъ близкихъ родственниковъ, съ которыми онъ могъ бы подѣлиться избыткомъ. Все, что принадлежало матери, должно было перейти со временемъ къ нему. Отдаленный отъ свѣта и людей, изнывавшій въ безконечной борьбѣ, онъ, казалось, тяготился своею баснословно-роскошною обстановкою.

И такъ, мартовскій вѣтеръ гнулъ обнаженные вѣтви дубовъ Лисльвудъ-парка, а леди Лисль, нынѣ мистриссъ Артуръ Вальдсгамъ, ожидали съ континента, куда она отправилась послѣ своей свадьбы съ индійскимъ офицеромъ. Второй бракъ Клэрибелль былъ обставленъ не такъ, какъ ея первый бракъ. Холодное, пасмурное утро непривѣтливо встрѣтило крестьянскихъ дѣтей, еще разъ выстроившихся въ рядъ вдоль по дорогѣ, которая вела въ церковь и на этотъ разъ путь невѣсты не былъ усыпанъ цвѣтами, потому что зима стояла необыкновенно холодная и въ Лисльвудскихъ садахъ нельзя было отыскать ни одного подснежника. Въ это февральское утро лединой вѣтеръ раздувалъ шелковое платье новобрачной и ерошилъ черные волосы новобрачнаго. Зубы ректора такъ и стучали во время совершаемаго имъ обряда. Проливной дождь барабанилъ въ окна и заглушалъ монотонный голосъ ректора, а рука новобрачной такъ дрожала въ холодной, сырой ризницѣ, что она едва могла владѣть перомъ, чтобы вписать свое имя въ метрическую книгу.

На этой свадьбѣ не присутствовало никакихъ постороннихъ: нотариусъ леди Лисль оставилъ ее, а изъ сосѣдей никто не былъ приглашенъ. Экипажъ леди Лисль ожидалъ у воротъ кладбища, чтобы отвести новобрачныхъ на станцію желѣзной дороги — находившейся въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Лисльвуда, — откуда они отправлялись въ Доверъ, гдѣ намѣрены были сѣсть на какой-

нибудь пароходъ, который доставилъ бы ихъ на материкъ. Леди Клэрибелль какъ будто совѣстилась, что выходить теперь замужъ за своего перваго обожателя, который былъ нѣкогда отвергнутъ ею. Казалось, что она желаетъ видѣть брачную церемонію скорѣе оконченной, чтобы бѣжать изъ Лисльвуда, гдѣ ее всѣ знали. Она кинулась на холодныя плиты ризницы и нѣжно прижала къ себѣ маленькаго баронета. Она первый разъ въ жизни выказала публично свой сердечный порывъ и такая чувствительность удивила присутствовавшихъ.

— Не попустила-ли я дурно относительно тебя, мой Рупертъ? воскликнула она. — Не неприятенъ-ли тебѣ этотъ бракъ?

Капитанъ стоялъ въ это время, отвернувшись отъ матери и сына и смотрѣлъ какимъ-то неопредѣленнымъ взглядомъ въ окно ризницы, за которымъ стояли дрожавшіе отъ стужи дѣти, желавшіе увидѣть повобрачную.

— Готовы-ли вы, леди Лисль? спросилъ онъ наконецъ.

Она не отвѣчала, но отослала отъ себя сына и жадно слѣдила за нимъ взоромъ, когда онъ выходилъ изъ ризницы въ сопровожденіи своей гувернантки. Услышавъ стукъ уѣхавшаго экипажа, который отвозилъ сэра Руперта въ Лисльвудъ, она, взявъ капитана подъ руку, простилась съ ректоромъ и вышла тоже изъ церкви. Крестьянскіе дѣти замѣтили ея блѣдное лицо, полные слезъ глаза и свѣтлорусые волосы, промокшіе подъ дождемъ и разтрепанные вѣтромъ; замѣтили онѣ и то, что лице капитана было еще блѣднѣе и рука его дрожала, когда онъ отпиралъ ворота кладбища.

Шесть недѣль, назначенныя на брачную поѣздку, протекли и новобрачныхъ ждали съ часу на часъ; во всѣхъ комнатахъ замка пылалъ яркій огонь.

Весь замокъ былъ вновь отдѣланъ къ свадьбѣ сэра Режинальда съ богатой миссъ Клэрибелль. Старинныя дубовыя панели времени одного изъ первыхъ Генриховъ, были снова полированы и украшены поволотою и разноцвѣтными гербами; предъ овальными зеркалами въ дорогихъ рѣзныхъ рамкахъ красовались консоли изъ золота, серебра, бронзы, чернаго дерева и стали. Въ громадной библиотекѣ, вся мебель которой была изъ дуба съ золотыми укра-

шениями, были продлены окна со сводами. Рамы всех фамильных портретов, висевших по бокам двух великольных лестниц, которые шли с двух сторон передней и соединялись на широкой площадке, откуда шли вокруг всего замка две галереи, — были тоже покрыты новою позолотою и самая живопись была обновлена. Парадная гостиная была убрана в новейшем вкусе: с светложелтыми стенами, серебряными карнизами и белой шелковою драпировкою, отделанною бахромою изъязного розового цвета. Полъ покрывался ковромъ, по блѣлому фону котораго были искусно разбросаны букеты полу-разцвѣтшихъ розъ. Кресла и диваны были изъ какого-то блѣлаго дерева, которое блестѣло какъ слоновая кость, обтянуты блѣдой шелковою матеріею и украшены бахромою; ихъ можно было привести въ движеніе легкимъ прикосновеніемъ руки — они скользили по коври, не оставляя ни малѣйшаго слѣда.

Эта гостиная сообщалась съ другою, которая была меньшихъ размѣровъ и обита зеленою матеріею; изъ нея велъ потайной ходъ въ комнаты леди Лислы, которая отдѣлялись отъ прочихъ длиннымъ корридормъ. Столовая, хотя и была меблирована согласно требованію времени, но скульптурныя произведенія въ ней были древніи; драпировка ея была зеленая бархатная, турецкій коверъ — тоже зеленый. Стѣны были увѣшаны, какъ лестницы и галереи, картинами итальянскихъ знаменитостей и фамильными портретами.

Въ каминѣхъ пылалъ яркій огонь, въ серебряныхъ и хрустальныхъ люстрахъ были зажжены — въ честь предполагаемаго возвращенія новобранныхъ — всѣ свѣчи; блѣде какъ снѣгъ блѣде, серебряная посуда и огромные вызолоченные судки, стоявшіе на буфетѣ въ столовой, роскошная спальня съ драпировкою изъ лилового бархата на блѣлой атласной подкладкѣ, уборная, въ которой зеркала и фарфоровыя бивъдушки были немовѣрной цѣны и которая защищалась двойными рамами отъ сырости, пушистые александерскіе ковры, превосходно выдержанная прислуга, говорившая тихо, ходившая всегда осторожно, ловкая, и приличная, дорогія вина, стоявшіе въ серебряныхъ жбанахъ, утонченнѣйшая кухня, которую завѣдывалъ искусный французъ — все это

богатство, весь этотъ блескъ и комфортъ, вся эта баснословная роскошь развернулись теперь, чтобы похлестать въ чорту свой капитанскій чинъ (немногіе могли объяснить — почему). Опъ, такъ еще недавно бѣдный и невѣзвѣстный, пользовался буквально правами миллионера.

Взглянемъ еще разъ ближе на красиваго воина, сидящаго за столомъ противъ своей жены: онъ не кажется счастливымъ посреди этой роскоши. Опъ держитъ въ рукахъ хрушкій и прозрачный бокалъ, не замѣчая даже, что вино его льется потихонько на столъ. Опъ вынулъ большое количество мадеры или мозельскаго вина, но этотъ благородный напитокъ не развязалъ ему языка и не проленитъ лица. Опъ сильно измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ приходилъ въ Лисльвудскую церковь, чтобы пресѣдовать своимъ упорнымъ взглядомъ Клэрибелль Мертонъ. Кажется, будто эта сильная, гордая, великодушная и беззаботная натура истѣла подъ лучами тропическаго солнца.

Клэрибелль же почти вовсе не измѣнилась. Красота ея еще не потеряла первоначальной свѣжести. Голубые глаза ея остались также ясны, она кажется только немного поседлѣе и тяжелее платье ея, съ отдѣлкою изъ кружевъ, шуршитъ какъ-то внушительно, когда она проходитъ по освѣщеннымъ комнатамъ.

— Клэрибелль, начинаетъ капитанъ, оставшимъ вдвоемъ съ нею предъ каминомъ гостиной: — ваше богатство и величіе производятъ на меня крайне тяжелое впечатлѣніе.

— Капитанъ Вальдзингамъ!

— О, да вы, разумѣется, не поняли меня. Браки по расчету такъ приняты, что я не имѣю права жаловаться, если и на меня смотрятъ, какъ на человѣка, женившагося единственно ради денегъ, какъ это дѣлается людьми, превосходящими меня во всехъ отношеніяхъ... А все же, Клэрибелль, я страшно тягочусь этими великолѣпиемъ. Я задыхаюсь въ этихъ раззолоченныхъ комнатахъ... я жалѣю о вольномъ, казарменномъ житьѣ, о моей грубой трубкѣ, о моемъ денщикѣ, предъ которымъ я могъ произносить проклятыя, чего я не могу, конечно, допустить предъ вашими слугами, одѣтыми въ ливрею лорда Лисля.

Я скучаю о картахъ, за которыми я сидѣлъ до тѣхъ поръ, пока звѣзды не меркли надъ крышами Калькутты; необходимы мнѣ и игральныя кости и все то, чего нѣтъ въ этой золотой клеткѣ. Въ этомъ домѣ я научился нѣкогда страдать и, еслибы онъ не была передѣланъ ко дню вашего перваго брака, то я могъ бы указать вамъ кресло, которое я схватилъ, чтобы ударить имъ сэра Режинальда въ тотъ день, когда онъ одержалъ побѣду надо мною.

— И вы ударили его? спросила мистрисъ Вальдзингамъ съ любопытствомъ пансіонерки.

— Нѣтъ, мужчины никогда не дерутся въ полной посѣтителями гостинной.... Найдется непременно кто-нибудь, который скажетъ: „Вальдзингамъ, не будьте же смѣшнымъ“! или: „Лисль, что вы задумали?... Нѣтъ, насъ розняли, какъ разнимають двухъ дѣтей, дерущихся на улицѣ, а на слѣдующее утро и послалъ ему вызовъ“.

Ей доставляло какое-то дѣтское удовольствіе слушать подробности этой ссоры. Но капитанъ не могъ дотрогиваться до своихъ старыхъ ранъ, не чувствуя въ нихъ боли.

— Что, еслибы духъ сэра Режинальда могъ видѣть меня сидящимъ у этого камня, Клэривелль?

Она съ тайнымъ ужасомъ взглянула на дверь, какъ будто видѣла ее отворяющеюся подъ рукою ея перваго мужа.

— Артуръ, вы были одно время очень дружны съ Режинальдомъ.... вы будете добры къ его сыну, не такъ-ли? Вы сдѣлаете это для меня? Богатство можетъ привлечь къ нему ложныхъ друзей и дурныхъ руководителей. Вликихъ родныхъ нѣтъ у него; самый близкій къ нему тотъ, кто будетъ его ирямимъ на слѣдникомъ, если онъ умретъ бездѣтнымъ.... я, можетъ быть, не доживу до его совершеннолѣтія.... онъ слабого здоровья и, какъ все говорятъ, не имѣетъ способностей. Вы вольны сдѣлаться его другомъ или врагомъ... Вы будете конечно его другомъ, Артуръ?

— Да, это также вѣрно, какъ то, что я еще надѣюсь пользоваться вашей любовью, Клэривелль!... я ни добръ, ни уменъ,

но исполню свою обязанность относительно вашего сына, сэра Руперта Лисля.

ГЛАВА IV.

Урѣшетки парка.

Не смотря на то, что капитанъ Вальдзингамъ, бывшій въ восточной Индіи, серьезно не чувствовалъ себя счастливымъ въ своей новой обстановкѣ, все же въ Лисльвудѣ было много завистниковъ, которые почти ненавидѣли его за „необыкновенное счастье“, выпавшее на его долю. Онъ обращалъ очень мало вниманія на этихъ почтенныхъ людей и на ихъ образъ мыслей; погруженный въ свои безотрадные думы, онъ не интересовался общественнымъ мнѣніемъ и прогуливался, съ ньюфаундендекою собакою въ большой аллеѣ сада, надъ которою вѣтви дубовъ образовали сводъ. Онъ нѣсколько разъ останавливался у желѣзной рѣшетки, которая отдѣляла паркъ отъ пробѣжней дороги, — и смотрѣлъ черезъ нее куда-то въ даль. Въ это время въ глазахъ его было то же грустное, тоскливое выраженіе, которое, по словамъ поэтовъ, замѣчается у орла, лишеннаго свободы или у льва, заключеннаго въ клетку.

Знаетъ-ли онъ, что въ эту минуту, когда онъ стоитъ, заложивъ руки за спину, у рѣшетки парка своего пасынка, — на него устремлены глаза завистниковъ и что, еслибы одно желаніе могло бы убивать, онъ тутъ же упалъ бы бездыханнымъ на землю?

У окна готической сторожки, напротивъ отъ рѣшетки, стоитъ мужчина лѣтъ тридцати. Какъ и капитанъ, онъ мраченъ и унылъ, лице его съ рѣзкими чертами загорѣло отъ солнца; онъ высокъ, плечистъ и силенъ, но осанка его какая-то вялая, апатичная. Глубокія морщины окружаютъ его впадины глаза и придаютъ какому-то злое выраженіе крѣпко сжатому рту. Подобно капитану, онъ тоже куритъ на утреннемъ воздухѣ, но, не такъ какъ онъ смотритъ сквозь струйки дыма, которыя поднимаются изъ его длинной трубки, а взглядомъ, полнымъ ненависти, зависти, злости и

сдержанного бшенства, — взглядом тигрицы, выжидающей удобного момента, чтобы накинуться на свою добычу. Имя его — Жильбертъ Арнольдъ. Тому назадъ десять лѣтъ онъ былъ самымъ отчаяннымъ браконьеромъ во всемъ Суссексѣ. Нынѣ же онъ, благодаря исправительной тюрьмѣ преобразился, — то есть сдѣлался лѣнливымъ и угрюмымъ, и живетъ на счетъ своей жены, молодой, трудолюбивой женщины, которая исполняетъ должность сторожа — главнаго входа.

Много тяжелыхъ минутъ пережила Рахиль Арнольдъ съ того дня, въ который она, за семь лѣтъ тому назадъ, надѣла соломенную шляпку съ бѣлыми лентами, чтобы идти въ Лисльвудскую церковь подъ вѣнецъ съ браконьеромъ: избраницкъ ея оказался въ концѣ-концевъ человекомъ дурнымъ, которому маска раскаянiя и религiозности давала возможность вести праздную жизнь. Ему не трудно было поднимать къ небу свои желтоватые глаза, когда усердный ректоръ заходилъ въ сторожку, чтобы навѣстить своего протеже, не трудно было читать брошюрки душеполезнаго содержания и Жильбертъ Арнольдъ очень любилъ читать ихъ, такъ какъ въ нихъ обыкновенно гроваютъ богатыхъ, прекрасныхъ, счастливыхъ, могучихъ — однимъ словомъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ онъ ненавидѣлъ ненавистно, граничившею съ полнѣйшимъ сумасшествiемъ. Не трудно провести добрыхъ, протестантскихъ пасторовъ, которые такъ горячо желаютъ спасенiя нашихъ душъ, что готовы видѣть въ исполненiи однихъ обрядовъ — искреннее стремленiе къ добру. Да, очень не трудно дѣлать все это и быть въ то же время занятинымъ и недовольнымъ, лѣнливымъ и требовательнымъ дурнымъ мужемъ, негоднымъ отцемъ, внутренне пощущимъ на свое положенiе и желающимъ всякаго зла людямъ, пользующимся различными преимуществами предъ нимъ. Легко, словомъ сказать, казаться мирнымъ жителямъ Лисльвуда, превосходнымъ человекомъ и быть на самомъ дѣлѣ — ужаснымъ негоддемъ. У него былъ только одинъ сынъ, болѣзненный и развивающiйся не по лѣтамъ ребенокъ, которому пошелъ недавно восьмой годъ; у мальчика были совершенно свѣтлые волосы, блѣдное лице, какъ и у его матери; ребенокъ не былъ вовсе похожъ съ своимъ отцемъ.

— Вотъ онъ, Рахиль! сказать Жильбертъ, смотря на капитана.

— Кто? спросила жена, занятая у печки.

— Нашъ новый... господи... мнѣ кажется, что его нужно называть „Капитанъ — неизвестно какой“

— Капитана Вальдзингама?

— Да — Капитана Вальдзингама... Это какое-то удивительно-странное имя, какъ будто взятое изъ какой-нибудь комедii или одного изъ тѣхъ романовъ, которые люди читаютъ истолково, хотя ректоръ называетъ ихъ безвѣрными... Мошеникъ! и бродяга!... И ни за что на свѣтѣ не поклонюсь ему и пусть онъ знаетъ это.

— О, Жильбертъ! прошептала боязливо жена его.

Какъ и всѣ, давно служащiе у господъ, Рахиль принадлежала къ партii консерваторовъ; но она такъ привыкла къ грубому тону мужа, что не придавала особеннаго значенiя его разглагольствованiямъ.

— О, Жильбертъ! повторилъ онъ, передразнивая жену. — Да, я не даромъ называю его мошеникомъ: какое онъ имѣлъ право придти сюда, чтобы разжирѣть на добрѣ покойнаго сэра Режинальда? Какое этогъ негодий имѣлъ право, прѣхавъ сюда безъ гроша, втереться въ милость этой идиотки, которую ты называешь своею госпожею? по какому, наконецъ, праву величаетъ себя такой нищii бездѣльникъ владѣльцемъ Лисльвуда?... Мнѣ было очень тяжело ваяться въ ногахъ сэра Режинальда, а предъ этимъ я никогда не унижусь... Да, вы вѣрно хотите, чтобы я сдѣлалъ это... не правда-ли, что такъ? сказалъ онъ, обращаясь къ затылку капитана, который между тѣмъ докуривъ сигару и пошелъ въ глубь аллея.

— Содержать его собаку стоитъ вдвое дороже, чѣмъ прокормить моего сына, продолжалъ Жильбертъ, когда Вальдзингамъ исчезъ уже изъ глазъ. — Взгляни на него, продолжалъ онъ, указывая на мальчика, сидѣвшаго за сосновымъ столомъ и опорожнявшаго чашку съ молокомъ и чернымъ хлѣбомъ: — этотъ супъ не лучше того, который дается Волку каждое утро къ завтраку, это я видѣлъ неразъ собственными глазами.

— Но господа добры и прiятливы къ намъ.

— О, Боже! знаю это, они даютъ намъ то, что дурно для

прислуги, а слишком хорошо для выкорки свиней; они даже дали тебе пять шиллингов, чтобы купить обувь Джиму. А къ Рождеству дарят намъ бутылку вина, этого прекраснаго вина, которое превращаетъ всю нашу кровь въ огонь и дѣлаетъ насъ добрыми, пока мы пьемъ его! Но что же это доказываетъ?... Онъ можетъ пить это вино каждый день; можетъ и кунаться въ немъ, если захочетъ, и—кормить свою собаку серебромъ.... Видишь баронета въ бархатномъ камзолѣ, садящагося на пони? Это чистоворванный пони, который стоитъ больше денегъ, чѣмъ ты когда либо вала въ сберегательную кассу, если даже мы тратились только на самое необходимое!.... А теперь полюбуйся на моего сына, въ голубой холстинковой блузѣ и башмакахъ, подбитыхъ гвоздями; между тѣмъ и очень хорошо знаю, кто изъ этихъ двоихъ болѣе искусенъ въ различнаго рода упражненіяхъ.

— Да, нангъ Джими умный мальчикъ, сказала мать, съ любовью глядя на сына.—Но ему надо быть добрымъ и послушнымъ и не мучить поросятъ и куръ, потому что это очень гадко.

— Чортъ тебя побери! воскликнулъ браконьеръ! я вовсе не желаю сдѣлать изъ него бабу.... Пусть мучаетъ поросятъ, сколько ему угодно; а дѣлалъ тоже самое, когда былъ въ его лѣтахъ!

Жильбертъ Арнольдъ, который проводилъ цѣлые дни за трубкою, заложивъ руки въ свою бархатную жакетку, далеко не походилъ на человека, слѣдовавъ примѣру котораго было-бы полезно. Можетъ быть, эта самая мысль мелькнула въ головѣ его жены, когда она, вздыхая, принялась снова за дѣло. Онъ любилъ видѣть ее работавшею до изнеможенія и часто упрекалъ ее въ лѣни, между тѣмъ какъ стоялъ самъ за дверью, слѣдя за всѣмъ, что происходило въ коттеджѣ. Но случалось и такъ, что онъ горько стѣялся надъ ея прилежаніемъ и, указывая трубкою—которая, мимоходомъ сказать, была почти постоянно въ его рукахъ—на замочекъ, спрашивалъ: не думать-ли она выработать себѣ на постройку такого же дома?

Предрасположеніе Жильбера Арнольда къ ненависти, зависти и злобѣ было сильнѣе, чѣмъ у другихъ людей, равныхъ ему по состоянію. Онъ презиралъ индійскаго офицера, какъ мы видѣли, но онъ презиралъ также и сэра Режинальда, хотя послѣдній и

подарилъ его женѣ готическую сторожку, давалъ ей очень хорошую еженедѣльную плату, да кромя того, простилъ Жильберту множество проступковъ, содѣланныхъ имъ въ Лисльвудѣ. Онъ ненавидѣлъ бѣловурага мальчика, который проѣзжалъ мимо него на своемъ чистоворванномъ пони, заидовалъ его прекрасному замку, убранство котораго стоило такъ дорого; ему хотѣлось бы сорвать баронета съ сѣда и втоптать его въ грязь. Онъ стоялъ въ лунныя ночи на крыльцѣ, смотря на замокъ, желая чтобы это величественное зданіе было вдругъ объято пламенемъ и превратилось бы въ безобразную груду дымящихся обломковъ.

— Горять же другіе дома, а этотъ никогда не сгоритъ! бормоталъ онъ со злобою.

Одно время свирѣствовала въ Лисльвудѣ оспа—и Жильбертъ находился въ необыкновенно розовомъ настроеніи духа; но страшная гостья ушла, не постучавшись своею страшною рукою въ ворота Лисльвудъ-Парка.

— У другихъ умираетъ же единственный ребенокъ, а этотъ все живетъ! разсуждалъ Жильбертъ.

Но хотя баронетъ и избѣжалъ—благодаря неутомимымъ заботамъ нянекъ и докторовъ—различныхъ опасностей, угрожающихъ дѣтямъ, онъ былъ, тѣмъ не менѣе, не особенно крѣпокъ. Онъ былъ слишкомъ малъ ростомъ, чрезвычайно вѣлъ и учился съ трудомъ; тѣлесныя упражненія не нравились ему, къ книгамъ и картинкамъ онъ тоже не чувствовалъ никакого влеченія. Онъ сидѣлъ по цѣлымъ днямъ въ своей комнатѣ, не дѣлая ничего и его заставляли только насильно съѣсть на пони. Онъ былъ не больше семилѣтняго сына Жильберта и гораздо слабѣе его. Онъ не былъ ни привязчивъ, ни нѣженъ и довольно равнодушно относился къ своей матери, которая боготворила его. Казалось, что онъ симпатизировалъ преимущественно сыну Жильберта. Онъ останавливалъ своего пони, предъ калиткою, когда Джэмъ Арнольдъ игралъ въ саду, и дѣлалъ ему сотни дѣтскихъ вопросовъ, между тѣмъ какъ Жильбертъ, скрывшись въ тѣни за дверью, смотрѣлъ на дѣтей своими кошачьими глазами.

Замѣчательно, что Жильбертъ всегда избѣгалъ дневнаго свѣта. Даже въ своихъ четырехъ стѣнахъ онъ какъ будто-бы прятался

отъ врага. Вѣтъ можетъ, это было въ немъ результатомъ прошедшаго, когда онъ въ теченіи долгихъ часовъ скрывался въ кустахъ или лежалъ во рву. Онъ шелъ по своему коттеджу тихо и осторожно, будто ожидая, что вотъ-вотъ выскочитъ изъ-за угла какой-нибудь лѣвничій или констебль. Онъ не занимался ни своимъ домомъ, ни своею наружностью: онъ носилъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ одну и ту же бархатную жакетку, на которой болтались стеклянныя пуговицы, пестрый шерстяной галетукъ, повязанный подъ воротникомъ открытой сорочки, старые, широкія панталоны, подаренныя ему покойнымъ баронетомъ и худые, стоптанныя сапоги. Капитанъ Вальдзингамъ замѣтилъ его наконецъ, во время своихъ утреннихъ прогулокъ, стоявшимъ постоянно въ двѣряхъ сторожки и ставъ кланяться ему, на что Жильбертъ отвѣчалъ только какиъ-то ворчаніемъ, которое должно было отнять у капитана охоту къ разговорѣ.

Однако, Вальдзингамъ заинтересовался мало-по-малу этихъ чело-вѣкомъ: его угрюмый видъ и нелюдимость возбудили въ немъ желаніе узнать его прошлое, такъ что онъ началъ наводить о немъ справки.

— Раскаившійся браконьеръ, повторилъ онъ задумчиво, когда одинъ изъ лакеевъ сообщилъ ему біографію Жильберта Арнольда, — старая острожная дичь, лѣвинецъ, ханжа, живущій трудами жены, которая слишкомъ добра къ нему.... Да, я съ перваго взгляда считалъ его таинмъ!

Съ этихъ поръ грубый сторожъ сдѣлался предметомъ особеннаго вниманія капитана; послѣдній ставъ заговаривать съ нимъ, хотя едва могъ добиться отъ него слова и видно было, что Жильбертъ крайне недоволенъ его настоячивостью. Капитанъ разспрашивалъ его объ его прежнемъ образѣ жизни, о томъ, не былъ-ли онъ счастливѣе, когда занимался ремесломъ браконьера и сидѣлъ въ тюрьмѣ? Но Жильбертъ былъ слишкомъ лицемеренъ, чтобы отвѣчать на эти вопросы откровенно, а не увѣреніями, что искренно раскаивается въ своемъ прошломъ заблужденіи; при этомъ онъ приводилъ множество цитатъ изъ религіозно-нравственныхъ брошюръ, которыя давалъ ему читать ректоръ.

Все это не охладило живаго интереса, который почувствовалъ

капитанъ къ эксъ-браконьеру: онъ рѣдко подходилъ къ рѣшетѣ лабра, чтобы не поговорить съ Жильбертомъ. Казалось, что глаза сторожа, сверкавшіе въ темнотѣ изъ-за косяка двери, имѣли какое-то особенное, магнетическое вліяніе на капитана, — въ родѣ того, которое производитъ взглядъ кошки на маленькую птичку.

— Это одинъ изъ тѣхъ людей, при встрѣчѣ съ которыми, ночью въ глухомъ мѣстѣ, хорошо имѣть съ собою здоровую палку и хорошей пластырь, пробормоталъ капитанъ однажды, послѣ новой бѣсѣды съ Жильбертомъ Арнольдомъ. — Онъ дѣлалъ много предосудительнаго въ молодости, и теперь ненавидитъ себя также, какъ ненавидѣть другихъ, за то, что они не похожи на него. Это низкій, лицемерный, подлый трусъ; я убѣжденъ въ этомъ, а между тѣмъ мнѣ пріятно видѣть его и говорить съ нимъ.

ГЛАВА V.

Маіоръ Гранвиль Варней и мистриссъ Гранвиль Варней.

Аллея Лисльвудъ-Парка покрылась густою листвою; прошло пол-года, съ тѣхъ поръ какъ Артуръ Вальдзингамъ женился на женщинѣ, которую онъ любилъ такъ давно. Они завтракаютъ въ бібліотекѣ, за маленькимъ столомъ, придвинутымъ къ окну съ разноцвѣтными стеклами, по милости которыхъ свѣжно-блѣдая скатерть и кисейный пеньваръ мистриссъ Вальдзингамъ кажутся окрашенными всѣми цвѣтами радуги. Вся комната была залита мягкимъ солнечнымъ свѣтомъ и голубые глаза сѣра Руперта Лесли невольно щурились отъ него. На столѣ стояли: картины изъ свѣрскаго фирфора, наполненныя сочными виноградными кистями, сырнанились подъ широкими листьями; пахнетъ изъ голубей, окруженный красивою бордюркою изъ бѣлой бумаги, банки съ консервами и медомъ и серебряный чайный приборъ превосходной работы. Въ открытое окно врывается аромать тысячи розъ; шумъ

каскада, впадавшего в озеро, жужжанье пчел, глгние птичек, жалобное нычаніе проходящих мимо парка коровъ и мурлыканье ангорской кошки, лежавшей на широкомъ подоконникѣ — все это смѣшивалось въ одно, составляя картину домашняго довольства.

— Кларибелль, сказала капитанъ, — я не думаю, чтобы въ продолженіе всего дѣтя былъ день, прекраснѣе этого. Я хочу взять васъ съ собою на прогулку; я возьму и васъ, сэръ Рупертъ. Вѣдь, вы пойдете съ нами гулять, баронетъ?

Капитанъ любилъ титловать своего пасынка. Этотъ титулъ казался какъ будто не совмѣстнымъ съ блѣднымъ, худымъ мальчикомъ, которому онъ принадлежалъ и весьма нравился.

— Хотите, баронетъ, продолжалъ капитанъ, — проѣхать къ косограммъ, а оттуда — до тѣхъ хорошенькихъ деревень на Лондонской дорогѣ, гдѣ дѣти прибѣгутъ смотреть на вашъ фэнтонъ, вашихъ прекрасныхъ лошадей и лирейныхъ лакеевъ — хотите, баронетъ?

— Да, если вы этого желаете, папа.

— А вамъ, Кларибелль, угодно ли совершить подобную прогулку?

— Если вы желаете, Артуръ, отвѣтила она, очищая персикъ и не поднимая глазъ.

Въ это время вошелъ лакей и положилъ утреннія газеты предъ капитаномъ.

— А! вотъ „Times“ и „Morningpost“! Да хранить небо наши желѣзныя дороги, которыя доставляютъ намъ лондонскія новости въ десять часовъ утра.... Вотъ и „Gazette de Brighton“.

Капитанъ развернулъ прежде всего эту газету, такъ какъ Лисльвудъ-Паркъ отстоялъ отъ Брайтона всего въ двадцати миляхъ.

— Ланен, двоюродныя братья моего отца, ежегодно проводятъ этотъ мѣсяцъ въ Брайтонѣ, сказала мистриссъ Вальдзингамъ: — Посмотрите, Артуръ, не встрѣтите-ли въ газетѣ ихъ имя,

— Гдѣ же его искать?

— Въ списокѣ прибывшихъ; во всѣхъ газетахъ есть такого рода списокъ.

Они останавливаются въ гостиницѣ „Корабль“.

— Хорошо; посмотримъ. Неужели августовское солнце такъ сильно подѣйствовало на капитана, что онъ вдругъ потерялъ способность продолжать чтеніе и зашатался, когда поднялся, чтобы опереться объ окно? Неужели лѣтній вѣтерокъ вырвалъ газету изъ рукъ капитана или эти сильные руки задрожали, какъ листъ подъ осеннею бурей? Что это означало?... что сталося съ Вальдзингамомъ?

— Артуръ! вамъ нездоровится?... вы странно поблѣднѣли, вскрикнула Кларибелль.

Капитанъ смаялъ газету и откидывая со лба волосы, проговорилъ самымъ естественнымъ тономъ:

— Вы спрашивали о Лансахъ? — ихъ имя не упоминается здѣсь.

— Но что же заставило васъ вскопичить такъ внезапно, Артуръ?

— О, ничего!.... мнѣ просто сдѣлалась дурно; у меня закружилась голова отъ жары.

— Какъ вы меня испугали, капитанъ Вальдзингамъ! я подумала, что вы потеряли рассудокъ!

— Дорогая Кларибелль, я и самъ готовъ думать это по временамъ.

— Такъ дайте мнѣ газету; можетъ быть, я найду въ ней что-нибудь о Лансахъ.

Онъ подаль ей газету, и усѣлся снова въ кресло, и началъ разсматривать арабески обоевъ.

Кларибелль внимательно просмотрѣла списокъ новоприбывшихъ въ Брайтонъ.

— Нѣтъ, сказала она: — они еще не прибыли. Въ гостиницѣ „Корабль“ остановился только какой-то майоръ Гранвиль съ женою. Это очень хорошенькое имя, не такъ-ли, Артуръ?

— Какое? спросилъ онъ разсѣянно, не оборачиваясь къ женѣ.

— Гранвиль Варней.

— О, да! не правда-ли, что это миленькое имя?... Майоръ служилъ въ индійской арміи.

— Вы знаете его?

— Очень хорошо, онъ служилъ въ одномъ полку со мною....

Я прикажу заложить лошадей. Наденьте вашу шляпку, Клэри-Белль; я повезу васъ въ Меркэмъ-Вудъ. Во время прогулки я сдѣлаю вамъ одно предложеніе.

— Предложеніе?

— Да... или, вѣрнѣе выразиться: я хочу испросить у васъ одну милость.... Идите же и наденьте вашу шляпку, какъ доброе и послушное дитя, которыми вы всегда были. А вы, Рупертъ, ступайте за вашею фуражкой, я же пойду въ конюшню.

Онъ вышелъ изъ библиотеки самоувѣренною походкою кавалерійскаго офицера; но въ передней онъ потребовалъ стаканъ воды и выпяля его залпомъ; слуга, подавшій ему воду, былъ просто пораженъ его разстроеннымъ видомъ.

— Не подать-ли вамъ немного воды, барянь? спросилъ онъ съ безпокойствомъ.

— Да. Ричардъ: я пойду за буфетъ и вы мнѣ подадите тамъ рюмочку вина.

Сидя предъ столомъ, устроеннымъ всевозможною серебряною и хрустальною посудю, капитанъ Вальдзингамъ упалъ въ обморокъ. Безпомощно откинувъ свою блѣдную голову на плечо эконома. Употребили всѣ силы, чтобы разжать ему ротъ и влить нѣсколько капель французской воды и ужъ пошла было за мистрисъ Вальдзингамъ, когда капитанъ открылъ глаза и проговорилъ:

— Ради Бога, не говорите ни слова вашей госпожѣ о томъ, что случилось со мною!.... У меня часто бывали подобныя припадки въ Индіи. Мы, военные, ведемъ чрезвычайную безпокойную жизнь, вслѣдствіе чего дѣлаемся слабыми и нервными, какъ капризная женщины.

Онъ вышелъ изъ буфета, не дожидаясь отвѣта и, вернувшись въ библиотеку, поднялъ газету съ пола.

— Майору Гранвилъ Варней и мистрисъ Гранвилъ Варней, пробормоталъ онъ. — находитя отсюда всего въ двадцати миляхъ. Они услышатъ обо мнѣ — и прїѣдутъ сюда дразнить меня, унижать, свести меня съ ума, и сгубить окончательно.... Они напоминаютъ мнѣ про адскій договоръ, заключенный со мною, будутъ требовать исполненія этого договора.... Безумный я, безумный!.... Я долженъ былъ предвидѣть, что мнѣ не убѣжать отъ ужаснаго

прошлаго. Я имѣю много общаго съ тѣмъ старымъ браконьеромъ, который вѣчно прячется, но все не въ состояніи скрыться отъ глазъ людей, говорилъ капитанъ, рассказывая порывисто по комнатамъ. — Какое клеймо на насъ обѣихъ! продолжалъ онъ смѣясь, — и какъ насъ легко узнать!.... Да, этотъ человекъ служить мнѣ вмѣсто зеркала!.... Я похожъ на него: курю по цѣлымъ днямъ, шатаюсь и скрываюсь.... Однако, не могу-ли и обить ихъ съ дороги посредствомъ какой нибудь искусственной комбинаціи?... Клянусь небомъ, это возможно, если она захочетъ содѣйствовать мнѣ въ этомъ!

Онъ еще не успѣлъ произнесть этихъ словъ, какъ вошла Клэри-Белль, ведя за руку сына; личико ея улыбалось подъ соломенною шляпкою; на плечахъ была прозрачная накидка съ кружевною отдѣлкою.

— Клэрибелль, началъ капитанъ, когда они уѣхали въ фатонъ, на запиткахъ котораго стояли два гнома, — вы сегодня такъ очаровательны, что я не могу считать васъ способною отказать мнѣ въ милости, которой я хочу просить у васъ.

— Ну, такъ высказывайте же вашу просьбу, Артуръ, отвѣтила она весело.

— Мнѣ бы хотѣлось провести съ вами эту осень за границею, сказала онъ, смотря на нее съ безпокойствомъ.

— За границею?... Хорошо!... Въ Парижѣ?

— Дальше Парижа.

— Дальше Парижа?!.. Въ Италіи?.. Въ Германіи?

— Нѣтъ, ни въ одной изъ этихъ странъ.... Я хочу заставить васъ предпринять настоящее художническое путешествіе, Клэрибелль, хотя я и не артистъ.... я хочу увести васъ въ пустыню, довести до геркулесовыхъ столбовъ. Согласны вы на это?

— Но туда же не ѣздить, какъ кажется, нигде, замѣтила она.

— А зачѣмъ же намъ ѣхать туда, гдѣ всѣ бывають, Клэри-Белль? Намъ нѣтъ необходимости отправиться въ Ваденъ, чтобы видѣть дондонскихъ лавочниковъ, раззоряющихся за рулеткою, или въ Неаполь или Флоренцію, чтобы слушать болтовню туристовъ съ „путеводителемъ Муррая“ въ рукахъ.... Нѣтъ, Клэри-Белль, я хочу похитить васъ у общества.... Хотите-ли слѣдовать за мною?... Если вы любите меня когда-нибудь, то скажите: „да,“

добавить онъ съ какою-то ненормальною энергіею. — Скажите же: да, моя возлюбленная, — и дайте мнѣ возможность ѣхать съ вами изъ этой проклятой страны!

Мы ужъ говорили, что Кларибелль какъ будто боялась капитана и потому она отвѣтила согласіемъ на это предложеніе какъ исполнила его просьбу — поѣхать къ косоногу, безъ всякаго протеста.

— Да, Артуръ, произнесла она: — и отправляюсь съ вами. А все же мнѣ кажется, что вы слегка помѣшаны.

— Я ужъ говорилъ вамъ, что въ этомъ нечего сомнѣваться: но вы кроткое, доброе прелестное созданіе и сдѣлали меня счастливейшимъ изъ смертныхъ. Закурите мнѣ сигару и вы увидите, какъ ловко и обогну этотъ уголъ дороги, чтобы въѣхать въ чашу льса.

Богатая вдова баронета была самою покорною женою бѣдному офицеру: она позволяла ему курить въ своей парадной гостиной, сама закуривала ему сигары, во время дороги. Если бы она была въ состояніи любить еще кого-нибудь, кромѣ своего сына, то она полюбила бы отъ души этого красиваго, увлекающагося, безумнаго офицера, который нѣкогда ухаживалъ за нею такъ смѣло, но она боялась его припадковъ меланхоли и иногда изучала по долгу измѣняющееся выраженіе его мрачнаго лица, когда онъ сидѣлъ погружаясь въ размышленія и тербѣ усы.

На этотъ разъ капитанъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Въѣхавъ въ льса, все вышли изъ экипажа и одинъ изъ громовъ понесъ корзину, закатывшую въ себѣ циплять, абрикосы и двѣ бутылки рейнскаго вина.

Кларибелль и Рупертъ были въ восхищеніи отъ этого маленькаго пикника. Капитанъ самъ разставлялъ все на скатерть, разосланную по густой травѣ, подъ старымъ деревомъ. Затѣмъ онъ уѣселъ верхомъ на одномъ изъ толстыхъ, узловатыхъ корней и, кури сигару, съ улыбкою на губахъ любовался женою и мальчикомъ.

— Какъ вы прелестны, моя Кларибелль! сказалъ онъ. — Сэръ Рупертъ, украсьте волосы вашей матери дубовыми листьями. Нѣтъ, нѣтъ, не такъ! сдѣлайте гирлянду, баронетъ... Моя блондинка возлюбленная, вѣсь можно принять за добраго гения этой

жѣстности!... Какой же я счастливецъ, Кларибелль, обладая женою съ волосами, напоминающими цвѣтомъ янтаря моихъ трубокъ, и согласную ѣхать со мною на поиски Геркулесовыхъ столбовъ!... Вы купили меня, мистриссъ Вальдзингамъ, точно такъ, какъ васъ купилъ сэръ Режинальдъ Лисль. Это своего рода законъ возмездія, какъ выражаются наши сосѣди. Вы платите за мое платье, мои сигары, за вино, которое я пью, платите и лакею, услугами котораго я пользуюсь.... на васъ же будутъ лежать расходы путешествія, которое я предпринимаю, чтобы избѣгнуть своихъ вообразимыхъ демоновъ.

Выль уже седьмой часъ, когда поѣхали обратно въ замокъ. Рахиль Арнольдъ отворила ворота парка, между тѣмъ какъ ея блондинъ мальчикъ, цѣплявшійся за складки ея платья, пристально смотрѣлъ на другаго мальчика, тоже блондина, который сидѣлъ въ фазтонѣ между мистеромъ и мистриссъ Вальдзингамъ. Жильбертъ стоялъ, облокотившись на рѣшетку своего садика и курилъ грязную глиняную трубку; онъ едва пошевеливался, чтобы снять свою изорванную шапку, когда экипажъ проѣхалъ мимо. Онъ былъ, по обыкновенію не причесанъ, не бритъ, неопрятенъ и мигалъ усталыми коначными глазами; тѣмъ его ложились прямо подъ конята лошадей, ѣбжавшихъ крупную рысью.

Капитанъ съ женою обсуждали проектъ путешествія во весь вечеръ. Рѣшено было ѣхать, какъ можно скорѣе, такъ какъ нетерпѣнію капитана не было границъ: онъ готовъ былъ ѣхать хоть сейчасъ-же. Они брали съ собою сэра Руперта и двухъ слугъ. Чтобы не терять лишняго времени, хотѣли ѣхать въ Лондонъ на курьерскомъ поѣздѣ. Нужно было покинуть Англію немедленно, и закупить все необходимое къ дорогѣ предпологалось во Франціи, черезъ которую имъ приходилось ѣхать.

— Какимъ красивымъ кажется мнѣ сегодня нашъ домъ, Артуръ, сказала мистриссъ Вальдзингамъ, когда мужъ высадилъ ее изъ фазтона и они вошли въ переднюю, установленную экзотическими цвѣтами — а бы желала, чтобы вы свѣтели съ англійскою жизнью. — Я этого и хотѣла, Кларибелль.... Да, домъ очень хорошъ; и меня можно считать за втораго Каина, если я способенъ ѣхать изъ этого райа.

Они еще не вышли из передней, когда лакей подаль имъ серебрянный подносъ, на которомъ лежали двѣ визитныя карточкы: мужская и женская.

— Что это? спросилъ капитанъ раздвѣнно. — Положите ихъ въ корзинку для визитныхъ карточекъ, мистрисъ Вальдзингамъ.

— Но эти господа адъёвъ, капитанъ. Они желали дожидаться нашего возвращенія и теперь рассматриваютъ картины въ столовой.

— Картины!

Капитанъ снялъ шляпу и вытеръ лобъ носовымъ платкомъ.

— Что это за люди, Клерибелль? спросилъ онъ жену, которая рассматривала карточкы.

— Это по истинѣ странное совпаденіе, Артуръ! это тѣ самыя имена которыя мы прочли въ спискѣ новоприбывшихъ въ Брайтонъ—ваши индійскіе друзья: маіоръ Варней съ женою.

Въ это мгновеніе дверь столовой отворилась и изъ нея показалось смѣющееся лицо.

— А вотъ онъ и естъ, милый нашъ товарищъ! воскликнулъ этотъ человѣкъ веселымъ тономъ. — Наконецъ-то я опять нашелъ васъ, старую лисицу!.... Видите, Артуръ, что я отыскалъ васъ!.... Что, старый другъ.... что, старая, хитрая лисица?!.... что, дорогой товарищъ, что?

При этихъ словахъ маіоръ Граввилъ разразился самымъ веселымъ, неудержимымъ хохотомъ. Онъ кинулся къ своему „дорогому товарищу“ къ „старой лисицѣ“, и нѣсколько разъ крѣпко пожалъ ему обѣ руки. Нельзя было сомнѣваться, что это свиданіе доставляло ему величайшую радость. Въ порывѣ этой радости онъ, какъ безумный, повторялъ все одни и тѣ же фразы. Это былъ высокій и сильный мужчина, съ свѣжимъ, румянымъ лицомъ. Голубые глаза его, которые то закрывались, то снова открывались, имѣли почти ослѣпительный блескъ; у него были чрезвычайно бѣлые и блестящіе зубы, розовыя губы и прекрасный цвѣтъ лица; каштановаго цвѣта усы и густые волосы, обрамлявшіе его лобъ, были съ золотистымъ оттѣнкомъ. Общее впечатлѣніе, производимое его лицомъ, было, если можно такъ выразиться, ослѣпительное: на него нельзя было долго смотрѣть, какъ и на солнце. Онъ былъ въ широкомъ, домашнемъ костюмѣ, который шелъ къ нему, на немъ

было наято съ бархатными отворотами, жилетъ лимоннаго цвѣта; галстукъ былъ повязанъ какъ можно небрежно, на часовой цѣпочкѣ красовалось множество брелокъ, а руки были покрыты перстнями. Онъ сверкалъ и блисталъ съ головы до ногъ, и казалось, что онъ распространяетъ вокругъ себя какое-то сіяніе.

„Старая лисица“, блѣдная и угрюмая, сдѣлала ему очень холодный пріемъ и представила его мистрисъ Вальдзингамъ. Маіоръ былъ въ восхищеніи.

— А я и не слышалъ, что этотъ старый повѣса женился, сказалъ онъ. Вѣрите-ли, сударыня: этотъ дорогой Артуръ скрылъ это радостное событіе отъ своихъ калькутскихъ друзей!—отъ друзей, которые любятъ его такъ искренно и имѣютъ тысячу причинъ рассчитывать на его взаимность. Я узналъ объ его бракѣ только случайно, — сегодня утромъ, въ Брайтонской гостиницѣ „Корабль“. Разсказать вамъ, Артуръ, какъ это случилось? мистрисъ Варней вздумалось прокатиться, а началъ было представлять ей, что въ окрестностяхъ Брайтона нѣтъ ничего такого достопримчательнаго, чего бы мы уже не видѣли; но мистрисъ Варней настояла-таки на своемъ и я спросилъ слугу гостиницы, есть-ли по близости какой-нибудь замокъ, который стоило бы осмотрѣть. Слуга назвалъ Лисльвудъ-Паркъ. — „Хорошо; что это за Лисльвудъ-Паркъ?“ — Резиденція сэра Руперта Лисла, — Хорошо; мы отправимся взглянуть на сэра Руперта Лисла “.... Намъ и въ голову не приходило, чтобы сэръ Рупертъ Лисль былъ еще очень молодымъ джентльменомъ, бѣгающимъ въ бархатной курточкѣ. Прекрасно, ливиншисъ сюда, мы просимъ показать намъ замокъ. Намъ отвѣчаютъ, что его не показываютъ никому. — „Что? никому?!“ воскликнули мы печально. — „Никому!“ повторяютъ ваши слуги: — „капитанъ Вальдзингамъ имѣетъ на это особыя причины“.... Капитанъ Вальдзингамъ!.... представьте себѣ мое удивленіе, когда я услышалъ это имя, дорогой другъ! Въѣдь, во время вашего пребыванія въ Калькуттѣ, вы и не думали быть владѣльцемъ Лисльвудъ-Парка, какъ помнится. Представьте себѣ мою радость, мое счастье при вѣсти о счастья моего друга!.... Ну, дай еще разъ руку, старая лисица!

— Не разыгрывайте роли сумасшедшаго, маюръ, отвѣтил сухо капитанъ на эти излінія.

— И онъ даже не освѣдомляется о бѣдной Адѣ, которая зѣваетъ предъ картиною Рубенса — собственностью сэра Руперта Лисла — которая виситъ надъ каминомъ той комнаты, продолжалъ маюръ, указывая на дверь гостиной. — Нужно вамъ замѣтить, что эта картина (будь сказано между нами и вопреки моему уваженію къ баронету, который еще слишкомъ молодъ, чтобы быть хорошимъ знатокомъ) — ни болѣе, ни менѣе, какъ копія!... Да, Артуръ, да, дорогой другъ, это — просто копія; и мнѣ кажется, что я знаю писавшаго ее внука жидъ, Антвернскаго жидъ, мистрисъ Вальдзингамъ, жидъ, но — гени! Рубенсовскій колоритъ наследствененъ въ этомъ семействѣ и каждый торговецъ картинами можетъ точно же указать вамъ работу одного изъ его членовъ.

Капитанъ грустно опустилъ глаза на свои запяленные саногі, между тѣмъ какъ маюръ осматривался съ дучезарною улыбкою, какъ будто ожидалъ услышать что-либо очень пріятное.

— Артуръ, заговорилъ снова мистеръ Гранвилъ, разглагольвая своею красивою, сверкашею драгоцѣнными камнями, рукою: — вы принимаете меня какъ какого-нибудь швейцара... и неужели вы не спросите меня объ Адѣ?

— Ахъ, да! отвѣтилъ капитанъ. — Какъ здоровье мистрисъ Варней?

— Мистрисъ Варней! повторилъ маюръ тономъ глубочайшаго упрека. — Дорогая мистрисъ Вальдзингамъ, вѣрите-ли, что въ продолженіе двухъ лѣтъ эти милые дѣти постоянно называли другъ друга Артуромъ и Адою?... Но пойдите же, гадкій капитанъ, пойдемъ взглянуть на вашего стараго друга... Мистрисъ Вальдзингамъ, моя жена будетъ очарована вами, а вы будете очарованы моею женою. Вы оба молоды, оба прекрасны въ высшей степени, добавилъ онъ съ поклономъ. — Одна изъ васъ такая живая, другая — тихая и спокойная.... Ада! позвалъ онъ, возвысивъ голосъ.

— Что, дорогой?

Эти два слова были произнесены такимъ чуднымъ голосомъ, который проникалъ прямо въ душу и заирогивалъ въ ней самыя

тонкія, нѣжныя струны. Вслѣдъ за этими словами мистрисъ Варней появилась на порогѣ гостиной и остановилась въ дверяхъ, такъ что ее можно было принять за прекрасную картину въ рамѣ.

Зеленая бархатная драпировка двери довершала иллюзію; свѣтъ падалъ прямо на нее изъ большого окна передней и она была такъ прелестна, что казалось будто солнце старалось сосредоточить на ней все свои лучи, оставляя окружающее ее въ тѣни; маюръ даже пересталъ мигать въ это время. На ней было платье изъ шелковой матеріи, затканной серебромъ, съ фиолетовыми бантами и бахрамою. Черная кружевная шаль свободно спускалась съ ея плечъ и падала красивыми складками вокругъ ея талии. Она была безъ шляпки и темные волосы ея падали въ беспорядкѣ на шею: они не были зачесаны по модѣ, а просто откинута назадъ, въ видѣ длинныхъ локоновъ. Лице ее было самого чистаго восточнаго типа, небольшой, тонкій носъ, черные, темные, глаза продолговатой формы, полузакрытые длинными, шелковистыми и тоже совершенно черными рѣсницами. Поднятыя губы ея были ярко-краснаго цвѣта, лице — смуглое и блѣдное. Эта роскошная красота въ связи съ чисто дѣтскимъ выраженіемъ лица производила какое-то особенное обаяніе. Враги ея, не смѣя отрицать, что она прелестна, приписывали ей еврейское происхожденіе — вотъ все, что они могли сказать предосудительнаго о ней.

Она пробывъ нѣсколько минутъ въ одномъ положеніи, неподвижна, какъ статуя. Казалось, что она инстинктивно ждетъ, когда пройдутъ у всѣхъ вызванные ею восторгъ и удивленіе. За тѣмъ протягивая свою маленькую ручку, обтянутую изящною перчаткою, она, подошла къ капитану, который тоже смотрѣлъ на нее, какъ будто онъ видѣлъ ее сегодня въ первый разъ.

— Капитанъ Вальдзингамъ, неужели вы уже совершенно забыли Калькутту? спросила она.

— Забылъ Калькутту?... я готовъ биться о закладъ, что итъ, замѣтилъ маюръ съ громкимъ смѣхомъ.

— Все итъ, мистрисъ отвѣтилъ Артуръ прошедшее — почти

для всѣхъ—весьма *дорогой* учитель, но онъ былъ бы очень дурнымъ, еслибъ мы забывали такъ скоро его уроки.

— Онъ читаетъ правоученіе, какъ авторъ какого-нибудь романа, въ послѣдней главѣ, сказалъ маіоръ, все еще смѣясь.... Старая лисица! устроилась-таки наконецъ, какъ выражаются у насъ, по ту сторону пролива.... Однако, Артуръ, извольте-ка представить другъ другу нашихъ дамъ.

Смуглое лице капитана омрачилось больше обыкновеннаго.

— Это едва-ли необходимо, отвѣтилъ онъ:—мы съ женою отправимся завтра на материкъ.... Пойдемте, Клэрибелль, пойдемте, баронетъ.

Онъ взялъ мальчика за руку и направился къ библіотекѣ, повернувшись рѣшительно спиною къ маіору и его прекрасной женѣ. Мистрисъ Вальдзингамъ смотрѣла на него съ недоумѣніемъ. Она часто видѣла его рѣзкимъ и страннымъ, но ни разу еще не видѣла такимъ невѣжливымъ и грубымъ. Маіоръ, между тѣмъ, ничуть не смутился: онъ тихо засмѣялся про себя и, прежде чѣмъ капитанъ Вальдзингамъ успѣлъ выйти изъ передней, заплѣ своимъ прекраснымъ теноромъ первый куплетъ одной изъ арій Мора: *“Не уходи насталъ твой часъ!”*

Артуръ Вальдзингамъ внезапно остановился, будто увидѣлъ предъ собою дуло пистолета.

— Опомнитесь лучше, дорогой товарищъ, проговорилъ маіоръ, закончивъ куплетъ великолѣпнѣйшею рудавою. — Опомнитесь, мой другъ, и познакомьте мистрисъ Вальдзингамъ съ мистрисъ Варней; познакомьте ихъ, Артуръ и измѣните ваше намѣреніе отправиться на континентъ. По моему мнѣнію, это самое благо-разумное, что вы можете сдѣлать.

Капитанъ отреккомендовалъ другъ другу обѣихъ женщинъ. Клэрибелль, очевидно, почувствовала живѣйшую симпатію къ прекрасной гостьѣ.

— Не пригласите-ли вы своихъ друзей къ обѣду, Артуръ? спросила она мужа на ухо.

Онъ не далъ ей на это отвѣта а только сказалъ:

— Проводите мистрисъ Варней въ гостиную, Клэрибелль— А мы, маіоръ, пойдемте на террасу, выкурить сигару.

— Хотя дюжину сигаръ, мой дорогой, потому что мнѣ нужно сказать вамъ весьма многое.

Мужчины пробыли на террасѣ до тѣхъ поръ, пока колоколъ не позвалъ ихъ къ обѣду. Дамы, сидѣвшія у одного изъ оконъ гостинной, замѣтили, что они вели очень оживленную бесѣду. Маіоръ говорилъ съ воодушевленіемъ и сопровождалъ свои слова сильною жестикуляціею, между тѣмъ какъ капитанъ ходилъ взадъ и впередъ, повѣсивъ голову и заложивъ руки въ карманы. За-мѣчательно, что чѣмъ болѣе маіоръ оживлялся, чѣмъ болѣе размахивалъ руками и смѣялся, тѣмъ съ большимъ ожесточеніемъ курилъ его собесѣдникъ и дѣлался все угрюмѣе и угрюмѣе. Казалось, что онъ испепелитъ всю сигару въ нѣсколько пріемовъ. Когда колоколъ замолкъ, капитанъ Вальдзингамъ вошелъ въ гостинную, въ сопровожденіи своего друга.

— Клэрибелль, сказалъ онъ:—маіоръ уговорилъ меня отложить наше путешествіе до тѣхъ поръ, пока онъ съ женою не будетъ въ состояніи присоединиться къ намъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обѣщалъ сдѣлать намъ удовольствіе, проведя съ нами недѣлю или двѣ.

— Этотъ милый Артуръ такъ настойчиво предлагалъ мнѣ гостепримство, Ада, что я волею неволею, не зная, насколько это согласуется съ вашими желаніями и также съ желаніями и мистрисъ Вальдзингамъ—котораго, вѣроятно, находятъ эти индійскія знакомства крайне непріятными—рѣшился остаться здѣсь на нѣсколько дней.... Но я пріѣхалъ сюда въ своемъ экипажѣ—это вамъ не помѣшаетъ, Артуръ?

— Нѣтъ; въ конюшняхъ есть свободное мѣсто.—Вы ижете съ собою, конечно, и кучера?

— Да, прекраснаго малаго; онъ будетъ настоящимъ владомъ для нашихъ людей.

— Маіоръ и мистрисъ Варней займутъ голубяя комнаты, Клэрибелль потрудитесь отдать приказанія Персону.

Хорошо, Артуръ; я сдѣлаю это немедленно. И очень счастлива, что вы согласились остаться съ нами, добавила мистрисъ Вальдзингамъ, обращаясь къ Адѣ Варней.

— Вы ужь полюбили ее? сказалъ майоръ:— я предвидѣлъ это—она любима всѣмъ свѣтомъ.

Когда они выходили изъ гостиной, майоръ остановился въ дверяхъ и окинувъ быстрымъ взглядомъ комнату, изъ оконъ которой видны были обширные сады, здесь и озеро, проговорилъ:

— Такъ это-то и есть Лисльвудъ-Паркъ!... Артуръ Вальдзингамъ, вы лисица болѣе хитрая, чѣмъ вашъ менторъ!...

ГЛАВА VI.

О п у т а н ь,

За столомъ майоръ Гранвилъ Варней былъ еще любезнѣе, веселѣе и разговорчивѣе. Онъ сидѣлъ рядомъ съ Клэрибелль Вальдзингамъ и спокойная, терпѣливая владѣтельница Лисльвудъ-Парка слушала съ величайшимъ вниманіемъ несомнѣваемую болтовню бѣлокурого офицера. Онъ рассказывалъ ей сотни анекдотовъ изъ индійской жизни—анекдотовъ такихъ живыхъ, остроумныхъ и увлекательныхъ, такихъ же блестящихъ и лучезарныхъ, какъ наружность самаго рассказчика.

Подобно всѣмъ тихимъ и не особенно глубокомысленнымъ людямъ, Клэрибелль легко увлекалась веселостью другихъ. Она слушала съ удовольствіемъ и удивлялась всему, что ей говорилъ этотъ веселый военный, который рассказывалъ въ одно и тоже время о страшной битвѣ, происходившей въ Пенджабѣ и о комичной сценѣ, разыгравшейся во время одного обѣда въ Калькуттѣ. Она вздыхала и смотрѣла то на очаровательнаго майора, то на молчаливаго капитана, повѣсившаго голову и безсознательно разсматривавшаго, вырѣзанный на видѣхъ венецъ Лисля.

О, еслибы Артуръ былъ одаренъ такимъ веселымъ характеромъ! думала Клэрибелль.

Мистрисъ Варней разговаривала мало; вѣроятно, она слыша-

ла исторію майора ужь не разъ. Капитанъ и не старался вступитъ въ бесѣду съ своею прекрасною сосѣдкою, а откинувшись съ разсыпаннымъ и смущеннымъ видомъ на спинку кресла, оставила даже не тронутымъ свой стаканъ съ виномъ.

Послѣ обѣда, когда дамы сидѣли въ гостиной и майоръ занималъ мистрисъ Вальдзингамъ топографическимъ описаніемъ „Ситэ де-Палэ“, капитанъ вышелъ изъ открытаго окна на террасу, спустился съ нея въ паркъ и пошелъ по большой аллѣе, ведущей къ рѣшеткѣ. Солнце садилось за тучами, и послѣдніе багровые лучи его медленно исчезали за деревьями. Было душно и въ воздухѣ царствовала полнѣйшая тишина, которая всегда предшествуетъ грозѣ; вьюнныя капли дождя начали тяжело падать на листья дубовъ и на открытую голову капитана, который шель, опустивъ глаза въ землю, не замѣчалъ, что происходило вокругъ него.

Здѣсь находишься въ такомъ же уединеніи, какъ въ лѣсу, пробормоталъ онъ наконецъ, оглянувшись и увидѣвъ себя въ самой чащѣ парка.

Пройдя еще немного, онъ дошелъ до большой группы буквовъ, толстыя вѣтки которыхъ сплетались надъ нимъ непроницаемую сѣткою. По временамъ онъ взглядывалъ на освѣщенныя окна замка, которая отражались на спокойной поверхности озера; обернувшись же въ настоящую минуту, онъ замѣтилъ, что видъ замка скрытъ отъ него великолѣпными столбчатыми деревьями.

— Я теперь на пол-дорогѣ между замкомъ и рѣшеткою, сказалъ онъ;— сюда можетъ зайти только браконьеръ или человѣкъ, желающій лишитъ себя жизни.

Онъ сѣлъ на нижній толстый сулъ одного дерева и вынулъ изъ кармана что-то, завернутое въ батистовый платокъ. Было ужь слишкомъ темно, чтобы осмотрѣть этотъ предметъ и онъ тщательно ощупывала его рукою, при чемъ слышался металлическій звукъ. Вздвѣвъ зачѣтилъ по плечу капитана промелькнуло что-то бѣлое и занимавшій его предметъ былъ выхваченъ изъ его рукъ. Онъ вскопчилъ, обернулся и схватилъ за горло; стоявшій позади Гранвила Варнея.

— Отдайте мнѣ его! проговорилъ онъ съ бышепствомъ.

— Ни за что, ответил хладнокровно майор. — Есть-ли у вась другой?

— Вамь-го какое дѣло?

— Упорное дѣтя! я спрашиваю просто, есть-ли при вась другой запасный пистолеть? сказалъ мягко майоръ.

— Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!

— Это великолѣбно, мой безцѣнный Артуръ!.. Теперь сидеть на суку, — онъ замѣнить козетку, — и станемъ говорить безъ всякихъ гнѣвныхъ выходовъ.

Капитанъ сѣлъ противъ майора, не говоря ни слова.

— Но мы прежде всего вынемъ зарядъ изъ этой опасной игрушки, продолжалъ майоръ, влада пулю въ карманъ и высыпая порохъ; — затѣмъ, закуримъ по сигаркѣ и потомъ ужъ поговоримъ о дѣлахъ.

Онъ подалъ Артуру Вальдзингаму портъ-сигаръ и спичечницу.

Свѣтъ спичекъ озарилъ обихъ собесѣдниковъ: лицо капитана было блѣднѣе смерти, майоръ наоборотъ, былъ спокоенъ и веселъ.

— Ну-съ, началъ онъ протяжно: — что же это означаетъ?

— Что вы подразумѣваете? проворчалъ капитанъ.

— Понятно — пистолеть-то.... сумасшедшій.... ребенокъ! Неужели вы думали, что я не угадалъ ваше намѣреніе? Вы думали, что я не замѣчаю ничего, и не читалъ на вашемъ лицѣ, во время обѣда? Я даже слышалъ, какъ стучнула вашъ пистолеть о кресло, когда вы встали, чтобы открыть дамамъ дверь. Когда вы вышли изъ гостиной, я понялъ, что вы хотите дѣлать — и черезъ пять минутъ последовалъ за вами.... наивный ребенокъ, который не умѣетъ соблюдать своихъ польза!.... неблагодарный противъ своихъ друзей.... бѣдный мальчикъ!

Майоръ положилъ пистолеть въ карманъ, громко разсмѣялся и выпустилъ нѣсколько клубовъ дыма. Капитанъ Вальдзингамъ сидѣлъ грустный и унылый, прислонившись къ стволу дерева и едва затигиваясь сигарою. Майоръ сидѣлъ въ прежней позѣ, положивъ одну ногу на колено другой и качая ее.

— Посмотримъ, Артуръ, сдѣлала-ли я что-нибудь особенно дурное.... Я бы могъ начать эту бесѣду упреками въ вашей неблагодарности; но я ненавижу упреки и оставлю ихъ въ сторонѣ,

а займусь вашей глупостью: Артуръ, вы дѣлаете себя посмѣшищемъ!

Капитанъ молчалъ и майоръ продолжалъ, послѣ короткой паузы:

— Вы дуракъ, Артуръ, если даже не спрашиваете, почему я назвалъ васъ посмѣшищемъ. Но это не обѣда — я ставлю вопросъ, чтобы отвѣтить на него самому. Я ставлю себя на ваше мѣсто, Артуръ Вальдзингамъ и спрашиваю себя: чѣмъ же я, Артуръ, оказался смѣшнымъ?... Сперва вы, милый другъ, сдѣлали ужасную, но весьма часто встрѣчающуюся въ свѣтѣ ошибку — подумавъ, что можно пользоваться услугами человѣка, превосходящаго васъ, умомъ — бросивъ его когда не будете больше нуждаться въ его помощи.

Снова одинъ шумъ дождя былъ отвѣтомъ на слова майора Гранвила Варнея.

— Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Артуръ, вы находились въ такомъ затрудненіи, изъ котораго вы едва-ли вычитались бы безъ содѣйствія преданнаго друга.

— Это вѣрно, произнесъ наконецъ капитанъ.

— Милый другъ, если вы только перестанете дуться, то мы снова сдѣлаемся прежними пріятелями.... И такъ, другъ помогъ вамъ выйти изъ очень плачевнаго положенія; влѣдствіе этого, между нимъ и вами установились, разумеется, самыя искреннія отношенія. Въ Калькуттѣ насъ даже прозвали Дамономъ и Шафиасомъ.... насъ связывало нѣчто болѣе дружбы.... то былъ таинственный, священный союзъ, который могъ быть разорванъ только нашею смертью. Не правду-ли я говорю, Артуръ?

— Если вы хотите этакъ сказать, что мы были полезны одинъ другому — то и отвѣчу: „да,“ произнесъ капитанъ.

— Но теперь вы не скажете этого, равнодушный Артуръ!.. Ну, хорошо; мы были полезны другъ другу, — въ высшей степени полезны и мы могли бы провести такимъ образомъ много счастливыхъ лѣтъ. И вотъ, въ одно прекрасное утро капитанъ Артуръ Вальдзингамъ покидаетъ службу въ индійской арміи, такъ же спокойно, какъ покидаетъ какой-нибудь кофе-ресторанъ, — вмѣсто того, чтобы посоветоваться съ своимъ другомъ, который уговорилъ бы его спокойно подождать, пока кто-либо изъ офицеровъ не согласится купить его капитанскій патентъ.

— Быть может, вы желали, чтобы он спокойно ждал, чтобы ему дали отставку, не такъ-ли майоръ? спросилъ капитанъ насмѣшливо.

— Артуръ, вы сьумасшедшій!.. И такъ, въѣто того, чтобы испросить совѣта болѣе опытнаго человека, бѣдный мальчикъ оставался службу и сибѣять въ Англiю, забывъ о всѣхъ оказанныхъ ему услугахъ, неблагодарный, недобѣрчивый, скрытный!.. Вотъ и все, что могъ узнать о немъ другъ его, вернувшiйся изъ экскурсiи въ горы, когда тотъ уже уѣхалъ.

— Да... Вы лишились своего орудiя, майоръ.

— Я лишился своего орудiя, Артуръ? Какъ это вы можете выражаться такъ не деликатно? проговорилъ майоръ съ приторнымъ негодованiемъ. — Нѣтъ, я лишился своего друга, своего ученика, своего товарища, своего Дамона!.. Я порушилъ одному знакомому навести о васъ справки въ Англiю. Васъ видѣли высадившимся въ Доверъ, но съ тѣхъ поръ не встрѣчали васъ больше. Словомъ: мнѣ не оставалось ничего больше дѣлать, какъ сидѣть у моря и ждать погоды. „Хитрая лисица выскользнула изъ моихъ рукъ,“ сказалъ я себѣ: „самое лучшее теперь — ожидать своей очереди и, не будь я Гранвилъ Варней, если и не поймаю ее снова!

Съ этими словами онъ тихо положилъ свои женственные руки на плечо капитана; какъ ни легко было это прикосновенiе, но Артуръ Вальдзингамъ согнулся подъ нимъ, какъ согнулся бы подъ тяжестью сотни пудовъ.

— „Я снова поймаю ее!“ говорилъ я себѣ, продолжалъ майоръ. — „Пусть скрывается себѣ — гдѣ и какъ хочетъ, а я все же поймаю ее!“ Ну, я и сдѣлалъ, какъ сказалъ.

Онъ разразился торжествующимъ смѣхомъ, тихо потиралъ себѣ руки и, не смотря на темноту, устремилъ на капитана свои сверкающие голубые глаза.

— Я получилъ отпускъ и уѣхалъ изъ Индiи, продолжалъ онъ скороговоркою и оживлялся все болѣе и болѣе. Я обѣгдалъ всѣ игорные дома въ Лондонѣ, рыскалъ по всѣмъ тавернамъ: я справлялся повсюду и у всѣхъ безъ разбора — я, наконецъ-то, послѣ многихъ поисковъ, тысячи неудачъ и непрiятностей, я узнаю сегодня утромъ въ Брайтонѣ, въ гостинницѣ „Корабль“, что нѣ-

который капитанъ Вальдзингамъ женился на богатой вдовѣ сэра Режянальда Лисль, баронета и проживаетъ въ Лисльвудъ-Паркъ.

— Значить, я обязанъ вашему посѣщенiю не случаю? спросилъ капитанъ.

— Разумѣется, дорогой Артуръ, неужели вы воображаете, что я былъ бы такимъ человекомъ, какимъ вы меня видите, еслибы я предоставилъ себѣ только на волю судьбы? Нѣтъ, я хорошо знаю, куда и за чѣмъ я иду — пусть это будетъ вамъ извѣстно. Я явился сюда, чтобы настоять на исполненiи всѣхъ статей нашего договора; чтобы, въ силу заключеннаго нами раньше условiя, заставить васъ подѣлиться барышами и чтобы заявить свои долголѣтнiя права. Какова бы ни была цифра богатства вашей жены, которое можетъ принадлежать вамъ, я требую половину этой суммы; сколько бы вы ни отняли владѣнiи и власти у вашего пасынка — половина и того и другаго должна быть моею; я хочу, чтобы вы подѣлились со мною и вашимъ кофортгомъ, вашей роскошью, вашимъ блескомъ.... Теперь, дорогой Артуръ, вернемся въ замокъ... Идите же, Артуръ Вальдзингамъ и компанiя! помните, что вашъ старый союзникъ идетъ за вами, такъ какъ ему нравится оставаться въ тѣни.

Когда собесѣдники удались, кто-то осторожно раздвинулъ вѣтви вѣтвь того дерева, гдѣ они только что сидѣли и направился тихо къ рѣшеткѣ парка.

Вѣднiй и трещащiй Артуръ Вальдзингамъ прошелъ аллею, затѣмъ миновалъ мостъ и двѣтнiя; онъ шелъ и смотрѣлъ, какъ приговоренный къ смерти, котораго ужъ возводятъ на эшафотъ, между тѣмъ какъ блестящiй майоръ, слегка опиравшiйся на его плечо, походилъ на палача. Даже въ граціозной позѣ его нѣжной руки было что-то, напоминающее полицейскаго чиновника, схватывающаго свою жертву, — нѣчто, говорившее янѣ словъ майора:

— Ты пойманъ, Артуръ Вальдзингамъ, пойманъ!

ГЛАВА VII.

Подпольная работа.

Маюръ Гранвилъ Варней помѣстился въ Лисльвудъ-Паркъ совершенно безпрятственно. Онъ послалъ въ Брайтонъ за своимъ багажемъ, который и былъ привезенъ его камердинеромъ—жидомъ Соломономъ. Существовали въ Калькуттѣ злые языки которые утверждали, что этотъ черноглазый жидъ не всегда былъ слугою маюра, а—директировалъ прежде какой-то провинціальный театръ, на подмосткахъ котораго прекрасная сестра его играла первыя роли въ англійскихъ драмахъ; эти злые языки увлекались иногда до того, что утверждали, будто эта самая сестра Соломона была нынѣ никто иной, какъ очаровательная мистриссъ Гранвилъ Варней, въ которую маюръ, во время своего отъезда въ Англію, влюбился до безумія, увидѣвъ ее играющею на сценѣ съ братомъ,—и женился на ней безъ всякихъ проволочекъ. Какъ бы то ни было, но нельзя не сознаться, что мистриссъ Варней была женщина въ высшей степени изящная, красивая, увлекательная; она обладала великолѣпнѣйшимъ контральтно и замѣчательнымъ музыкальнымъ дарованіемъ, которое такъ превосходило обыкновенные таланты, что она заслуживала названія генин. Если толстый камердинеръ-жидъ былъ ея братомъ, то нельзя сказать, чтобы она выказывала особенную нѣжность къ этому родственнику: она проходила мимо него съ гордо опущенными глазами, какъ будто онъ былъ даже недостойнъ, чтобы она замѣчала его присутствіе.

Послѣ двухъ-трехъ дней пребыванія маюра въ замкѣ, угрюмость и задумчивость Вальдзингама начала постепенно исчезать. Большую часть дня они проводили за биллиардомъ, а половину ночи—за экартъ; дамы иногда приходили въ биллиардную, что-

бы слѣдить за ихъ игрою. Маюръ смѣялся и болталъ, выдѣлавая различныя эволюціи кіемъ и разсыпался въ комплиментахъ присутствующимъ дамамъ, пока шары катились по зеленому сукну. Аргуръ же Вальдзингамъ, напротивъ того, игралъ съ какимъ-то лихорадочнымъ вниманіемъ; онъ какъ будто никогда не уставалъ и не скучалъ за биллиардомъ и оставлялъ его съ сожалѣніемъ. Во время игры въ экартъ, капитанъ постоянно настаивалъ на ея продолженіи и удерживалъ своего друга за маленькимъ столомъ еще долго послѣ ухода дамъ. Кто бы увидѣлъ этихъ двухъ мужчинъ, наклонившихся надъ картами, тотъ бы сказалъ, что маюръ игралъ только изъ прихоти или изъ снисхожденія къ другу, между тѣмъ какъ у капитана игра была глубоко вкоренившаяся страстьюю.

Пока все это происходило въ замкѣ, Жильбертъ Арнольдъ, сторожъ, курилъ, по обыкновенію, свою трубку за дверью и взглядомъ ненависти и зависти смотрѣлъ на гостей замка и на ихъ людей.

— И такъ, у капитана *неизвѣстно какого*, который явился *неизвѣстно откуда*, гостить одинъ изъ его друзей? сказалъ онъ однажды женѣ, нѣсколько дней спустя по пріѣздѣ маюра.—Онъ вѣроятно, думаетъ, что мой сынъ ляжетъ на землю, чтобы доставить ему удовольствіе пройти по нему; эти господа всегда ждутъ подобнаго. Но мы не сдѣлаемъ этого, не правда ли, Джимъ? добавилъ онъ, обращаясь къ сыну, который качался на калиткѣ сада.

— Чего мы не сдѣлаемъ, батюшка!

— Мы не ляжемъ на землю, чтобы богачи топтали насъ своими блестящими сапогами, вѣдь такъ, Джимъ?

— Нѣтъ, батюшка, по доброй волѣ мы не сдѣлаемъ этого, отвѣтивъ мальчикъ, взглянувъ лукаво на нахмуренное лице отца.

Жильбертъ расхохотался.

— Ты весь въ меня, мой сынъ,—настоящая отрасль стараго дуба.... Къ чорту униженія твоей матери при малѣйшемъ знакъ благоволенія нашихъ господъ и признательность къ нимъ, если они бросаютъ намъ крошки со своего стола!

— Батюшка! воскликнул мальчик:— вот капитанъ, баринъ съ усам и сэръ Рупертъ! они идутъ къ рѣшеткѣ.

— А! быть можетъ, ты получишь монету въ шесть пенсовъ, если подойдешь къ нимъ. Вери ихъ деньги, но не принимай униженій, Джимъ; это тебѣ мой совѣтъ.

Мальчикъ кивнулъ головою и, спрягнувъ съ калитки, побѣжалъ въ аллею.

— Артуръ, сказалъ маіоръ, приближаясь къ рѣшеткѣ:— извѣстно ли вамъ что-нибудь относительно стараго браконьера, который служитъ у васъ?

— Ничего, кромѣ того, что онъ въ свое время былъ страшнымъ негодяемъ, теперь онъ прилежно читаетъ книги душевнолезнаго содержанія, которыя даетъ ему господинъ Мейсонъ и бываеъ каждое воскресенье въ церковь.

— Хорошо! сказалъ маіоръ.— Онъ былъ прежде отъявленнымъ плутомъ, а теперь сталъ ханжить и лицебрить.... Вотъ, Артуръ, человѣкъ, котораго мнѣ необходимо научить.... изучить только—вы понимаете? Можете вы дать мнѣ нѣсколько свѣдѣній о его прошломъ?

— Я думаю, что онъ провелъ годъ или два въ Суссекса и сидѣлъ въ острогѣ, въ Гемпширѣ, вслѣдствіе какихъ-то недоразумѣній съ нашими дѣсячниками; по своему возвращеніи, онъ женился на Ракли Дэвсонъ, дочери сторожа, а съ тѣхъ поръ только и дѣлаетъ, что бродитъ вокругъ своего дома, вотъ какъ вы сейчасъ видите.

— Да, вотъ и онъ! проговорилъ маіоръ весело. Глаза у него зеленовато-желтые, настояще кошачьи глаза, которые мѣняютъ свои цвѣта на солнцѣ; походка тоже кошачья—тихая, крадущаяся; и вѣрно отличается и кошачьею хитростью. Артуръ Вальдзингамъ, я изучу этого человѣка!

Въ это время разговаривающіе подошли къ рѣшеткѣ.

— Здравствуй, Арнольдъ! сказали капитанъ.

Арнольдъ, нехоти, кивнулъ головою, и такъ же нехоти снялъ свою засаленную фуражку. Маленькій баронетъ, одѣтый въ бархатный камзолъ, смотрѣлъ на Джима одѣтаго въ плисовые панталоны, холстинковую блузу и толстые башмаки съ гвоздями.

— Чортъ возьми! воскликнулъ маіоръ:— эти дѣти кажутся ровесниками.

— Мой мальчикъ на годъ моложе сэра Руперта, проворчалъ Жильбертъ Арнольдъ.

— Годомъ моложе! Молодецъ же онъ для своихъ лѣтъ, мой другъ! Они должно быть одинаковаго роста.... Посмотримъ.... Баронетъ, сойдите съ вашего пони и покажите, кто изъ васъ больше: вы или маленький Арнольдъ.

Баронетъ спрыгнулъ на землю и маіоръ поставилъ мальчонку спиною къ спицѣ. Сэръ Рупертъ снялъ свою шляпу, при чемъ оказалось, что его голова на одномъ уровнѣ съ головою Джима.

— Нѣтъ ни малѣйшей разницы между ними, сказалъ маіоръ Варней;— волосы ихъ тоже совершенно одинаковаго цвѣта.

Маіоръ говорилъ правду: длинныя вудри баронета и коротко остриженные волосы Джима ибѣли одинъ и тотъ же отбѣнокъ. Оба мальчика были съ голубыми глазами, блѣдными лицами и тонкими чертами. Однако поверхностный наблюдатель не замѣтилъ бы поразительнаго сходства этихъ мальчонковъ, вслѣдствіе громадной разницы въ ихъ костюмахъ и прическахъ.

— Еслибъ мой пріятель Арнольдъ одѣвалъ бы своего сына, какъ одѣваютъ сэра Руперта, то этихъ дѣтей можно бы назвать близнецами, замѣтилъ маіоръ.— Баронетъ, позвольте мальчику сѣсть на минуту на вашего пони; намъ хочется посмотрѣть, какъ онъ будетъ держать себя.

Маіоръ посадилъ мальчика на пони, но Джамъ Арнольдъ наслѣдовалъ только завистливый характеръ отца, но не его отвагу; когда маіоръ погналъ пони, мальчикъ побѣдѣлъ и закричалъ.

— Что?! сказалъ маіоръ, снимая его съ сѣдла:— да онъ дрожитъ всѣмъ тѣломъ.... Неужели онъ робокъ?

— Да, онъ немного трусливъ, отвѣтилъ отецъ.

— Трусливъ! повторилъ маіоръ;— трусливъ! этого никакъ нельзя было ожидать! Сэръ Рупертъ нѣженъ, какъ молодая дѣвушка, но держать себя на пони не хуже взрослогаго и столько же боится перескочить черезъ плетень, какъ и я. Не такъ-ли, баронетъ? обратился онъ къ сэру Руперту, который слова сѣлъ въ сѣдло.

— Да, маіоръ, Джэксъ Арнольдъ трусь, онъ кричитъ, когда дотронешься до него; я не люблю трусливыхъ!

— Тихе, баронетъ! джентльмену не слѣдуетъ такъ говорить; смѣлость и робость зависятъ отъ физическихъ причинъ. Этотъ мальчишъ не можетъ противиться болѣзни, продолжалъ маіоръ, положивъ руку на голову Джэкса. — Онъ очень нервный и человѣкъ съ сильною волею можетъ сдѣлать изъ него все, что только захочетъ. Я увѣренъ, что могъ бы заставить его слѣдовать за мною, какъ собаку, и угадывать мои сокровенныя мысли.... Берегите вашего сына, Арнольдъ, иначе онъ на дняхъ еще доставитъ вамъ много хлопотъ.

— Благодарю, сударь, отвѣтилъ сторожъ угрюмо: — я ничего не опасуюсь.

— А! понимаю: вы не любите, чтобы вмѣшивались въ ваши дѣла. Ничего, мой милый; мы научимся со временемъ понимать другъ друга, какъ нельзя лучше, произнесъ маіоръ, потирая руки и поглядывая съ лукавою усмѣшкою на сердитаго сторожа.

Жильбертъ Арнольдъ началъ усиленно мигать подъ этия пристальнымъ и сверкающимъ взглядомъ.

— До свиданія, мой другъ, добавилъ маіоръ. — Я еще приду когда-нибудь, поболтать съ вами.... Идемъ, баронетъ! идемъ, Артуръ, мой неоцѣненный! отправимся въ путь.

При послѣднихъ словахъ Гранвиля Варнея, ворота парка закрипѣли на желѣзныхъ петляхъ и захолоулись съ гуляющими. Жильбертъ Арнольдъ покинулъ свой любимый постъ и сталъ слѣдить за ними наблюдательнымъ взглядомъ.

— Вудъ проклятъ этотъ человѣкъ! проговорилъ онъ злобно. — Мнѣ хотѣлось бы знать, кто онъ такой, если рѣшается обращаться съ людьми, какъ съ неодушевленными предметами.... Чортъ бы побралъ этого дерзкаго гордеца!

Вечеромъ маіоръ просидѣлъ очень долго за туалетомъ; казалось, что онъ никогда не кончитъ прилаживая свои волосы и расчесывать усы. Наконецъ онъ остановился, держа въ рукахъ двѣ гребенки изъ слоновой кости и взглянулъ задумчиво на своего камердинера, который стоялъ предъ нимъ, держа въ рукахъ жилетъ.

— Соломонъ, вы ведете слишкомъ спокойную жизнь въ этомъ

скучномъ замкѣ, заговорилъ маіоръ. Надѣюсь, что вашъ мозгъ не отупѣетъ отъ этого бездѣйствія.

— Надѣюсь, что нѣтъ, господинъ маіоръ; въ особенности, если....

— Въ особенности, если я найду нужнымъ привести его въ движеніе, такъ что-ли, Соломонъ?... Я понимаю васъ; вы славный малый, Соломонъ и я надѣюсь, что буду скоро имѣть возможность удвоить ваше жалованіе. Теперь возьмите записную книжку и слушайте меня.

Соломонъ, все еще держа въ рукѣ жилетъ маіора, вынулъ изъ кармана книжку, карандашъ — и приготовился писать. Листки памятной книжки были испещрены различными замѣтками.

— Живетъ вождь рѣшетки парка, началъ маіоръ, браконьеръ, котораго зовутъ Жильбертомъ Арнольдомъ. Пишите: Жильбертъ Арнольдъ, браконьеръ.

Соломонъ написалъ.

— Онъ сидѣлъ въ винчестерскомъ острогѣ за драку съ лѣвниками, продолжалъ Гранвиль, запишите: винчестерскій острогъ.

Соломонъ записалъ то, что ему было приказано.

— Теперь закройте книгу и выслушайте меня!

Маіоръ положилъ гребенки и усеѣлся въ кресло, а Соломонъ приготовился внимательно слушать своего господина.

— Этотъ браконьеръ сидѣлъ въ винчестерскомъ острогѣ за нарушение законовъ охоты въ здѣшней мѣстности; онъ былъ заключенъ два раза въ ливинскомъ острогѣ за какія-то другія преступленія. Но онъ совершилъ такое преступленіе, за которое никогда не былъ наказанъ.

— Изъ чего вы вывели это заключеніе, господинъ маіоръ?

— Изъ всей наружности этого человѣка: изъ его мигающихъ глазъ, которые избѣгаютъ моего взгляда, изъ его нерышительной походки и всѣхъ его пріемовъ. Каждое утро, вставая съ постели, онъ говоритъ себѣ: „я могу быть заарестованнымъ сегодня вечеромъ“. Когда онъ садится къ зеркалу, чтобы выбриться, онъ бросаетъ черезъ нѣсколько минутъ бритву и думаетъ: „можетъ быть, я къ вечеру буду цеголять въ арестантскомъ платьѣ“.... Соломонъ, этотъ человѣкъ непременно давно ужъ совершилъ ка-

кое-нибудь преступление и служилъ до сихъ поръ хоронить всѣ концы. Онъ живетъ въ вѣчномъ страхѣ. Быть можетъ, онъ въ настоящее время считаетъ себя въ безопасности, но боязню вошла ему въ привычку. О, Соломонъ! какое счастье имѣть чистую совѣсть и жить внѣ опасенія, что придется въ одинъ прекрасный день надѣть безобразный арестантскій костюмъ!

Маюръ громко разсмѣялся при этой утѣшительной мысли.

— Ну, Соломонъ, вы, должно быть, ужъ угадываете, о чемъ я хочу просить васъ. Вамъ нужно уйти отсюда завтра утромъ; я скажу вамъ, гдѣ и какъ вы можете навести нужныя справки. Я рассчитываю на вашу скромность и говорю вамъ прямо: узнайте тайны прошедшей жизни Жильберта Арнольда и сообщите ихъ мнѣ. Теперь дайте жить.

Маюръ докончилъ туалетъ и отослалъ камердинера. Отворилась дверь—и на порогъ ея показалась мистрисъ Варней, одѣтая въ бѣлое платье, съ живыми цвѣтами въ волосахъ.

— Вашъ туалетъ сегодня очарователенъ, кукири моего сердца! протворилъ нѣжно маюръ.—Эти цвѣты придаютъ вамъ видъ полнѣйшей непорочности.... Скажите, Ада Варней, желали бы вы быть владѣтельницею Лисльвудъ-Парка?

— Перестаньте говорить глупости, а пойдите лучше внизъ, отвѣтила молодая женщина.— Я думала, что вы сегодня не окончите своего туалета.

— Ада, необходимыя приготовления, чтобы подковать этотъ домъ, отнимаютъ не мало времени. Впрочемъ, мнѣ кажется, что скоро можно будетъ позаняться устройствомъ зины, не такъ-ли? Но вы не беспокойтесь, моя дорогая: дѣло ведется систематически. Альфредъ Соломонъ получалъ отъ меня инструкціи. Остается еще сдѣлать многое, но мы все-таки достигнемъ цѣли съ чистою совѣстью и не опасаясь ни тюрьмы, ни наказанія — какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ.

ГЛАВА VIII.

Бишерь-Ридъ.

Прошло пять недѣль со времени пріѣзда маюра Гранвиля Варней съ женою въ Лисльвудъ-Паркъ и насталъ день ихъ отъѣзда. Они хотѣли провести еще недѣлю или двѣ въ Брайтонѣ, прежде чѣмъ отправиться въ Лондонъ, гдѣ располагали пробывать до истечения срока отпуска маюра. Они хотѣли ѣхать въ своемъ экипажѣ, на своихъ лошадахъ и съ своими учеромъ, а Соломонъ долженъ былъ занять мѣсто на запяткахъ. Маюръ и мистрисъ Варней стояли на террасѣ, въ обществѣ своихъ хозяевъ, пока чемоданы укладывались на верхъ экипажа — подъ наблюдениемъ опытнаго Соломона.

— Артуръ, сказалъ маюръ, не идетъ-ли большая дорога мимо косогора, который вы называете Бишерь-Ридомъ?

— Да—мимо одного изъ косогоровъ, но не Бишерь-Ридскаго, который находится съ другой стороны.

— Не пройди-ли намъ съ вами туда, пока Соломонъ укладываетъ багажъ?—времени еще хватить.... Ада подождетъ меня на дорогѣ; я увижу приближеніе экипажа съ горы.... Мнѣ надо сказать этому милому Артуру нѣсколько словъ на прощаніе.

Маюръ распростился съ мистрисъ Вальдзингамъ, накиннулъ на плеча толстый пледъ и сказалъ жонѣ, гдѣ ей слѣдуетъ ждать его.

Въ это мгновение изъ конюшенъ выѣхалъ, на своемъ чистокровномъ пони, сэръ Руергъ Лисль.

— Папа, можно мнѣ поѣхать съ вами? спросилъ онъ.

Капитанъ Вальдзингамъ колебался отвѣтить и взглянулъ вопросительно на своего пріятеля.

— Конечно, можете, сэръ Руергъ, сказалъ маюръ.

Дойдя до сторожки, майоръ остановился и опустил въ руку сторожа золотую монету.

— Здравствуйте и прощайте, мои друзья, проговорилъ онъ. — Послушайте моего совѣта и берегите вашего сына, если не хотите быть поставленными въ затруднительное положеніе на этихъ же дняхъ.

— Хорошо-съ, сударь, отвѣтилъ сторожъ съ хитрою улыбкою.

Ворота еще разъ съ визгомъ захлопнулись за молодымъ владѣльцемъ Лисльвудъ-Парка. Какъ-бы молодъ онъ ни былъ, но еслибъ онъ могъ предвидѣть что его ожидаетъ за этою рѣшеткою, то этотъ рѣзкій звукъ показался бъ ему похороннымъ звономъ его безпечной жизни.

Нужно было идти около часа, чтобы достигнуть, по неровной дорогѣ, того косогора, на которомъ капитанъ Вальдзингамъ встрѣтилъ леди Лисль, въ день своего возвращенія изъ Индіи. Взойдя на вершину, мушкетеры отдынулись. Майоръ повернулся въ сторону сэра Руперта и мигнулъ капитану.

— Рупертъ, позжайте галопомъ на ту сторону косогора: мнѣ надо поговорить съ майоромъ! произнесъ Вальдзингамъ.

Мальчикъ кивнулъ головою и, махая хлыстомъ, поскакалъ, куда ему указалъ вѣтчикъ, такъ что онъ оставался въ виду, но не могъ ничего слышать изъ разговора друзей.

— Въ чемъ дѣло? спросилъ капитанъ, воткнувъ свою трость въ землю и тяжело опираясь на нее.

Онъ приготовился очевидно къ продолжительной бесѣдѣ.

Майоръ разстегнулъ свое широкое пальто и началъ играть золотыми брелоками часовъ. Бѣлые зубы его, усы и бакенбарды такъ и сіяли на солнцѣ.

— Въ чемъ дѣло? повторилъ капитанъ съ нетерпѣніемъ. Для чего вы притаскивали меня на косогоръ? Что вамъ нужно сказать мнѣ, чего вы не могли сказать мнѣ вчера вечеромъ?

— Вы не догадываетесь? спросилъ его майоръ съ любовною улыбкою.

— Ну, понятно, что нѣтъ.

— Ну, да—вы не *хотите* догадаться, лисица! Вы боитесь.

принять на себя инициативу въ шекотливомъ вопросѣ, но я беру ее на себя. Милый другъ мнѣ нужно еще денегъ.

— О! вы опять за старое, но я вамъ повторю только то, что сказалъ вамъ еще вчера вечеромъ: у меня нѣтъ больше денегъ и я не имѣю никакой возможности достать ихъ въ скоромъ времени. Я и такъ ужъ довольно пообобралъ жену и не буду просить у нея ни одного шиллинга.

— Эти слова доказываютъ, что вы странно упрямы! проговорилъ майоръ.

Онъ вынулъ изъ кармана пальто маленький пакетъ аккуратно сложенныхъ писемъ, написанныхъ тонкимъ, женскимъ почеркомъ и связанныхъ голубою шелковою ленточкою.

— Взгляните-ка на эти письма; сказалъ онъ иронически. Не прочтеть-ли ихъ вамъ? вы, можетъ быть, забыли уже ихъ содержаніе!

Капитанъ отвернулся, пробормотавъ проклятіе.

Майоръ перебиралъ невозмутимо письма, пробѣгалъ ихъ глазами, насвистывая что-то и останавливаясь, когда ему встрѣчалась интересная фраза. Капитанъ Вальдзингамъ смотрѣлъ на него пристальнымъ, но полнымъ грусти взглядомъ.

— Артуръ, безцѣнный другъ, если у меня къ концу этого мѣсяца не будетъ пяти тысячъ фунтовъ стерлинговъ, то мистрисъ Вальдзингамъ получитъ эти письма перваго октября. Какъ онѣ ни забавны, но я все-таки думаю, что она не пойметъ заключающихся въ нихъ шутокъ, а приметъ содержаніе ихъ за чистую монету. Вы любите ее, Артуръ, положимъ, какъ слѣной, такъ какъ глупость ея бросается въ глаза, но вѣдь бывають люди, которымъ очень нравятся и вареная курица.

— Майоръ Варней! воскликнулъ съ угрозою Вальдзингамъ.

— Пустая голова! получу-ли я пять тысячъ фунтъ стерлинговъ или придется мнѣ переслать эти письма бѣлокурой красавицѣ? Рѣшайте поскорѣе, мой другъ; мнѣ кажется, что скоро пойдетъ проливной дождь!

— Я ужъ сказалъ вамъ, что не могу достать этой громадной суммы. Что же касается писемъ, то онѣ совершенно не пугаютъ меня: вы слишкомъ умны, чтобы свернуть шею курицѣ, которая

несетъ вамъ золотыя яйца. Тайна моего прошлаго, которую вы пользуетесь, какъ способомъ къ наживѣ, потеряетъ всю силу, когда она откроется. Не дуракъ же вы, чтобы выпустить ее добровольно изъ рукъ.

Маіоръ закусилъ губы и на лицѣ его мелькнуло выраженіе глубокаго смущенія. Казалось на мгновеніе, что онъ выдастъ себя, но онъ тотчасъ оправился и отвѣтилъ со смѣхомъ:

— Вы хитрая лисица и васъ не проведешь!.. Ды, вы, конечно, правы: я вовсе не намѣренъ разглашать вашу тайну, не желаю несчастья бѣдненькой леди Лисль, или мистриссъ Вальдзингамъ, или какъ бы ее вообще ни называли! Я не добиваюсь, чтобы васъ выгнали изъ Лисльвудъ-Парка или послали въ какую-нибудь отдаленную колонію, гдѣ могли бы имѣть дерзость заставить васъ трепать палку или разбивать камни. Нѣтъ, милый мой Артуръ, я только хочу исключительно уладить дѣло къ лучшему и способствовать нашему всеобщему спокойствію. Повѣрите вы мнѣ, если я скажу вамъ, что я измыслилъ средство достигнуть этой цѣли.

— Можетъ быть? отвѣчала небрежно Вальдзингамъ.

— Хорошо. Теперь вслушайте! Я не изъ тѣхъ несчастныхъ, для которыхъ наличныя деньги есть необходимое условіе существованія. Видите вы тамъ, на дорогѣ, мой экипажъ, моихъ лошадей, моего кучера и моего камердинера?—понятно-же, что я не могу содержать все это своимъ маіорскимъ жалованьемъ. Съ другой стороны я не имѣю нужды, какъ вы и сами знаете, въ десяти фунтахъ стерлинговъ. Мнѣ лучше получить пятьдесятъ тысячъ въ десять лѣтъ, чѣмъ сегодня—пять тысячъ.... Артуръ Вальдзингамъ, который теперь годъ этому мальчугану?

И съ этими словами онъ указалъ рукою на сэра Руперта Лисля.

— Какое отношеніе имѣютъ его лѣта къ нашему разговору? спросилъ капитанъ.

— Это лишний вопросъ! Вы только отвѣчайте: который ему годъ?

— Ему въ іюль мѣсяцѣ исполнилось семь лѣтъ.

— Семь лѣтъ — великолѣпно! Что скажете, Артуръ, если я

разорву этотъ пакетикъ съ письмами на тысячу кусковъ, да и крошѣ того, не буду брать у васъ ни одного пенса, въ теченіи четырнадцати лѣтъ?

Капитанъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Что вы хотите этимъ сказать? спросилъ онъ съ нетерпѣніемъ.

Маіоръ вялъ его подъ руку и, наклонясь къ нему, шепнулъ ему на ухо нѣсколько словъ, которые заставили его поблѣднѣть отъ испуга. Настала пауза, въ продолженіи которой маіоръ не сводилъ взгляда съ Артура Вальдзингама.

— Хотите-ли вы сдѣлать это или хотите, чтобы я самъ это выполнилъ? спросилъ онъ его вслухъ.

— Бездѣльник! загремѣлъ капитанъ Вальдзингамъ. Я не сдѣлаю этого, еслибъ даже я могъ откупиться такою цѣною отъ галеръ!

— Дитя! не горячитесь! сказалъ тихо маіоръ.— „Нѣтъ, еслибъ я даже могъ откупиться такою цѣною отъ галеръ!“ повторилъ онъ съ презрѣніемъ.—Есть люди выше васъ, которые бы сдѣлали это за двадцать фунтовъ стерлинговъ.... Что же это такое?—ни болѣе ни менѣе, какъ весьма простой фокусъ. „Милостивые государи и милостивыя государыни, видите этотъ шиллингъ? вотъ я кладу его подъ этотъ стаканъ.... Токъ-токъ!—и нѣтъ его!... Токъ-токъ!...— вотъ онъ опять!“ Говоря это, фокусникъ показывалъ публикѣ запропавшій шиллингъ а она воображаетъ, что видитъ предъ собою что-то необыкновенное, а между тѣмъ, Артуръ, онъ показалъ ей не тотъ же самый шиллингъ, но—другой, точно такой какъ первый.... Капитанъ Вальдзингамъ, угодно вамъ загородить намъ дорогу къ счастью или вы соглашаетесь помочь мнѣ въ этомъ фокусѣ?

— Нѣтъ.... повторяю вамъ.

— А что если я сдѣлаю это помимо васъ?

— Тогда я донесу объ этомъ преступленіи, что бы потомъ ни случилось!

— Да вы неисправимы!.... Это ваше послѣднее рѣшеніе. Артуръ!

— Да! сказалъ Вальдзингамъ.

— Великолѣпно! произнесъ маіоръ, пожимая плечами:—Если такъ, дѣлать нечего.... Помните же, добавилъ онъ, ударя паль-

цами по бумагамъ, которыя держалъ еще въ другой рукѣ, — что вамъ уже не должно ожидать отъ меня ни малѣйшей пощадки! Когда человекъ не хочетъ соблюдать своихъ собственныхъ выгодъ, пусть онъ не воображаетъ, чтобы умные люди захотѣли страдать по милости его слѣпоты и безумія... Позовите вашего пасынка: я пропущу съ нимъ и потомъ отправлюсь въ путь. Вѣдныя Ада, вѣроятно, ждутъ меня.

Капитанъ подзвалъ сэра Руперта Лисля, который прискакалъ въ одинъ мигъ къ косогору.

— Сэръ Рупертъ, сказала маіоръ: — я хочу проститься съ вами, потому что сейчасъ оставляю Бишеръ-Ридъ... А прогос, вспоминаю, что поселене что-то много толкуютъ объ этой косогорѣ, но до сихъ поръ я не могъ узнать, откуда произошло названіе Бишеръ-Рида. Объясните мнѣ это, на прощанье, Артуръ!

— Отстаньте! произнесъ сердито капитанъ. Для чего вамъ нужна исторія Бишеръ-Рида?

— Не будьте же невѣжливымъ, мой дорогой Артуръ, а расскажите мнѣ, о чемъ я васъ прощу.

Они стояли на вершинѣ самаго высокаго косогора этой мѣстности, усѣянной неровностями, а предъ ними находился почти отвѣсный спускъ.

Косогоръ этотъ названъ Бишеръ-Ридомъ потому, что, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, какому-то капитану Бишеру, знаменитому спортсмену, вадумалось, вследствие пари, перескочить черезъ него верхомъ на чистокровной лошади, сказалъ Артуръ Вальдзингамъ.

— И что же, онъ убили? спросилъ маіоръ Варней.

— Нѣтъ, но за то его лошадь погибла при скачкѣ.

Маіоръ разохотался.

— Вѣдаяжка! произнесъ онъ: онъ полатился лошадей! И никто не поспѣдовалъ потомъ его примѣру?

— Должно быть, что никто!

Сэръ Рупертъ Лисль прислушивался съ напряженнымъ вниманіемъ къ этому разговору.

— Я хочу подняться туда, сказалъ онъ, указывая на крутизну.

Капитанъ отошелъ въ сторону и кинулся на пожелтѣвшую траву.

— Что за идея, баронетъ! возразилъ маіоръ. — У васъ не хватитъ смѣлости, добавилъ онъ, смѣясь. — Вы можете не быть такимъ жалкимъ трусомъ, какимъ оказался Джэмсъ Арнольдъ; но все-таки едва ли вы настолько отважны, чтобы переѣхать галопомъ Бишеръ-Ридъ; вѣдаюсь честию, что это вполнѣ невѣроятно!

Упорство было наследственною чертою въ домѣ Лисля и часто заставляло членовъ этой семьи совершать такіе ненормальные подвиги, на которые не отважился бы самый храбрый изъ храбрыхъ; подобная настойчивость въ исполненіи задуманнаго приводитъ часто къ болѣе блестящимъ результатамъ, чѣмъ дерзкая отвага. Сэръ Рупертъ былъ настоящимъ Лислемъ, по своему вначичному, вялому, но упрямому характеру.

Маіоръ смѣялся и его лице, обращенное къ солнцу, имѣло крайне вызывающее выраженіе.

— Нѣтъ, нѣтъ, мой маленький баронетъ, продолжалъ онъ: — у васъ не хватитъ смѣлости отважиться на это; къ тому же вы умны и можете понять, что это невозможно.

Блѣдныя щеки мальчика запылали отъ гнѣва.

— А! это невозможно! воскликнулъ онъ своимъ слабымъ, но рѣзкимъ голосомъ. — А! это невозможно?

Онъ повернулъ своего пони и проѣхалъ разъ по одному изъ бугровъ; затѣмъ, изъ всѣхъ силъ стегнулъ пони хлыстомъ, перескочилъ черезъ перила и началъ подниматься потомъ на крутизну, Маіоръ различилъ издали, что мальчикъ поблѣднѣлъ, пока пони поднимался на верхъ. Капитанъ, очнувшійся отъ топота лошади, вскочилъ и бросился къ краю косогора, въ то самое время, когда баронетъ мчался по опасному спуску, который велъ къ оврагу.

— Онъ спустится, не получивъ ни малѣйшей контузіи, проговорилъ маіоръ.

— Демонъ! воскликнулъ съ ужасомъ капитанъ Вальдзингамъ: это твоя продѣлка!

Пони уже достигъ подножія косогора; а ребенокъ качался взадъ и впередъ въ сѣдлѣ, стараясь всѣми силами удержаться на лошади; но вследствие стремительности послѣдняго скачка, животное унало, смявъ подъ собою всадника. Глазамъ наблюдающимъ

сверху пони и мальчика представилась только безформенная масса, которая шевелилась еще несколько мгновений и сдвинулась затѣмъ внезапно не подвижно.

— Скорѣе ко мнѣ, сюда! воскликнулъ капитанъ, сбѣгая по тропинкѣ, служившей пѣшеходамъ.

Онъ добѣжалъ до мѣста паденія баронета.

Маіоръ послѣдовалъ за нимъ и первый опустился на колѣна возлѣ пони и мальчика. Сэръ Рупертъ былъ распростертъ подъ лошадь, которая встала, какъ только маіоръ распуталъ ей поводья.

Сэръ Рупертъ Лисль лежалъ безъ всякаго движенія. Нѣсколько капель крови на лбу были единственными признаками полученнаго ушиба.

— Слава Богу! сказалъ капитанъ съ облегченіемъ, — онъ отдыбался однимъ только страхомъ.

Маіоръ Гранвилль разстегнулъ жакетку мальчика и положилъ руку на его сердце. Онъ вдругъ поблѣднѣлъ и его блюкурные усы и бакенбарды, какъ будто, потеряли привычный свой блескъ.

— Онъ умеръ отъ сотрясенія мозга, проговорилъ онъ торжественно.

— Демонъ! воскликнулъ снова капитанъ Вальдзингамъ, стиснувъ горло маіора: — ты — убійца его!

Маіоръ, все еще блѣдный, освободился отъ стиснувшей его руки и произнесъ спокойно:

— Артуръ, будьте благоразумны и выслушайте меня. Я такъ же невиновенъ въ случившемся, какъ и вы сами. Когда я, давеча, предложилъ вамъ комбинацію, которая могла бы упрочить за нами богатство, то сказалъ, что мальчику не будетъ причинено ни малѣйшаго вреда; и говорилъ именно то, что думалъ, но вы взбѣсили меня своею глупостью и мнѣ захотѣлось некого подразнить вашего пасынка. То что случилось, произошло безъ моего содѣйствія. Это было одною изъ тѣхъ игръ случая, которыхъ нельзя предвидѣть или предотватить. То что сдѣлалось — сдѣлано и мы съ вами не въ силахъ передѣлать его! но мы можемъ — онъ понизилъ голосъ почти до шопота — извлечь

пользу изъ случая! Позволяете-ли вы мнѣ поступать, какъ указать мой умъ и мой разумокъ?

— Да, сказалъ капитанъ, закрывая руками свое помертвѣвшее отъ ужаса лице. — Я поклялся быть покровителемъ этого ребенка — и вотъ какъ я сдержалъ данную мною клятву!

Маіоръ снялъ свой пледъ и разостлалъ его бережно на травѣ; затѣмъ, поднявъ безжизненное тѣло баронета, онъ положилъ его на пледъ и покрылъ его спокойное, поспитѣвшее лице батистовымъ платкомъ.

— Артуръ, сказалъ онъ — оставайтесь здѣсь и наблюдайте, чтобы никто не догадался объ этой катастрофѣ. Я вернусь очень скоро.

Онъ взялъ подъ уздцы пони и повелъ его черезъ оврагъ въ поле, находившееся вблизи, не обращая вниманія на свои лабиринтные сапоги. Доведя лошадь до стоячаго пруда — за милую отъ мѣста катастрофы и въ шести миляхъ отъ Лисльвудъ-Парка, онъ погналъ ее, стегая своимъ галетукомъ, въ сторону воды и накнуулъ ей на шею поводья. Она погрузилась въ воду по грудь и, выскочивъ на противоположный грязный берегъ, опустилась во весь опоръ черезъ вспаханную землю, по направленію къ сосновому лѣсу. Маіоръ слѣдилъ за нею глазами, пока она не скрылась совсѣмъ изъ вида, а потомъ поспитѣвши обратно къ Вальдзингаму и тѣлу баронета. Онъ нашелъ капитана, сидящимъ возлѣ трупа своего пасынка.

— Я думалъ, что вы никогда не вернетесь, промолвилъ капитанъ, когда маіоръ приблизился.

— Проходилъ ли здѣсь кто-нибудь?

— Никто не проходилъ.

— Хорошо. А теперь отправляйтесь прямо къ матери этого несчастнаго ребенка и скажите ей просто, что мальчикъ заблудился. Вольше вамъ ничего не нужно говорить: помните, что пони найдетъ дорогу въ Лисльвудъ.

Онъ взялъ тѣло баронета на руки и пошелъ было съ нимъ къ ожидающему его экипажу, но отказался тотчасъ же отъ этого намѣренія.

— Артуръ, сказалъ онъ быстро, бѣгите къ экипажу и прикажите кучеру подъѣхать сюда.

Капитанъ повиновался и черезъ нѣсколько минутъ слышался стукъ приближающейся кареты.

Мистрисъ Варней выглядывала изъ окна экипажа; она была прекрасна въ своей изящной шляпкѣ.

— Что случилось? спросила она съ живѣйшимъ любопытствомъ.

— Отворите дверцу, Соломонъ! приказалъ майоръ.

— Вамъ безразлично сидѣть спиною къ лошадамъ Ада? спросилъ онъ, когда Соломонъ отворилъ дверцу и опустилъ подножку.

— Для чего это нужно? спросила мистрисъ Варней съ озадаченнымъ видомъ.

Майоръ не отвѣчалъ, но, взявъ за руку Аду, заставилъ ее выйти изъ экипажа и положилъ мертвого мальчика на подушки кареты. Онъ увидѣлъ въ экипажѣ великолѣпную шкуру леопарда, въ которую были закутаны ноги мистрисъ Варней, схватилъ ее поспѣшно и накиннулъ на трупъ.

— Что случилось съ ребенкомъ? спросила мистрисъ Варней, ужъ не раненъ ли онъ?

— Да, онъ раненъ опасно; я везу его въ Брайтонъ, чтобы пригласить къ нему свѣдущихъ докторовъ.... Садитесь скорѣе, Ада. Затворите дверцу, Соломонъ!

Майоръ съ женою сѣли на заднюю скамейку, спиною къ лошадамъ; капитанъ положилъ руку на дверцу экипажа.

— Что вы хотите сдѣлать съ ребенкомъ? спросилъ онъ у майора.

— Варней улыбнулся, въ первый разъ послѣ только что разыгравшейся драмы.

— Вы знаете, или угадываете это сами, мой другъ, отвѣтилъ онъ уклончиво.

Экипажъ укатилъ и Вальдзингамъ остался блѣдный и озадаченный на пустынной дорогѣ.

— Клэрибелль, прошепталъ онъ, — смотря приталыно въ слѣдъ удаляющейся каретѣ: — ваша изиѣна мнѣ, которую вы разбили

мое существованіе, падаетъ, очевидно, теперь на вашу голову! Да поможетъ вамъ Богъ, бѣдная женщина, а я уже не въ силахъ отвѣсть этотъ ударъ.

ГЛАВА IX

Майоръ Варней дѣлаетъ первый ходъ.

Пол-часа спустя по возвращеніи въ Лисльвудъ-Паркъ капитана Вальдзингама, принесшаго женѣ грустную вѣсть, весь округъ ужъ узналъ, что сэръ Рунертъ Лисль исчезъ, неизвѣстно куда. Лошади Лисльвудъ-Парка были тотчасъ обвѣданы и всѣ слуги разосланы по ближайшимъ окрестностямъ: они поскакали по всѣмъ направлениямъ и разыскивали всѣхъ встрѣчныхъ поселянъ, обыскали всѣ аллеи, поля и кособоры, прилегавшіе къ Вишеръ-Риду, но не могли узнать положительно ничего о мальчикѣ, схвачшемъ на сѣромъ въ яблоняхъ пони.

Кларибелль Вальдзингамъ металась, какъ безумная; она сама хотѣла отправиться на поиски и убѣждала бы, если бы ей мужъ не удержалъ ее. Въ пароксизмъ отчаяніи, она обвиняла его въ этомъ несчастіи и осыпала его тяжелыми упреками.

— Гдѣ мой сынъ! восклицала она съ слезами и рыданіями. — Я дофрила его вамъ.... вы поклялись покровительствовать ему! что вы сдѣлали съ нимъ?... Вы должны бы скорѣе рѣшиться умереть, чѣмъ прийти ко мнѣ съ вѣстью о гибели Рунерта.

Эта женщина, обыкновенно такая холодная и безчувственная, была уже не похожа на самое себя: она, въ припадкѣ горя, бѣгала по роскошнымъ комнатамъ замка, повторяя безумно имя своего сына. Капитанъ не рѣшался подавать ей надежду. Онъ вышелъ и пошелъ прямо къ воротамъ замка, ожидать возвращенія разосланныхъ гонцевъ. Онъ увидѣлъ Жильберта Арнольда, стоящаго, по обыкновенію, на порогѣ сторожки; Джемсъ сидѣлъ въ это время на садовой калиткѣ. Капитанъ Вальдзингамъ вздрог-

нуль, когда увидѣлъ блѣднѣе волосы и болѣзненное лицо мальчика, какъ будто передъ нимъ явилось привидѣнiе; онъ подумалъ невольно о неподвижномъ трупѣ, завернутомъ маіоромъ въ толстый шотландскій пледъ, онъ подумалъ о длинныхъ, золотистыхъ кудряхъ, которыхъ рука матери ужъ не будетъ касаться.

— Зачѣмъ вы не отправились на поиски сэра-Руперта вмѣстѣ съ другими слугами? спросилъ онъ у Жильберта.

— Потому, что и безъ меня ихъ отправилось много; отвѣтилъ грубо сторожъ. Мнѣ довольно смотрѣть за собственнымъ сыномъ! онъ можетъ пропасть, быть укареннымъ, или убитымъ, добавилъ онъ насмѣшливо.

Индійскій офицеръ рванулся изъ воротъ, чтобы кинуться на сторожа, но мальчикъ принялся кричать изъ всѣхъ силъ.

— Замолчи, жалкій трусъ, взревѣлъ его отецъ. — Капитанъ, я надѣюсь, не ударитъ меня.

Капитанъ замѣтилъ, что сторожъ былъ пьянъ. Жильбертъ опустилъ руку въ карманъ и началъ побрякивать золотомъ монетомъ, которую недавно получилъ отъ маіора. Капитанъ устремилъ на него наблюдательный взглядъ.

— Не выучилъ-ли онъ заданнаго урока? подумалъ Вальдзингамъ. Знаетъ-ли онъ ту роль, которую ему придется разыграть въ этомъ ужасномъ дѣлѣ?

Наступила ужъ ночь, когда слуги явились и объявили прямо о неудачѣ поисковъ; не задолго до нихъ, пони вернулся въ Лисльвудъ, весь въ илы и въ грязи. Нечего было сомнѣваться, что мальчикъ утонулъ, но гдѣ и какимъ образомъ?

Кларибелль Вальдзингамъ не предложила ни одного изъ этихъ вопросовъ, потому что она повалилась безъ чувствъ, когда узнала о возвращеніи пони. Съ первыми лучами разсвѣта приступили къ изслѣдованію всѣхъ прудовъ и ручьевъ въ сосѣдствѣ Лисльвудъ-Парка; но всѣ эти старанія оставались безплодными; день прошелъ, настала вечеръ, а тѣло сэра Руперта не было найдено. Были тотчасъ прибиты длинныя объявленія по стѣнамъ Лисльвудъ-Парка, по милымъ столбамъ большой дороги и во всѣхъ деревняхъ, гласящія громадными буквами, что будетъ выдано

пятьсотъ фунтовъ стерлинговъ тому, кто отыщетъ хоть тѣло сэра Руперта Лисля.

Всѣ пруды и ручьи были снова изслѣдованы, но нигдѣ безуспѣшно; гдѣ могъ утонуть мальчикъ? Предлагаая другъ другу. этотъ вопросъ, всѣ переглядывались съ явнымъ недоумѣніемъ. Между людьми, собравшимися въ кабакахъ и трактирахъ, шелъ разговоръ о маленькомъ, хорошенькомъ баронетѣ, исчезнувшемъ такимъ неестественнымъ образомъ. Онъ вышелъ изъ парка въ сопровожденіи своего вочима и друга послѣдняго; всѣхъ троихъ потомъ видѣли на большой дорогѣ; капитанъ велъ подлѣ уздцы пони сэра Руперта—а съ этой минуты никто ужъ не видѣлъ болѣе баронета. Разсказъ Вальдзингама объ исчезновеніи мальчика былъ довольно правдоподобенъ; онъ, капитанъ, пошелъ съ Висшерь-Рида провожать маіора до его экипажа, баронетъ въ это время ѣздилъ по косогору; вернувшись же туда, черезъ четверть часа, онъ напрасно искалъ и кликалъ баронета. Нельзя было предположить, чтобъ Вальдзингамъ имѣлъ причины дѣлать вредъ пропавшему ребенку, — тѣмъ болѣе, что Лисльвудъ долженъ былъ перейти въ постороннія руки. Фактъ исчезновенія сэра Руперта Лисля остался, между тѣмъ, не рѣшенною загадкою. Бѣлибъ онъ былъ похищенъ какимъ-нибудь бродягою, то хищникъ завладѣлъ бы несомнѣнно и лошадыю; баронетъ утонулъ: это предположеніе было вѣрнѣе другихъ.

Въ пяти миляхъ отъ Лисльвуда была долина, по которой протекала небольшая рѣка. Мальчикъ могъ поскокать съ косогора туда и погибъ, вѣроятно, желая переправиться на другой ея берегъ. Что же могло увлечь его такъ далеко отъ мѣста, на которомъ оставили его капитанъ и маіоръ? дѣтскій капризъ, конечно, сиевольна баловня! Рѣку тоже изслѣдовали совершенно напрасно: тѣло ребенка, было унесено теченіемъ въ безпредѣльное море и несчастная леди Лисль не увидитъ останковъ единственнаго сына, любимого съ такою безразсудною нѣжностью!

Въ прекрасномъ замкѣ Лисльвудъ воцарилась печаль. Безпредѣльное отчаяніе Кларибелль Вальдзингамъ уступило со временемъ мѣсто глубокой грусти, которая однако выказывалась ясно во всей ея особѣ: малѣйшій слѣдъ румянца исчезъ съ ея лица, а глаза по-

теряли свой прежний, чудный блескъ. Никто и никогда не видаль ее плачущею, а тѣмъ менѣе смѣющеюся; ничто не занимало, не трогало ее, она стала настолько равнодушною ко всѣмъ, что еслибъ загорѣлся ея собственный замокъ, она едва-ли замѣтила-бы наставшую опасность и не вышла бы изъ дома безъ чужихъ побужденій. Она почти безвыходно сидѣла въ своей комнатѣ и не принимала никого, кромѣ мужа да горничной. Да и самъ капитанъ входилъ къ ней очень рѣдко; онъ каждое утро уѣзжалъ куда-то верхомъ и возвращался вечеромъ, чтобы пообѣдать и затѣмъ просидѣть въ библиотекѣ за сигарою до полночи. Слуги шепотомъ говорили другъ другу, что онъ началъ нить болѣе, чѣмъ бы слѣдовало и что исчезновеніе пасыка подѣйствовало самымъ печальнымъ образомъ на его настроеніе. Артуръ Валдзингамъ казался не особенно веселымъ ужъ послѣ возвращенія изъ Индіи въ Лисльвудъ, но со времени катастрофы онъ сталъ еще угрюмѣе. Сэръ Ланцелотъ Лисль, жившій во Флоренціи, умолялъ письменно вдову своего родственника, оставаться во владѣніи замкомъ и Лисльвудъ-Паркомъ; онъ добавлялъ, что нотаріусъ его устроитъ все дѣло, такъ какъ онъ самъ не согласенъ покидать итальянскія горы для бесплодныхъ равнинъ Суссекса. Такимъ образомъ, мистрисъ Валдзингамъ могла спокойно жить въ Лисльвудъ-Паркѣ до конца своихъ дней, дѣлая этимъ большое одолженіе баронету.

Кларибелль успокоилась, по возможности, послѣ своей потери только тогда, когда густой снѣгъ покрылъ аллеи парка и опушилъ вѣтви дубовъ. Всѣ матери деревни проливали искреннія слезы при видѣ грусти своей госпожи, которую онъ знали еще задолго до ея перваго брака. Видные поселяне вспоминали, сколько разъ они завидовали ей, когда она провѣждала мимо нихъ въ своемъ блестящемъ экипажѣ, раздѣтая въ шелкъ и бархатъ и гордавшаяся своимъ хорошенькимъ сыномъ, сидѣвшимъ рядомъ съ нею; а многіе-ль изъ нихъ пожелали бы теперь промѣняться съ нею участіемъ? Они дрожали, слушая рассказы болтливой прислуги замка о томъ, какъ тихо стало въ роскошныхъ залахъ, какъ грустилъ капитанъ, сиди одинъ, ночью, предъ каминомъ, за стаканомъ вина и какъ тоскуетъ барыня на своей половинѣ, разъединившись съ

свѣтомъ, въ которомъ была прежде такъ весела и счастлива и призывая смерть, чтобы соединиться скорѣе съ погибшимъ сыномъ. Рахиль Арнольдъ сочувствовала болѣе всѣхъ другихъ несчастной Кларибелль.

Разъ сяди въ одинъ январскій вечеръ предъ своимъ каминомъ, она рѣшилась даже высказать это сочувствіе мужу.

— Что это еще значитъ? проворчалъ Жильбертъ Арнольдъ, выдала на нее угрожающій взглядъ изъ подъ густыхъ, бровей. — Что ты мнѣ порешъ дичь?

— Я говорю, что думаю о несчастной миледи, а ходила сейчасъ на верхъ къ нашему Джэму, а когда я вижу его спокойнымъ и довольнымъ въ его чистой кроваткѣ, то вспоминаю нехоти бѣднаго сэра Руперта.

— Эти дѣти были чрезвычайно похожи другъ на друга, проговорилъ задумчиво Жильбертъ, устремляя глаза на пылавшій огонь и выбывая трубку о желѣзо рѣшетки. — Господи Боже мой! всѣ толкуютъ о благородномъ происхожденіи и о всемъ, связанномъ съ нимъ... да мой мальчишъ, на видъ, не хуже сэра Руперта, а, пожалуй, еще и красивѣе его.

— Когда я была еще дѣвчушкою, замѣтила Рахиль, многіе говорили, что я напоминаю миссъ Кларибелль Мертонъ.

Жильбертъ Арнольдъ не принадлежалъ къ числу любовныхъ мужей: онъ нѣсколько секундъ смотрѣлъ въ лицо Рахили, скорчилъ потомъ гримасу и громко разсѣялся.

— А! такъ ты въ самомъ дѣлѣ была похожа на нее? воскликнулъ онъ, насмѣшливо. — Я-то по крайней мѣрѣ этого не замѣтилъ, и если ты когда-нибудь походила на барыню, то теперь не походишь, могу тебѣ увѣрить.

Онъ набилъ снова трубку и закурилъ ее; затѣмъ, прогланувъ ноги, обутия въ грубые сапоги, на рѣшетку камина, принялся курить съ видимымъ наслажденіемъ.

— Я потеряла всю свою красоту за работою, Жильбертъ, замѣтила жена его.

— Если она была! проворчалъ гнѣвно мужъ.

— Я имѣла такіе же бѣлокुरые волосы и такіе же ясные голубые глаза.

— Ну, да! проговорилъ язвительно Арнольдъ: — но твои волосы совершенно бездѣльны, а глаза твои тусклы, будто ты сварила ихъ, чтобы сдѣлать ихъ красивѣе, но это предпріятіе не удалось тебѣ. А еслибъ не это, ты была бы вполне похожа на миледи, добавилъ онъ, смѣясь.

— Несчастная миледи! мнѣ очень жаль ее, прошептала Рахиль.

— А! это очень мило! сказала Жильбертъ Арнольдъ, вынимал трубку изъ рта и стуча кулакомъ по небольшому столику, стоявшему вблизи его. — Я не желаю слышать ни хныканій, ни вздоховъ, ни даже сожалѣній о положеніи леди. У нея прекрасный домъ, прелестный экипажъ, роскошные наряды, спитъ она на перинахъ, ѣсть и пьетъ хорошо и можетъ тратить денегъ, сколько душей угодно... вѣдь это справедливо? — Ну, такъ пусть же довольствуется тѣмъ, что есть у нея!... Она ни разу въ жизни не пробовала вина, которой угощаютъ добрыхъ людей въ острогѣ — не ѣла никогда отбѣшаннаго хлѣба... и она не испытывала, каково пролежать подъ заборомъ зимою, шесть или семь часовъ, кажущихся вѣками, чтобы подстрѣлить зайчика, котораго продашь на слѣдующее утро за какой-нибудь шиллингъ... Она не боится уйти за шесть миль отъ своего дома и быть за арестованной и даже обвиненной въ тяжеломъ преступленіи, котораго не думала никогда совершать. Пусть же она не ропщетъ! Если съяв ея утоную, — то съ судьбою не заспорить! Другимъ тоже случалось переносить несчастія и ни ее одну постигъ подобный случай. Ей живется такъ сладко, что даже не мѣшаетъ проглотить калюю горечи.

Въ сторожку въ это время ворвался рѣзкій вѣтеръ и вслѣдъ за тѣмъ послышалось хлопаніе въ ладоши.

— Что же это такое? воскликнулъ Жильбертъ Арнольдъ, вскакивая, стремительно и обращая свои зеленовато-желтые и хитрые глаза, въ которыхъ замѣчалось теперь выраженіе тревоги, на дверь, находившуюся у него за спиною.

На порогѣ стоялъ мужчина чрезвычайно высокаго роста, закутанный въ широкій плащъ и въ кашне самыхъ яркихъ цвѣтовъ. Шляпа его была надвинута на брови, а его кашне доходило до

носа, такъ что изъ всего лица былъ виденъ только этотъ выдающийся носъ, похожий на клювъ птицы Жильбертъ Арнольдъ дрожалъ, какъ будто въ лихорадкѣ. Онъ судорожно стиснулъ руками спинку стула — она переломилась, и онъ швырнулъ ее далеко отъ себя, провзяся проклятіе.

— Что нужно?.. да и кто вы? спросилъ онъ, озираясь укрادкою на лестницу, которая шла вверхъ, какъ будто онъ хотѣлъ ускользнуть этимъ ходомъ отъ незваннаго посетителя.

Незнакомецъ разсмѣялся тѣмъ звонкимъ и беззаботнымъ смѣхомъ, который ужъ не разъ поражалъ слухъ Арнольда. Затѣмъ онъ скинулъ шляпу, стряхнулъ съ себя снѣгъ и заперъ плотно дверь. Сбросивъ плащъ, онъ присѣлъ спокойно къ огню, провель рукою по свѣтлымъ, блестящимъ волосамъ и разгладилъ усы. Браконьеръ неуклюже, но съ отбѣнкомъ почтительности поклонился ему.

— Маіоръ... началъ онъ нерѣшительнымъ голосомъ.

— Вы совершенно правы: я Гранвилъ Варней. Судя по впечатлѣнію, которое произвело на васъ мое явленіе — вы, мой достойный другъ, вѣроятно не часто видите постороннихъ?

Жильбертъ Арнольдъ побагровѣлъ и взглянулъ на часы, висѣвшіе въ углу.

— Но... ужъ немного поздно, прошептала онъ чуть слышно.

— Я не спорю, что поздно: теперь, вѣроятно, половина двѣнадцатаго; и вѣхалъ изъ Лондона, на курьерскомъ поѣздѣ, въ девять часовъ. Нужно замѣтить, что я прибылъ сюда съ единственною цѣлю поговорить немного съ вами, Арнольдъ. Опоздалъ же я такъ именно потому, что станція далеко, а я вздумалъ, вдобавокъ, дойти до васъ пѣшкомъ, чтобы не возбуждать никакихъ праздныхъ толковъ... Но перейдемте къ дѣлу. Вы, конечно, предвидѣли, что я явлюсь сюда?

Сторожъ потиралъ рукою свой подбородокъ и не рѣшался, видимо, отвѣтить на вопросъ.

— Почему же? спросилъ онъ чрезвычайно уклончиво.

— Ну, да — вы ожидали увидѣться со мною! я это твердо знаю!

Рахиль Арнольдъ, сильно заинтересованная этою бесѣдою, смотрѣла поочередно, то на мужа, то на маіора Варней.

— Ступай спать, Рахиль, сказала Жильберть Арнольд; — намъ вовсе не желательно, чтобы ты насъ подслушивала.

— Не будьте же такъ грубы съ вашей доброю женою! замѣтилъ майоръ съ снисходительною улыбкою. — Добрѣйшій намъ Арнольдъ хочетъ просто сказать, обратился онъ очень деликатно къ Рахили, — что намъ необходимо потолковать по дружески, а вамъ, въ виду такого уже позднаго часа, не худо отдохнуть... Онъ превосходный малый, но часто выражается чрезвычайно рѣво... И такъ, спокойной ночью, добрая мистрисъ Арнольдъ.

Майоръ сдѣлалъ своею украшенною перстнями, красивою рукою такое движеніе, которое доказывало его желаніе вытолкнуть Рахиль Арнольдъ изъ комнаты. Она пошла наверхъ и легла на постель совершенно одѣтая.

Дверь, ведшая на лѣстницу, осталась отворенною: майоръ Варней затворилъ ее лично и затѣмъ сѣлъ опять противъ Жильберта Арнольда.

— Возьмите и набейте себѣ другую трубку, сказалъ онъ, указывая на разбитую прежнюю, выпавшую изъ рукъ взволнованнаго сторожа.

Арнольдъ вынулъ изъ шкапа, стоявшаго по близости, другую, тоже грубую и глинянную трубку, между тѣмъ какъ майоръ закуривалъ сигару; онъ выкурилъ ее почти до половины, не говоря ни слова, потомъ взглянулъ на сторожа, смотрѣвшаго на него съ лихорадочною жадностью и сказалъ очень вежливо:

— Вы сильно испугались, когда я появился внезапно передъ вами. Не думали-ли вы, что... васъ накрыли шпицки?

Жильбертъ Арнольдъ смотрѣлъ на весело-смѣющагося, цѣбущаго майора, будто на привидѣніе.

— Заглянемъ въ ваше прошлое! вы здѣсь — болѣе семи лѣтъ; вы находились прежде въ вичестерскомъ острогѣ, а еще ранѣе этого въ Севанокѣ, въ кентскомъ графствѣ...

Вторая трубка выпала изъ рукъ бѣднаго сторожа и разбилась на части.

Вотъ еще одинъ пеня пропалъ безъ всякой пользы, замѣтилъ вспользъ майоръ. — Мой достойнѣйшій другъ, вы слишкомъ впечатлительны!

— Въ Севанокѣ я не былъ тамъ никто не могъ слышать даже моего имени, пробормоталъ Жильбертъ, смотря на догоравшіе сосновыя дрова и избѣгая встрѣтиться съ голубыми, пронизательными глазами побѣдителя.

— Вы выразились вѣрно: тамъ не было дѣйствительно никакого Арнольда, мой превосходный другъ, сказалъ Гранвилъ Варней; но на свѣтѣ, вѣдь, множество всевозможныхъ именъ. Нельзя-ли намъ въ время оставить васъ въ покоѣ и повестъ разговоръ прямо съ Джозефа Вирда?

Сторожъ упалъ на стулъ, будто раненный пулею. Онъ отеръ свою жоткою, загорѣлою ладонью холодный потъ, покрывшій его угрюмый лобъ.

— Вамъ все равно, я думаю, что я упоминаю вамъ о Джозефѣ Вирдѣ? Мой другъ, я не люблю причинять неприятности, но не могу продолжать и бесѣду, не затронувъ въ ней Вирда?

Онъ вынулъ изъ кармана записную книжку, отискавъ между брелоками микроскопической карандашъ, приготовился писать и произнесъ рѣшительно:

— Такъ какъ я убѣжденъ, мой дорогой Арнольдъ, что вы чрезвычайно способный человекъ, то стану говорить съ вами съ наибольшею откровенностью. Еслибъ я не имѣлъ основанія думать, что вы можете быть мнѣ полезнымъ въ свою очередь, то не пришелъ бы къ вамъ; еслибъ и считалъ васъ за жалкаго глупца, я бы вами воспользовался мимо вашего вѣдома; но я вижу, что вы далеко не дуракъ и потому увѣренъ, что выиграю многое, посвятивъ васъ вполнѣ въ тайны моей политики... Жильбертъ Арнольдъ, съ тѣхъ поръ какъ я живу на свѣтѣ, я себѣ не дозволилъ ни одного проступка, который бы подвергъ меня наказанію закона!

Майоръ откинулъ голову и разразился тихимъ, самодовольнымъ смѣхомъ, какъ будто онъ сказалъ итѣкую острогу.

— Да, продолжалъ онъ снова: — я служу офицеромъ въ индійской арміи и живу исключительно своимъ майорскимъ жалованіемъ. Никто не оставлялъ мнѣ ни одного пенса, я не дѣлалъ долговъ и никогда не дѣйствовалъ несогласно съ закономъ, не рисковалъ надѣть арестантскій костюмъ, но я знаю за то преступленія дру-

гихъ, върѣше сыскной полиціи. Вы спросите, быть можетъ, зачѣмъ я собираю такого рода свѣдѣнія? а я отвѣчу вамъ, что я дѣлаю это изъ пристрастія къ искусству. Когда я имѣю нужду въ содѣйствіи человѣка, то не угрожаю ему, не подкупаю его, а стараюсь узнать исторію его жизни; вы сдѣлались мнѣ нужны и я, въ силу того же благороднаго правила, развѣдалъ ваше прошлое!

За ступою маіора стояло ружье и глаза Жильберта направились неволью на грозное оружіе. Хотя взглядъ этотъ былъ невыразимо быстръ, маіоръ поймалъ его и, повернувъ своей спудъ, сталъ внимательнѣе наблюдать за Жильбертомъ Арнольдъю.

— Не думайте объ этомъ, мой превосходный другъ, сказали онъ благодушно.— Подождите немного и вы сами увидите, что меня привелъ къ вамъ нашъ общій интересъ... Вернемся, гдѣмъ не менѣе, снова къ Джозефу Вирду! Тому назадъ лѣтъ десять или можетъ одиннадцать, вы были настоящимъ удалымъ молодецкомъ, но, къ несчастію, васъ знали хорошо въ этой мѣстности, а именно подъ прозвищемъ Жила браконьера и, вслѣдствіе этого, васъ принудили силою ухъхать изъ Суссекса, давъ вамъ предварительно познакомиться съ ливисскимъ острогомъ.

— За убитаго зайца и за пару фазановъ, замѣтилъ ему Жильбертъ, какъ будто въ извиненіе.

— Нѣтъ, ни чуть ни за зайца и за пару фазановъ! Въ народѣ поговаривали, что вы будто бы рикнули разрядить ружье въ сторожа, который захватилъ васъ съ поличнымъ! все это вѣроятно, чистая клевета, вымыселъ злыхъ людей... Послѣ почти двухъ-лѣтняго пребыванія въ Ливисѣ, Жильбертъ исчезъ внезапно и владѣльцы окрестностей поздравили другъ друга съ этимъ крупнымъ событіемъ. До сихъ поръ дѣло шло восхитительнымъ образомъ! теперь оно начнетъ касаться Джозефа Вирда!

— Я не могу понять, о комъ вы говорите, сказалъ злобно Жильбертъ, окинувъ снова взглядомъ оружіе, стоявшее на право отъ маіора.

— Какъ вы интересуетесь этимъ ружьемъ, мой другъ! ... Посвятите мнѣ хоть пять минутъ вниманія, чтобы убѣдиться въ безосновательности вашихъ подозрѣній. Въ окрестностяхъ Севеннока, въ кентскомъ графствѣ, есть нѣсколько превосходныхъ

лѣсовъ, изъ которыхъ одинъ сдѣлался мѣстопробываніемъ браконьера. Осенью 1835 года, дичь начала исчезать изъ этого лѣса съ такою быстротою, которая возбудила справедливое негодованіе владѣльца и его сторожей. Одинъ изъ послѣднихъ, человѣкъ смѣлый и предприимчивый, шести футовъ роста, сказалъ своему господину, что надѣется поймать виновника. — „Я знаю его“, добавилъ онъ: — это трусливая собака, именовъ Джозефъ Вирдъ. Его видѣли, продающимъ дичь въ Севенноакѣ. Я простилъ бы ему, еслибы онъ употреблялъ ружье, какъ другіе; тогда бы скорѣе можно было изловить его; а то онъ незаметно подкрадывается, хватая дичь почти изъ подъ нашего носа — и ускользаетъ отъ васъ. Но я все-таки ужъ имѣю его въ виду и заставлю его поплатиться за всѣ наши убытки!“

Быть можетъ, эти слова достигли до ушей Джозефа Вирда, потому что черезъ недѣлю нашли сторожа, лежащимъ въ лѣсу, съ прострѣленною головою. Пошли по слѣдамъ, отпечатѣвшимся на почвѣ, мѣстами обгабренной кровью. Хирургъ одной изъ окрестныхъ деревень заявилъ, что на развѣтѣ приходилъ къ нему какой-то человѣкъ, съ просьбою перевязать ему ногу, пораненую пулею и что такая рана могла, во всякомъ случаѣ, оставить хромоту или вообще другой неизгладимый слѣдъ. Этотъ человѣкъ былъ — Джозефъ Вирдъ.

Жена сборщика пошлинъ видѣла его утромъ, какъ онъ перескочилъ черезъ шлагбаумъ и просилъ извощика, вѣхавшаго въ Лондонъ, взять его съ собою. Послѣ объѣда преступленіе сдѣлалось извѣстнымъ всей окрестности, но съ этихъ поръ полиціи не пришлось ни разу встрѣтить Джозефа Вирда. Я сильно опасаюсь, что если бы онъ не скрылся, то попалъ бы въ тюрьму! заключилъ насмѣшливо Гранвилъ.

Жильбертъ Арнольдъ былъ близокъ къ обмороку. Маіоръ — вѣроятно, съ великодушнымъ намѣреніемъ предупредить его паденіе — схватилъ его за правую ногу и, быстро обнаживъ ее, поднесъ къ ней свѣчку.

— Чортъ возьми! воскликнулъ онъ! — вотъ эта рана тоже отъ выстрѣла и удивительно похожа на рану Джозефа Вирда. Я

думаю, что вы не совсем хорошо владёте этой ногою, мой добрый Арнольд.

„Добрый“ Арнольд съ глухимъ рычаньемъ прикрыль ногу.

— Мнѣ вѣжестя, мой достойный другъ, продолжалъ вставая, маіоръ, — что мы начинаемъ теперь понимать другъ друга. Еслибъ я не нуждался въ васъ, то не причалелъ бы сюда съ курьерскимъ поѣздомъ, чтобы разеказать вамъ исторію Джозефа Вирда. Вотъ вамъ билетъ въ десять фунтовъ стерлинговъ, который по можеть вамъ переселиться въ Лондонъ, вмѣстѣ съ женою и сыномъ. Распустите здѣсь слухъ, что ѣдете въ Америку. Вотъ еще адресъ дома, въ которомъ вы должны будете остановиться въ Лондонѣ, гдѣ и будете ждать отъ меня дальнѣйшихъ инструкцій... вы получите ихъ или лично отъ меня, или черезъ моего слугу, Соломона. Примите къ свѣдѣнію, что я умываю руки: у меня совѣсть чиста и я не сдѣлалъ во всю свою жизнь ни какого злодѣяства. Если васъ завтра привлекутъ въ судъ, въ качестве свидѣтели противъ моей особы, вы можете сказать только, что я прѣжджалъ къ вамъ съ цѣлю поразеказать кое что о Джозефѣ Вирдѣ: присяжные назовутъ меня конечно акцентричнымъ — и больше ничего.... Подайте мнѣ одѣться.

Маіоръ накиннулъ плащъ, надвинулъ на глаза шляпу и вышелъ изъ сторожки.

— Да будь ты проклять! пробормоталъ сторожъ, обращаясь къ силуэту удалявшагося офицера. — И какъ могъ онъ разузнать все эти тайны прошлаго? Быть обличеннымъ послѣ десяти лѣтъ... десяти долгихъ, мучительныхъ лѣтъ! сдѣлаться твоимъ лакеемъ... превратиться въ рогожу, о которую ты будешь вытирать ноги.... О, будь проклять! будь проклять!

Онъ бросился стремительно къ ружью, снялъ его и вышелъ въ засыпанную снѣгомъ аллею.

— Мнѣ хотѣлось бы послѣдовать за нимъ! шепталъ онъ. — Да я желалъ бы этого.... но если я сдѣлаю это, то едва-ли вывернусь опять изъ бѣды.

ГЛАВА X.

Посолъ маіора.

Дѣйствуя согласно приказанію маіора, Жильбертъ Арнольдъ сказалъ своей женѣ, черезъ нѣсколько дней послѣ посѣщенія Гранвила Варнея, что ему начинаетъ надобдаться жизнь въ „этомъ гнѣздѣ“ и что онъ намѣренъ отправиться въ Америку, гдѣ онъ „будетъ не хуже другихъ людей и гдѣ ничто не будетъ напоминать ему ежеминутно о грѣхахъ его молодости“. Это замѣчаніе крайне поразило добродушнаго ректора, который смотрѣлъ на Жильберта Арнольда, какъ на одного изъ лучшихъ своихъ духовныхъ сыновей и носилъ ему, какъ мы уже знаемъ, книги религиозно-нравственнаго содержанія, о которыхъ сторожъ разеуждалъ съ полнымъ благоговѣніемъ.

— Да, сказала Жильбертъ послѣ длинной бесѣды съ своею женою — которая проливала горькія слезы при мысли, что ей нужно разетаться съ доброю госпожею и съ родною стороною, чтобы подвергаться опасностямъ путешествія въ Америку, въ сопровожденіи мужа, который не былъ ни добрымъ, ни внимательнымъ къ ней. — Твои слезы и крики не поведутъ ни къ чему: нравится-ли тебѣ, нѣтъ-ли, но мы ѣдемъ въ Нью-Йоркъ черезъ три недѣли, считая съ этого дня. Совѣтую тебѣ надѣть шляпку и идти къ миледи, чтобы заявить ей, что ты оставляешь ее.... Пусть найдетъ другихъ, которые согласились бы замѣститъ насъ въ этомъ гнѣздѣ и быть истоптанными блестящими сапогами ея милаго капитана.

Жильбертъ Арнольдъ любилъ повторять эту фразу, какъ будто онъ дѣйствительно подвергался когда-нибудь подобнымъ приниженіямъ, хотя онъ и не видѣлъ ничего, кромѣ вѣжливости, отъ владѣльцевъ Лисльвуда.

И такъ, Рахиль не плакала или, если и плакала, то украдкою отъ мужа, который, сидя съ трубкою, слѣдилъ за всѣми сборами къ дальнему путешествію. Она блѣднѣла, думая о томъ, что ее ждетъ, но несчастная женщина такъ боялась Жильберта, что не посмѣла бы ослушаться его, еслибѣ ему вздумалось предложить ей повѣстись. Три недѣли проехали незаметно. Рахиль простилась съ своею госпожею и затѣмъ Жильбертъ Арнольдъ отправился съ нею, сыномъ и багажемъ на станцію желѣзной дороги. Поѣздъ прибылъ въ Лондонъ съ наступленіемъ ночи. Выйдя на дебаркадеръ, Жильбертъ увидѣлъ человека, лице котораго было ему знакомо—это былъ еврей Соломонъ, камердинеръ маіора.

— Вы очень исполнительны, сказалъ Соломонъ, приблизившись къ Арнольду.—Возьмите свой багажъ, велите уложить его въ нанятой для васъ кабъ и вернитесь сюда. Я дамъ вамъ адресъ дома, въ которомъ вамъ придется поселиться на время.

— Вы гораздо лучше проводили бы насъ, замѣтилъ ему Арнольдъ:—мы здѣсь точно въ тѣсу и мнѣ было бы пріятно имѣть возлѣ себя человека, которому извѣстенъ этотъ городъ.

Соломонъ посмотрѣлъ пристально и насмѣшливо на лице говорившаго, который вовсе не былъ похожъ на джентльмена въ своемъ матроскомъ платьѣ, полосатомъ кашнѣ, шапкѣ изъ кроличьей кожи и со сверткомъ подъ мышкою.

— Мы васъ преобразимъ! думалъ слуга маіора и вы скоро поймете всю суть нашей науки. Вы пока обладаете только доброю волею, а еще уступаете намъ во многихъ отношеніяхъ, но вы вѣрно освоитесь съ переменною положеніемъ въ самомъ недалекънѣмъ времени!

Жильбертъ Арнольдъ свалилъ багажъ въ кабъ, усадилъ сына и жену и вернулся къ еврею.

— Ну? спросилъ онъ отрывисто.

— Ну, что?... лордъ Честерфильдъ? передразнилъ слуга.

— Отправляеися; я сиѣшу, потому что мнѣ нужно освѣжить-ся немного.

— Вамъ надо освѣжиться—хорошо! Вотъ вамъ адресъ; отдайте его кучеру и, когда вы доѣдете, дайте ему пол-кроны; а если онъ будетъ недоволенъ подачкою, то захлопните предъ нимъ

дверь... я буду у васъ въ десять часовъ, добавилъ Соломонъ, примѣтивъ, что Арнольдъ какъ будто бы колеблется.—Позжайте же съ Богомъ!

Съ послѣдними словами фактотумъ маіора отвернулся отъ сто-рожа и поспѣшилъ уйти.

— Ёдемъ! рѣшилъ Арнольдъ—Вотъ странный образецъ ору-дій маіора и я готовъ быть проклятымъ, если я пойму цѣль мо-его повелителя, но я во всякомъ случаѣ ничего не теряю, повинаясь его распоряженіямъ. Наше коммерческое общество пред-принимаетъ что-то новое и время покажетъ, хорошо-ли оно или худо.

Кабъ доставилъ достойнаго Жильберта съ его семействомъ въ обозначенный на адресѣ домъ, въ одной изъ глухихъ улицъ, но ту сторону Ватерлоо-Рида. Они вышли изъ каба и были встрѣ-чены блѣдною женщиною, въ черномъ кружевномъ чепчикѣ, ко-торая ввела ихъ въ чисто меблированную квартиру, будто бы нанятую, по словамъ хозяйки, для одного семейства изъ Йорк-шира, по фамиліи Гринъ.

Такъ какъ фамилія Арнольда была не Гринъ и онъ пріѣхалъ вовсе не изъ Йоркшира, то Рахиль хотѣла было замѣтить, что тутъ существуетъ какая-то ошибка; но Жильбертъ остановилъ ее во время взглядохъ и сказалъ, что все въ порядкѣ и онъ будетъ весьма обязанъ хозяйкѣ, если она дастъ ему пива и легкую закуску.

Хозяйка принесла пива и бараньихъ котлетъ, облитыхъ жи-дкимъ соусомъ, которыми Жильбертъ принялся улетать съ громад-нымъ аппетитомъ, предоставивъ женѣ и сыну всего одинъ кусокъ. Утоливъ волчій голодъ, Арнольдъ закурилъ трубку, между тѣмъ какъ Рахиль съ мальчикомъ дождали и допивали остатки его ужина. Затѣмъ онъ посоветовалъ имъ лечь немедленно спать, такъ какъ онъ ожидалъ пріѣзда Соломона и не желалъ, конечно, чтобы его стѣсняли въ бесѣдѣ его съ нимъ. Рахиль, молча, ввела за руку сына и повела его въ спальную, находившуюся въ верх-немъ этажѣ, а Жильбертъ продолжалъ пить и курить, пока не пробило десять часовъ. Въ это время послышались два удара у

входа на парадную лестницу; Жильбертъ спустился вниз и вышел к посетителю: это былъ Соломонъ.

— Надѣюсь, что у васъ разведенъ огонь, проговорилъ послѣдній, входя прямо въ гостиную: — на дворѣ такой холодъ, что я продрогъ насковъ.

Еврей успѣлъ усвоить большую часть изящныхъ привычекъ и пріемовъ своего господина: онъ пододвинулъ кресло, въ которомъ только что сидѣлъ Жильбертъ Арнольдъ, къ небольшому камину, развалился небрежно и протянулъ ноги на крѣпкую рѣшетку.

— Теперь слушайте! началъ онъ: — какъ мой господинъ, такъ и я придерживаемясь благоразумнаго правила — не говорить никакого лишняго слова. По этому, если вы не будете внимательны, то не поймете меня вполнѣ.... Очень можетъ быть, что будутъ нуждаться въ васъ... или скорѣе — въ вашей женѣ, а, пожалуй, и въ вашемъ сынѣ.... Дѣло не въ этомъ, но пославшій меня желаетъ, чтобы вы остались здѣсь, пока онъ найдетъ нужнымъ. Вы не должны предлагать никому вопросовъ и не отвѣчать на чужіе разспросы. Ежедневно вы будете получать, по почтѣ, на имя Джона Грина (такъ вы будете называться впредь до новыхъ распоряженій) тридцать шиллинговъ отъ Альфреда Соломона. Большие этой суммы вы не могли добыть трудомъ и потому вамъ придется довольствоваться ею. Со временемъ вы, вѣроятно, получите болѣе и, въ одинъ прекрасный день, можете очутиться въ положеніи богача. Если кто-нибудь спроситъ васъ, кто вы такой, то назовите себя башмачникомъ, плотникомъ или кѣмъ бы то ни было, но во всякомъ случаѣ — ремесленникомъ безъ занятія. Предложить вамъ вопросъ, чѣмъ же вы живете — отвѣчайте, что у васъ есть братъ, человекъ богатый, который посылаетъ вамъ ежедневное содержаніе. До сихъ поръ все очень обыкновенно. Между тѣмъ ваше спокойствіе будетъ зависеть отъ двухъ условій, если не считать того, что вы никогда не должны забывать Джозефа Вирда. Первое условіе: заботьтесь побольше о вашемъ сынѣ; берегите его такъ, какъ бы вы берегли ребенка королевской крови, еслибы онъ былъ доверенъ вамъ; если бы съ нимъ могло случиться несчастье, то оно неизбежно отразится на васъ. Второе условіе — жолчаніе; если до ушей моихъ или моего господина когда-нибудь дойдетъ,

что вы произносили его имя или мое, то вы услышите о Джозефѣ Вирдѣ.... Ну-съ, пока до свиданія.... Посвѣтите же мнѣ и отprite дверь!

Соломонъ произнесъ свою рѣчь такъ поспѣшно, что изумленнаго сторожъ былъ буквально не въ состояніи перебить его хотя оди мѣ вопросомъ; онъ не успѣлъ еще опомниться, какъ слуга маіора повернулъ уже за уголъ и исчезъ въ Ватерлоо-Ридѣ.

— Тридцать шиллинговъ ежедневно, думалъ Жильбертъ: — это немного скуповато со стороны такого богатаго человѣка, каковъ маіоръ Гранвилъ Варней; но такъ какъ онъ можетъ, если захочетъ, вывести меня на висѣлицу, то я, по неволѣ, долженъ довольствоваться всѣмъ, что ему угодно будетъ предложить мнѣ.... Чортъ побери его!...

Послѣ этого сильнаго и любимаго имъ восклицанія, Арнольдъ легъ въ постель, но не могъ заснуть. Онъ прислушивался всю ночь къ стуку экипажей, проѣзжавшихъ по Ватерлоо-Риду и когда онъ впадалъ на минуту въ дремоту, то ему начиналось слышаться пѣніе жаворонка въ Севаноескомъ лѣсу и представляться блѣдное, окровавленное лице убитаго имъ человѣка.

ГЛАВА XI.

Смерть капитана.

Четырнадцать лѣтъ прошло со дня исчезновенія маленькаго баронета, а Клэрисбелль Вальдзингамъ съ мужемъ все еще владѣли Лисльвудъ-Паркомъ. Нотариусъ сэра Ланцелота, переѣхавшій въ Лисльвудъ, собиралъ доходы съ имѣнія и посылалъ ихъ во Флоренцію, банкиру баронета. Поселянамъ казалось, что родъ Лисли исчезъ, потому что представитель его никогда не бывалъ въ наследственныхъ владѣніяхъ. Да, прошло четырнадцать лѣтъ и никакія перемѣны не произошло въ семействѣ Вальдзингама, если не считать того, что рожденіе другого сына утѣнило немного бѣд-

ную Клэрибелль и прекрасные лобопытные глазки оживили печальный и опустынный домъ, гдѣ ею было пролито столько горячихъ слезъ о своемъ первородномъ. Четыре мѣсяца послѣ смерти сэра Руверта, доктора поили сообщать капитану, сидѣвшему по прежнему, блѣднымъ и озабоченнымъ предъ яркимъ огнемъ все въ той же библиотекѣ, — что у него родился сыночекъ съ карими глазками, который, Богъ дастъ, вырастетъ на радость и на счастье благородныхъ родителямъ, которымъ пришлось вынести такое испытаніе. Вскорѣ замоевъ и шаркъ огласились веселымъ, несомлаемымъ смѣхомъ и оживились звуками серебристаго, свѣжаго голоса, раздававшася съ утра до ночи. Мальчикъ своимъ прямымъ, смѣлымъ, живымъ характеромъ много напоминалъ собою капитана, когда послѣдній прибылъ въ первый разъ въ Лисльвудъ-Паркъ, чтобы влюбиться безумно въ Клэрибелль Мертонъ. Артуръ Вальдзингамъ привязался отъ души къ своему сыну; онъ безпрестанно занимался его игрушками, пони, ружьемъ и лодкою; въ которой ваталя его по озеру парка; ему никогда не надоѣдало слушать его болтовню и скакать съ нимъ по бесплоднымъ равнинамъ. Когда-же мальчика отдали въ Итонъ, то отецъ горевалъ болѣе матери.

— Что если съ нимъ случится что-нибудь, Клэрибелль? говорилъ онъ женѣ.

Эти слова возбуждали такой ужасъ въ душѣ пугливой Клэрибелль, что она порывалась послать въ Итонъ нарочнаго, если бы мужъ не удерживалъ ее отъ этого намѣренія.

— Онъ находится въ рукахъ Провидѣнія, Клэрибелль, успокоивалъ онъ. — Я не могъ возвратитъ вамъ потеряннаго сына, хотя я его любилъ, чему свидѣтель Богъ!

Молодой мистръ Вальдзингамъ расположилъ къ себѣ все начальство Итона своими способностями, дарованіями, своею откровенною и великодушною натурою, а капитанъ съ женою жили одни въ Лисльвудѣ. Мальчикъ пробылъ въ Итонѣ ровно два года и посѣщалъ родителей лишь во время вакацій, которыхъ капитанъ ожидалъ всегда съ лихорадочнымъ и дѣтскимъ нетерпѣніемъ. Прислуга замка сдѣлала печальное открытіе, что прекрасный и стройный капитанъ Вальдзингамъ сталъ сильно измѣнать-

ся: онъ дѣлался дороднѣе, его черные волосы начинали сѣдѣть, станъ замѣтно согнулся и, чего прежде не было, Вальдзингамъ съ важнымъ видомъ сталъ болѣе и болѣе опираться на трость съ золотымъ набалдашиникомъ. Ему еще не было сорока пяти лѣтъ, а онъ уже казался почти что старикомъ, между тѣмъ какъ Бьлокурая, прелестная жена его почти не постарѣла со дни второго брака. Майоръ Варней съ женою были уже давно въ Индіи, Артуръ Вальдзингамъ получалъ рѣдко свѣденія о своемъ миломъ другѣ съ золотистыми бакенбардами. Сторожка приняла болѣе привѣтливый видъ, какъ только мрачная фигура браконьера исчезла изъ Лисльвуда. Теперь въ ней поселился маленький человекъ съ румянымъ лицомъ, который былъ уже разъ мяеникомъ въ селѣ Лисльвудѣ; возлѣ калитки же, гдѣ прежде обыкновенно сидѣлъ блѣдный Джэметъ Арнольдъ, толпилася въ настоящее время полдюжина рѣзвыхъ и розовыхъ малятокъ.

Въ одинъ іюньскій день капитанъ съ женою расположились въ парадной гостиной. Онъ курилъ, между тѣмъ какъ взглядъ его разсѣянно бродилъ по обширному парку и цѣбникамъ, видѣвшимся изъ окна. Мистрисъ Вальдзингамъ сидѣла около него на диванѣ, съ вышиваніемъ въ рукахъ. Онъ докуривъ сигару и, вздохнувъ глубоко, обратился къ женѣ:

— Клэрибелль, сказала онъ, бросьте нашу работу и скажите мнѣ: сколько лѣтъ мы женаты?

— Считалъ съ Февраля—ужъ четырнадцать лѣтъ.

— Четырнадцать лѣтъ!... Еслибъ вашъ сынъ, сэръ Рувертъ, былъ здоровъ и невредимъ, то примлось бы отпраздновать его совершеннолѣтіе въ настоящемъ году.

— Да—въ будущемъ мѣсяцѣ, такъ какъ онъ родился третьяго Іюля.

— Третьяго Іюля, а сегодня четвертое Іюня: такимъ образомъ онъ сдѣлался бы совершеннолѣтнимъ черезъ двадцать девять дней.

Мистрисъ Вальдзингамъ вздохнула въ свою очередь и бросила работу.

— Мнѣ не слѣдовало бы возбуждать въ тебѣ эти воспоминанія... я огорчилъ тебя, Но сегодня я чувствую странное побужденіе заговорить объ этомъ... кинуть взглядъ на все прошлое...

которое были громадным заблужденіемъ, съ начала до конца... Я думаю по неволѣ, сколько энергіи затрачено напрасно, сколько силъ израсходовано на сущія бездѣлища... сколько я перенесъ и горя и стыда...

— Артуръ!... Артуръ!... воскликнула тоскливо Клэрибелль.

— Клэрибелль, мы живемъ вмѣстѣ ужъ пятнадцатый годъ и, въ теченіе этого длиннаго періода, вы даже не спросили меня, что омрачило такъ мою душу и жизнь! Вы не полюбостествовали узнать скорбную тайну, подъ вліяніемъ которой я сталъ несообщительнымъ, невнимательнымъ мужемъ, недовольнымъ, скучающимъ, несчастнымъ человѣкомъ!

— Я не смѣла распрямить васъ объ этомъ, Артуръ!

— Вѣднajaка!... произнесъ онъ, оно впрочемъ и лучше!... Пусть я лучше умру съ своею печальною тайною... Вѣдь, вы похороните меня въ Лисльвудскомъ склепѣ, не такъ ли, Клэрибелль?... вы прикрѣпите къ алтарю мраморную досочку, на которой будетъ красоваться надпись, что я былъ лучшимъ изъ мужей и превосходнѣйшимъ изъ людей... Вы сдѣлаете все это для меня, мой блѣдурый другъ?

— Артуръ, какъ вы рѣшаетесь говорить такимъ образомъ?

— Я говорю такъ вѣдѣтвѣе полного убѣжденія, что я не доживу до пятидесяти лѣтъ; сегодня оно стало несравненно сильнѣе!

— Артуръ!... проговорила съ упрекомъ Клэрибелль.

На лицѣ ея выразилась сильнѣйшая тоска, она встала съ дивана и приближалась къ мужу.

— Сядьте опять на мѣсто, Клэрибелль, сказалъ ей капитанъ. Если шумъ, раздающійся у меня въ головѣ, если мрачныя тѣни, которыя такъ часто застилаютъ глаза мои и слезы, сжимающіе грудь мою, если эти симптомы, которые особенно усилились сегодня, не обманываютъ меня, то я скоро умру! Будьте доброю матерью моему сыну, Клэрибелль и вспоминайте иногда обо мнѣ, когда меня не станеть.

— Вы жестоки, Артуръ! Вы страдали... замѣчали все эти симптомы и не посоветовались ни разу съ докторами... вы знаете однако, какъ вы дороги мнѣ!

— Правда-ли это, Клэрибелль? Неужели я могъ быть для васъ чѣмъ-нибудь, исключая какъ не тяжелымъ бременемъ, скучнымъ, несноснымъ мужемъ, бездною поглотившею ваше земное счастье и лишнимъ человѣкомъ?... Клэрибелль, разсказать-ли вамъ исторію одного молодого военного, служившаго со мною... эта исторія имѣетъ много общаго съ моею собственною... она очень печальна, но глубоко-правдива; хотите ее выслушать?

— Да! сказала она.

Комната находилась отчасти въ полу-мракѣ, но лице капитана освѣщалось лучами заходящаго солнца. Онъ, въ данную минуту, не смотрѣлъ на жену, печальные глаза его приковались къ картинѣ необычнаго неба, задержаннаго дымкою огнистыхъ облаковъ.

— Подобно мнѣ, Клэрибелль, этотъ человѣкъ былъ сиротой, младшимъ сыномъ фамиліи, известной въ Сомерсетѣ; у него не осталось никого кромѣ дяди, брата его отца, который воображалъ, что устроилъ карьеру его, помѣстивъ его въ армію. Когда молодой человѣкъ вышелъ изъ Аденкомба, чтобы отправиться въ Индію, то всею превозгласили, что никогда не видѣли подобнаго красавца. Онъ отъѣхалъ въ Индію веселымъ, беззаботнымъ, небогатымъ, конечно, но честнымъ человѣкомъ. Говорили, что онъ сражался, какъ храбрецъ; онъ скоро получилъ офицерскіе эполеты и возвратился въ Англію. Здѣсь онъ влюбился въ дѣвушку, которая, доведя его до безумія безмолвнымъ поощреніемъ, измѣнила данному ему въ концѣ-концевъ слову—съ такимъ же безсердечіемъ, какъ вы сдѣлали это со мною, Клэрибелль!... Простите за сравненіе!... Уныніе и отчаяніе овладѣли душою его, но онъ не разожилъ головы о камня и оставилъ измѣнницу, съ намѣреніемъ отнестись ей. На обратной дорогѣ къ своему посту въ Индію, ему иришлось остановиться дня на два въ Саутгемптонѣ, потому что корабль не былъ готовъ къ отплытію. Онъ встрѣтился съ товарищами, какъ и онъ, беззаботными, молодыми людьми и началъ пить вмѣстѣ съ ними до одуренія, чтобы заглушить свои нравственныя страданія. Вечеромъ вся компанія отправилась въ театръ. Онъ мнѣ часто разсказывалъ все, что онъ испыталъ въ тотъ вечеръ, Клэрибелль. Былъ одиннадцатый часъ, когда онъ вошелъ въ пыльный, почти пустой партеръ. Заванъ былъ опунецъ и офицеру казалось, что

изображены на немъ фигуры движутся, какъ живыя, а звуки оркестра рвали ему слухъ. Въ ложахъ сидѣли разраженные женщины, улыбавшіяся блестящимъ офибрамъ, хохотавшія безъ умолку; мой знакомый прислонился головою къ спинкѣ кресла— и сейчасъ же заснулъ. Когда онъ пробудился, сцена была открыта и публика аплодировала оглушительнымъ образомъ, между тѣмъ какъ оркестръ кончалъ аккомпанировать мелодической пѣснѣ. Онъ посмотрѣлъ на сцену, освѣщенную нѣсколькими коптящимися свѣчами и увидѣлъ, посреди грязной и грубой декорации, прелестное созданіе. Не хочу утомлять васъ, милая Клэрибелль, подробнымъ описаніемъ красоты этой женщины; достаточно сказать, что она обладала той чарующею прелестью, вліяніе которой почти неотразимо, которая способна ослѣпить всѣхъ и каждаго. На ней были мужской эксцентричный костюмъ, плащъ изъ бархата и атласа, отдѣланный блестящею золотою каймою, шелковыя полупанталоны изъ желтаго сафьяна, беретъ съ развѣвающимися разноцвѣтными перьями. Всѣ позы ея были граціозны и изящны и ни одинъ художникъ не сумѣлъ бы, конечно, изобразить ихъ прелесть. Такъ какъ на сценѣ шель какой-то водевилъ, то ей и приходилось пѣть довольно нерѣдко. Она обладала чрезвычайно сильными, гибкими, великолѣпно-образованнымъ голосомъ. И когда сослуживецъ мой вышелъ изъ театра, то онъ былъ отуманенъ, ослѣпленъ, очарованъ!

Возвратившись въ гостиницу, онъ написалъ ей страстное, безумное письмо. Ему удалось утромъ проскользнуть за кулисы и красавица показала ему, при дневномъ освѣщеніи, еще вдвое прекраснѣе, такъ какъ выраженіе ея пѣлительнаго личика было столь скромно.... Клэрибелль, моя милая, мнѣ даже вчужь совѣстно, доказать вамъ всю эту скандальную исторію!... Скажу вамъ однимъ словомъ: эта женщина была настоящею сиреною, которая сводила съ ума своихъ поклонниковъ своею обворожительною и дивною красотою. Молодой офицеръ былъ на столько влюбленъ, что онъ не замѣчалъ ничего внѣ ее. Нужно еще замѣтить, что корабль долженъ былъ отплыть черезъ два дня, а за день до отъѣзда, ослѣпленный товарищъ мой бросился на колѣна передъ этою сиреною и умолялъ ее перевѣнчаться съ нимъ на слѣдующее

утро, чтобы отправиться вмѣстѣ въ Индію.... Имѣйте въ виду, Клэрибелль, что любовь была не причеиъ въ этой безумной выходкѣ: какъ онъ не былъ очарованъ красотою актриссы, но въ этомъ случаѣ имъ руководило болѣе всего желаніе отплатить обманувшей его. Онъ помчался немедленно въ Лондонъ, досталъ разрѣшеніе на бракъ, вернулся ночью въ Саутгемптонъ и повѣнчался утромъ. При выходѣ изъ церкви съ молодою женою, онъ встрѣтилъ одного пожилаго полковника, съ которымъ былъ знакомъ еще прежде въ Калькуттѣ. Увидѣвъ новобрачную, полковникъ сталъ разспрашивать подробно офицера и заставилъ его рассказать ему дѣло; затѣмъ, утащивъ его прямо къ себѣ въ квартиру, онъ счелъ прямою обязанностью раскрыть ему глаза.... Товарищъ мой узналъ, какова была женщина, которой онъ поклался предъ алтаремъ въ любви и въ полномъ уваженіи. Полковникъ доказалъ ему, сколько горя, позора, навлечетъ на него этотъ безумный бракъ; молодой человѣкъ далъ ему тутъ же клятву бросить свою жену. Онъ собралъ всѣ свои банковые билеты, приобрѣдилъ къ нимъ цѣнныя золотыя часы и многія другія драгоценныя вещи, написалъ нѣсколько строчекъ, исполненныхъ презрѣнія, свернулъ все это вмѣстѣ и, передавъ письмо и посылку полковнику, отплылъ на кораблѣ. Во время путешествія, онъ находился въ страшномъ смущеніи и волненіи. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ встрѣтился съ женою—она была уже подругою другого. Онъ не давалъ замѣтить, что онъ связался съ нею неразрванными узами.... Позднѣе, онъ совершилъ незаконное дѣло, которое и предало его во власть очень дурнаго, хитраго человѣка.

— Да.... но Богу извѣстно, что искушеніе было неотразимо сильно.... Женщина, взявшая когда-то данной клятвы, одѣлась вдругъ вдовою.... а онъ не переставалъ любить ее безумно, даже при совершеніи рокового союза. Онъ отправился въ Англію и женился на ней, не смотря на то, что былъ, предъ закономъ, уже мужемъ другой и долженъ былъ предвидѣть послѣдствія такого рискованнаго шага.... По милости презрѣннаго, который хотѣлъ высосать его кровь, капля за каплею, каждое мгновеніе его жизни было отравлено ургизеніями совѣсти, каждая улыбка любимой имъ женщины была для него горькимъ упрекомъ въ его

безумныхъ дѣйствіяхъ... Клэрибелль, Клэрибелль! скажите, ради Бога, могли бы вы простить такого человѣка?... Нашли-ли бы вы въ себѣ на столько состраданія, чтобъ пожалѣть о немъ? были бы вы въ состояніи сказать еще ему: „умри съ миромъ и миръ твоимъ костямъ въ могилѣ! Я помню и знаю, какъ ты любилъ меня и прощаю тебѣ, во имя этой пламенной, неизмѣнной любви!... Скажи бы вы это, или нѣтъ, Клэрибелль?

Мистриссъ Вальдзингамъ, блѣдная и дрожа всѣми членами, подошла къ капитану и, взявъ его голову обѣими руками, прижала ее и приказала къ груди.

— Артуръ, прошептала она съ ненормальнымъ спокойствіемъ: — я прощаю тебѣ... вѣдь ты мнѣ разсказалъ собственную исторію. Я прощаю тебя, жалѣю о тебѣ и люблю тебя, такъ же горячо и сердечно!

Она взглянула кротко въ лицо, своему мужу и замѣтила на немъ выраженіе безысходной тоски.

— Клэрибелль... Руертъ!... произнесъ онъ съ усиліемъ. — Ребенокъ живъ... маіоръ... развѣдайте... спросите!...

Онъ хотѣлъ сказать еще что-то, но произнесъ какія-то непонятныя слова и усталъ грузно на полъ, пока жена его звала на помощь слугъ.

Слуги, приближеніе на крикъ мистриссъ Вальдзингамъ, нашли капитана расprostертымъ на коврѣ; его сжатые губы были покрыты пѣною; его отнесли въ спальную, а грумъ во весь опоръ носкалъ за врачомъ; капитанъ потерялъ способность говорить; проведя еще сутки въ безсознательномъ состояніи, онъ скончался спокойно на рукахъ Клэрибелль; изъ Лондона прѣехали два знаменитыхъ доктора, но они не могли сдѣлать больше того, что сдѣлалъ Лисльвудскій, знаменитый докторъ. Артуру Вальдзингаму предсказывали часто, что ему суждено умереть отъ удара и это предсказаніе исполнилось на дѣлѣ.

ГЛАВА XII.

Въ это самое лѣто, нѣкто Джозефъ Слогудъ, поучалъ каждое воскресенье прихожанъ, собиравшихся въ небольшой часовнѣ, выстроенной въ отдаленномъ углу Ольдъ-Кентъ-Рида. Эта часовня служила прежде мастерскою одному архитектору; затѣмъ она, послѣдовательно, служила помѣщеніемъ для лѣтняго театра, затѣмъ для стрѣльбы въ цѣль, для продажи посуды, пока ея владѣлецъ не потерялъ терпѣнія; онъ принялся усердно за ея перестройку. началъ пилить, рубить и не давалъ себѣ положительно отдыха. пока изъ подъ его рукъ не вышла часовня, которую онъ оштукатурилъ и назвалъ „Литвъ Беда“.

Но прежде чѣмъ устроить обстановку часовни и украсить ее кафедрою, въ видѣ рамки; прежде, чѣмъ раздѣлить ее на маленькіе четверугольники, разставивъ симметрически дубовыя скамейки, строитель позаботился найти такое общество, на карманы котораго онъ могъ вполнѣ разсчитывать: надо же было брать съ приходящихъ хоть что нибудь, за ихъ право сидѣть на жесткихъ скамейкахъ и тѣмъ вознаграждать спекулятора за труды. Послѣ зрѣлыхъ мыслей, онъ пришелъ къ убѣжденію, что важнѣе всего отыскать проповѣдника, чтобы привлечь къ себѣ публику; поиски его не замедлили увѣнчаться успѣхомъ: три недѣли спустя по устройствѣ часовни, жившіе вблизи граждане были разужены мощнымъ голосомъ, раздававшимся съ полированной кафедры; любопытство понудило ихъ послушать проповѣдника. Нѣкоторые ушли, недовольные его «поученіемъ», не дослушавъ конца. Нѣкоторые осмѣлились даже заговорить, что слова проповѣдника отзываются рѣвностью, не согласною съ духомъ смиренія и любви.

Но съ другой стороны, нѣсколько человѣкъ изъ мѣстнаго ку-

почества провозгласили проповѣдника великимъ человѣкомъ, лучезарнымъ свѣтиломъ.

Въ окрестностяхъ „Литль Бела“ начали ходить самые разнообразные слухи относительно мѣста, гдѣ владѣлецъ часовни отыскалъ проповѣдника. Одни утверждали, что онъ нашелъ его въ торговомъ заведеніи; другіе — что онъ встрѣтилъ его, исполняющимъ трудную обязанность статиста; третіе — что онъ встрѣтилъ его въ оживленной бѣсѣдѣ съ двумя тремя товарищами и былъ пораженъ его громаднымъ басомъ. Но, чтобы ни говорили, вскорѣ всѣ убѣдились, что мистеръ Джозефъ Слогудъ стоитъ прочно на мѣстѣ и пошлины, взимаемыя съ прихожанъ за скамейки, такъ и сыплются въ сундуки хозяина часовни.

Прошли двѣ недѣли со времени смерти капитана Вальдзингама, когда мистеръ Слогудъ произнесъ, въ одно жаркое знойное воскресеніе, длинное поученіе. Отличался привычною рѣзкою нетерпимостью, онъ сыпалъ обвиненія на головы торговцевъ и на кокетливые праздничные наряды присутствовавшихъ женщинъ; онъ громилъ своихъ слушателей, противорѣчилъ часто самому же себѣ, но говорилъ съ энергіею. Онъ былъ высокаго роста, широкоплечій, немного сутуловатый, съ блѣднымъ, смуглымъ лицомъ, черными бровями, очень свѣтлыми волосами и зеленовато-желтыми глазами, которые мѣнялись на солнцѣ, какъ у кошки. Читатель, вѣроятно, узнаетъ его тотчасъ по кошачьимъ глазамъ. Онъ, впрочемъ, измѣнился: онъ одѣтъ поприличію, въ опрятное бѣлье; но руки его грязны, какъ въ то бывшее время, когда онъ курилъ трубку у Лисльвудской сторожки; манеры его тоже стали менѣе грубы, но все же сохранили свою прежнюю рѣзкость. Это было замѣтно, когда онъ въ концѣ проповѣди ушлишалъ шумъ открывшейся неожиданно двери и увидѣлъ вошедшую новую личность. Собрание повернулось, взглянуть на смѣльчака, дерзавшаго войти въ подобную минуту: прибывшій оставался подлѣ самаго входа, какъ будто ожидалъ окончанія поученія мистера Слогуда. Свѣтъ падалъ на него и позволялъ увидѣть совершенно отчетливо его свѣтлорусые волосы, блескъ золотой цѣпочки со множествомъ брелочковъ, костюмъ свѣтлаго цвѣта и лаковые сапоги. Онъ сталъ нѣсколько старѣе и нѣсколько

полиѣе съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣли его въ послѣдній разъ; но онъ не потерялъ ни бывалой изысканности, ни своей привлекательной, симпатичной наружности.

Мистеръ Слогудъ оборвалъ поученіе, разъяснивъ его послѣдніе шестнадцать пунктовъ менѣе, чѣмъ въ шестнадцати фразахъ — и удалился съ кафедры; онъ подошелъ къ владѣльцу свѣтлорусыхъ усовъ, стоявшему въ дверяхъ и съ почтительнымъ видомъ поспѣдовалъ за нимъ къ выходу изъ часовни.

— Вотъ вы какъ развлекаетесь, мистеръ... обратился къ нему изысканный господинъ.

— Слогудъ, милостивый государь! договорилъ ораторъ.

— Слогудъ — хорошо. Новое имя и новое занятіе. Вы, очевидно, не даромъ все читали въ Лисльвудѣ книги духовно-нравственнаго содержанія. Ваше поученіе было до нельзя интересно... Дорого ли вамъ платятъ?

— Довольно мало, милостивый государь, но въ соединеніи съ тѣмъ небольшимъ вспомоществованіемъ, которое...

— Вы получаете отъ вашего брата, не такъ ли, мистеръ Слогудъ? Будьте-же такъ добры, припомните, что я не знаю ничего относительно вашихъ расходовъ и доходовъ: получаете-ли вы тридцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ или тридцать шиллинговъ: все это до меня буквально не касается.

— Вы довольно суровы ко всѣмъ людямъ вообще, господинъ маіоръ, проворчалъ Слогудъ, смотря на пронизывающіе голубые глаза, устремленные на него во все время бесѣды.

— Я суровъ къ людямъ, мой добрый Слогудъ, повторилъ маіоръ. — Да вѣдь мнѣ нѣтъ до васъ ни малѣйшаго дѣла!... я отрицаю даже знакомство съ вами. Если вы завтра сядете на скамью для свидѣтелей, что вы, напяривъ, можете разказать обо мнѣ? — ничего, мистеръ Джозефъ... то есть, мистеръ Слогудъ... я еще никогда не измѣнилъ принципамъ. Все мои связи съ прошлымъ ограничиваются слѣдующимъ вопросомъ, который я, замѣтите, задаю себѣ мысленно: „что можетъ показать этотъ человѣкъ относительно меня, если онъ попадетъ на свидѣтельскую скамью? — ничего! Ну, такъ мнѣ и нечего бояться!“ Теперь, достойный другъ, мнѣ бы очень хотѣлось видѣть вашего сына. Мой камеръ-

динеръ Соломонъ увѣряетъ меня, что онъ прелестный мальчикъ. Идите же къ нему!

— Вы хотите.... произнесъ нервнѣтельно мистеръ Слогудъ и взглянулъ съ очевидною тревогою на маіора.

— Да, хочу его видѣть.... Не придавайте же великаго значенія самымъ простымъ словамъ!... Повторяю вамъ только: покажите мнѣ сына!

Мистеръ Слогудъ поклонился и, войдя въ маленькій домикъ, стоявшій въ переулкѣ, въ концѣ котораго находилась часовня, — ввелъ маіора въ гостинную. Вѣлоурал женщина съ истомленнымъ лицомъ, приготовляла чай на столѣ у окна.

— Онъ наверху, маіоръ, говорилъ мистеръ Слогудъ. — Я держу его въ совершенномъ удаленіи отъ свѣта, согласно приказаніямъ, полученныхъ отъ васъ.

— Не—моихъ приказаній; прошу васъ помнить это, я ни при чемъ въ секвестрѣ вашего сына.

Мистеръ Слогудъ смолчалъ на такіа слова, но кошачьи глаза его приковались къ маіору съ свирѣпымъ выраженіемъ, пока оба они поднимались на лѣтницу.

У окна, предъ столикомъ сидѣлъ молодой человекъ. Онъ держалъ въ рукахъ какую-то газету, но смотрѣлъ машинально черезъ нее на дворъ, гдѣ веселились дѣти. На столѣ лежали окурки напиростъ и гряда объявленій, порванныхъ и засаленныхъ. На каминѣ лежали колода картъ, коробка съ домино, нѣсколько позвямтыхъ театральныхъ афишъ и пара лайковыхъ перчатокъ, бывшая прежде бѣлою. Молодой человекъ даже не пошевельнулся при входѣ мистера Слогуда и только произнесъ съ замѣтною досадою:

— Это вы? Такъ какъ вы пришли теперь сюда, то, конечно, позвольте мнѣ выйти изъ этой кѣтки, гдѣ просто задыхаешься отъ пыли и жары!

Мистеръ Слогудъ хотѣлъ сказать что то въ отвѣтъ, но маіоръ предупредилъ его.

— Милый, молодой другъ мой, сказалъ онъ торопливо, съ вами здѣсь обращаются череввычайно дурно.

„Милый и молодой другъ“ окончилъ проворно съ мѣста. Его

блѣдное, болѣзненное лицо немного оживилось, при видѣ лсныхъ глазъ красиваго маіора.

— Наконецъ-то вы явились! воскликнулъ съ явною радостью молодой человекъ. — Мнѣ уже опротивѣло сидѣть въ этой тюрьмѣ!... мнѣ страшно опостыдѣли и все эти уловки, и вся эта таинственность.... Кто я или что я? что за разница между мною и другими людьми?

Щеки его покрасились болѣзненнымъ румянцемъ, зрачки его расширились и блѣдныя, тонкія губы нервно подергивались. Маіоръ Варней смотрѣлъ на него улыбаясь и думалъ про себя.

— Соломонъ—человекъ глубоко проникательный.... Альфредъ Соломонъ, великій человекъ!

— Ну, что-же? продолжалъ юноша, неужели вы не можете объяснить наконецъ, кто я и что скрывается подъ этою таинственностью?

— Садитесь, милый мой! сказалъ мягко маіоръ.

Молодой человекъ усѣлся рядомъ съ нимъ. Мистеръ Слогудъ, стоявшій неподвижно на мѣстѣ, смотрѣлъ на нихъ, повидимому, съ полнымъ недоумѣніемъ.

— Вы спрашиваете меня, началъ маіоръ Варней, взявъ дружелюбно руки молодаго затворника, вы спрашиваете: кто вы, что вы и что все это значитъ? Милое дитя, эти вопросы чрезвычайно важны и я еще не въ состояніи отвѣтить вамъ на нихъ; но вѣдь я всѣми силами добиваюсь возможности скорѣе удовлетворить вашему любопытству. Солнце блеснетъ не скоро, но заря заимается! да, молодой мой другъ, мнѣ дѣйствительно кажется, что она занимается!

— Къ чорту вашу зарю, проговорилъ съ досадою молодой человекъ. — Зачѣмъ вы не даете мнѣ прямого объясненія? Почему не хотить отвѣтить мнѣ рѣшительно на все мои вопросы.... Если я спрошу этого — продолжалъ онъ, указывая на мистера Слогуда, — да, если я спрошу его, о чемъ бы только ни было, что я тогда узнаю?... Къ чему играть словами, къ чему ваши увертки, къ чему мистификація? Когда мнѣ иной разъ вдумается спросить у этого жида, который появляется у насъ довольно часто, (а я люблю его; это хорошій малый), то я онъ отвѣчаетъ точно

таже уклончиво; вы всё сговорились, держать меня во мраке! подлейшего неведья... всё! повторил он съ бшенством.

Маюръ нжно поглаживалъ его блѣдную руку.

— Исключая меня, исключая меня, дорогое дитя, успокоивалъ онъ, — я никогда не принималъ участія ни въ какомъ заговорѣ. Развѣ это возможно? Если не ошибаюсь, мы напали на слѣдъ прямого заговорщика и я употреблю зависящія средства, чтобы уличить его.

Слогудъ сдѣлалъ движеніе, какъ будто бы хотѣлъ сказать что то въ отвѣтъ, но маюръ устремилъ на него блестящіе глаза и съ такимъ выраженіемъ, что слова такъ и замерли у него на губахъ.

— Посмотрите на этого человѣка, мой другъ! продолжалъ маюръ, указавъ на Слогуда; — вообразите себѣ, что онъ совершилъ нѣкогда такое преступленіе, которое не только отразилось губительно на вашей бѣдной молодости, но помрачило счастье еще одной особы, для которой вы были чрезвычайно дороги; представьте себѣ далѣе, что я, изъ состраданія къ помянутой особѣ, рѣшился раскрыть заговоръ, котораго вы стали неповинною жертвою.

Впродолженіе этого монолога, маюръ не выпускалъ руки блѣднаго юноши, не сводилъ глубокаго и пристальнаго взгляда съ мистера Слогуда. Лице бывшаго сторожа могло бы послужить интереснымъ явленіемъ для глазъ физиономиста: на немъ изображались, смѣняясь безпрестанно, то страхъ, то озлобленіе, изумленіе и бшенство. Когда же Гранвилъ Варней окончилъ свою рѣчь, Слогудъ воскликнулъ запальчиво:

— Не говорите далѣе! Это недоразумѣніе подлежитъ разясненію!

Маюръ въ ту же минуту охладилъ его вспышку выразительнымъ жестомъ, причемъ его красиво-очерченныя губы прошептали чуть слышно имя Джозефа Вирда. Мистеръ Слогудъ ушелъ на другой конецъ комнаты и, присѣвъ на кровать, принялся читать Ваблю. Молодой человѣкъ наблюдалъ за всѣмъ этимъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. Схвативъ руку Варнея, онъ воскликнулъ порывисто!

— Какой же это заговоръ!... Что это?... расскажите!... да отвѣчайте же мнѣ!

— Нѣтъ, дитя; вы должны вооружиться терпѣніемъ, сказалъ ему маюръ. — Довѣрьтесь мнѣ вполне! я вашъ другъ и спаситель. Да, отъ меня зависитъ доставить вамъ и имя и большое богатство и что больше того: я могу возратить вамъ даже и ласки матери... Мы сдѣлаемъ все, что только намъ по силамъ, чтобы открыть эту тайну. Если даже окажется надобность подкупить этого человѣка — мы подкупимъ его! мы не будемъ скупиться. Мы далеки отъ мысли корить кого бы ни было; мы хотимъ исключительно узнать голую правду. Но для этого нужно непременно терпѣніе.... Вѣрите-ли вы мнѣ, дорогое дитя?

— Да! сказалъ съ увлеченіемъ молодой человѣкъ.

— Вы признаете меня за друга, за благодѣтеля, безъ котораго вы могли бы умереть въ этой ужасной комнатѣ... съ помощью котораго вы можете вернуться къ своимъ близкимъ роднымъ, добыться своихъ правъ и своего богатства?

— Какихъ правъ и богатства?

— О, не все-ли равно!... Вѣрите ли вы мнѣ?

— Вѣрю, вѣрю, конечно!

— Хорошо. А теперь, до скорого свиданія! Ждите меня на дняхъ... Ну-съ, мистеръ Слогудъ, проводите меня!

Молодой человѣкъ схватилъ руку маюра и поднесъ ее почтительно къ губамъ. Мистеръ Слогудъ послѣдовалъ за своимъ почителемъ, но спустившись по лѣстницѣ, онъ спросилъ его грубо:

— Что это означаетъ?... Я вовсе не желаю, чтобы мною могли пользоваться такимъ нахальнымъ образомъ... Что это за продѣлки и за странныя шутки!

— Это такія шутки, которыя способны окончиться для васъ чрезвычайно худо, если вы будете вмѣшиваться въ чужія дѣла; если же вы будете слѣдовать совѣтамъ господина Соломона и помнить его уроки, онъ тогда послужитъ только для вашей выгоды... Вами не хотятъ пользоваться, продолжалъ маюръ съ величайшимъ презрѣніемъ, — хотя вы, разумѣется, не больше какъ орудіе. Вы, съ самаго начала были только орудіемъ, жалкимъ, слѣпымъ орудіемъ, тупоумнымъ, невѣжественнымъ, не способнымъ помочь и

самоу себѣ, а не только другимъ? Дѣлайте, что вамъ вѣдно, безъ всякихъ разсуждений; попробуйте вмѣшаться въ дѣла умныхъ людей — и вы тотчасъ услышите кое-что о Джозефѣ Вирдѣ. Прощайте, мистеръ Слогудъ!

Маіоръ исчезъ въ переулкѣ. Вѣжайшіе сосѣди кинулись было къ окнамъ, чтобы взглянуть на него, но дѣти проводили его вплоть до Ольдъ-Кентъ-Рида и любовались имъ, когда онъ укатилъ въ своемъ кабріолетѣ.

ГЛАВА XIII.

Объявленіе.

На четвертый день послѣ этого посѣщенія къ Слогуду, маіору сидѣлъ съ женою за завтракомъ, въ столовой дома, занимаемого имъ въ Кенсингтонъ-Горѣ. Шеки мистрисъ Варней значительно поблекли со времени ея послѣдняго отъѣзда изъ Лисльвуда, отъ котораго прошло уже четырнадцать лѣтъ, но прекрасные волосы ея лежать еще роскошными волнами по плечамъ. Она чѣмъ то разстроена и ничего не ѣсть, а довольствуется тѣмъ, что быстро разрушаетъ превосходный паштетъ. На лицѣ ея выражается, въ эту минуту, почти дикая радость, а сверкающій пощикъ, которымъ управляетъ ея нервно-дрожащая, элегантная ручка, сильно напоминаетъ собою кинжалъ. Быть можетъ, мистрисъ Варней замѣчаетъ сама такое обстоятельство, потому что она начала съѣдять съ особеннымъ вниманіемъ за движеніемъ стали и вдругъ проговорила:

— Какъ досадно, что я не имѣю возможности убить кого-нибудь передъ началомъ завтрака! это бы возбудило, конечно, аппетитъ, дѣйствительнѣе рейнвейна и сельтерской воды... Гранвилъ Варней, мнѣ страшно опротивѣлъ подобный образъ жизни... я бы желала снова превратиться въ актрису жить опять въ Саутгэмптонѣ. Мнѣ бы хотѣлось снова вызнать восторгъ въ тупоумной, полуслепой толпѣ, хотѣлось бы вернуть свою свѣтлую молодость и....

— Невинность, конечно! договорилъ маіоръ, крутя свои усы и кладя въ стаканъ сахаръ.

— Повторяю вамъ, что мнѣ опротивѣла жизнь, которую я веду теперь; мнѣ надоѣла эта вѣчная борьба, для того чтобы слѣть богатыми людьми, прибѣгая для этого къ всевозможнымъ продѣлкамъ!... Мы начинаемъ стариться, пора остепениться и довольствоваться тѣмъ, что у насъ есть въ дѣйствительности.

— Это разумно, Ада, вы выражаетесь, какъ мудрецъ и философъ и скоро мы, дѣйствительно, начнемъ другую жизнь.

— Гранвилъ, не забывайте, что у васъ нѣтъ рѣшительно ничего, кромѣ жалованія?

— Да, въ данную минуту, но черезъ мѣсяцъ будетъ уже совсемъ иное. Мнѣ надоѣла служба и я не возвращусь больше въ Индію, Ада! Я хочу удалиться куда-нибудь въ деревню, чтобы провести тамъ съ вами, кумиръ моей души, остатки своихъ дней... Да, великое счастье, не признавать себя виновнымъ въ низкихъ дѣйствіяхъ! спокоенъ только тотъ, кто никогда не сдѣлалъ ни малѣйшаго зла!... знаешь ли, что мы можемъ рассчитывать на гостеприимство сэра Руперта Лисла?

Черные глаза мистрисъ Варней обратились къ нему съ глубокою изумленіемъ.

— Сэръ... Руперта?... произнесла она.

— Лисля, добавилъ маіоръ.—Этотъ молодой человѣкъ, пострадавшій такъ много, долженъ благодарить меня за то, что я возвратилъ ему и имъ и богатство.... несчастный, милый мальчикъ! онъ былъ жертвою самой недостойной интриги.

— Но, не хотите же вы....

— Допустить его оставаясь вдали отъ нѣжной матери, безъ имени и званія — нѣтъ, Ада, не хочу!... произнесъ маіоръ, крутя свои усы съ видомъ негодованія и благородной гордости.

— Я бы желала, Варней... чтобы вы перестали разыгрывать комедію, замѣтила она съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ.

— Разыгрывать комедію? развѣ я это дѣлаю? Вѣдь у меня на совѣсти не лежитъ преступленія, которое я долженъ бы скрывать предъ вами, милая.... Я узналъ, что одинъ молодой человѣкъ былъ, съ самаго дѣтства, жертвою чужой подлости—и

что же я предпринимаю? И немедленно же стараюсь разузнать всё подробности этого преступления. Когда я окончу эту задачу, то выведу все на свѣжую воду. Нечего говорить вамъ, что этотъ милый мальчикъ будетъ питать ко мнѣ вѣчную благодарность; ну а я, разумеется, постараюсь извлечь всевозможныя выгоды изъ подобнаго чувства.

— Но люди не всегда бываютъ благодарны! сказала мистрисъ Варней.

— Дѣйствительно, не всё помнить чужую преданность; вообще, благодарность развита въ человѣчествѣ; но отъ Рунерта Лисля я жду только хорошаго.

— И вы воображаете, что онъ лучше другихъ? спросила мистрисъ Варней съ презрительною улыбкою.

— Повторяю вамъ, Ада, что не жду отъ него ничего кромѣ добраго и не скажу вамъ болѣе ни единого слова.... Онъ можетъ быть и лучшимъ и худшимъ изъ людей, я не боюсь его ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ. А если онъ окажется дѣйствительно чудовищемъ, то я тогда, пожалуй, буду его бояться еще гораздо менѣе!

— Послушайте, Варней, я право не имѣю никакого желанія разгадывать загадки.

— Милая моя, да у васъ една-ли хватить мозга на такую работу. Вы, кажется, вообще никогда не ломали свою очаровательно-красивую головку надъ разрѣшеніемъ этихъ таинственныхъ загадокъ? Вы созданы единственно для того, чтобы блѣстѣть чудною прелестью, пѣть и—еще тратить деньги. Ну, вы это исполнили: вы были хороши, израсходовали много пѣсенъ и напѣвали деньги... виноватъ! я ошибся: вы пѣли много пѣсенъ и потратили много денегъ въ теченіи вашей жизни. Вы, однимъ словомъ, исполнили свое предназначеніе и вамъ стремиться не къ чему.... Вотъ гдѣ таятся творчество! заключилъ маіоръ, ударивъ себя по лбу серебрянною ложечкою.

Красивая собесѣдница его пожалала нетерпѣливо плечами и взяла „Times“, который уже былъ прочитанъ маіоромъ.

— Просмотрите епископъ рожденныхъ, умершихъ и соединившихся бракомъ и сообщите мнѣ....

— А! что жъ это такое? воскликнула мистрисъ Варней, когда взгляды ея упали на одно объявленіе, помѣщенное въ началѣ газеты.

— Прочитайте вслухъ, Ада, и я вамъ разъясню, что вамъ угодно знать.

— „Если эти строчки дойдутъ до свѣдѣнія маіора Гранвилля Варней, Г. Е. И. К. С. или кого-либо другого, знающаго настоящее мѣстопребываніе этого джентльмена, то проситъ пожаловать немедленно къ господамъ Сельбурнъ и Сельбурнъ, стряпчимъ, въ Грозъ-Инъ-Пласъ....“ Что же это такое, Гранвиль?

— Показать вамъ, какъ я наобрѣнь ответить на это? спросилъ маіоръ.

— Да.

Гранвиль Варней всталъ и, усѣвшись къ прекрасному дубовому бюро, написалъ быстро нѣсколько строкъ; затѣмъ онъ передалъ ихъ женѣ, между тѣмъ какъ онъ самъ надписывалъ конвертъ.

Отвѣтъ его былъ слѣдующій:

14, Кенсингтонъ-Горъ, 30 Іюня 18...

„Мистрисъ Вальдзингамъ!

„Вспомнивъ, что господа Сельбурнъ и Сельбурнъ, въ Грозъ-Инъ, были повѣренными вашего семейства, мнѣ пришло въ голову, что объявленіе помѣщенное въ сегодняшнемъ номерѣ „Times“, исходитъ отъ васъ. Если моя догадка вѣрна, если я могу быть вамъ полезнымъ, тѣмъ или другимъ путемъ, то распорядитесь мною, какъ вамъ будетъ угодно; въ противномъ же случаѣ, прошу извинить меня за безпокойство. Я чувствую такую непреодолимую антипатію къ адвокатамъ, что скорѣе рѣшусь подвергнуться вашему неудовольствію, чѣмъ войти въ сношенія съ подобными людьми.

„Честь имѣю пребыть вашимъ, милостивая государыня, покорнѣйшимъ слугою.

„Гранвиль Варней.“

— Почему вы думаете, что это объявленіе сдѣлано мистрисъ Вальдзингамъ? спросила мистрисъ Варней, возвращая мужу письмо.

— Потому что я ждалъ этого ежедневно со смерти Вальдзингама. Я твердо убѣжденъ, что онъ передъ кончиною открылъ своей женѣ крайне важную тайну. Если онъ сдѣлалъ это, то я очень доволенъ, именно потому, что мистрисъ Вальдзингамъ будетъ принуждена обратиться ко мнѣ, а я ужъ подготовился къ разговору съ нею. Если же онъ умеръ, не сказавъ ей ни слова, то мнѣ необходимо принять уже на себя инициативу въ дѣлѣ и обратиться къ себѣ вниманіе мистрисъ Вальдзингамъ. Вотъ это обьявленіе, котораго я ждалъ съ великимъ нетерпѣніемъ, убѣждаетъ меня, что мой бѣдный, Артуръ не унесъ съ собою тайны въ глубокую могилу. Этотъ дорогой другъ не могъ поступить иначе: онъ былъ вѣренъ себѣ, а мнѣ очень полезенъ. О, Ада, жизнь моя! въ чему грѣшить самимъ, когда знаешь, что можешь извлечь безъ труда пользу изъ чужихъ прегрѣшеній?!

Маіору не пришлось томиться ожиданіемъ отвѣта на письмо; на другой же день утромъ послѣ его отъѣзда, передъ квартирою маіора остановился экипажъ и черезъ нѣсколько минутъ Соломонъ, камердинеръ и фактоузъ Гранвила, подавъ своему господину визитную карточку Кларибель Вальдзингамъ.

Маіоръ приказалъ слугѣ ввести посетительницу въ библиотеку; это была небольшая комнатка, выходившая окнами въ садъ, въ которомъ красовался бассейнъ съ золотыми рыбками. Прежде, чѣмъ выйти къ мистрисъ Вальдзингамъ, маіоръ вынулъ изъ кармана маленькое зеркальце и началъ машинально разчесывать усы.

— Слѣдовало бы обрѣтись, подумалъ онъ невольно. А между тѣмъ усы бѣлокурого цвѣта придаютъ лицу чрезвычайно кроткій и добродушный видъ.

Онъ нашелъ мистрисъ Вальдзингамъ, стоящую у окна и смотрящую на дверь выжидающимъ взглядомъ. Она была блѣдна, но казалась спокойною, какъ и въ прежнее время.

— Мистрисъ Вальдзингамъ, проговорилъ маіоръ, подавая ей руки: — такъ это вы дѣйствительно напечатали обьявленіе въ „Times“ , и пожаловали теперь ко мнѣ, чтобы воспользоваться моими услугами?— это очень похвально съ вашей стороны. Я пріѣхалъ изъ Индіи еще очень недавно и всего день назадъ узналъ, что мой несчастный и незабвенный другъ....

Но мистрисъ Вальдзингамъ, не ижбя уже силъ скрывать свое волненіе, перебила маіора:

— Маіоръ Варней! воскликнула она, я пріѣхала къ вамъ по серьезному дѣлу; я разыскала бы васъ еще гораздо раньше, но горе и печаль вызванныя потерю....

Она слегка замаялась и на блѣдныхъ щекахъ ея внезапно выступили яркія румянецъ.

— Смерть капитана Вальдзингама отняла у меня даже способность думать, продолжала она. — Советники мои сильно протестовали противъ моего личнаго разговора съ вами.... они не понимаютъ моего положенія! но я рискнула всею, подъ вліяніемъ желанія предложить вамъ вопросъ. Вы могли быть въ прошедшемъ моимъ злѣйшимъ врагомъ; вы могли имъ остаться.... но моя голова не въ силахъ выносить тѣхъ тяжелыхъ сомнѣній, которыя осаждали ее въ послѣдніе три мѣсяца!... Маіоръ Варней, умоляю васъ именемъ вашей матери, отвѣтитъ на вопросъ мой съ полною откровенностью!

Она кинулась на колѣни и съ мольбою протянула къ нему свои нѣжныя руки.

— Скажите, ради Бога.... мой сынъ.... сэръ Рупертъ Лисль... живъ-ли онъ или умеръ?

Маіоръ такъ широко раскрылъ глаза, что нужно было опасаться, какъ бы онъ не остался навсегда въ подобномъ положеніи. Онъ съ участіемъ поднялъ и посадилъ на кресло взволнованную женщину.

— Успокойтесь, сударыня! сказалъ онъ ей пріятливо. — Вы ставите меня въ большое затрудненіе.... Чѣмъ вызвана подобная, несбыточная мысль?

— Нѣтъ, эта мысль не бредъ разстроеннаго мозга! отвѣтила она, капитанъ Вальдзингамъ хотѣлъ открыть мнѣ тайну за нѣсколько минутъ до удара, который свалилъ его въ могилу!

— Хотѣлъ?... спросилъ тревожно и поспѣшно маіоръ.

— Да, но онъ, къ сожалѣнію, могъ только произнести нѣсколько странныхъ словъ, которыхъ, тѣмъ не менѣе, было вполне достаточно, для того чтобы понять, что мой сынъ еще живъ и что вамъ, маіоръ, известна эта тайна.

— Сударыня, потрудитесь подумать, на сколько все это невѣроятно. Я жилъ въ Индіи со времени исчезновенія вашего сына, а вернулся сюда только яѣсилъ назадъ.... Можно предполагать, что мозгъ моего бѣднаго друга былъ не совсѣмъ въ порядкѣ, такъ какъ нѣтъ ни малѣйшаго повода думать, чтобы вашъ сынъ былъ спасенъ! Какія причины могли бы побудить капитана Вальдзингама скрывать это отъ васъ, есlibъ сэръ Рупертъ былъ на самомъ дѣлѣ живъ? Да и что могъ онъ выиграть, участвуя въ такомъ ужасномъ преступленіи?

— Ничего, ничего! его благостояніе должно было погибнуть вмѣстѣ съ моимъ ребенкомъ! сказала Клэрибелль.

— Ну, такъ что же могло заставить и его, и кого бы то ни было, держать въ тайнѣ существованіе вашего сына?... Многоуважаемая мистрисъ Вальдзингамъ, все это очень странно и про-ето непонятно!... Я едва осмѣливаюсь высказать вамъ, на сколько вашъ вопросъ озадачилъ меня!

Маіоръ проговорилъ послѣднія слова съ очевиднымъ смущеніемъ, которое проглядывало отчасти въ его взглядѣ, устремленномъ на гостью.

— Вы едва осмѣливаетесь высказать мнѣ.... О, объясните мнѣ, что значитъ эта фраза! сказала Клэрибелль. — Я глубоко увѣрена, что вамъ извѣстно то, чего вы не хотите сообщить мнѣ теперь.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣтили онъ, начиная ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, какъ будто погруженный въ глубокое раздумье. — Все это такъ несбыточно и такъ невѣроятно и, по правдѣ сказать, настолько невозможно....

— Скажитесь, скажите мнѣ.... перебила она. Пріймите во вниманіе что если вамъ извѣстна участь моего сына.... если вы можете мнѣ возратить ему имя и богатство его, то половина этого громаднаго богатства перейдетъ въ ваши руки.

Маіоръ сдѣлалъ движеніе, похожее на то, которое онъ сдѣлалъ бы, если бы кто-нибудь ударилъ его въ лобъ. Онъ выпрямилъ свой станъ и, обративъ глаза на мистрисъ Вальдзингамъ, проговорилъ величественно.

— Милостивая государыня, совѣтую вамъ искренно никогда

не пытаться подкупать офицера нашей индійской арміи; совѣтую вамъ то же не обѣщать богатствъ, составляющихъ собственность вашего сына. Если только онъ живъ, то будетъ, какъ вы знаете сами, скоро совершеннолѣтнимъ и вѣрно не захочетъ уступить своихъ правъ.

— Простите меня, маіоръ, я безумная женщина!... Простите и скажите мнѣ все то, что вамъ извѣстно о моемъ бѣдномъ Рупертѣ!

Маіоръ не далъ отвѣта, а продолжалъ ходить, какъ и прежде по комнатѣ, все еще погруженный въ глубокое раздумье.

— Скажите, мистрисъ Вальдзингамъ, есть ли у васъ портретъ сэра Руперта Лисла? спросилъ онъ неожиданно.

— Она распахнула шаль и, снявъ съ шеи золотую цѣпочку съ медальономъ, подала ее молча и покорно маіору. Въ медальонѣ заключался миниатюрный портретъ сэра Руперта Лисла, на слоновой кости, писанный не задолго до страшной катастрофы.

Маіоръ долго разсматривалъ его и даже подошелъ къ ближайшему окну, чтобы видѣть его лучше.

— Сударыня, началъ онъ съ очевиднымъ волненіемъ, — видѣть Богъ, какъ мнѣ странно прозвучало даже слово, которое могло бы вовлечь васъ въ заблужденіе при настоящемъ случаѣ.... но я невольно думаю, что вашъ сынъ еще живъ! добавилъ онъ съ энергіею.

Грустное лицо мистрисъ Вальдзингамъ покрылось страшною блѣдностью — и она безъ чувствъ свалилась на коверъ.

ГЛАВА XIV.

Маіоръ разыгрываетъ роль филантропа.

— Это не особенно-то хорошо, пробормоталъ маіоръ, видя, что поспѣтельница потеряла сознание. — Бѣдняжка!... и все это результаты любви къ болѣзненному, блѣдному, ничтожному созданию.... Кто бы могъ вообразить, что существуютъ люди, угнѣшіе

чувствовать так живо и глубоко?... Сказать-ли это Адь?—Нѣтъ; это можетъ вызвать дурные результаты! Богъ вѣсть, чего не на-сказалъ ей тупоумный Артуръ!

Онъ позвонилъ, и Соломонъ явился немедленно въ дверяхъ.

— Принсите сюда горничную мистрисъ Варней, съ холодною водою и вѣсьми вамъ извѣстными при обморокахъ средствами, ска-залъ ему маіоръ.—Мистрисъ Вальдзингамъ дурно!

Запахъ солей привелъ мистрисъ Вальдзингамъ въ чувство и ее усадили заботливо на кресло, которое придвинули къ открытому окну. Она оглянулась съ видомъ недоумѣнія, но при видѣ маіора вспомнила происшедшее. Подобно вѣсьмъ спокойнымъ или безраз-стнымъ людямъ, она великолѣпно владѣла собою.

— Благодарю... мнѣ лучше, проговорила она. — Не безо-койтесь больше, обратилась она къ Соломону и горничной. — И такъ маіоръ Варней, я готова опять продолжать разговоръ и не буду уже больше прерывать васъ такимъ неприятнымъ сюрпризомъ.

Слуги тотчасъ ушли и маіоръ съ своею гостней остались съ глаза на глазъ. Онъ сталъ за ея кресломъ; она тихо взяла его руки въ свои и смотрѣла въ глаза его съ живѣйшимъ интересомъ.

— Будьте же такъ добры и объясните мнѣ значеніе вашихъ словъ! воскликнула она:—вы не стали-бъ, конечно, даже произно-сить ихъ, еслибъ вы не имѣли намѣренія раскрыть мнѣ ихъ со-кровенный смыслъ.

Маіоръ придвинулъ стулъ и усѣлся съ нею рядомъ.

— Это святая истина! отътилъ онъ серьезно:—я во всю свою жизнь не сказалъ необдуманно ни единого слова, если вы об-щаетесь выслушать меня совершенно спокойно, то убѣдитесь сами, что и на этотъ разъ я не измѣню тоже этому благодатному и ра-зумному правилу! И такъ вы общаетесь выслушать все спокойно?

— Даю вамъ въ этомъ слово!

Она не отрывала отъ него жадныхъ глазъ. Его взглядъ былъ такъ ясенъ и такъ чистосердеченъ, что смотреть такъ способенъ только тотъ, кто имѣетъ чистую совѣсть и не боится самыхъ про-ницательныхъ глазъ. Самый опытный физиономистъ не прочелъ бы другаго въ этомъ ясномъ, открытомъ, симпатичномъ лицѣ.

— Я сейчасъ сказалъ вамъ.... не забудьте однако вашего обф-

щанія, что я имѣю основаніе думать, что вашъ сынъ еще живъ, началъ онъ осторожно;—но человечеству свойственно ошибаться... и мы все заблуждаемся такъ грубо и такъ часто, что я прому впередъ не слишкомъ увлекаться моими предположеніями.

— Умолю васъ выразиться не много поленѣе! сказала мист-рисъ Вальдзингамъ почти нетерпѣливо.

— Это тоже мое душевное желаніе... И такъ, я говорилъ, что я предполагаю, что вашъ сынъ еще живъ. Я долженъ однако со-общить вамъ, на какомъ шаткомъ основаніи выжидаетъ подобная... догадка.

— На шаткомъ основаніи?... повторила съ глубокою тревогою Клэрибелль.

— Да, мистрисъ Вальдзингамъ, это очень естественно... я вообще обладаю счастливою способностью хранить въ памяти лица... Плохо было бы дезертиру, котораго судьба привела бы случайно къ маіору Гранвиллю! я бы сейчасъ узналъ малѣйшую черту его его же, каждый взглядъ его глазъ, еслибъ онъ пробылъ въ полку моемъ не больше пяти дней, а исчезъ бы потомъ на цѣлыхъ десять лѣтъ. Прошло четырнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я не видѣлъ сэра Руперта Лисла; если онъ только живъ, то дол-женъ быть уже взрослымъ.... Но, не смотря на это, я почти убѣжденъ, что я видѣлъ его три недѣли тому назад!

— Маіоръ Варней!....

— Не забудьте вашего обѣщанія... Тому назадъ недѣли три, я съ женою былъ приглашенъ въ „Олимпическій театръ.“ Наша ложа была въ первомъ разрядѣ, такъ что партеръ былъ весь предъ нами. Въ первомъ ряду кресель сядѣлъ какой-то молодой человекъ, который съ такимъ живымъ интересомъ слѣдилъ за игрою актеровъ, что невольно обратилъ на себя вниманіе жены. Она указала мнѣ на него.... Я не вѣрю въ привидѣнія, мистрисъ Вальдзингамъ, но въ этотъ вечеръ мнѣ дѣйствительно показалось, что я вижу духъ вашего сына, сэра Руперта Лисла!

Маіоръ остановился.

— Правда-ли это?... можетъ-ли это быть?! воскликнула съ волненіемъ Клэрибелль Вальдзингамъ.

— Слушайте меня дальше, потомъ судите сами.... Такъ какъ

я отрицаю всякія привидѣнія, то сказалъ самъ себѣ: я никогда не видѣлъ еще такого сходства! оно такъ поразительно, что я чувствую даже существенную надобность узнать, кто этотъ блѣдный, красивый, симпатичный молодой человѣкъ. Онъ резко отличается отъ другихъ своихъ сверстниковъ и я долженъ узнать о немъ, во что бы то ни стало! у меня есть весьма способный камердинеръ, Альфредъ Соломонъ, котораго вы видѣли. Онъ былъ тогда въ театрѣ и ждалъ насъ въ партерѣ. Я знакомъ приказалъ ему подойти къ нашей ложѣ и указалъ ему на молодого человѣка. „О, сударь, я узнаю его вездѣ, по его сходству...“ воскликнулъ Соломонъ „По какому?“ спросилъ я. — Онъ похожъ замѣчательно на сара Руперта Лисля. — Хорошо, Соломонъ, отвѣтилъ я ему, — такъ какъ я постоянно обращаюсь съ прислугой чрезвычайно гуманно. — Это странное сходство побуждаетъ меня узнать, кто этотъ милый молодой человѣкъ. Постарайтесь за нимъ выложить его квартиры, достойный Соломонъ и постарайтесь собрать о немъ подробнѣйшія свѣдѣнія...“

— И... что же онъ узналъ?..

— Вы, мистрисъ Вальдзингамъ, не можете представить себѣ, каковъ мой Соломонъ! онъ посѣдовалъ тихо за этимъ незнакомцемъ до отдаленной улицы, въ сосѣдствѣ Ольдъ-Кентъ-Рида и ему удалось узнать въ концѣ концовъ, что имя его — Слогудъ. Отецъ его методическій проповѣдникъ и живетъ на своей настоящей квартирѣ ужъ нѣсколько лѣтъ. Все это какъ будто не предвѣщало много хорошаго; но все же я задумалъ познакомиться съ этимъ молодымъ человѣкомъ

— И были у него?

— Да, на другой же день. Я видѣлъ и отца его... методическаго проповѣдника Джозефа Слогуда... ну и что же вы думаете: кого я узналъ въ немъ?

— Я не могу придумать, сказала Клэрибелль.

— Прежняго слугу въ Лисльвудъ-Паркъ, сторожа... раскаившагося браконьера, котораго звали, на сколько могу вспомнить, Жильбертомъ...

— Арнольдъ?

— Да, Жильбертомъ Арнольдъ, продолжалъ майоръ Варней.

Одно это дало мнѣ поводъ предположить, что между саромъ Рупертомъ и такъ странно похожимъ съ нимъ молодымъ человѣкомъ, виднымъ мною въ театрѣ, могло быть нѣчто общее... Скажите, мистрисъ Вальдзингамъ, не припомните ли вы, чтобъ между вашимъ сыномъ и сыномъ браконьера существовало сходство?... Помните или нѣтъ?

Предлагая вопросъ, майоръ Варней взглянулъ на лицо Клэрибелль.

— Не могу вамъ сказать, чтобы я когда-либо замѣчала его, отвѣтила она съ нѣкоторою надменностью. — Многие говорили объ этомъ сходствѣ Руперта съ мальчишкою Арнольда, но я не находила, чтобы мой красивый сынъ былъ похожъ на несчастнаго, оборваннаго Джэмса.

— Вы самый компетентный судья въ подобномъ случаѣ!... Мистеръ Джозефъ Слогудъ, или Жильбертъ Арнольдъ, или какъ бы вообще его не называли — не казался особенно образованнымъ, когда увидѣлъ меня. Онъ очень скрываетъ свое настоящее имя — а это подозрительно! Онъ очень испугался и даже обозлился, когда я намекнулъ ему на прежнюю его обязанность въ Лисльвудѣ и началъ отрицать тождественность Слогуда съ браконьеромъ Арнольдъ. Когда я попросилъ его, показать мнѣ сына, онъ сталъ было увертываться, лгать и, въ концѣ-концевъ, отказалъ моей просьбѣ. Тутъ то я основательно заподозрѣлъ его — и поставилъ ему отличную ловушку: я оставилъ его, но добился свиданія съ молодымъ человѣкомъ... Несчастное созданіе. Видный жалкій ребенокъ! Кто бы онъ ни былъ въ сущности, кѣмъ бы онъ ни казался — но онъ во всякомъ случаѣ, не сынъ Жильберта Арнольда.

— О, умоляю васъ, говорите яснѣе!

— Я не могу сказать ничего яснѣе этого! возразилъ ей Варней. Я только въ состояніи повторить еще разъ: я думаю, что этотъ молодой человѣкъ, живущій у Жильберта, бывшаго браконьера, мнимаго методическаго священника — не родной сынъ его. Полагаю, что онъ происходитъ отъ лицъ, занимавшихъ высокое положеніе въ свѣтѣ и сдѣлался жертвою какого-нибудь замысла,

въ которомъ игралъ роль этотъ Жильбертъ Арнольдъ... Вотъ, мистриссъ Вальдзингамъ, все, что я знаю самъ! я не могу сказать вамъ ничего кромѣ этого, пока вы сами лично не взглянете на этого симпатичнаго юношу!

— О, ведите меня къ нему безотлагательно! Такая неизвестность!... тяжелѣе самой смерти!

— Да, но вы тѣмъ не менѣе, должны имѣть терпѣніе... должны владѣть собою! Въ подобныхъ обстоятельствахъ нельзя себѣ дозволить дѣйствовать слишкомъ быстро: одинъ невѣрный шагъ можетъ сгубить все дѣло. Осторожность становится для насъ почти обязанностью. Пріймите еще къ свѣдѣнію, что вѣдь намъ придется бороться съ хитрецомъ и страшнымъ лицемеромъ. Нельзя приступать къ дѣлу до вашего свиданія съ молодыми людьми; я вполне полагаюсь на вашу непогрѣшимую материнскій инстинктъ. Смотрите зорко въ юношу, поговорите съ нимъ... изучите каждую черту его лица, каждый взглядъ его глазъ и если, послѣ этого, вы скажете рѣшительно: „Гранвиль Варней, это мой сынъ, сэръ Рупертъ Лисль!“ то я переверну тогда небо и землю, чтобы достигнуть возможности доказать это свѣту и помочь вамъ вернуть права вашему сыну! до тѣхъ поръ, намъ, конечно, нечего дѣлать: нашей исходной точкой будетъ минута, въ которую вы, мистриссъ, разрешите вопросъ? Придется удалитъ куда нибудь Арнольда, чтобы вы могли увидѣться съ молодымъ человекомъ; это можетъ устроить мой слуга Соломонъ, если вамъ угодно, то сегодня же вечеромъ. Если я ошибаюсь и напрасно заставилъ васъ страдать и волноваться, то простите мнѣ невольную вину. Въ случаѣ же, если послѣднія слова моего друга указали вамъ прямо существованіе тайны и вамъ съ моею помощію удастся разгадать ее...

— То я... буду вамъ глубоко благодарна! мой сынъ будетъ вамъ сыномъ; все наше состояніе будетъ вѣстѣй и нашимъ, такъ же какъ и нашъ домъ.

— Достаточно, достаточно, перебилъ маіоръ весело. — Милостивая государыня, я попросилъ бы васъ отдохнуть и прилечь на нѣсколько часовъ. Я пришлю вамъ сюда что-нибудь прохладительное и немного мадеры, которая совершила столько же перевѣдывовъ, сколько сдѣлалъ ихъ я; прошу васъ убѣдительно подкрѣпить свои

силы: не забудьте, что вечеромъ вамъ предстоитъ принять рѣшеніе, отъ котораго будутъ вполне зависѣть послѣдующія дѣйствія! прощайте же, мистриссъ Вальдзингамъ до наступленія сумерокъ!

Маіоръ взялъ руки Клэрибелль и сжалъ ихъ съ дружескою любовью. Онъ принялъ самый кроткій и внушительный видъ, а его золотистые шелковистые волосы, блѣтвшіе на солнцѣ придавали его красивому лицу еще болѣе прелести.

ГЛАВА XV.

Жильберта Арнольда принуждаютъ говорить.

Достойный камердинеръ маіора, Соломонъ, весьма ловко заставилъ мнимаго проповѣдника удалиться изъ дома и даже на довольно продолжительный срокъ. Начало ужъ смеркаться, когда мистриссъ Вальдзингамъ съ маіоромъ поѣхали, въ его темнокоричневои и щегольскомъ купѣ, въ Ольдъ-Кентъ-Ридъ; маіоръ Варней приказалъ кучеру остановиться на углу переулка, въ концѣ котораго виднѣлась известная часовня.

А теперь, мистриссъ Вальдзингамъ сказала Гранвиль пожалуйте мнѣ руку, мы дойдемъ пѣшкомъ до квартиры Слогуда. Я отослалъ купѣ нѣсколько восторону вѣдѣтіе опасенія, что вашъ прежній сторожъ можетъ вернуться, пока мы у него, и узнать всю суть дѣла.

Но Клэрибелль, казалось, не слушала Варней. Она шла машинально и вдругъ, остановившись, положила руку на плечо маіора и спросила съ странною, почти дикою рѣшимостью:

— Маіоръ Варней, скажите!... молодой человекъ, котораго я увижу сейчасъ... —сынъ ли мой или нѣтъ?

Луна уже взшла и матовый свѣтъ ея озарилъ блѣдное лицо красиваго Варней, такъ что онъ былъ теперь еще интереснѣе, чѣмъ днемъ. Онъ кинулъ на свою спутницу проникательный взглядъ и отвѣтилъ ей съ чувствомъ собственного достоинства:

— Мистрисс Вальдзингамъ, вы — женщина одинокая, безпомощная и къ тому же — вдова дорогого мнѣ друга; вѣрите, что я не способенъ обмануть васъ сознательно, и потому отвѣчу вамъ: *я думаю, что это вашъ сынъ*, сэръ Рупертъ Лисль!

Она вздохнула съ видимымъ облегченіемъ и продолжала идти быстро впередъ.

— Мы дошли, наконецъ! объявилъ ей маіоръ, остановившись у садовой калитки и дергая звонокъ.

На звонъ прибѣжалъ Соломонъ.

— Ну что-же: все въ порядкѣ? спросилъ его маіоръ, когда слуга открылъ торопливо калитку.

— Да, сударь, онъ отправился въ гости въ Гампстедтъ. Я принесъ ему записку отъ председателя общества, въ которой его просятъ произнести рѣчь собранію. Онъ вернется не раньше какъ черезъ два часа, такъ какъ еще не съ разу найдете и мѣсто сходки.

— Хорошо, Соломонъ... Развѣ этого человека нельзя назвать кровопицею? обратился онъ весело къ дрожавшей Клэрибелль.

Она не отвѣтила, глаза ея были устремлены на дверь незнакомаго дома, въ которомъ она думала найти своего сына.

— Не угодно-ли вамъ послѣдовать за мною? сказала мягко маіоръ.

Онъ вошелъ въ корридоръ и направился къ лѣстницѣ. Но прежде, чѣмъ взойти на нее, онъ обернулся къ Соломону и спросилъ, подмигнувъ ему многозначительно:

— Куда же дѣлалъ женщина?

— Она ушла въ деревню, повидаться съ знакомыми, отвѣтила Соломонъ. Ее тамъ очень любятъ и отсутствіе не скоро.

— Это великолѣпно, безцѣнный Соломонъ!

Маіоръ и мистрисс Вальдзингамъ стали подниматься по лѣстницѣ, сопровождаемые Соломономъ, который, остановился на маленькой площадкѣ, пока посетители входили тихо въ комнату.

Молодой человѣкъ съ блѣднымъ лицемъ спалъ на кровати, положивъ руку подъ голову. Вѣлокучные волосы свѣшивались на низкій, довольно узкій лобъ. Платке, хотя поношенное, было въ сущности самого изящнаго покроя. Руки спавшаго были бѣлы и

нѣжны. Комната слабо освѣщалась нагорѣвшею свѣчою, которая стояла на столѣ у окна. Маіоръ указалъ, молча, рукою на юношу. Мистрисс Вальдзингамъ испустила слабый, радостный крикъ и, преклонивъ колѣна предъ самою постелью, поцѣловала спящаго въ лобъ, что заставило его тотчасъ проснуться и взглянуть съ изумленіемъ. Теперь было удобно разглядѣть, что лице его было очень красиво, съ непогрѣшимо-тонкими, правильными чертами, хотя оно не свидѣтельствовало объ обширномъ умѣ.

— Несчастное дитя! проговорилъ маіоръ: — Вспомните все, что я говорилъ вамъ недавно и соберитесь съ силами!

— Да... да! воскликнулъ шломо молодой человѣкъ. — Я знаю... вы моя мать, обратился онъ къ Клэрибелль, — вы пришли, чтобы вырвать меня изъ ужасной темницы... изъ рукъ этого гнуснаго, низкаго человѣка... Вѣдь, вы хотите его?

Онъ говорилъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ и соскочилъ съ постели, какъ будто бы хотѣлъ оставить эту комнату безъ всякихъ отлагательствъ. Соломонъ, стоявшій на порогѣ двери, ухватилъ его за руку и сказалъ торопливо.

— Не спѣшите же такъ!... успокойтесь немного!

— Ну-съ, мистрисс Вальдзингамъ, что я правъ или нѣтъ? спросилъ маіоръ Варней, обратясь къ Клэрибелль.

— Да, сказала она съ непроизвольнымъ вздохомъ: — вы, вѣрно, не ошиблись; но дорогой мой сынъ ужасно измѣнился. Это грустная пережѣна!

— Какъ-же не измѣниться, когда онъ, въ продолженіи четырнадцати лѣтъ, не видѣлъ заботъ матери и сидѣлъ въ заключеніи, какъ настоящій узникъ! замѣтилъ ей маіоръ.

— Сынъ мой... мой блѣдный Рупертъ... подойди же ко мнѣ! проговорила Клэрибелль, раскрывая объятія.

Молодой человѣкъ обвилъ шею матери обѣими руками и, прилонясь къ плечу ея, онъ горько зарыдалъ.

— Я не желаю больше изнывать въ этомъ домѣ... я не могу здѣсь жить! повторялъ онъ настойчиво.

— Мы увеземъ тебя отсюда, мой Рупертъ.

И мистрисс Вальдзингамъ пошла было къ дверямъ, но маіоръ не замедлилъ остановить ее.

— Дорогая мистрисъ Вальдзингамъ! началъ онъ. — Великіе Боги!... узнаете-ли вы, то что вы затѣваете?... вы хотите увести съ собою человѣка, котораго считаютъ «снгомъ нашихъ служителей»; вы вѣроятно думаете отправиться съ нимъ въ судъ и залвить, что это вашъ сынъ, сэръ Рупертъ Лисль, который считался давнымъ давно умершимъ... Ради Бога, обдумайте, что вы предпринимаете! Я прошу васъ во имя нашего незабвеннаго Артура Вальдзингама: будьте дѣйствовать разсудительно... Не угодно-ли съѣсть.

Она подвела ее къ стулу; она послушно съѣла.

— Прежде всего, мистрисъ Вальдзингамъ, продолжалъ майоръ: — прежде, чѣмъ приступить къ нашимъ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ, намъ необходимо ваше официальное заявленіе, что вы признаете въ этомъ молодомъ человѣкѣ вашего сына, сэра Руперта Лисля.

— Я признаю его!

— Хорошо! и такъ вы высказываете — въ присутствіи Соломона, этого юноши и третьяго свидѣтеля въ лицѣ майора Варней — свое убѣжденіе, что онъ дѣйствительно вашъ сынъ, и что вы не введены въ заблужденіе сходствомъ, которое могло существовать между сыномъ Арнольда и вашимъ сыномъ Рупертомъ.

— Я никогда и прежде не замѣчала сходства между ими двумя! сказала Клэрибелль.

— Прекрасно! Такимъ образомъ, мы можемъ сказать смѣло, что мы открыли заговоръ, который имѣлъ цѣлю скрыть существованіе вашего сына, какъ отъ насъ самихъ, такъ и отъ всего свѣта. Для чего было сдѣлано это странное дѣло? кѣмъ задумано и исполнено? — это раскройте следствие. Теперь мы знаемъ только, что Жильбертъ Арнольдъ былъ участникомъ заговора и что нужно принудить его объяснить эту тайну... Соломонъ, вы содѣйствовали успѣху нашихъ поисковъ до нынѣшняго вечера, вы знакомѣе насъ съ характеромъ Арнольда и знаете, конечно, возможно-ли заставить его высказаться сегодня?

Задаяя еврею этотъ вопросъ, онъ сдѣлалъ ему знакъ, глаза барина и слуги выполняли успѣшно роль телеграфнаго аппарата.

— Сомнѣваюсь въ возможности принудить его къ этому, отвѣтилъ Соломонъ.

— Хорошо! проговорилъ майоръ, посмотрѣвъ на часы; — теперь четверть одиннадцатаго; онъ вернется, по всей вѣроятности, не ранѣе полу-часа. Отправляйтесь въ ближайшее полицейское бюро и возьмите оттуда двухъ агентовъ. Если мы помѣстимъ этихъ господъ въ сосѣднюю комнату, то намъ, можетъ быть, и удастся развязать языкъ нашему другу.

Соломонъ удалился съ почтительнымъ поклономъ, а Клэрибелль и Варней стали ждать возвращенія бывшаго браконьера. Молодой человѣкъ ходилъ изъ угла въ уголокъ, останавливаясь по временамъ, чтобы предложить вопросъ.

Черезъ пол-часа Соломонъ вернулся въ сопровожденіи двухъ мушкетеровъ съ осажденными лицами, въ приличныхъ статскихъ платьяхъ; они вошли въ гостиную. Десять минутъ спустя возвратился Арнольдъ. Войдя въ домъ посредствомъ ключа, имѣвшагося всегда у него, онъ прошолъ прямо въ комнату, гдѣ его ожидали съ пламеннымъ нетерпѣніемъ. Клэрибелль, уступая просьбамъ майора, закрылась густою вуалью, такъ что лица ея нельзя было увидѣть. При видѣ майора, Жильбертъ изумился до такой степени, что отскочилъ назадъ.

— А! мой достойный другъ! воскликнулъ офицеръ: — я и не сомнѣвался, что мое присутствіе способно удивить васъ; подождите не много — и вы удивитесь еще гораздо болѣе... Сударыня, потрудитесь приподнять вашу вуаль, а я пока сниму нагаръ съ этой свѣчи... Ну-съ, теперь Джозефъ Слогудъ, или Жильбертъ Арнольдъ, называвшійся еще иначе, скажите мнѣ пожалуйста, узнаете ли вы эту благородную леди?

— Меня зовутъ во-первыхъ не Жильбертомъ Арнольдомъ, а восторжъ я не знаю ни васъ, ни этой дамы, возразилъ браконьеръ.

— Да это полно такъ-ли?... Вы очень хорошо знаете насъ обоихъ; знаете такъ же этого бѣднаго молодого человѣка, котораго осмѣлились выдавать до сихъ поръ за собственнаго сына! да, Жильбертъ Арнольдъ, вы знаете его, лучше чѣмъ всѣ другіе! Бросьтесь же предъ нимъ смиренно на колѣна, просите и молитесь ему, пока не убѣдите его простить васъ за прошедшее! не го-

ворите только, что вы его не знаете ибо как же вам не знать сара Руперта Лисля.

Браконьер съѣз на стулъ и закрылъ лице дрожавшими руками.

— А! въ васъ еще осталась хоть пекра стыда! проговорилъ маіоръ надменно и презрительно. — Четырнадцать лѣтъ скрывали вы свой грѣхъ, но теперь все открылось и, если вы надѣетесь заслужить прощеніе этой госпожи а также и ея сына, который очень скоро будетъ совершеннолѣтнимъ, то вамъ лучше всего рассказать честно правду. Какая была цѣль этого злого умысла?... кто былъ его зачинщикомъ?... Одни-ли вы дѣйствовали или вамъ помогали другіе соучастники? Отвѣчайте по совѣсти!

— Не стану я ничего отвѣчать! заревѣлъ браконьеръ, схвативъ стулъ въ обѣ руки съ очевиднымъ намѣреніемъ швырнуть его въ Варней. Не хочу отвѣчать! я вѣдь не грязь, которую можно топтать ногами; я не вашъ крѣпостной, чтобы слушаться васъ, чтобы вы заставляли меня болтать, какъ попугай или ползаетъ передъ вами, какъ ползаетъ собака.

Онъ сильно стукнулъ стуломъ, затѣмъ съѣз на него и заплакалъ внезапно горячими слезами.

— Этотъ человекъ или просто помѣшанный или онъ выпилъ лишнее! сказалъ маіоръ Варней, обратясь къ Кэрибелль.

Онъ подошелъ къ Жильберту и, наклонясь надъ нимъ, шепнулъ ему поспѣшно:

— Трусъ! если ты не заговоришь, то попадешь на висѣлицу! Выбирай же скорѣе между тѣмъ и другимъ; внизу уже сидятъ два полицейскихъ сыщика и мнѣ стоить пройти нѣсколько ступеней, чтобы предать тебя.

Жильбертъ Арнольдъ моментально осушилъ свои слезы, онъ поднялъ бодро голову и началъ вытирать лицо своими грязными и жестокими руками.

— Я дѣйствительно выпилъ, произнесъ онъ смѣгая и понижая голосъ, но вы слишкомъ жестоки къ намъ бѣднымъ, темнымъ людямъ.... Вѣдь и у насъ есть чувства и мы можемъ всплывать, когда насъ обижаютъ, не разобравши дѣла!.... Я готовъ говорить, если это такъ нужно.... я выскажу вамъ все.

Онъ положилъ свои скрещенныя руки на спинку стула, оперся на нихъ подбородкомъ и устремилъ на маіора свои зеленоватожелтые глаза.

— Имѣли-ли вы сообщниковъ въ этомъ преступномъ дѣлѣ? спросилъ его Гранвиль.

— Нѣтъ! отвѣчалъ Арнольдъ.

Онъ сказалъ это нехотя, какъ лѣтний ребенокъ отвѣчаетъ учителю.

— И вы были одни отъ самаго начала?

— Съ начала до конца.

— Капитанъ Вальдзингамъ знаетъ что-нибудь объ этомъ?

— Ничего положительнаго!

— Какая же была у васъ на это цѣль?

— Захвѣнить сара Руперта моимъ собственнымъ сыномъ.

А что же случилось съ вашимъ сыномъ?

Жильбертъ Арнольдъ замаялся и сказалъ потомъ грустно:

— Онъ скончался, бѣдняжка!

— Скончался? .. и такъ планъ вашъ не удался, благодаря только его внезапной смерти?

— Да.... отвѣчалъ Арнольдъ.

— Но кто же внушилъ вамъ мысль объ этомъ подлогѣ.

— Какую мысль?

— Подмѣнить сара Руперта вашимъ собственнымъ сыномъ?

— Все говорило о замѣцательномъ сходствѣ этихъ дѣтей, увидали, что мой сынъ былъ ни чуть не хуже баронета.... и мнѣ показалось несправедливымъ, чтобы одинъ наслаждался всеми благами жизни, между тѣмъ какъ другой долженъ былъ жить въ нуждѣ! Мнѣ пришло тогда въ голову, поставить своего сына на мѣсто сара Руперта, если только представится къ тому удобный случай, чтобы узнать, не выйдетъ-ли изъ него настоящаго баронета?

— Ну, и случай представился?

— Да—въ тотъ день, когда лошадь сбросила сара Руперта въ Лисльвудской долигѣ. Я ѣхалъ тогда мимо холмовъ на телѣгѣ, въ которой отвозилъ сѣно на рынокъ; увидѣвъ ребенка, лежащимъ на землѣ въ совершенномъ безпамятствѣ, я поднялъ его и повезъ къ себѣ, гдѣ и скрывалъ его въ теченіи двухъ

дней. Онъ бредилъ во все время и не узнавалъ положительно никого. Затѣмъ мнѣ удалось перевезти его въ Лондонъ и помѣстить въ больницу; мѣсяца черезъ два-три онъ поправился и тогда я переселился въ Лондонъ со всею моею семействомъ.

— И что же вы намѣрены были сдѣлать съ обоими дѣтми?
допрашивалъ маіоръ.

— Я хотѣлъ дожидаться, пока они вырастутъ и милади успѣетъ забыть своего сына; тогда я могъ, конечно, прийти и сказать ей, что встрѣтилъ баронета на лондонскихъ улицахъ и думаю, что онъ былъ увиденъ цыганами. Ну понятное дѣло, что я бы научилъ своего сына Джамса подкакивать моимъ словамъ — и онъ сдѣлался бы знатнымъ, богатымъ человѣкомъ.

— Но вѣдь сынъ же вашъ умеръ?...

— Да, онъ схватилъ горячку черезъ одиннадцать мѣсяцевъ послѣ этого случая съ сэромъ Рунертомъ Лислемъ и умеръ отъ нея... Это все, что вамъ было угодно знать объ этомъ?

— Да, все, господинъ Арнольдъ. Мы выслушали вашу исповѣдь, и вамъ только придется повторить ее передъ нотаріусами сэра Рунерта Лисля, да еще джентльменомъ, который называется сэромъ Ланцелотомъ Лислемъ. Мнѣ кажется, что вамъ было бы очень не дурно оставаться на время подъ домашнимъ арестомъ, пока ваша исповѣдь не будетъ засвидѣтельствована официальнымъ образомъ. Что же касается до мистриссъ Вальдзингамъ и до Рунерта Лисля, то я не сомнѣваюсь, что они наградятъ васъ за вашу откровенность и не станутъ преслѣдовать васъ за ваше преступленіе.... А теперь, мистриссъ Вальдзингамъ, я пошлю Соломона за моимъ экипажемъ, и мы можемъ, конечно, совершенно спокойно распроститься съ Арнольдомъ и взять безотлагательно сэра Рунерта Лисля.

ГЛАВА XVI.

Утвержденіе правъ наслѣдства.

Преступленіе, въ которомъ сознался *чистосердечный* Жильбертъ Арнольдъ, не было доведено до свѣденія правосудія, а сэръ Ланцелотъ Лисль не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки для того, чтобы оспоривать притязанія молодаго человѣка, который внезапно воскресъ изъ мертвыхъ, чтобы потребовать отъ него наслѣдіе своихъ предковъ. Стряпчие сэра Ланцелота слушали съ видомъ недовѣрія показанія Арнольда, пока не убѣдились, что это показаніе подтверждается свидѣтельствомъ мистриссъ Вальдзингамъ, которая, руководясь материнскимъ инстинктомъ, не могла обмануться и обмануть другихъ; кромѣ того слова прежняго сторожа были еще доказаны непреложными фактами. Доктора больницы святаго Георгія напомнили, что къ нимъ былъ дѣйствительно привезенъ тому назадъ четырнадцать лѣтъ мальчикъ лѣтъ шести, который находился три мѣсяца между жизнью и смертью, вслѣдствіе воспаления мозга, вызваннаго, по словамъ человѣка привезеннаго ребенка въ лечебницу, его паденіемъ съ лошади. Никто не могъ припомнить костюма и наружности этого человѣка, помѣтившаго мальчика въ больницу, но за то одна изъ сидѣлокъ, сведенная во время очной ставки съ Жильбертомъ Арнольдомъ, узнала его тотчасъ же. Она говорила, что помнить и лице его, и его грубый голосъ и странныя манеры. Она еще запомнила, что этотъ человѣкъ обращался съ ребенкомъ чрезвычайно дурно, почему и назвала его тогда въ глаза животнымъ; что ребенокъ не разъ говорилъ ей о матери и о какомъ-то *Паркѣ*, названіе котораго она давно забыла и называла себя мадемыкми баронетомъ. Сидѣлка въ заключеніе сообщила еще, что человѣкъ, увезшій мальчика изъ больницы, предупредилъ ее не придавать значенія болтовнѣ мальчугана, такъ какъ онъ былъ всегда очень

страннымъ ребенкомъ и что она дѣйствительно не стала обращать никакого вниманія на всѣ его разсказы. Кларибелль горько плакала, слушая показанія этой свидѣтельницы въ комитетѣ изслѣдованія, собравшемся въ конторѣ публичнаго нотаріуса; она припоминала мучительные дни и безсонныя ночи, пережитыя ею по мнимой смерти сына, между тѣмъ какъ онъ, Рупертъ въ это самое время лежалъ на жесткой койкѣ, подъ присмотромъ сидѣлокъ, которыя не слушали его жалобъ и просьбъ и не вѣрили имъ.

Дни окончательнаго удостовѣренія, Жильбертъ Арнольдъ показалъ платьѣ, бывшее на сѣрѣ Рупертѣ Лислѣ въ самый день катастрофы. Мать узнала его хорошенькій камзолъ, перепачканный кровью, изорванную шляпу съ поломаннымъ перомъ; она узнала также и волосы ребенка, остриженные неумѣлою рукою грубаго сторожа и сохранившіеся въ листѣ толстой бумаги. Всѣ эти доказательства, представленные сѣру Ланцелоту Лислю, убѣдили его вполне въ тождествѣ его родственника съ сыномъ экс-браконера. Онъ заявилъ при этомъ, что онъ уже старикъ, не имѣетъ дѣтей, которыя могъ бы оставить обширныя владѣнія и потому доволенъ, что они переходятъ въ руки прямаго наследника. Еслибъ сѣра Руперта нашли нѣсколько позже, добавилъ Ланцелотъ, то имя Лисль могло-бы угаснуть навсегда. Въ концѣ-концевъ онъ даже предлагалъ возвратитъ всѣ доходы, полученные имъ за четырнадцать лѣтъ; но сѣръ Рупертъ немедленно написалъ своему двоюродному брату подъ диктовку Варнея — вѣжливое письмо, въ которомъ онъ отказывался отъ этого возврата. Такимъ образомъ были разчищены всѣ пути къ возвращенію сѣра Руперта Лисли, который былъ такъ долго лишень всѣхъ своихъ правъ; простодушные поселане радовались при мысли, что увидятъ опять своего господина а радость Кларибелль не въдала предѣловъ, когда бѣдная мать, вступала въ Лисльвудъ-Паркъ рука-объ-руку съ сыномъ. Колокола гудѣли и дѣти были собраны, какъ въ день перваго брака Кларибелль Мертонъ, а посреди всей этой оживленной толпы и подъ знойными лучами июнскаго солнца скакала маіоръ Варней на бѣлоснѣжной лошади, рядомъ съ Рупертгомъ Лислемъ, къ возстановленію правъ котораго онъ такъ много способствовалъ. Прекрасное лице его отличалось привычною, симпатичною улыбкою;

онъ былъ все такъ же строгъ, такъ же красивъ и ховокъ! Со-скочивъ съ бѣдой лошади, передъ подъѣздомъ замка, онъ помогъ сѣру Руперту выйти изъ экипажа. Всѣ слуги собрались и выстроились въ рядъ, чтобы приветствовать возвращеніе своего господина. Ихъ глаза приковались съ неспитворнымъ восторгомъ къ молодому наследнику, который входилъ снова въ замокъ своихъ отцовъ, въ сопровожденіи матери и маіора Варнея.

— Онъ мало измѣнился! говорили они: — онъ только, подросъ и сталъ еще красивѣе!

Баронетъ смутился при этомъ неожиданно — восторженномъ приѣмѣ и его взглядъ, казалось, уравнивалъ маіора, научитъ его, какъ держать себя въ подобную минуту.

Опытный наблюдатель замѣтилъ бы немедленно, что молодой наследникъ обращался къ маіору въ малѣйшихъ затрудненіяхъ. Онъ опирался на руку Гранвиля Варнея и смотрѣлъ съ любопытствомъ на картины, висѣвшія по стѣнамъ корридора, на портретъ своего покойнаго отца, украшавшій столовую, на громадное зало, гдѣ онъ проводилъ въ дѣтствѣ цѣлые дни. Совершенно естественно, что сѣръ Рупертъ, проведя четырнадцать лѣтъ только въ обществѣ Арнольда, велъ себя за столомъ не совсѣмъ прилично — онъ стѣснялся присутствіемъ слугъ, подававшихъ кушанья, удивлялся при видѣ бокаловъ для шампанскаго, выпилъ много рейнвейна и очень оживился подъ вліяніемъ этого прекраснаго напитка. Все это огорчало невольно его мать; понятно что маіоръ то и дѣло шепталъ ему что-то весьма внушительное и толкалъ его локтемъ, или хмурился по тому или другому поводу.

Маіоръ съ женою были приглашены и Рупертгомъ и мистрисъ Вальдинггамъ, присутствовать при празднованіи совершеннолѣтія баронета, которое должно было проходить черезъ нѣсколько дней послѣ его возвращенія и провести затѣмъ всю осень въ Лисльвудъ-Паркѣ.

Кларибелль надѣялась, что останется воедино съ сыномъ послѣ обѣда. Выхода изъ столовой въ сопровожденіи мистрисъ Варней, она шепотомъ просила его оставитъ поскорѣ бутылки и прійти къ ней въ гостинную. Но несмотря на это, маіоръ и баронетъ остались за столомъ до сумерокъ и Кларибелль увидѣла съ замира-

нием сердца, что молодой наследник „хватилъ ужъ черезъ край“. Она даже дала понять это маюру, на что онъ ей отвѣтилъ съ добродушною улыбкою.

— Дорогая мистрисъ Вальдзингамъ, вы, вѣдь, знаете сами, что баронетъ упоренъ, какъ всѣ Лисли вообще. Онъ любитъ портвейнъ, называетъ эту смѣсь красныхъ чернилъ и укуса превосходнымъ виномъ, а не терпитъ бордосскаго.... Вѣднжика!... мы не должны дивиться, что воспитанникъ этого браконьера предпочитаетъ портвейнъ тонкимъ дорогимъ винамъ.... Несчастное дитя! намъ придется употребить нѣсколько мѣсяцевъ на его исправленіе!

Клэрбелль приадумалась.

— Рупертъ пережился! прошептала она. — Да проститъ мнѣ Господь, но въ нѣкоторыя минуты я чувствую себя не совсѣмъ то признательною за то, что милосердіе Его возвратило мнѣ сына... Мнѣ кажется, что въ немъ не достаетъ чего-то, отъ чего я могла бы сознавать это счастье.

— Уважаемая мистрисъ Вальдзингамъ, вамъ не слѣдуетъ быть слишкомъ строго внимательной относительно этихъ неизбѣжныхъ погрѣшностей! припомните съ какими неразвитыми личностями, пришлось жить сѣру Руперту — и не теряйте мужества!

На другое утро пріѣхалъ изъ Итона второй сынъ мистрисъ Вальдзингамъ, чтобы „засвидѣтельствовать свое уваженіе“ владѣльцу Лисльвуда. Между этими двумя братьями существовалъ очень рѣзкій контрастъ. Молодой Артуръ Вальдзингамъ былъ высокъ, худощавъ, строенъ, съ снѣжкимъ лицомъ и хотя ему не было и пятнадцати лѣтъ, онъ былъ одного роста съ молодымъ баронетомъ. Рупертъ сидѣлъ съ маюромъ, когда пріѣхалъ Вальдзингамъ; можно предположить, что онъ встрѣтилъ прибывшаго съ распростертыми объятями и словами любви — по винуенію Гранвиля. Молодой Вальдзингамъ принялъ эти привѣтствія съ полнѣйшимъ безразличіемъ. Смерть отца отразилась печально на Артурѣ; видъ дома, гдѣ онъ жилъ такъ хорошо и счастливо, и равнина, по которымъ онъ катался съ отцомъ, возбуждалъ въ его сердцѣ безпредѣльную грусть; онъ не чувствовалъ къ брату никакого влеченія.

— Если сказать по совѣти, говорилъ онъ однажды старому

камердинеру, — мнѣ не нравится братъ: онъ уже слишкомъ отдаденъ въ руки этому бѣлокурому господину Варней! Всякій долженъ, по моему, быть себѣ господиномъ, — знать самъ, чего онъ хочетъ и не обращаться каждый разъ за совѣтомъ изъ за сущей бездѣлицы.

Трудно даже представить себѣ до какой сильной степени маюру Варней внушалъ антипатію сыну Артура Вальдзингама! всѣ усилія Гранвиля не могли побѣдить этой антипатіи; сколько изысканій джентльменъ ни разсказывалъ о своей жизни въ Индіи, при чемъ постоянно упоминалось имя Артура Вальдзингама, сколько ни распространялся онъ о дружбѣ между ними, молодой человекъ сдумалъ его съ холодною, совершенно не свойственною его пылкой натурѣ.

— Я его ненавижу! воскликнулъ онъ запальчиво, когда мать упрекнула его въ невниманіи къ маюру. — Я ненавижу эту рѣзкій медовый голосъ, вкрадчивыя манеры и даже бѣлокурые золотистые волосы. Человекъ съ такимъ голосомъ и съ такими приемами не способенъ быть честнымъ и добрымъ человекомъ. Я его ненавижу также за вліяніе, которое онъ приобрѣлъ, къ несчастью, надъ моимъ тупоумнымъ, безхарактернымъ братомъ.

— Артуръ!... провизнесла съ упрекомъ Клэрбелль.

— Милая мать моя! я право не хочу говорить съ порицаніемъ о вашемъ старшемъ сынѣ, но послушайте моего разумнаго совѣта — избавьтесь отъ Варнея!

— Мнѣ стараться избавиться отъ маюра Варнея? Дорогой мой Артуръ, да развѣ ты забылъ что я обязана ему возвращеніемъ сына.... развѣ не онъ раскрылъ умыселъ противъ Руперта? Да я и не придумую, чѣмъ могу доказать ему мою признательность.

Молодой человекъ пожалъ только плечами.

— Будь по вашему, матушка, отвѣтилъ онъ спокойно; — а я въ вашемъ жѣстѣ поступилъ бы съ нимъ иначе: я далъ бы ему нѣсколько тысячъ фунтовъ стерлинговъ за такую услугу и потомъ вытолкнулъ бы его безцеремонно въ шею!

— Какъ тебѣ пришло въ голову, чтобы онъ согласился принять отъ меня деньги?

— Отъ васъ, милая матушка, онъ и не приметъ ихъ! ему уже извѣстно, что онъ получитъ вдвое или втрое отъ Руперта,

который, между нами будь сказано, ни больше, ни меньше, как игрушка Варнея.

Къ великому удовольствію Артура Вальдзингама, майоръ Гранвилль былъ принужденъ оставить Лисльвудъ-Паркъ на нѣсколько дней, по серьезному дѣлу. Онъ предложилъ свои услуги въ качествѣ переговорщика съ Жильбертомъ Арнольдомъ, вызываясь дать ему, отъ имени баронета, известную сумму и отправить его немедленно въ Америку.

— Не очень-то приятно, говорилъ майоръ сэру Руперту Лислю — вознаграждать этого человѣка за низкое предательство; но нужно принять къ свѣденію, что еслибъ онъ не сознался во всемъ, то вы и до сихъ поръ бы продолжали жить въ заперти въ Ольдъ-Кентъ-Ридъ. Надо сдѣлать хоть что-нибудь для этого нахала.

Мистрисъ Вальдзингамъ соглашалась съ мнѣніемъ майора, что надо дать Арнольду нѣсколько сотенъ фунтовъ, но сэръ Рупертъ оспаривалъ эту необходимость.

— Я ненавижу этого человѣка, объявилъ баронетъ: — онъ не былъ никогда внимателенъ ко мнѣ, никогда не давалъ мнѣ денегъ на расходы — и я не дамъ ему ни единого пени.

— Дорогой сэръ Рупертъ, возразилъ майоръ, — не забудьте, что вы, въ настоящее время, представительъ известнаго въ Англіи рода, а не безвѣстный мальчишкѣ, безъ родныхъ и друзей и потому должны слушаться совѣтовъ старшихъ и опытныхъ людей! Я говорю, что слѣдуетъ заплатить непремѣнно этому человѣку!

Когда майоръ Варней говорилъ баронету, о томъ что должно сдѣлать, то былъ впередъ увѣренъ въ послушаніи сэра Руперта. Но съ Кларибелью было совершенно иначе; когда она старалась склонить своего сына поступать такъ, какъ слѣдуетъ, то онъ всегда отказывался принять ея совѣтъ, упирая на то, что онъ уже не ребенокъ и что, вслѣдствіе этого, онъ можетъ обойтись и безъ руководителей и не желаетъ быть припитымъ къ юбкѣ матери. Ему доставалось и такъ уже довольно отъ „противной“ мистрисъ Арнольдъ, которая ворчала съ утра до поздней ночи, добавлялъ баронетъ.

Майоръ Варней, конечно, настоялъ на своемъ и ухажалъ изъ Лисльвуда, взявъ съ собою шесть сотъ фунтовъ для Жильберта

Арнольда. По прибытіи въ Лондонъ, онъ отправился прямо къ банкиру баронета, гдѣ и размѣнилъ чекъ на мелкіе билеты. Затѣмъ онъ нанялъ кэбъ и поѣхалъ къ Слогуду, котораго засталъ сидящимъ предъ окномъ, съ своею неизмѣнною закопченою трубкою. Увидѣвши майора подходящаго къ саду, браконьеръ сдвинулъ брови, но все же бросилъ трубку и пошелъ отпереть калитку посѣтителю.

— Ну, началъ онъ насмѣшливо: я долженъ быть въ восторгѣ отъ вашего прѣзда! мнѣ приходило въ голову, что мнѣ нечего ждать уже больше отъ васъ, такъ какъ вы не нуждаетесь уже въ моей особѣ!

— Вы очень проникательны, почтеннѣйшій Арнольдъ, и вывели довольно вѣрное заключеніе, отвѣтилъ майоръ Варней, присѣвъ на подоконникъ и обрывая листики изсохшаго гераниума.

— О, такъ я не ошиба?... такъ я таки дѣйствительно уже не нуженъ вамъ! сказалъ злобно Арнольдъ, сверкая на майора кошачьими глазами.

— Да теперь, — слава Богу, я не нуждаюсь больше въ вашихъ услугахъ! сознался майоръ.

Арнольдъ скалъ кулаки и, казалось, хотѣлъ кинуться на иззяннаго своего посѣтителя. Майоръ замѣтилъ это и разсмѣлся такъ, что вся кровь бросилась въ голову бышняго браконьера; видѣть это ужасное, но сдерживаемое обѣщество доставляло майору такое же удовольствіе, какое онъ испытывалъ, когда дразнилъ концемъ своей иззянной тросточки львовъ и тигровъ въ зебрицѣ.

— Добрѣйшій, мой Арнольдъ, сказалъ онъ наконецъ, — вы совершенно правы: вы были для меня превосходнымъ орудіемъ, служили мнѣ отлично, а теперь вы не нужны мнѣ больше. Будь я менѣ великодушенъ, то наши отношенія прекратились бы тотчасъ же! Ваша тайна, которую мнѣ удалось узнать, вполне гарантируетъ меня отъ всѣхъ вашихъ попытокъ, сдѣлать мнѣ непріятное тѣмъ или другимъ способомъ — и затѣмъ между нами могло бы быть все кончено. Но я хочу, замѣтите, поступить съ вами иначе. Когда мастеровой не нуждается въ инструментахъ, то онъ кладетъ ихъ въ сторону; вотъ я и прощу васъ, достойный мой Арнольдъ,

отправится в Америку; а за часъ до отъезда валего и Рахили, я вручу вамъ наличными триста фунтовъ стерлинговъ!

— Какъ, только триста фунтовъ? этого очень мало! мнѣ бы слѣдовало болѣе! проворчалъ злобно Жильбертъ.

— Вамъ слѣдовало больше? переспросилъ маіоръ.

— Но... это же... вы знаете....

— Уважаемый мистеръ Арнольд... прошу васъ убедительно отбросить навсегда всѣ глупыя идеи. Вспомните свою неповѣдь, которая, подписана, засвидѣтельствована и сохраняется нотариумомъ сэра Руперта Лисля. Не забывайте этого и будьте благодарны за все то, что сэръ Рупертъ смель нужнымъ выдать вамъ.

— Я разыгрывалъ роль пошлаго дурака—съ начала до конца.... это безчеловѣчно! бормоталъ Жильбертъ Арнольдъ.

— Неужели безчеловѣчно?! передразнилъ маіоръ. — Но на что же вы надѣялись?

— Извольте, я отвѣчу вамъ на этотъ вопросъ. — Я вовсе не рассчитывалъ, чтобъ вы могли отдѣлаться отъ меня такою суммою, не ожидая, конечно, что меня заставить выселиться изъ Англіи, какъ любого бродягу, я не думалъ, что мнѣ загородятъ дорогу или доступъ къ *нему* и помѣшаютъ мнѣ испросить у *него*, что мнѣ будетъ угодно!

Маіоръ пожалъ плечами и снова разсмѣялся.

— Такъ идите къ *нему*, сказалъ онъ, указывая браконьеру на дверь; — идите-же къ *нему*—я не ищаю вамъ. Путь свободенъ для васъ такъ же, какъ для меня. Ступайте же просить *его*.... но несчастный мой другъ, вы увидите ни съ чѣмъ. Идите въ виду, что *онъ* послалъ вамъ деньги, подчиняясь единственно моему краснорѣчью. Да, Арнольдъ, да мой милый! молодой человекъ вышколеиъ превосходно и помнить свой урокъ.

Ровно черезъ два дня послѣ этой бесѣды, маіоръ Варней почмался на курьерскомъ поѣздѣ въ Ливерпуль, отправивъ туда въ омнибусъ и Жильберта съ женою. Приѣхавъ въ этотъ городъ, маіоръ велѣлъ отвезти себя по адресу въ гостиницу, въ которой Жильбертъ долженъ былъ дожидаться его. Онъ нашелъ браконьера за бутылкою пива, въ маленькомъ, грязномъ залѣ.

— Ну, сказалъ маіоръ Варней: — корабль долженъ отчалить

отсюда черезъ часъ, а я желалъ бы видѣть васъ на палубѣ его. Позвоните и прикажите подать сюда перо, чернилъ и бумага.

Арнольдъ повиновался и, немного спустя, мальчикъ принесъ все требуемое и чернильницу, содержащую въ себѣ какую-то смѣсь, состоящую преимущественно изъ пыли и мухъ. Маіоръ схватилъ въ чернильницу перо и подаль его Арнольду.

— Напишите росписку, въ томъ, что вы получили отъ сэра Руперта Лисля, баронета, шестьсотъ фунтовъ стерлинговъ черезъ маіора Варней, сказалъ онъ. — Пишите же скорѣе!

Лице браконьера прояснилось при этихъ благодатныхъ словахъ.

— Вы наконецъ одумались и порѣшили дать мнѣ вдвое больше назначеннаго? произнесъ онъ съ улыбкою.

— Это не ваше дѣло, одумался-ли я! Пишите-же росписку: намъ нельзя терять времени.

Жильбертъ положилъ локти на столъ, приблизилъ носъ къ бумагѣ и началъ кое-какъ царапать подъ диктовку спѣшившаго маіора. Когда онъ дописалъ, то маіоръ позвонилъ и Жильбертъ Арнольдъ долженъ былъ подняться въ присутствіи слуги, который потомъ тоже подписался за нимъ въ качествѣ свидѣтеля.

— А теперь, приведите намъ поскорѣе кабъ, приказалъ Варней. — А вы, Арнольдъ, идите и скажите женѣ своей, что мы ждемъ ее.

— Она прилегла немного отдохнуть, такъ какъ сильно устала, сказалъ ему Жильбертъ. — Она не способна сопровождать мужчину, добавилъ онъ угрюмо, удалился изъ зала.

Черезъ пол-часа маіоръ уже находился съ Жильбертомъ и женою его на палубѣ корабля, который отправлялся изъ Англіи въ Нью-Йоркъ.

— Вы однако-же не дали мнѣ шестьсотъ фунтовъ стерлинговъ, замѣтилъ тихо Жильбертъ, наклонившись къ маіору.

— Шестисотъ фунтовъ стерлинговъ, воскликнулъ съ глубочайшимъ изумленіемъ маіоръ.

— Да, конечно шестьсотъ, я вручилъ вамъ росписку въ получении этой суммы, которая была отдана баронетомъ для передачи мнѣ!... Вы это сами знаете.

— Добрѣйшій мой Арнольдъ, я знаю только то, что минуту

через десять вы будете плыть преспокойно в Америку, в престеленную страну, из которой советую больше не возвращаться. Знаю я еще то, что у меня в карманѣ есть нѣсколько билетовъ въ сто фунтовъ, одинъ въ пятьдесятъ, да еще одинъ въ десять. Возьмите ихъ себѣ, если только хотите; больше вы не получите, ни отъ владѣльца Лисльвудъ-Парка, ни отъ маіора Гранвиля.

Въ ту самую минуту, какъ маіоръ Варней съ граціознымъ движеніемъ подавъ портфель Арнольду, провозжающихъ попросили спуститься съ корабля. Маіоръ въ одно мгновеніе очутился у лѣтницы.

— А когда выйдутъ деньги—что же тогда мнѣ дѣлать? вскричала Жильбертъ, схвативъ маіора за рукавъ.

— Что вамъ дѣлать тогда? переспросилъ Варней. Можете воровать, разбойничать, умереть, жить въ острогѣ.... Мнѣ нѣтъ дѣла до васъ!

Нельзя выразить бѣшенства, которое внезапно овладѣло Жильбертомъ. Онъ ринулся впередъ съ сжатými кулаками и бросился бы на маіора, еслибъ рослый матросъ не удержалъ его.

— Слушайте! воскликнулъ онъ, свѣсившійся черезъ бортъ и устремивъ свои кошачьи глаза на красавца Варней:—вы надули меня, истоптали ногами.... сжались надо мною съ начала до конца.... Берегитесь маіоръ! Вы жестоко полагаетесь, если мнѣ суждено вернуться изъ Америки.... Я попаду на висѣлицу, но отмишу вамъ за все! Еще разъ: берегитесь!

ГЛАВА XVII

Соломонъ путешествуетъ.

Въ концѣ осени Соломонъ оставилъ Лисльвудъ-Паркъ, гдѣ онъ занималъ довольно комфортабельную комнату во второмъ этажѣ и получалъ ежедневно бутылку портувейна. Я говорю, что Соломонъ оставилъ этотъ гостепріимный замокъ, но только на недѣлю, какъ онъ сообщилъ хорошенькимъ горничнымъ замка. Онъ

уѣзжалъ къ одному изъ своихъ племянниковъ, который находился у него подъ опекою.

— Онъ не богатъ, говорилъ Соломонъ объ этомъ племянникѣ самой красивой горничной, — но имѣетъ настолько, чтобы жить, не безпокоя никого изъ родныхъ; а это много значить, такъ какъ онъ шестилѣтенъ.

Нѣжный дядя отправился, проведя цѣлый часъ съ глазу на глазъ съ маіоромъ.

Племянникъ его находился въ пансіонѣ, въ одномъ изъ городковъ Юрешира. Въ городкѣ находилась только одна церковь съ громадною колокольнею и съ небольшимъ кладбищемъ, по которому бѣгали и рѣзались дѣтшки. За его главною улицей шли чистыя аллеи, окаймленныя старыми, громадными деревьями; мѣстами изъ аллей можно было увидѣть за группою деревьевъ красивые дома; мистеръ Соломонъ направился къ этой сторонѣ города, когда вышелъ со станціи желѣзной дороги. Красное кирпичное зданіе, передъ которымъ онъ остановился, было выстроено четверугольникомъ съ двумя рядами высокихъ, узкихъ оконъ; оно отдѣлялось отъ улицы стѣною, въ которой находилось двое прекрасныхъ воротъ. Соломонъ былъ ввущенъ немедленно прибѣжавшею на его звонокъ служанкою, которой онъ называлъ себя не Соломономъ, а—Саундерсомъ. Кромя послѣдняго обстоятельства было замѣчательно еще и то, что онъ былъ одѣтъ съ головы до ногъ въ черное, повязанъ бѣлымъ галстукомъ и придавалъ себѣ видъ духовной особы. Служанка ввела его въ маленькую, хорошою гостинную, выходящую въ громадный садъ. Соломонъ подошелъ прямо къ окну и, обинувъ быстрымъ взглядомъ цвѣточныя клумбы и лужайки, устремилъ все свое вниманіе на молодого человѣка, лежавшаго въ тѣни, на диванѣ, съ книгою въ рукахъ.

Молодой человѣкъ такъ углубился въ чтеніе, что даже не замѣтилъ, что за нимъ наблюдаютъ. Онъ былъ чрезвычайно нѣжного тѣлосложенія, а изъ подъ соломенной шляпы его выбивались свѣтло-каштановые, глиняныя волосы.

Минуты черезъ двѣ въ гостинную вошелъ директоръ пансіона и обмѣнялся съ Соломономъ крѣпкимъ рукопожатіемъ. Онъ былъ вы-

сокій, полный, блонкурый и пожилой мужчина. Онъ былъ, видимо добрый, но пустой человекъ и, вдобавокъ, педантъ.

— Я даже и не спрашиваю, въ какомъ онъ состоянн, сказалъ Соломонъ, указывая въ окно:—мнѣ кажется отчасти, что въ немъ не совершилось никакой перемены.

— Да, милостивый государь, отвѣтилъ директоръ: онъ ма-ло измѣнился. Свѣтла науки—а въ нашемъ городѣ въ нихъ таки не чувствуется недостатка... извините, что я, въ качествѣ гражданина, заявляю вамъ прямо, что у насъ весьма много даровитыхъ людей — свѣтла науки сходятся съ вами во мнѣннхъ относительно этого молодаго человека. Онъ почти вовсе не измѣнился; мы рассчитывали на время, но оно не оправдало нашихъ надеждъ... Не угодно-ли вамъ выпить стаканъ мадеры, господнн Саундерсъ?

Соломонъ не обратилъ даже вниманн на радужное предложенн директора.

— Ну, а душевное состоянн его? спросилъ онъ, продолжалъ начатый разговоръ.

— Оно весьма не дурно, жаловаться нельзя. Онъ все возится съ книгами и собакою, изучаетъ ботанику. Мы стараемся выполнять его скромныя прихоти—у него нтъ иныхъ. Этотъ юноша пользуется всеобщею любовью за свой мягкнй характеръ.

— Мнѣ, какъ дядѣ, приятно слышать подобный отзывъ! замѣтилъ Соломонъ.

— Особенно такому заботливому дядѣ, какъ вы, господнн Саундерсъ.

Соломонъ взялъ безстрастно изъ своего бумажника нѣсколько фунтовъ стерлинговъ и вручилъ ихъ директору.

— Вотъ взносъ за дѣланный годъ, заявилъ онъ ему. Теперь же мнѣ хотѣлось бы поговорить съ племянникомъ; затѣмъ я отправлюсь въ востинницу обѣдать, а завтра рано утромъ возвращусь снова въ Лондонъ.

— Всѣ ваши посещенн чрезвычайно коротки, сказалъ ему директоръ, нѣсколько призадумавшись.

Онъ раздумывалъ, можно-ли рассчитывать навѣрно на согласн Саундерса обѣдать у него.

— Обстоятельства обязываютъ меня возвратиться домой, какъ можно поскорѣе, отвѣтилъ Соломонъ, указывая на галстукъ, какъ будто на свидѣтеля справедливости сказаннаго. — Ну что же, могу я повидаться съ племянникомъ?

Директоръ пансіона проводилъ его въ садъ; молодой человекъ продолжалъ читать, но при шумѣ шаговъ поднялъ невольно голову. Это онъ, дядя Альфредъ! произнесъ онъ, увидѣвъ внезапно Соломона.

— Милый Джоржъ, я прѣхалъ, чтобы взглянуть на васъ, сказалъ Соломонъ, взявши нехудалую руку молодаго человека. — Да онъ все такой же.... Довольны-ли вы, Джоржъ, вашимъ образомъ жизни?

— Очень доволенъ, дядя; съ нами всѣ обращаются чрезвычайно мягко и мы чувствуемъ себя совершенно счастливыми.

— И вы не желали бы покинуть этотъ домъ?

— Ни за что, милый дядя!

Соломонъ не рискнулъ возражать противъ этого, но нѣсколько минутъ не сводилъ глазъ съ спокойнаго лица своего родственника и подумалъ при этомъ:

— Боже, какая разница существуетъ между *этими* и *тѣми* молодымъ человекомъ!

ГЛАВА XVIII.

Владѣлецъ Лисльвуда влюбляется.

Очень естественно, что когда человекъ съ такимъ благороднымъ именемъ, а въ особенности съ такимъ богатствомъ, какъ сэръ Рупертъ Лисль, становится совершеннолѣтнимъ, то даже самыя обднныя и приниженные люди ломаютъ себѣ головы надъ вопросомъ: какъ бы извлечь изъ этого великаго событн такую-нибудь выгоду?

— Молодой человекъ двадцати одного года, красивый, богатый, да еще—баронетъ! повторяли безъ устали всѣ молодыя жен-

пины на двадцать миль въ окружности, когда съез Рупертъ проѣзжалъ мимо нихъ на своей чудной лошади. «Хочетъ ли онъ жениться?—на кого падетъ выборъ богатаго владѣльца?» спрашивали всѣ дѣвушки, когда уже поутихли безчисленные толки объ исторіи Руперта. Въ концѣ же Октября распространилась и произвела страшную тревогу вѣсть, что баронетъ влюбился безъ ума въ одну изъ дочерей полковника Мармюда, живаго въ Бокажѣ, близъ Лисльвуда.

Полковникъ Мармюдъ былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, очень бѣдный, но вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно гордый. Видъ его былъ суровый, волосъ и бакенбарды были съ сильною просѣдью, застегивался онъ всегда на глухо. Торговцы, съ которыми онъ имѣлъ дѣло, называли его ужаснымъ человѣкомъ и говорили, что онъ изъ-за полутора фунта бараньихъ котлетъ дѣлаетъ больше шума, чѣмъ управляющій замка, покушавшій мясо пудами. Онъ былъ крайне въскательнъ относительно всѣхъ своихъ питерныхъ дочерей и наказывалъ ихъ неумолимымъ образомъ за малѣйшій проступокъ; разсказывали даже, что онъ былъ напкою старшую, уже взрослую дѣвушку. Бокажъ былъ очень непривлекательнымъ мѣстомъ: большой, неуклюжій, красный домъ былъ окруженъ высокими и мрачными стѣнами.

На долю дочерей суроваго полковника, оставшихся безъ матери, не выпадало свѣтлыхъ и счастливыхъ минутъ. Онѣ не знали въ жизни ничего, кромѣ бѣдности, а гордость ихъ отца не позволяла имъ принимать участіе въ удовольствіяхъ, которыя нерѣдко предоставлялъ Лисльвудъ - Паркъ. Онѣ не желали, чтобы дочери его бывали на балахъ, потому что онѣ не могли пріѣхать на нихъ въ собственномъ экипажѣ. Нѣкоторые себѣди предлагали возить ихъ съ собою кое куда, но полковникъ бѣднѣлъ при одной только мысли обиваться имъ или кому бы то ни было.

— Нѣтъ; имъ нечего надѣть, кромѣ старыхъ кисейныхъ платевъ и поэтому имъ нужно остаться дома, отвѣчалъ онъ угрюмо; — да дѣвушкамъ вообще и не слѣдуетъ рыскать!

Такимъ образомъ дѣвушкамъ предоставлялось только вязать или читать путешествія, біографіи и автобіографіи, которыя имѣлись въ Лисльвудскомъ кабинетѣ для чтенія. Лаура, старшая изъ сестеръ,

которой было подѣ тридцать, была для развлеченія баллады Теннисона.

Хотя четыре старшія сестры были между собою чрезвычайно похожи какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніяхъ, за то младшая, миссъ Оливія, разнилась рѣзко съ ними. У сестеръ ея были, какъ у покойной ихъ матери, блѣдныя волосы и далеко не выразительныя лица; Оливіи же была брונетка съ воспитательными и умными глазами, большими, и сверкавшими, когда она сердилась, невыносимымъ блескомъ. Она была стройна и высокаго роста, какъ и ея отецъ, держала себя прямо и глядѣла надменно, ея воли была гораздо непреклоннѣе воли полковника, и когда ея сестры дрожали передъ нимъ и его громкимъ голосомъ, миссъ Оливія смѣло подходила къ нему и просила его усмирить свою вспыльчивость.

Полковникъ краснѣлъ, подпалъ свои усы и бормоталъ себѣ что-то подѣ носъ, но не возражалъ ни слова миссъ Оливіи, которая была его любимой дочерью.

— У меня никогда не было сыновей, говорилъ онъ однажды старому сослуживцу, — хотя я желалъ имѣть ихъ, чтобы поддержать древнее, благородное имя Мармюдовыхъ; но за то у меня есть моя дочь Оливія, а она стоитъ сына.... Чортъ возьми! вы бы только послушали ее, какъ она говоритъ со мною! Это единственное существо, котораго я боялся въ моей жизни! кланюсь честию, что и иногда просто трепещу передъ нею.

Миссъ Оливія Мармюдъ вѣдила великолѣпно верхомъ; въ Бокажѣ не было лошадей и потому трудно понять, какимъ образомъ могла она выучиться этому искусству. Разсказывали, что когда она была еще маленькою дѣвочкою, то имѣла обыкновеніе вѣдять на молодыхъ жеребятахъ, пасшихся на равнинахъ, — что было, разумеется, не совсѣмъ то легко.

Когда же ей исполнилось девятнадцать лѣтъ и приличіе уже не позволяло больше развѣзжать на недрессированныхъ жеребятахъ, она отдала Лисльвудскому портному перешить старую зеленую амазонку, оставшуюся послѣ матери и замѣнила жеребенка сѣрою лошадию, на которой и стала развѣзжать ежедневно по лѣсамъ и полямъ. Во время одной изъ своихъ прогулокъ, она встрѣтилась

съ саромъ Рупертомъ Лислемъ, о которомъ слышала уже нѣсколько разъ. Полковникъ какъ-то былъ съ визитомъ у него, Рупертъ пригласилъ его съ семействомъ на обѣдъ, но получилъ отказъ, такъ что онъ не видѣлъ дочерей Мармедюка и онѣ его тоже. Вернувшись домой, Оливія подробно разсказала о встрѣчѣ съ молодымъ человекомъ.

— Онъ взвѣзжалъ на кособоръ, папа, говорила она: — такъ осторожно, какъ будто переправлялся черезъ натянутую веревку. Увидѣвъ меня, онъ такъ испугался, какъ будто передъ нимъ явилось привидѣнiе; собака моя, Воксъ, бросилась къ его лошади, такъ какъ у нея бѣлыя ноги, а она терять не можетъ лошадей этой масти. Вѣрите-ли вы, папа, баронетъ поблѣднѣлъ. „Лошадь моя пуглива, миссъ, началъ онъ... (я терять не могу людей, которые называютъ меня миссъ)! потрудитесь удержать вашу собаку“. Онъ имѣлъ такой глупый и перепуганный видъ, что я расхохоталась, но онъ закричалъ снова: „чортъ возьми, отзовитесь же проклятую собаку?!“ Дочери полковника Мармедюка выслушиваютъ такія выраженія отъ одного отца. Я выпрямилась, смѣло взглянула баронету въ лице, позвала Вокса такимъ голосомъ, котораго сэръ Рупертъ никогда не забудетъ и потомъ талопомъ спустилась съ холма. Выѣхавъ на дорогу, я оглянулась: баронетъ не двигался съ мѣста и, съ сдвинутую на затылокъ шляпою, смотрѣлъ на меня, какъ будто бы помѣшанный.

— Быть можетъ, его поразила ваша красота, Оливія, замѣтила старшая сестра, — и вы напрасно не воспользовались удобнымъ случаемъ. Отчего бы вамъ не постараться выйти замужъ за сара Руперта! Въ графствѣ нѣтъ жениха выгоднѣе его!

Миссъ Лаура любила дразнить сестру своимъ видомъ, такъ какъ ея собственные шансы на успѣхъ въ этомъ отношеніи, уменьшались замѣтно.

— Выйти за него замужъ?! воскликнула молодая дѣвушка. — Да еслибъ я только захотѣла этого, то я въ одну недѣлю забрала бы его въ руки. Я бы заставила его плыть подъ мою лудку, какъ тотъ Лисльвудскій фокусникъ, у котораго еще есть волшебный фонарь, заставляетъ плыть своихъ марионетокъ.

Молодая дѣвушка сдѣлала своими маленькими бѣлыми ручками движеніе, будто дергаетъ проволочки картонныхъ танцоровъ. — Выйти замужъ за этого маленькаго простинка! повторила она. — Пусть лучше сдѣлаетъ это Лаура, если у нея хватить на это храбрости, хотя волосы ея стали довольно жидки и она приближается къ...

Миссъ Оливія докончила свою фразу притворнымъ, старческимъ кашлемъ.

— Благодарю, Оливія! отвѣтила ей Лаура: — представляю его вамъ. Я не настолько ума, хороша и — благодаря Богу! — тщеславна, чтобы жалеть *зависеть*... — миссъ Лаура налегла на последнее слово — баронета, у котораго столько десятковъ тысячъ годнаго дохода. Представляю вамъ выполнить эту задачу, Оливія; я же съ удовольствіемъ приѣду къ вамъ въ Лисльвудъ, если вы будете на столько снисходительны, чтобы пригласить меня.... А такъ какъ я только бѣдная родственница, то вы помѣстите меня въ одну изъ маленькихъ комнатъ втораго этажа.

Полковникъ, сидѣвшій съ газетою въ рукахъ, поглядывалъ украдкой на своихъ дочерей и смѣялся надъ колкостями, которыми онѣ обмѣнивались.

— Ты совершенно права, Оливія, дочь моя, сказалъ онъ: — еслибъ ты жила въ проломъ столѣтій, то могла бы выйти замужъ даже за какого-нибудь владѣтельнаго князя. Нѣтъ въ мірѣ такого человека, который былъ бы въ силахъ противостоять тебѣ, когда тебѣ приѣдетъ въ голову очаровать его!

Оливія подошла и начала разглаживать сѣдые и блѣднѣющіе волосы старика.

— Если я когда-либо выйду за богатаго человека, то я сдѣлаю это только для васъ, папа, сказала она, бросая на своихъ сестеръ взглядъ, говорившій ясно: для васъ же я не сдѣлаю ни единого шага!

Не было ни малѣйшаго основанія предположить, чтобы сэръ Рупертъ имѣлъ намѣреніе — заимствуя выраженіе маіора — бороться противъ обольстительной Оливіи Мармедюкъ, такъ какъ онъ, на слѣдующее же утро, приѣхавъ въ Воксжъ, чтобы извиниться за вечернее невѣжливое поведеніе. Онъ пожаловалъ очень рано, чуть

не во время завтрака, который только что был убранъ изъ столовой, въ которую слуга и провелъ баронета. — Я знаю, что явился слишкомъ не по время, такъ что засталъ васъ всѣхъ еще въ утреннихъ костюмахъ, какъ мнѣ было предсказано, началъ съръ Рупертъ. — Мнѣ тоже говорили, что я долженъ явиться сюда не раньше часа; но у меня не хватило терпѣнія подождать. Я бы даже прѣхалъ къ вамъ вчера еще вечеромъ, еслибъ меня не удержали мои домашніе.

Произнося эту странную рѣчь, баронетъ краснѣлъ все больше и все больше, повертывался на стулѣ и игралъ нервно хлыстикомъ съ золотымъ украшеніемъ. На немъ былъ изящный и щегольской костюмъ при большихъ изобилии драгоценныхъ вещей и отъ него несло „букетомъ Жюкей Клуба“.

Миссъ Оливія засмѣялась ему прямо въ лице.

— Намъ совершенно безразлично, что вы застали насъ въ утреннихъ платьяхъ, съръ Рупертъ, сказала она; — но все же онъ сдѣлалъ очень хорошо, предупредивши васъ.

Баронетъ покраснѣлъ еще сильнѣе прежняго.

— Я говорилъ вамъ собственно о маюрѣ Гранвилѣ, произнесъ онъ съ смущеніемъ, развѣ вы его знаете?

Нѣтъ, не имѣю чести, но я вполнѣ увѣрена, что онъ милая личность.

Оливія отошла преспокойно къ окну, предоставивъ отцу и сестрамъ занимать лорда Лисля.

— Гранвилъ Варней? сказалъ полковникъ Мармэдукъ. — Я видѣлъ его въ замкѣ. Онъ говорилъ тогда, если не ошибаюсь, что служилъ гдѣ-то въ Индіи.

Съръ Рупертъ, не сводившій глазъ съ прекрасной Оливіи, стоявшей у окна, обрывалъ листочки цвѣтущаго гераніума, не слышалъ, какъ казалось, что говорилъ полковникъ.

— Какъ вы думаете: она сердита на меня? спросилъ онъ недавно.

— Она?... проговорила съ изумленіемъ старикъ.

— Да, она, миссъ Оливія... хотѣлъ я сказать; я знаю, что я былъ вчера крайне невѣжливъ... но моя лошадь, чортъ бы ее побралъ, такая пуглива! и я съ большимъ трудомъ удержалъ

ся въ сѣдлѣ. Я рассказалъ объ этомъ событіи маюру. Онъ отвѣтилъ на это, что я выказалъ себя не простительно-грубымъ... и потому-то я прѣхалъ извиниться. Я надѣюсь, что миссъ не будетъ помнить зла... За то я никогда не позабуду взгляда, который она бросала при этомъ на меня: онъ пронизалъ меня насъвовъ, какъ будто пугалъ... Простите-ли вы мнѣ, миссъ? обратился съръ Рупертъ съ умоляющимъ видомъ къ неподвижной Оливіи.

— Отъ чего же и нѣтъ? отвѣтила она: — прощать вовсе не трудно. Я вполнѣ понимаю, что вы, вѣрно привыкли произносить проклятія; въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго... Но я-то не имѣю подобной привычки, а когда папа нашъ иногда проговаривается, то я прошу его быть впередъ осторожнѣе!

— Мнѣ кажется, что миссъ можетъ распорядиться, кѣмъ ей только захочется, полковникъ Мармэдукъ! замѣтилъ Рупертъ Лисль, играя своимъ хлыстикомъ, — едва-ли кто откажется повиноваться ей.

— Оливія продолжала безстрастно обрывать поблеклые листы, будто не замѣчая присутствія сѣра Руперта. За то онъ положительно не спускалъ съ нее глазъ и только кое-какъ отвѣчалъ на вопросы суроваго полковника. Онъ вскорѣ догадался, что пора удалиться. Пожавъ руку полковнику и старшимъ дочерямъ, онъ приблизился къ миссъ Оливіи — и удостоился коснуться ея пальцевъ, которые произвели на него точно такое дѣйствіе, какъ горячіе уголья.

— Прощаете-ли вы мнѣ, спросилъ онъ ее снова.

— Ну, конечно, вѣдь я же сказала вамъ это! отвѣтила она съ движеніемъ нетерпѣнія.

Эти немногія слова ошачивали баронета. Онъ ушелъ, опрокинувъ нечаянно одинъ изъ соломенныхъ стульевъ и черезъ нѣсколько минутъ послышался топотъ удалявшейся лошади.

— Ахъ, Оливія, ты была ужъ слишкомъ недоброжеланна съ сѣромъ Рупертомъ Лислемъ! замѣтилъ ей полковникъ. — Положимъ, что онъ нѣсколько не ловокъ въ обращеніи, но этому виною обстоятельства прошлаго.

— Миссъ Оливия не обратила ни малѣйшаго вниманiя на это замѣчанiе.

— Въ какихъ комнатахъ будете вы жить, пана, когда переедете ко мнѣ, въ Лисльвудъ-паркъ? спросила она, немного помолчавъ. — Когда мы были въ замкѣ, нѣсколько лѣтъ назадъ, и управляющей показывала намъ комнаты отца сэра Руперта Лисля, мнѣ особенно понравилась дубовая комната на южной сторонѣ. Изъ нея легко можно пройти въ паркъ — черезъ лѣтнюю или подземный ходъ. Это хорошiй замокъ съ различными затѣями для героевъ романа.

— А есть-ли надежда, что вы сдѣлаетесь обладательницею этого замка? спросила колко Лаура.

— Есть, отвѣтила ей невозмутимо дѣвушка. — Пусть это не смущаетъ васъ: какъ только я сдѣлаюсь леди Лисль, то позачеусь тотчасъ-же найти вамъ жениха!

ГЛАВА XIX.

П р и н я т ь .

Послѣ своего перваго посѣщенiя къ полковнику съ семействомъ, эръ Рупертъ приказалъ послать въ Бакажъ дичь, фрукты и цвѣты; послѣднiе предназначались преимущественно для миссъ Оливии Мармедюкъ и сопровождались писемомъ, написаннымъ хотя неровнымъ почеркомъ, но болѣе влицинымъ слогомъ, чѣмъ можно было ждать отъ владѣльца Лисльвуда.

Я думаю, что это диктовалъ ему джентльменъ, который отсвѣтывалъ ему прѣхать слишкомъ рано, чтобы не застать насъ въ утреннемъ, слишкомъ халатномъ видѣ! замѣтила Оливия, разсматривая гербъ, вытиснутый на атласвой бумагѣ.

— Видите вы эту окровавленную руку, Лаура, продолжала она, — и девизъ, написанный на древне-французскомъ языкѣ: „Лисль оберегаетъ, что Лисль приобретаетъ“.... Кто

бы могъ подумать, что это такъ туманнымъ происходитъ отъ этого знаменитаго рода? я воображала, что Лисль изъ Лисльвуда долженъ быть высокъ, строенъ, надмененъ и суровъ. Пана тысячу разъ больше похожь на баронета!

— Родъ Мармедюковъ древень, какъ и родъ Лисль, Оливия; они отказались отъ притства, предложеннаго имъ Карломъ I.

— Это было очень глупо съ ихъ стороны! Мнѣ бы очень хотѣлось быть графинею! Слова „леди Оливия“ звучали бы не дурно.

Черезъ три дня баронетъ прѣхалъ въ Покажъ, въ сопровожденiи своей матери и маюра. Онъ не далъ матери покоя, пока она не согласилась ѣхать къ полковнику Мармедюку чтобы пригласить его вмѣстѣ съ дочерьми въ замокъ.

— Увѣрляю тебя, милый мой Рупертъ, говорила она, — что молодая дѣвушка не бываетъ нигдѣ!

— Что за нужда? онѣ будутъ, конечно, у меня.... должны быть у меня! воскликнулъ баронетъ. — Вѣдь я самый богатый человекъ во всемъ Суссексѣ и было бы весьма странно, еслибы онѣ не приняли моего приглашенiя! Нѣтъ, онѣ вѣрно будутъ!

— Рупертъ, не будь же страннымъ! замѣтила ему на это Клэрибелль.

— Во мнѣ нѣтъ тѣни странности.... Мнѣ нравится полковникъ.

— Вамъ нравится полковникъ? сказалъ маюрь со смѣхомъ: и готовъ скорѣе вѣрить, что вамъ нравится кто нибудь изъ его дочерей.

— Нѣтъ, ни одна не нравится, отвѣчалъ ему Рупертъ, замѣтно покраснѣвъ. — И отчего же мнѣ не интересоваться неключительно старымъ служакою? я люблю полковника и хочу, чтобы онъ былъ у меня съ дочерьми. Если я захочу, то они и останутся у меня навсегда!

— То есть, если онѣ захотятъ здѣсь остаться! сказалъ съ неподражаемымъ хладнокровiемъ маюрь!

— Кажется, я самъ знаю, какъ нужно выражаться! проясняетъ радужительно молодой человекъ.

— Безъ всякаго сомнѣнiя, сэръ Рупертъ, но вамъ не слѣдо-

вало бы забывать, что джентльмену непрелично возвышать голос, даже в своей гостиной, когда он обращается с разговором к гостям.

— Къ гостям? повторил баронетъ съ насмѣшливою улыбкою—вы здѣсь ужь такъ давно, что было бы нехорошо считать васъ только гостемъ, а не членомъ семейства.

— Руперт! вышлося Кларибелль: — неужели ты забылъ?...

— О нѣтъ, я помню все! отвѣтил баронетъ. — Какъ не помнить, когда люди напоминаютъ вамъ почти ежеминутно все обь одною и тою же! Даже банкиръ мой можетъ засвидѣтельствовать вамъ, что мои воспоминанія поддерживаются ежедневно материальными средствами.... Впрочемъ все это вздоръ: вы можете маюру оставить здѣсь, сколько будетъ угодно, есть и пить, что вамъ вздумается и тануть съ меня столько, сколько только возможно; но я прошу покорно не мѣшать и мнѣ дѣлать, что и какъ я хочу.... Повторю опять: — я вовсе не желаю, чтобы кто нибудь вмешивался въ мои распоряженія!

Баронетъ быстро вышелъ, захлопнувъ съ шумомъ дверь. Онъ еще въ первый разъ оказалъ возмущеніе противъ власти маюра

Пріѣхавъ въ Бокажъ, Гранвилъ Варней догадался немедленно, которая изъ всѣхъ молодыхъ дѣвушекъ обворожила такъ сэра Руперта Лисля. Старшія сестры были заняты безконечнымъ занятіемъ, между тѣмъ какъ Оливія сидѣла у камина, апатично перелистывая какую-то книгу. Маюру удалось подсесть къ ней, что повидимому было не по душѣ юному баронету, сидѣвшему за матерью. Однако маюръ, несмотря на все свое пылкое красорѣчіе, не успѣлъ приковать вниманія миссъ Оливіи: она отвѣчала только полу-словами на изысканія фразы и такъ пристально смотрѣла ему прямо въ глаза, что онъ реировался съ внутреннимъ содроганіемъ.

— Что за странная дѣвушка младшая дочь полковника, сказалъ онъ сэру Руперту; — ее было бы можно назвать Семирамидою въ поэтизованномъ платьѣ.

— Я не знаю никакой Семирамиды, отвѣтил баронетъ съ явнымъ неудовольствіемъ, — и могу, васъ увѣрить, что у миссъ Оливіи будутъ великолѣпнѣйшія и все новыя платья.

— Безумный! Я надѣюсь, что вы не влюблены въ наружность миссъ Оливіи!... не повѣрю, чтобы васъ плѣнила эта дѣвушка съ такими смуглымъ лицомъ и съ черными глазами! Старшая Мариюкъ несравненно красивѣе и граціознѣе ее.

— Старшая — просто пень, тогда какъ миссъ Оливія — самое восхитительное созданіе во всемъ мірѣ! возразилъ баронетъ.

Но, хотя миссъ Оливія старалась всѣми силами оттолкнуть отъ себя угожденія маюра, онъ успѣлъ приобрести симпатію полковника, который, между прочимъ, разговорился съ нимъ о войнѣ, о порядкахъ въ Пенджабѣ и о его войскахъ. Кончилось тѣмъ, что онъ пригласилъ Гранвилъ къ семейному обѣду на слѣдующій день. Баронетъ слышалъ это и сказалъ, не стѣняясь:

— Такъ и я въ такомъ случаѣ пріѣду къ вамъ, полковникъ, если только позволите. Я хоть не приглашенъ, но мнѣ кажется однако, что гдѣ принять радушно маюра Варней, тамъ найдется, конечно, мѣсто и для меня... Вамъ не слѣдуетъ дѣлать лишнихъ приготовленій! обращайтесь со мною безъ всякихъ церемоній, какъ будто бы съ роднымъ!

Полковникъ покраснѣлъ.

— Старый воинъ обязанъ не только жить какъ джентльменъ, но и быть всегда готовымъ принять у себя джентльмена! проговорилъ онъ съ видомъ собственного достоинства.

— Да, это вѣрно, папа, подтвердила Оливія; — а такъ какъ къ намъ пожалуетъ владѣлецъ Лисльвудъ-Парка, то не лучше-ли будетъ послать сейчасъ въ Брайтонъ, въ гостиницу „Корабль“ за двумя поварами и нѣсколькими официантами. Мери одной несправиться!

Баронетъ могъ понять, что надъ нимъ насмѣхаются.

— Быть можетъ будетъ лучше, если я не пріѣду къ вамъ? сказалъ онъ, призадумавшись.

— За что же вы хотите лишить насъ этой чести? Весь Лисльвудъ говоритъ о принцѣ сусекскомъ и милостивыхъ посѣщеніяхъ его свѣтлости.

— Ну-съ, что жь вы теперь скажете объ этой дерзкой дѣвушкѣ? спросилъ маюръ Варней сэра Руперта Лисля по возвращеніи въ замокъ.

— Я вовсе не нахожу ее дерзкою дѣвушкой, пробормоталъ сэръ Рупертъ.

— Серьезно? Чортъ возьми! да, ей можно просить безобразная выходки именно потому, что вы сами ведете себя просто невозвратно.

На другой день, въ четыре часа, доложили полковнику о прибытіи маіора и баронета, которые и были приняты въ гостиной — не большой, дурно-меблированной и холодной комнатѣ съ тремя окнами, выходившими на большую дорогу. Коверъ былъ полинялый, овальное зеркало успѣло потускнѣть, шелковая обивка мебели замѣтно поистерлась.

Окруженная этой неварачной обстановкою Оливія Мармадюкъ казалась восхитительнѣе, чѣмъ была на самомъ дѣлѣ. На ней было простое кисейное платье лилового цвѣта, украшенное нѣсколькими бантами изъ шелковыхъ лентъ. Она на этотъ разъ обомлала съ маіоромъ довольно дружелюбно, разговаривалась съ нимъ и играла съ нимъ въ шахматы, къ величайшему неудовольствію сара Руперта Лисля, которому пришлось довольствоваться тѣмъ, что онъ могъ сидѣть и любоваться ею. Маіоръ удивился, когда побѣда въ шахматахъ осталась за противникомъ. Послѣ она сыграла нѣсколько полекъ на маленькомъ пюанно и проиграла двѣ или три тирольскія пѣсни. Баронетъ слушалъ ее почти съ благоговѣніемъ, какъ райскаго пѣвца и когда сестры ей начали въ свою очередь играть и пѣть итальянскія аріи, онъ круто отвернулся отъ молодыхъ пѣвицъ и началъ говорить съ предметомъ своей страсти. Казалось, что своевольная молодая дѣвушка задумала вскружить голову маіору такъ же, какъ и баронету. Она шутила съ нимъ, смѣялась его остроумію, подтрунивала надъ сэромъ Рупертотомъ, играла и пѣла ему такъ хорошо, что онъ долженъ бы быть желаннымъ, чтобы противостоять ея очарованію. Что касается сара Руперта, то онъ восхищался Оливіею даже, когда она издѣвалась надъ нимъ. Онъ слѣдовалъ за нею неотступно, какъ тѣнь и жаждалъ, очевидно, возможности сказать ей что то весьма серьезное; но всѣ его усилія потерпѣли фiasco, потому что маіоръ отвлекалъ постоянно вниманіе молодой дѣвушки, какъ только баронетъ готовился сказать ей новую любезность. Въ концѣ вечера Рупертъ Лисль по-

терялъ всѣ надежды остаться одному съ своею обворожительницею и покорился, нехотя, своей печальной участи. Онъ былъ крайне угрюмъ на обратномъ пути, а когда онъ вошелъ по приѣздѣ въ переднюю, то спросилъ у маіора отрывисто и рѣзко:

— Ну-съ, какую нашли вы сегодня Оливію?

— Такою же, какъ и вчера. Не спорю, что она довольно не дурна и отчасти эффектна при яркомъ освѣщеніи, но скажу тѣмъ же менѣе, что она очень ловкая, искусная кокетка, хитрая, самолюбивая и бездушная интриганка... да сжалится Госнодь надъ тѣмъ, кто на ней женится!... Нѣтъ, она мнѣ не нравится.

— Въ такомъ случаѣ вы чертовски-нахальный лицемеръ! воскликнулъ съ бѣшенствомъ баронетъ: — пусть повѣсятъ меня, если вы не ухаживали за нею въ продолженіе всего вечера.

— Я постоянно ухаживалъ за всѣми кокетками, мой милый Рупертъ, отвѣтилъ маіоръ.

Сэръ Рупертъ былъ счастливецъ на слѣдующій день, встрѣтивъ во время своей утренней прогулки миссъ Оливію, которая шла куда-то въ сопровожденіи Бокса. Онъ пожелалъ ей добраго утра и, взявъ лошада за поводъ, пошелъ рядомъ съ дѣвушкой, не говоря ни слова.

— Ну, начала наконецъ молодая дѣвушка: — такъ какъ вы, очевидно, не находите словъ для бесѣды со мною, то я не понимаю, для чего вамъ идти еще дальше со мною, тѣмъ болѣе, добавила она съ насмѣшливою улыбкою, что нашей бѣлой лошади странно хочется у васъ вырваться и усесться галопомъ.

— Я правю не забочусь ни о глупѣйшей лошади и ни о комъ на свѣтѣ, кромѣ одной особы, отвѣтилъ баронетъ. — Я самый состоятельный человекъ во всѣхъ графствѣхъ, но это не мѣшаетъ мнѣ любить и самымъ несчастнымъ... и никто не можетъ дать мнѣ земное счастье, исключая...
Онъ вдругъ остановился и странно покраснѣлъ.

— Исключая кого?... докончите же фразу! сказала миссъ Оливія.

— Кромѣ васъ... Рѣшитее ли вы выйти за меня замужъ?... Вы бы сдѣлались самою знатною и богатою женщиною... если бы сдѣлали это! Подумайте объ этомъ! У васъ стало бы столько

денегъ, сколько бы ни понадобилось вамъ или даже вашему достойному отцу.... Вы стали бы злѣди Лисля, владѣтельницей моего прекраснаго помѣстья и самаго роскошнаго изъ всѣхъ замковъ въ Суссексѣ.... Согласны ли вы на это?.... скажете вы мнѣ: „да“?

Лицо Оливии сдѣлалось на нѣсколько мгновений такъ мрачно и серьезно, какимъ еще ни разу не видѣлъ его Рупертъ.

— Да, вы видимо не принадлежите къ числу сентиментальныхъ, отвѣчала она, вы не требуете отъ меня ни любви, ни вѣрности, ни покорности, а просите меня исключительно о согласіи перевѣнчаться съ вами... Ну, если это такъ, я, пожалуй, готова отвѣчать вамъ теперь же...

— Что вы вполне согласны на мое предложеніе! воскликнулъ съ увлеченіемъ молодой человѣкъ, прижавъ страстно къ губамъ ея бѣлую ручку.

— Почему же и не такъ? отвѣчала она.

ГЛАВА XX.

Маіоръ находитъ своего ученика своевольнымъ.

Сэръ Рупертъ вернулся въ замокъ съ такимъ лучезарнымъ лицомъ, что дѣти останавливались по дорогѣ, слѣдя за нимъ взглядомъ, пока онъ не скрывался изъ вида, несясь во весь опоръ. Онъ всегда ѣздилъ шагомъ и сторожъ изумился, когда Рупертъ промчался, какъ вихрь, вдоль по аллеи. Онъ соскочилъ съ коня передъ парадною лѣстницею и, сильно разгорѣвшись отъ бѣшеной ѣзды, снялъ торопливо шляпу и сталъ ею обмахиваться, всходя по ступенямъ. Онъ промель въ оранжерею, и увидѣлъ тамъ маіора; который сидѣлъ спокойно на ивовомъ креслѣ, покуривая трубку съ янтарнымъ мундштукомъ.

— Не горитъ-ли ужъ полно Чичестерскій соборъ, дорогой мой Рупертъ? спросилъ онъ иронически:— и вы не присказали ли за пожарною трубою? она стоитъ на мзѣ, если не ошибаюсь, а

ключи отъ сарая у садовника Джона. Можете обратиться къ нему, если хотите! онъ выдастъ вамъ ключи.

Маіоръ началъ смѣяться и въ то же время пристально смотрѣлъ на баронета.

— Берегите ваше краснорѣчіе для тѣхъ, которые могутъ достойно оцѣнить его, отвѣтилъ ему съ сердцемъ молодой человѣкъ, Чичестерскій соборъ можетъ сгорѣть до основанія, да и вы вмѣстѣ съ нимъ: меня это не тронетъ.

— Вы—олицетворенная признательность, мой дорогой Рупертъ! пробормоталъ маіоръ.

— Пусть сгоритъ хоть весь Чичестеръ—мнѣ-то какое дѣло? продолжалъ баронетъ. — Я вѣдь самый счастливый человѣкъ во всемъ Суссексѣ: у меня будетъ самая красивая жена!

— Какъ? Самая... красивая.... жена!.... повторилъ за нимъ Варней.

Маіоръ останавливался послѣ каждого слова и потомъ раскрывалъ глаза, какъ будто растерялся совѣсьмъ отъ изумленія. Сэръ Рупертъ сдѣлалось наконецъ ужъ неловко подъ этия странныя взгляды.

— Не смотрите такъ на меня! проговорилъ онъ съ яростью:— я не чудовище, не Сіамскій близнецъ, не свинья съ женскою рожицею.... вы не платили шиллинга, чтобъ увидѣть меня?... Вотъ что я вамъ скажу: мнѣ не нравится способъ обращенія со мною и я долго не вынесу подобнаго давленія.... Я вовсе не хочу, чтобъ меня тиранили именно потому, что я не получилъ того образованія, какое бы мнѣ слѣдовало получить при моемъ знатномъ происхожденіи.... не хочу больше слушаться ни чьихъ приказаній, не хочу быть осматриваемымъ, какъ рѣдкій звѣрь въ зверницѣ, какимъ нибудь маіоромъ безъ колейки въ кармазѣ, которому угодно было поселиться у насъ.... слышите ли вы это? я не могу терпѣть дальнѣйшихъ униженій!

Дрожавшій голосъ Руперта возвысился до крика, исполненнаго бѣшенства. Маіоръ пустилъ спокойно нѣсколько глубовъ дыма, и тогда только обратилъ вниманіе на Лисля и на его слова.

— Опомнитесь, сэръ Рупертъ, произнесъ онъ спокойно.— Вотъ ужъ второй разъ какъ вы оскорбляете меня у себя въ домѣ. Такъ

как вы последний, кому я мог бы простить обиду, то я подлизуюсь, случаемъ, чтобы сдѣлать вамъ кой-какія увѣщанія, которыя навѣрное, произведутъ на васъ желаемое дѣйствіе. Прежде всего прошу васъ вернуться къ предмету, о которомъ вы только что сейчасъ упоминали. Вы говорили о какой-то женщинѣ—о самой красивой женщинѣ во всемъ Суссексѣ; не угодно-ли вамъ объявить, что вы хотѣли этимъ сказать?

— Что я хотѣлъ сказать? воскликнула баронетъ:— я хотѣлъ сказать вамъ, что я предложилъ руку миссъ Оливіи Мармэдюкъ, которая приняла мое предложеніе и будетъ леди Ласель, по прошествіи мѣсяца; слышали?... она будетъ обвѣнчана со мною!

— Вы поступили слишкомъ опрометчиво, милый Рупертъ, замѣтила маюръ съ загадочною улыбкою;— еслибы вы не поспѣшили, а сперва посоветовались съ вашимъ опытнымъ другомъ, то избавили бы дѣвушку отъ разныхъ затрудненій.... Ну, это не обѣда: дѣтъ во многихъ случаяхъ остаются дѣтьми; вы сдѣлали ошибку и мы поговоримъ еще съ вами сегодня.

Сэръ Рупертъ не сталъ слушать, и вышелъ изъ оранжерей, стукнувъ стеклянную дверь. Въ передней подбѣжала къ нему маленькая собачка, которую онъ съ гнѣвомъ оттолкнулъ каблукомъ: собачка завизжала, чѣмъ заставила Кларибелль выглянуть изъ гостиной.

— Я прошу васъ очистить мой замокъ отъ собакъ, сказала баронетъ матери:— въ немъ будетъ черезъ мѣсяца новая госпожа!

— Что ты хочешь сказать? спросила его мать.

— Что я хочу жениться по прошествіи мѣсяца! Вы смотрите съ такимъ глубокимъ удивленіемъ, что можно бы подумать, будто я не имѣю права выбрать жену.

— Да, ты могъ бы дѣйствительно поступать разсудительнѣе, отвѣтила она.

— А! ну, да: я бы долженъ былъ испросить предварительнаго согласія у васъ, у маіора Варней, да еще у Артура, у вашего любимца. Я скажу вамъ одно: вы хотите забрать меня положительно въ руки, но я вамъ не поддамся! и хочу поужинать вполнѣ самостоятельно!

Мистриссъ Вальдзингамъ отвернулась, не промолвивъ ни слова

и вернулась въ гостиную. Съ нѣкоторыхъ поръ между нею и ея старшимъ сыномъ установились какія-то натянутыя отношенія, которыя съ каждымъ днемъ удаляли ихъ больше и больше другъ отъ друга. Кларибелль горько плакала, потерявши его, но со дня возвращенія его, ей пришлось страдать несравненно сильнѣе, замѣчая что онъ далеко не достоинъ ей ласкъ и любви. Четырнадцать лѣтъ, проведенныя имъ въ обществѣ мрачнаго браконьера, такъ измѣнили первоначально-мягкій характеръ ребенка, что мать приходила положительно въ ужасъ, но крѣвъ того, какъ она узнавала его ближе и ближе. Она старалась, видимо, скрыть, свое охлажденіе, но Рупертъ замѣчалъ, что происходитъ съ нею и ея предпочтеніе къ Артуру Вальдзингаму. Гнѣвъ его не прошелъ и послѣ сцены съ матерью, весь этотъ день онъ ходилъ мрачный, какъ туча, несмотря на сознаніе, что миссъ Оливіи Мармэдюкъ будетъ его женою. Недальнему уму его казалось, что глубокое спокойствіе маіора доказываетъ трусость и онъ вывелъ изъ этого, что можетъ поступать съ нимъ, какъ только ему вздумается. Въ продолженіи дня баронетъ искалъ случая задѣть и оскорбить хоть чѣмъ нибудь маіора: онъ хвастался богатствомъ и сильно издѣвался надъ бѣдностью другихъ; послѣ обѣда Рупертъ сталъ расхваливать свои вина и сирашивалъ Варней: пилъ-ли онъ хоть когда нибудь подобное бордосское, во время своего пребыванія въ Бенгаліи? Ободренныя уступчивостью и протестомъ маіора, онъ дѣлался все болѣе заносчивымъ и дерзкимъ. Когда же мистриссъ Вальдзингамъ упрекнула его за его неумѣніе обращаться съ гостями, онъ громко рассмѣялся и отвѣтилъ на это, что маіоръ готовъ вынести всякія приниженія, чтобы не упустить изъ рукъ все имъ захваченное и вообще слишкомъ любить богатство и комфортъ, чтобы гнѣваться за дерзости.

— Заставьте вашу жену снѣтъ что-нибудь, маіоръ, сказала онъ ему вечеромъ:— пусть хоть она доставитъ намъ развлеченіе отъ скуки если, ужъ вы не можете сдѣлать этого сами!

— Принцъ желаетъ послушать ваше пѣніе, Ада! шепнула маюръ жентъ:— возьмите скорѣе ноты и сядьте за пианино.

Мистриссъ Варней послушно пересѣла къ пианино и стала смотрѣть въ ноты.

— Спросите его свѣтлость, что вамъ слѣдуетъ снѣть! замѣтилъ ей маіоръ.

— О, какую нибудь швейцарскую пѣсню, отвѣтилъ сэръ Рупертъ, что-нибудь веселое, съ хорошенькимъ припѣвкомъ, въ родѣ тра-ля-ля-ля!... Оливія, виноватъ—будущая лэди Лисль, поетъ тоже нерѣдко швейцарскія пѣсни; и едва-ли кто можетъ пѣть ихъ такъ, какъ она.

— Мистрисъ Варней не можетъ безъ сомнѣнія сравниться съ будущей лэди Лисль, но многие твердятъ, что она обладаетъ очень пріятнымъ голосомъ, а она, разумѣется, употребитъ все силы для того чтобы успѣть угодить вашей свѣтлости.

Ада пѣла послѣдовательно балладу за балладою своимъ чуднымъ контраalto. Когда баронету надоело ужъ слушать ее, онъ вѣжливо замѣтилъ ей, что она теперь можетъ прекратить свое пѣніе. Она встала и сѣла на прежнее мѣсто, не получивъ рѣшительно и слова благодарности за все свои усилія угодить сару Руперту.

Артуръ Вальдзингамъ, который сидѣлъ съ книгою около своей матери, присталъ съ своего кресла и произнесъ торжественно:

— Благодарю васъ отъ души за ваше восхитительное пѣніе, мистрисъ Варней. — Братъ мой сдѣлалъ бы тоже, еслибъ онъ только былъ истиннымъ джентльменомъ, а такъ какъ, къ сожалѣнію, этого нѣтъ, то я и выполняю за него этотъ долгъ.

Молодой Вальдзингамъ краснѣлъ отъ обращенія сэра Руперта съ гостями, и высказалъ бы раньше свое неудовольствіе, еслибъ не презиралъ прекраснаго маіора за его равнодушіе къ деразостямъ баронета. Рупертъ взглянулъ на брата и, хотѣлъ, очевидно, возразить ему что-то, но потомъ передумалъ. Ему пришлось войти какъ то разъ въ бой съ Артуромъ и съ тѣхъ поръ онъ замѣтно сталъ относиться къ брату съ особеннымъ почтеніемъ. Мистрисъ Вальдзингамъ поблагодарила Артура вѣжливымъ взглядомъ.

— Твой отецъ былъ всегда истиннымъ джентльменомъ, Артуръ Вальдзингамъ, сказала Кларибелла, я это сознаю, хотя я имѣла основаніе не быть имъ совершенно довольною. Я думаю, что ты похожъ на него.

Спокойствіе изычнаго маіора было поразительно въ этотъ вечеръ. Онъ сидѣлъ въ креслѣ передъ каминомъ и, казалось, вовсе

не обращалъ вниманія на происходившее вокругъ него. Но когда баронетъ всталъ, въ половинѣ одиннадцатаго, съ дивана, на которомъ онъ было, задремалъ и подошелъ къ столу, чтобы зажечь свѣчу, маіоръ тоже всталъ съ мѣста.

— Вы сегодня прескучные, такъ что я лягу спать, сказала баронетъ. Ну-съ, чего же вы ждете? отнеси онъ къ маіору. — Почему не зажигаете вашу свѣчу?

— Потому что я уйду не въ свою комнату, а — въ вашу, сэръ Рупертъ.

Голосъ маіора звучалъ такъ странно, что баронетъ невольно взглянулъ на него и сильно поблѣднѣлъ, встрѣясь съ его глазами.

— Я не могу больше лишать себя спокойствія и сна, для того чтобы выслушивать ваши нелѣпости, проговорилъ онъ живо. — Можете подождать и сообщить мнѣ завтра всю эту ерунду!

— Я не намѣренъ ждать ни единого часа, я сказалъ еще утромъ, что хочу объяснитьсь съ вами сегодня вечеромъ. Потрудитесь отправиться въ вашу комнату, баронетъ!

— Но я же говорю... началъ было Рупертъ.

— Потрудитесь идти, произнесъ маіоръ Варней, отворивъ дверь гостиной.

Сэръ Рупертъ колебался, но потомъ, испугавшись грознаго выраженія голубыхъ глазъ маіора, взять свѣчу и пошелъ послушно въ свою комнату. Маіоръ пошелъ за нимъ и, войдя въ его спальню, онъ заперъ тотчасъ дверь и положилъ, вдобавокъ, ключъ отъ нея въ карманъ. Эта была великолѣпная комната съ рѣзными дубовыми карнизами, панелями и потолкомъ. Одна часть панели, та, которая ссырвала выходъ на потайную лѣстницу, отличалась особенною рѣзбою и украшалась медальономъ, представлявшимъ игумена въ полномъ облаченіи. Оконныя и кроватныя занавѣсы были изъ фіолетоваго бархата на бѣлой атласной подкладкѣ. Громадная комната имѣла мрачный видъ, тѣмъ болѣе, что освѣщалась въ настоящую минуту только одной свѣчою, принесенною баронетомъ. Сэръ Рупертъ видѣлъ самъ, что маіоръ спряталъ ключъ.

— Съ чего вы это вздумали заперать дверь на ключъ? спросилъ онъ у него.

— Потому что желаю, чтобы наша беседа была без перебива.

Голубые глаза майора смотрели не обыкновенно строго, постоянно улыбавшейся рот его был ненормально сжат; все его добродушие, вся снисходительность и любезность сменились выражением непреклонной решительности. Баронетъ взглянул украдкой на туалетный столик, гдѣ находился, посреди множества хрустальныхъ, оправленныхъ въ золото флаконовъ, сафьянный футляръ съ двумя острыми бритвами.

— Поставьте свѣчу на мѣсто, сэръ Рупертъ, и потрудитесь съезть; я васъ не задержу! сказала майоръ Варней.

— Надѣюсь, отвѣчалъ молодой человекъ, стараясь казаться совершенно спокойнымъ, предупреждая васъ, что я скоро засну, если вы засидитесь.

Онъ притворился соннымъ и сталъ громко звать.

— Не думаю, чтобы вы пожелали заснуть, какъ только я начну говорить, сэръ Рупертъ.

— Такъ говорите же и скажите... Въ чемъ дѣло?

— Сэръ Рупертъ Лисель, началъ майоръ, не сводя съ него глазъ, когда люди не хотятъ видѣть въ чемъ заключается ихъ собственный интересъ, не хотятъ узнавать тѣхъ, которымъ обязаны *быть*, не хотятъ сознавать, что послѣдніе могутъ разрушить ими созданное—то этихъ господъ нельзя назвать иначе, какъ людьми безъ ума, нельзя обращаться съ ними какъ съ людьми, находящимися въ полномъ разсудкѣ. Помните это, сэръ Рупертъ Лисель! Были люди несравненно умнѣе и хитрѣе васъ, которые кончали свое жалкое существованіе въ дождь уменьшенныхъ... Вамъ угодно было оскорбить меня нѣсколько разъ въ продолженіи дня, а мнѣ было угодно не обращать вниманія на ваше поведеніе—не потому, конечно, какъ вы воображаете, чтобы и не могъ заставить васъ расклататься въ вашихъ словахъ, но отъ того, что не былъ расположенъ въ расправѣ! Я не хочу, чтобы кто бы то ни былъ, могъ сказать обо мнѣ, что онъ видѣлъ меня вышедшимъ изъ себя, какъ бы ни вызывали мое негодованіе. Если я и не добръ, то имѣю, вмѣстѣ, уживчивый характеръ. А подобныхъ людей всегда считаютъ добрыми. У нихъ всегда—любезная

открытая улыбка, всегда веселый смѣхъ; они добродушно смотрятъ на своего ближняго, между тѣмъ какъ готовятъ ему вѣрную гибель. Еслибъ и былъ вынужденъ убить человека, то я сдѣлалъ бы это съ поладившимъ хладнокровіемъ. Я отвѣчаю на оскорбленіе не грубыми словами, а—искусными дѣйствіями. Когда меня оскорбляетъ мужчина, я могу улыбнуться и простить его; если онъ оказываетъ мнѣ сопротивленіе, я способенъ простить его все съ тою же улыбкою. Потрудитесь запомнить это тверже, сэръ Рупертъ и не подвергайте меня дальнѣйшимъ оскорбленіямъ.

Молодой человекъ придвинулъ свое кресло поближе къ огню. Ему хотѣлось увѣрить майора, что онъ дрожитъ отъ головы до ногъ единственно отъ холода.

— Никто и не думалъ оскорблять васъ, майоръ, сказалъ онъ.— Вѣроятно, вы сочли за обиду какую-нибудь невинную шутку. Вы слишкомъ умны, чтобы видѣть въ пустой шуткѣ намѣреніе обидѣть. Что же касается моихъ чувствъ, то вы не сомнѣваетесь, что я считаю васъ наравнѣкомъ и другомъ; я не такой безумецъ, чтобы не сознавать, что вы мнѣ возвратили богатство и права и я обязанъ вамъ всею тѣмъ, что я имѣю... Ну, чего же вамъ больше?

Онъ протянулъ майору холодную руку съ улыбкою признанія.

Достаточно ли этого? повторилъ онъ опять.

— Нѣтъ еще, возразилъ хладнокровно Варней.— Кто-то упоминаетъ сегодня о женибѣ. Вы говорили то, что думали, сэръ Рупертъ?

— Безъ всякаго сомнѣнія!

— Въ такомъ случаѣ, вы должны отказаться отъ этой необыточной идеи...

— Отказаться! сказали вы?

— Да! отвѣчалъ майоръ. Я не хочу, чтобы вы женились на Оливии!

— Однако же, мнѣ кажется, что вы право заходите уже слишкомъ далеко... Я вамъ уже говорилъ, что все что я имѣю вполне къ вашимъ услугамъ. Вы можете пользоваться моимъ домомъ, моимъ банкротствомъ, но вамъ вовсе нѣтъ дѣла до жени-

ни, которую и приближу къ себѣ въ качествѣ леди Лисль! Это ужь черезчуръ неумѣтная штука.

— Вы увидите, что я право далеко отъ всякой шутки: выслушайте меня! если между вами и миссъ Оливью существуетъ мажйшее обязательство, то оно должно быть сейчасъ же уничтожено.

— Этому не бывать! воскликнулъ сэръ Рупертъ. — Я не откажусь отъ Оливьи Мармдюкъ, ни для васъ, ни для кого на свѣтѣ! Черезъ мѣсяцъ, считая съ настоящаго дня, она будетъ женою моею, истинною леди Лисль!

— Сумасшедшій! сказалъ преспокойно Варней, никакой леди Лисль не будетъ въ этомъ домѣ, пока я существую; никогда не будетъ наследника, который отстранилъ бы меня отъ вашего богатства, котораго вы, безъ моего содѣйствія, никогда бы не имѣли; никакой женщиной не придется рачотать милліоны, которые находились бы теперь еще въ чужихъ рукахъ, еслибы не мой умъ и не моя способность улаживать дѣла! Вы хотите жениться?! Вы хотите ввести сюда женщину, которая стала бы управлять этимъ домою?! Вы хотите превратить какую-то миссъ Оливью Мармдюкъ въ леди Лисль?! Вы — которому бы пришлось проявлять въ мастерской или сидѣть въ острогѣ, еслибы я не явился къ вамъ внезапно на выручку?!... Да сжалится надъ вами милосердное небо, когда вы засагвите меня употребить противъ васъ средства, которыя я употреблялъ, въ теченіи почти четырнадцати лѣтъ, на ваше обезпеченіе!

— Я васъ не понимаю, проговорилъ сердито молодой человекъ съ той странною настойчивостью, которую онъ старался скрыть недостаткомъ мужества. Я знаю только то, что сдержу свое слово, чего бы это ни стоило и что Оливья Мармдюкъ будетъ моею женою.

— Не быть ей леди Лисль! возразилъ маіоръ, отпирая дверь спальни. — Спокойной ночи, храбрый владѣлецъ Лисльвудъ-Шарка!... Вы ужь избрали путь — теперь за мною очередь!... Забываю, что вы не поняли меня и потому пришла къ вамъ лучше Соломона, который дастъ вамъ болѣе понятные совѣты.

— Сэръ Рупертъ успѣшилъ раздѣться и улечься. Онъ спалъ

около часа, когда былъ вдругъ разбуженъ Альфредомъ Соломономъ, стоявшимъ передъ нимъ со свѣчою въ рукахъ. Молодой человекъ жаловалъ Соломону гораздо больше, чѣмъ самаго маіора, и присутствие еврея не стѣняло его.

— Что тебѣ, Соломонъ? спросилъ онъ еврея.

— О, ничего особеннаго! мой господинъ велѣлъ мнѣ передать вамъ кое-что.

— Говори же скорѣе: я сильно хочу спать.

— Вы помните, сэръ Рупертъ, поговорку, что стѣны имѣютъ тоже уши, отвѣчалъ слуга, озираясь по комнатамъ: — а такъ какъ я долженъ сообщить вамъ слова маіора по секрету, то буду говорить, разумеется, шепотомъ.

Соломонъ нагнулся къ подушкѣ баронета и шепнулъ ему на ухо нѣсколько словъ.

Сэръ Рупертъ разсыпался до такой сильной степени, что одѣло чуть было не слетѣло съ кровати.

— И это все? спросилъ онъ, это все, что маіоръ поручилъ передать мнѣ?... Скажи ему въ отвѣтъ, поклонись отъ меня, что я знаю это прежде и женюсь черезъ мѣсяцъ на Оливьи Мармдюкъ.

ГЛАВА XXI.

Сэръ Рупертъ оброчень.

Борьба между умомъ и хитростью окончилась побѣдою послѣдней. Послѣ описаннаго нами въ послѣдней главѣ разговора, сэръ Рупертъ Лисль выказалъ себя самостоятельнымъ господиномъ въ своемъ домѣ. Онъ не сталъ больше обращаться за совѣтами къ маіору и послѣдній, очевидно, потерялъ надъ нимъ всякую власть. Тотъ, кто хоть разъ шелъ наперекоръ маіору и проводилъ почти все время въ томъ, что вѣдрилъ въ Вокважъ и — обратно въ Лисльвудъ. Оливья Мармдюкъ ничуть не измѣнила обращенія съ

нимъ: она принимала его все такъ же равнодушно, какъ и въ первый разъ: сбѣжалась надъ его недовольствою, недѣльными разговорами и попытками любезничать съ нею. Несмотря на все это, а можетъ быть и вслѣдствіе этого, онъ съ каждымъ днемъ привязывался къ ней все сильнѣе и сильнѣе. Онъ началъ слѣдовать за нею, какъ собака и почти при каждомъ посѣщеніи привозилъ ей какую-нибудь драгоценную вещь. Онъ какъ-то заявилъ, что потребуетъ отъ банкира, хранившіеся у него фамильные брилліанты, но Клерибель отказалась брать ихъ до свадьбы сына.

— Усѣмъ еще ваять ихъ! замѣтила она: — можетъ быть, этотъ бракъ еще не состоялся!

— Ничто не въ состояніи помѣшать мнѣ жениться, за исключеніемъ смерти! воскликнулъ баронетъ съ большимъ одушевленіемъ.

Только разъ упрекнулъ онъ Олівію Мармюдокъ за ея обращеніе.

— Вы обходитея со мною, буквально какъ съ собакою, замѣтилъ онъ обидчиво; вы просто издѣваетесь надъ моею любовью! Я, право не могу даже вѣрить, Олівія, чтобы вы чувствовали ко мнѣ хоть тѣнь расположенія.

Онъ обѣдалъ въ Вокажѣ и сидѣлъ въ это время съ Олівіею у пѣвицы, между тѣмъ какъ полковникъ съ старшими дочерьми помѣщались поодаль, по близости камина.

— Seriously? проговорила равнодушно Олівія, вертя вокругъ руки брилліантовый браслетъ, подаренный ей Рупертомъ. — Я вамъ и не совѣтую вѣрить этому чувству. Вы не могли забыть, какъ мало увѣреній проходило между нами обоими въ тотъ день, когда вы предложили мнѣ вашу руку и сердце. „Хотите ли вы, миссъ, сбѣжаться леди Лисель“?... „Да, хочу, сэръ Рупертъ“. Вотъ и все то, что было сказано мною и вамъ! Могу увѣрить васъ, что я и отъ природы далеко не мечтательница!

— Въ этомъ я положительно даже не сомнѣваюсь. Мнѣ сдается, что я сбѣдался женихомъ потому исключительно, что я сэръ Рупертъ Лисель, владѣлецъ Лисельвудъ-Парка.

— Я тоже это думаю! Но не будемъ касаться этого обстоятельства. Не думайте, пожалуйста, чтобы въ душѣ моей было намѣреніе надуть васъ!... Вы совершенно правы: я выхожу за

васъ, потому что вы баронетъ и, вдобавокъ, богаты! не буди конечно, этого, я бы и не подумала выходить за васъ замужъ...

Меня, кажется, нельзя упрекнуть въ большой скрытности? А если вамъ не нравится такая откровенность, пожмемъ другъ другу руки и — простимся на вѣки. Я не желаю лучшаго.

И она протянула ему нѣжную руку, на которой сверкали еще его брилліанты. Вѣроятно блескъ ихъ кинулся ей въ глаза, потому что она замѣтила шутиво:

— Я, конечно, верну вамъ все наши подарки, когда мы распрощимся; пусть же васъ не удерживаютъ истраченными деньгами.

— Я готовъ вамъ отдать все свое состояніе, до послѣдняго понти, сказала она съ увлеченіемъ. Больно видѣть, что вы ничѣмъ не отвѣчаете на мою безпредѣльную, искреннюю любовь; но я женюсь на васъ, хотя и знаю теперь, что вамъ нужно единственно только мое богатство.... не могу жить безъ васъ!

Немного погодѣе, когда Олівія и баронетъ играли за маленькимъ столомъ въ триль-тракъ, старшая изъ сестеръ, бывшая гдѣ-то въ гостяхъ, вошла въ гостинную. Полковникъ дремалъ въ креслѣ. Люси и Джэнь, вторая и третья сестры, сидѣли за работою.

— Хорошо ли вы провели вечеръ, Лаура? спросила ее Джэнь.

— Нѣтъ, напротивъ того.... Но я узнала новость у ректора, которую хочу сообщить вамъ и прочимъ!

Она очень насмѣшливо взглянула на Олівію.

— Если у васъ есть новость, говорите скорѣе, сказала Олівія, притворно зѣвая и кончалъ игру. — Сэръ Рупертъ, я выиграла у васъ ровно пять партій.... Ну, Лаура, мы ждемъ, добавила она, обращаясь къ сестрѣ.

Она была замѣчательно хороша при блескѣ огня: шея и руки ея были покрыты драгоценными подарками баронета, и старшая сестра смотрѣла на нее и съ завистью и съ ненавистью и была готова убить ее на мѣстѣ. Полковникъ пробудился, при шумѣ голосовъ, и, оглянувшись быстро, остановилъ свой взглядъ на своей младшей дочери.

— Папа, вы помните Вальтера Ремордена, послѣдняго викарія мистера Мильварда? спросила Лаура.

— Разумѣется, помню. Онъ уѣхалъ отсюда тому назадъ три года, получивъ пасторатъ въ окрестностяхъ Чичестера. Вальтеръ Реморденъ былъ истиннымъ другомъ бѣдныхъ.... Онъ славный человекъ и мы были съ нимъ дружны. Мнѣ бы очень хотѣлось видѣть его опять!

Лаура слѣдила пристально за выраженіемъ лица своей младшей сестры, которое сдѣлалось вдругъ чрезвычайно серьезно.

— Ну, папа, продолжала она:—бѣдный Вальтеръ Реморденъ долженъ былъ противъ воли покинуть свою паству по слабости здоровья, какъ это объяснила мнѣ нынче мистрисъ Мильвардъ. Онъ, вѣдь, родился въ Лисльвудѣ и считаетъ, конечно, воздухъ родныхъ полей полезнымъ для себя, а потому-то и находится опять у мистрисъ Мильвардъ, которая была на столько снисходительна, что сама предложила ему гостеприимство.

— Что?! воскликнулъ полковникъ:— Вальтеръ Реморденъ въ пасторатъ?

— Да, со вчерашняго дня. Говорятъ, что онъ очень и очень измѣнился.... Однако, я боюсь наскучить сару Руперту своими разсужденіями о несчастномъ викаріѣ.... Ну, Оливія, всѣ толкуютъ о будущей леди Лисль и засыпали меня поздравленіями съ блистательною будущаюстью, предстоящей тебѣ!

Съ тѣхъ поръ, какъ имя Вальтера Ремордена было произнесено старшею миссъ Мармадюкъ, Оливія не шевелилась и не сказала слова; теперь же она встала и съ страннымъ, нервнымъ смѣхомъ вышла быстро изъ комнаты.

Полковникъ поспѣшилъ пойти слѣдомъ за нею.

Оливія, что съ тобою, моя милая дочь! спросилъ онъ ее громко—что такое случилось?

— А я знаю, что съ нею, сказалъ баронетъ:— ее смutilo имя этого человека, о которомъ шла рѣчь. Я видѣлъ, какъ она измѣнилась въ лицѣ, когда вы только начали упоминать о немъ, обратился онъ къ Лаурѣ.— Совѣтую ему беречься моей месть! я убью его, кто бы онъ ни былъ, если бъ онъ вздумалъ стать между ею и мною!

Полковникъ съ Оливією вернулись черезъ нѣсколько минутъ. Старикъ велъ свою дочь; глаза ея горѣли лихорадочнымъ блес-

комъ. Именихъ не осмѣливался заговорить съ нею первый, но не сводилъ съ нея глазъ.

— Прощайте, Оливія, сказала онъ наконецъ, вставъ и распростившись съ остальными присутствующими.— Вы высказали мнѣ сегодня очень ясно, что вы меня не любите; высказали еще и кое-что другое: я вамъ очень обязанъ.

Она кинула на него взглядъ полный презрѣнія.

— Вспомните, что вѣдь я предоставила вамъ рѣшить такъ или иначе, отвѣтила она.— Я готова узнать завтра ваше рѣшеніе.

На другой день сэръ Рупертъ, по пріѣздѣ въ Бокажъ, попросилъ позволенія поговорить съ невѣстою. Онъ умолялъ ее назначить день вѣнчанія, какъ можно поскорѣе и получилъ согласіе.

— Если вы еще намѣрены жениться на мнѣ, то свадьба можетъ быть, когда вы захотите, отвѣтила невѣста.

— Намѣрены-ли я? Оливія!... воскликнулъ онъ съ упрекомъ.

— Вы слышали и видѣли на столько, что могли легко переимѣниться и если это такъ, то будьте откровенны и не скрывайте этого.... Но помните, что вы должны ценить на одного себя, если союзъ нашъ будетъ не изъ числа счастливыхъ!

Когда баронетъ повторилъ, что намѣреніе его непоколебимо, Оливія заявила, что не считаетъ нужнымъ откладывать день свадьбы дальше опредѣленнаго имъ заранее срока. Одна изъ ея тетокъ, старая и богатая, прислала ей сто фунтовъ, узнавъ, что она дѣлаетъ блистательную партію. Въ Бокажѣ, то и дѣло начали появляться модистки, бѣловшейки, но Оливію не могли заставить примѣрять приданные наряды. — Ахъ, какъ въ надобія мнѣ съ уборами и съ лентами! говорила она съ открытымъ нетерпѣніемъ.— Вы знаете, что я не обращала прежде вниманія на наряды, а теперь я и вовсе не забочусь о нихъ! Нельзя-ли вамъ избавить меня отъ этой дребедени?...

— Нечего сказать, Оливія, у будущей леди Лисль прелестный характеръ, замѣтила Лаура.— Я жалю душевно о бѣдномъ баронетѣ!

— Жалѣйте его, Лаура! отвѣтила Оливія, устремивъ свои

черные глаза в глаза своей сестры: — жалуйте сара Руперта от искреннего сердца: он нуждается в сожалении!

ГЛАВА XXII.

Лучше всего избавиться от предмета первой любви.

Баронет подарил своей невесте чистокровную, великодушную лошадь, которая была нарочно выдрессирована для нее знаменитым берейтором. Замечательно было то обстоятельство, что молодая дѣвушка, прежде ежеседневно скакавшая по холмам и лугам на сѣрой, простой крестьянской лошади, почти вовсе не пользовалась, этим прекрасным подарком сара Руперта. Она вдруг почувствовала величайшее отвращение къ прогулкам и отговаривалась то головною болью, то опасением простудиться на ноябрьскомъ вѣздѣ, когда сэръ Рупертъ предлагалъ ей проѣхаться верхомъ. Сестры она избѣгала по возможности и давала имъ только односложные ответы; съ отцемъ была серьезна и тиха, а съ баронетомъ сдержанна, равнодушна, грустна. Отъ вниманія молодого человека не ускользали все эти подробности.

— Вы блѣды, точно мертвая, сказалъ онъ разъ невестѣ, глаза ваши ввалились, я даже опасался, что вы очень больны! А больны выедетъ къ смерти!... О, Оливія, вы должны быть моею женою и вы будете ею!...

Онъ схватилъ страстно руки ея и зажалъ ихъ въ свои; казалось, что имъ вдругъ овладѣла боязнь потерять свою милую, прелестную невесту.

— Оливія, продолжалъ онъ: — почему вы больше нигуда не ходите? А Лаура говоритъ, что вы теперь проводите дѣлшй день въ своей комнатѣ. Что же могу я сдѣлать, чтобы доставить вамъ минуту удовольствія?... Я истрату заразъ половину богатства, если вы захотите.... Что мнѣ дѣлать? Скажите!

— Ничего положительно, отвѣтила она; — но оставте меня

хоть на время одну. Сознаю, что я очень не любезна, сэръ Рупертъ, быть можетъ даже — зла... но я теперь выдерживаю борьбу сама съ собою. Оставьте же меня и я сдѣлаюсь снова такою, какою была!

— Не понимаю васъ, однако тѣмъ не менѣе даю слово исполнить даже это желаніе, если вы обѣщаетесь быть моею женою!

Вскорѣ послѣ этого разговора, сэръ Рупертъ уѣхалъ домой. Оливія сѣла у ногъ отца, опять дремавшего передъ каминомъ, а сестры ея сѣдали у окна, пользуясь послѣдними лучами зимняго солнца. Черезъ нѣсколько минутъ Оливія встала и ушла, но вернулась почти тотчасъ же, надѣвъ шляпку и шаль.

— Куда же вы идете? спросила ее Лаура съ глубокимъ изумленіемъ.

— Въ Лисльвудскій насторать, къ мистриссъ Миллвардъ, отвѣтила Оливія спокойно.

— Это довольно странно дѣлать визиты въ такое позднее время; вы придете туда не ранѣе, какъ къ ночи. Не лучше ли вамъ будетъ идти туда уже въ качествѣ лэди Лисль? Вѣдь Вальтеръ Реморденъ отправится не ранѣе, какъ по прошествіи праздника.

— Вы, Лаура, злы и желчны, какъ все старшія дѣвы! воскликнула Оливія. — Сердце моей собаки вдвое добрее нашего.... Я хочу идти въ насторать именно теперь, когда весь Лисльвудъ-Паркъ съѣдитъ зорю за мною! Можете говорить и думать обо мнѣ, что вамъ только угодно. Прощайте!

Молодая дѣвушка вышла не твердыми шагами изъ гостиной и съ силою захлопнула за собою ея дверь.

Что могу я сказать о своей героинѣ — признаюсь, что эта далеко не совершенная, а исполненная недостатковъ, дѣвушка — что скажу я о ней? Она не отличается хорошимъ характеромъ; она величлива и своенольна, но съ другой стороны въ ней много откровенности и великодушія. Не проходило и получаса послѣ какой-нибудь стычки съ сестрами, изъ которой она обыкновенно выходила побѣдительною, какъ она отыскивала побѣжденныхъ и умоляла ихъ о прощеніи — съ такою покорностью, съ такимъ искреннимъ раскаяніемъ, что тѣ ужъ, по-неволѣ, должны

были мириться. Отца она любила до такой сильной степени, что просто ревновала его; но хотя эта привязанность радовала его, она отстраняла изъявления любви со стороны его остальных дочерей, так как Оливия страшно сердилась на сестер, когда он ухаживал за угрюмым полковником.

Когда она, войдя из дома, пошла по направлению къ деревнѣ Лисльвудъ, ее вдруг охватило холодомъ и туманомъ. Боксъ слѣдовалъ за нею и началъ потомъ прыгать вокругъ своей хозяйки. пачка ея платье загрязненными лапами. Оливия нагнулась и обвила руками шею животнаго.

— Боксъ!... вѣрный, славный Боксъ!... я вспоминаю день, когда онъ наклонился, чтобы приласкать тебя, чтобы поцѣловать твою умную морду.

Она прижала губы къ косматой головѣ его, какъ будто промелькнувшее въ умѣ воспоминаніе придавало ей Боксу еще больше цѣны.

— Какал же я глупеньки! сказала она, продолжая свой путь. — какая я безумная или вѣрнѣе слабая! Что подумаютъ обо мнѣ, послѣ этого посѣщенія? Сколько дурныхъ послѣдствій будетъ оно имѣть для меня и другихъ!... Какъ будто обстоятельства сложились и безъ этого не довольно печально!... Но нельзя сдѣлать иначе.... Это должно быть такъ!

Пройдя Лисльвудъ и кладбище, Оливия очутилась у воротъ пастората; тутъ она остановилась и прислонилась къ невысокой стѣнѣ, которая отдѣляла кладбище отъ огорода мистера Мильварда.

— Мнѣ хочется вернуться, подумала она. — Прогулка уменьшила, развеяла тоску мою, да и кромѣ того, я была здѣсь, вблизи *его*, такъ что онъ не знаетъ этого.... Въ первомъ этажѣ нѣтъ и признака огня; слѣдовательно, онъ не сидитъ дома и вовсе не такъ боленъ, какъ говорила Лаура.... Онъ, вѣроятно, въ гостиной, продолжала она, заглядывая въ большое освѣщенное окно. Нѣтъ, я вернусь домой.

Она очень рѣшительно повернула назадъ, но въ это же мгновение подошла къ пасторату одна изъ служанокъ ректора, знавшая миссъ Оливію. Въ настоящее время она сейчасъ узнала въ

ней младшую дочь полковника, потому что за нею бѣжалъ косматый Боксъ, извѣстный всему Лисльвуду, точно такъ же, какъ все семейство Мармадюковъ.

— Миссъ Оливія Мармадюкъ.... востылинула служанка, — я сначала не знала, кто стоитъ у воротъ, но увидала Бокса и тотчасъ догадалась. Вы уже были у барыни?

— Нѣтъ, сказала Оливія, покрасивши подъ вуалюю.

— Такъ вы идете къ ней, миссъ? Барыня вспоминала о васъ не дальше, какъ вчера, и говорила, что желала бы очень увидѣться съ вами А мистеръ Реморденъ... вы, вѣдь, помните его, миссъ? онъ былъ такъ друженъ съ вами, да и отецъ вашъ, кажется, принималъ его ласково.... ну, онъ гоститъ у барыни.... Ахъ! если бы вы знали, какъ онъ переѣнился! Но вы идете къ барыни? повторила служанка.

— Да, иду! отвѣчала отрывисто. Оливія

.Служанка провела ее черезъ калитку, черезъ огородъ и хо-рошенный садикъ. Ряды обнаженныхъ деревьевъ промелькнули изредъ глазами молодой дѣвушки, какъ тѣни; она не успѣла еще даже опомниться, какъ уже очутилась въ гостиной мистрисъ Мильвардъ, въ присутствіи трехъ лицъ: ректора, который писалъ что-то за столомъ, жены его, работавшей возлѣ камина и молодого человека, лежавшаго на диванѣ по другую сторону камина. Это былъ Вальтеръ Реморденъ, экск-викарій Лисльвудскій.

— Милая моя, вы очень хорошо сдѣлали, что пришли, сказала мистрисъ Мильвардъ, пожимая руку Оливіи, — я ужъ думала, что вы позабыли насъ всѣхъ, а между тѣмъ насъ не могло удержатъ отъ свиданія съ нами даже такое позднее время.... Ваша шаль вся измокла, я прикажу Сусаннѣ высушить ее, такъ какъ вы, конечно, не откажетесь напиться съ нами чаю.

Оливія, молча, позволила снять съ себя шаль, Она еще не сказала ни слова съ тѣхъ поръ, какъ вошла въ гостиную и не подняла даже вуалю; она даже не отвѣтила на искреннія, привѣтствія ректора и большого и только перевертывала машинально перчатки. Боксъ вошелъ вслѣдъ за нею въ гостиную и стоялъ по-среднѣ коврика, оглядываясь вокругъ недоумѣвающимъ взглядомъ.

Вальтеру Ремордену было около тридцати лѣтъ. Несмотря на

большая, онъ былъ несравненно красивѣе баронета: лице у него было смуглое, загорѣлое; на широкой и низкій лобъ падали черныя, какъ смоль, кудрявые волосы, а большіе сѣрые глаза были выразительны въ высшей степени; когда вошла Оливія, Вальтеръ читалъ газету, въ которую онъ снова углубился всецѣло, закрывъ ею лице, тотчасъ послѣ обмѣна нѣсколькихъ фразъ съ незаманною поѣздительницею.

Мистрисъ Мильвардъ обрадовалась случаю поболтать съ миссъ Оливією. Она заставила ее снять шляпу, и викарій опустил на минуту газету— „Брайтонскій Герольдъ“ или „Суесекскій Меркурій“— чтобы взглянуть на блѣдное лице невесты лорда Лиселя; молодая дѣвушка отвѣчала спокойно на вопросы хозяйки. Она разговаривалась даже о сэрѣ Рунертѣ и приготовленияхъ къ свадьбѣ; но она никакъ не могла отдѣлаться отъ убѣжденія, что голосъ ея звучитъ чрезвычайно странно и ея обращеніе должно казаться всегдѣ такимъ же неестественнымъ, каковыя казались ей. Проплеслось много лѣтъ а она еще помнила видъ, который имѣла въ этотъ осеній вечеръ маленькая гостинная, полу Вальтера на диванѣ, его черныя волосы, видѣвшіеся изъ-за газеты, бывшей въ его рукахъ, ярко-красныя занавѣсы, пшлящій камень; ландшафты, вѣншіе на стѣнахъ постората, стукъ чашекъ и шипѣнье большого самовара— все эти ничто незначущія мелочи, составлявшія обстановку тяжелой для нея сцены, запечатлѣлись въ памяти ея неизгладимымъ образомъ.

Послѣ чая мистеръ Мильвардъ ушелъ въ ризницу, гдѣ происходило маленькое собраніе, а мистрисъ Мильвардъ встала снова за работу и приготовилась продолжать бесѣду съ Оливією. Миссъ Мармюдокъ заявила вѣжливо, что пробудетъ у ней не болѣе полу-часа, а между тѣмъ сдавалась на просьбы хозяйки пробыть еще немного! Это не доставляло ей и тѣни удовольствія, однако тѣмъ не менѣе ей было трудно встать и уйти изъ уютной, освѣщенной гостиной.

— Ну, дорогая моя, начала мистрисъ Мильвардъ съ торжествующимъ видомъ, послѣ ухода мужа, теперь вамъ ужъ придется остаться до возвращенія мистера Мильварда, потому что онъ долженъ проводить васъ домой.

— Папа приметъ за мною, когда онъ увидитъ, что я не возвращаюсь, проговорила машинально Оливія.

Вальтеръ Реморденъ оставилъ газету и, мало-по-малу, вмѣшался въ разговоръ. Черезъ нѣсколько времени мистрисъ Мильвардъ вышла въ кухню, къ кому-то принадлежму къ ней съ просьбою о помощи. Оставшіе наединѣ съ викаріемъ, Оливія начала ласкать собаку, положившую голову къ ней на колѣна.

— Когда вы возвратитесь, въ Чичестеръ, мистеръ Реморденъ? спросила она вдругъ.

— Я не знаю, вернусь-ли я когда-нибудь туда! отвѣчалъ онъ спокойно. — Мнѣ предлагаютъ пасторать въ Вельминстеръ, который представляетъ мнѣ, во многихъ отношеніяхъ, вдвое болѣе удобства!

Сомнительно, чтобы Оливія разслышала слова его; она продолжала теревить уши Бюка, задумчиво смотрѣла на огонь и вдругъ проговорила:

— Вальтеръ Реморденъ! вы должны презирать меня въ настоящее время!

Онъ такъ великодушно владѣлъ своими чувствами, что всякій посторонній счелъ бы его, конечно, неспособнымъ къ волненіямъ; но лице его измѣнилось при вопросѣ Оливіи и онъ произнесъ, съ умоляющимъ жестомъ, протянувъ свои блѣдныя, исхудалыя руки;

— Умоляю васъ именемъ всего, что для васъ свято, не вспоминайте о прошломъ, ни даже однимъ словомъ. Я боролся съ собою... я горячо молился, чтобы Богъ послалъ мнѣ силу перенести все страданія: вы не должны дотрогиваться до зажившихъ ужъ ранъ... да— до *зажившихъ* ранъ! повторилъ онъ съ какою-то невольнымъ увлеченіемъ. — Я живу теперь единственно для того, чтобы исполнять обязанности свои въ качествѣ служителя церкви, но я не молю Бога, возвратитъ мнѣ здоровье. Да проститъ Онъ мнѣ за то, что у меня проявилось желаніе, переселиться изъ этого дома прямо въ могилу!

Молодая дѣвушка не отрывала глазъ отъ огня.

— Я очень рада слышать, что ваши раны зажили, сказала она, сопровождая свои слова какою-то страннымъ смѣхомъ: — это крайней мѣрѣ избавляетъ меня отъ упрековъ въ измѣнѣ... въ

измѣнѣ по расчету, которую способна совершить только женщина съ громаднымъ честолюбіемъ и думающая только о личныхъ интересахъ.

Должно быть, что меня соблазнило богатство сара Руперта въ соединеніи съ его громкимъ титуломъ; продолжала Оливія, оно поразило меня своимъ рѣзкимъ контрастомъ съ нашей нищетою, да еще въ такой степени, что я даже забыла обѣщаніе, данное вамъ тому назадъ два года. И встрѣдала много; но я довольна тѣмъ, что задумала прійти сюда сегодня вечеромъ: я теперь упокоилась!... Въ моемъ умѣ сложилось, отъ чтенія романовъ, странное убѣжденіе, что разбить жизнь и сердце честнаго человѣка дѣло весьма не трудное!

Оливія не успѣла досказать свою мысль, какъ отворилась дверь, и въ гостинную вошелъ Рупертъ Лисль. Онъ бросился въ кресло, не снимая шляпы и не обращая вниманія на присутствіе Вальтера.

— Я былъ въ Бокажѣ, миссъ Мармэдюкъ, сказали онъ тономъ дурно скрытаго обшества, — и Лаура сообщила мнѣ, что вы пошли сюда; такъ какъ я нахожу неприличнымъ для будущей леди Лисль и жены моей бѣгать ночью по улицамъ, то и пришелъ за вами.

— Мнѣ не пришлось бы ходить ночью одной по улицамъ, сэръ Рупертъ, возразила Оливія, сверкнувъ гнѣвно глазами. — Всѣ живущіе въ этомъ домѣ знаютъ, не хуже васею, что прилично для миссъ Оливіи Мармэдюкъ, которая ни въ чемъ не уступаетъ будущей леди Лисль.... Снимите вашу шляпу, сэръ Рупертъ, добавила она повелительно. — и позвольте мнѣ представить васъ мистеру Ремордену, другу нашего дома!

Какимъ бы ни были подозрѣнія, зародившіеся въ головѣ баронета, какъ бы сильна ни была его ревность — смѣлость Оливіи успокоила его сразу. Онъ отвѣтилъ на поклонъ Ремордена небрежнымъ наклоненіемъ головы и рѣшился даже пробормотать сквозь зубы, что онъ очень радъ познакомиться съ нимъ; но Вальтеръ, къ сожалѣнію, не обратилъ вниманія на эту снисходительность.

— Я желаю, чтобы вы возвратились домой, обратился сэръ Рупертъ снова къ своей невѣстѣ: — Мнѣ безъ васъ жизнь не въ

жизнь. Я обѣдалъ сегодня въ замкѣ, но послѣ мнѣ стало такъ скучно и грустно, что я велѣлъ съѣдать свою рыжую лошадь — и поскакалъ въ Бокажъ. На дворѣ сильный дождь, но я позаботился приготовить для васъ карету отъ гостинницы „Куроннъ“... Идемъ, идемъ, Оливія!

— Дайте только проститься съ мистриссъ Мильвардъ, сэръ Рупертъ, отвѣчала она.

Лордъ Лисль вышелъ отдать приказанія кучеру.

Вальтеръ съ большимъ трудомъ поднялся съ дивана и всталъ подлѣ молодой дѣвушки, опираясь рукою на мраморный каминъ.

— Оливія, скажите: этотъ бракъ рѣшенъ безповоротнымъ образомъ? произнесъ онъ съ волненіемъ.

Вполнѣ безповоротнымъ! отвѣтила она.

— Вы не можете взять обратно обѣщаніе, данное опрѣмчиво этому человѣку?

— Не могу и не сдѣлаю.

— Да поможетъ вамъ Богъ, въ такомъ случаѣ, бѣдная! Я не смѣю уговаривать васъ сдѣлать то, что вы сами считаете безчестнымъ, хотя бы это могло устроить ваше счастье.... Жаль, что я не увидѣлъ этого человѣка, когда вы не давали ему вашего слова? Я бы сталъ тогда молить васъ на колѣнахъ — отвергнуть предложеніе. Я зналъ, что вы не любите его и что васъ ослѣпилъ блескъ его положенія, но я покрайней мѣрѣ не сомнѣвался въ томъ, что лордъ Лисль — джентльменъ!

Мистриссъ Мильвардъ и сэръ Рупертъ вернулись въ гостинную прежде нежели Оливія успѣла возразить на это заявленіе. Десять минутъ спустя она ужъ сидѣла молчаливо въ каретѣ, а баронетъ скакалъ рядомъ съ нею верхомъ на своей рыжей лошади. Молодая дѣвушка нервно вздрагивала, смотря сквозь опущенныя стекла на мрачную фигуру молчаливаго всадника.

— Мнѣ кажется, какъ будто меня везутъ въ тюрьму, а это... мой тюремщикъ, подумала она.

ГЛАВА XXIII.

Свадьба Оливии.

Въ послѣдній день ноября длинный рядъ каретъ тянулся отъ стѣнъ кладбища до улицы Лисльвуда, ожидал аристократовъ, собравшихся въ церкви, чтобы присутствовать при бракосочетаніи сэра Руперта Лисла съ миссъ Оливіею Мармэдоукъ. Баронетъ выразилъ желаніе, чтобы свадьба была какъ возможно роскошнѣе. Онъ хотѣлъ, чтобы весь Суэсексъ могъ видѣть, что онъ женится на первой красавицѣ этого графства и разослалъ повсюду приглашенія на праздниста. Свадебный пиръ были приготовлены въ Лисльвудѣ, а не въ Бокажѣ, по настоянію сэра Руперта, смотрѣвшаго на всёхъ съ видимымъ недовѣріемъ.

— Вы можете дать ужинъ, если вы непременно хотите это сдѣлать, сказалъ онъ вскользь полковнику; — но я право не думаю, чтобы въ вашемъ тѣсномъ домѣ могла бы помѣститься и половина публики, которая должна присутствовать на свадьбѣ.

И такъ, миссъ Оливия Мармэдоукъ пошла къ алтарю въ сопровожденіи цѣлой толпы роскошно разодѣтыхъ женщинъ и изысканныхъ мушницъ. На этотъ разъ церковь казалась настоящею выставкою великолѣпнѣйшихъ шелковыхъ матерій, кружевъ, бѣлыхъ черевъ, превосходныхъ искусственныхъ цвѣтовъ съ сверкавшею бриллиантовою росой, золотыхъ флаконовъ съ духами и множества другихъ предметовъ роскоши. У вѣспитаниковъ и носелей, наполнившихъ углы, разбѣгались глаза отъ созерцанія этого богатства и чудесъ; нужно добавить, кетати, что они разошлись не довольные-то доволные свадебною церемоніею.

Сторожъ Лисльвудской церкви, съ огромною розеткою на новомъ жилетѣ, выказалъ себя нелюбезнымъ относительно крестьянъ сгонялъ ихъ съ скамѣекъ, заставляя ихъ прятаться въ углахъ и

за колоннами, и, казалось, считалъ совершенно излишнимъ существованіе ихъ въ этотъ памятный день. — Ну, ужъ еслибъ я зналъ, что вы будете всё совать сюда носы, то я разумѣется, распорядился бы иначе, говорилъ онъ каждому входившему крестьянину. Всеми чтимый епископъ, родственникъ Лисла, прѣхалъ въ Лисльвудъ-Паркъ изъ восточной части Англіи, чтобы совершить брачный обрядъ. Этотъ достойный мужъ былъ пораженъ манерами и вообще обращеніемъ своего молодого и богатаго родственника; щеки Руперта Лисла были покрыты блѣдностью, а кончикъ его носа покраснѣлъ отъ мороза. Едва-ли паружность баронета производила когда-либо болѣе невыгодное впечатлѣніе, чѣмъ въ настоящую торжественную минуту. Платье не шло ему, а цвѣтокъ, продѣтый въ петлицу его фрака, потерялъ свою свѣжесть и быстро осыпался. Сэръ Рупертъ уронилъ еще, въдобавокъ, шляпу по срединѣ церкви и она покатиалась, что вызвало улыбку на лицахъ представителей гордой аристократіи и шуму-ванье въ масѣ деревенскаго люда, подавленное грозными взглядами сторожа. Рука баронета, которую онъ подаль Оливии Мармэдоукъ, была холодна, и дрожала, какъ листъ.

Но невѣста, напротивъ, была очаровательна. Лисльвудъ давно призналъ миссъ Оливію Мармэдоукъ красавицею, хотя и рѣдко видѣлъ ее иначе, какъ одѣтою въ зеленую амазонку, соломенную шляпку и большую поношенную шаль. Теперь же, въ подвѣчномъ нарядѣ, съ вѣнкомъ изъ поморанцевыхъ цвѣтовъ и лилій, окутанная, какъ облакомъ, вуалью изъ драгоцѣнныхъ кружевъ, — она напоминала собою королеву, и ее встрѣтили восклицанія восторга, когда она вошла въ церковь, въ сопровожденіи отна.

Мистриссъ Вальдзингамъ, все еще красивая, несмотря на свои сорокъ лѣтъ, была одѣта въ сѣрое атласное платье, а на мистриссъ Варней было чудное платье янтарнаго цвѣта, которое сверкало на солнцѣ, будто золото. Она даже затмила красотою невѣсту и многіе спрашивали: кто эта восхитительная, симпатичная женщина въ чудномъ палевомъ платьѣ?

Казалось, что майоръ теперь вполне сочувствовалъ браку, противъ котораго онъ возставалъ сначала. Онъ присутствовалъ въ

церкви и былъ въ очень хорошемъ расположеніи духа. Быть можетъ, послѣднему обстоятельству способствовало свиданіе, которое онъ имѣлъ наканунѣ вѣчанія съ молодымъ баронетомъ. Свиданіе это имѣло серьезный характеръ: оно кончилось тѣмъ, что Соломонъ былъ призванъ, въ качествѣ свидѣтеля при составленіи какого-то акта, написаннаго майоромъ и подписаннаго сэромъ Рупертомъ Лислемъ. Такимъ образомъ былъ водворенъ миръ въ Лисльвудъ-Паркъ и епископъ совершалъ теперь торжественный обрядъ вѣчанія надъ Оливією Мармэдокъ и надъ молодымъ владѣльцемъ Лисльвуда, холодная и влажная рука котораго все еще продолжала дрожать въ рукѣ невѣсты. По окончаніи церемоніи, рядъ экипажей потянулся къ замку, гдѣ долженъ былъ начаться пышный, свадебный пиръ съ неизбѣжною обстановкою разныхъ интригъ и сидетень. Едва-ли по всей этой суетливой толпѣ можно было найти нѣсколько человекъ, подумавшихъ о будущемъ молодой четвѣ, уѣзжавшей въ три часа, при звонѣ колоколовъ, въ Фелькстонъ, откуда она была намѣрена отправиться на континентъ.

Полковникъ Мармэдокъ съ четырьмя дочерьми остался обѣдать въ замкѣ, въ обществѣ Клэрибелль, ея младшаго сына, майора и мистриссъ Варней. Этотъ маленький кружокъ провелъ время довольно хорошо; Клэрибелль сдѣлалась веселѣе обыкновеннаго, съ минутой отъѣзда сэра Руперта, да и майору то былъ въ особенно хорошемъ гастроніи духа. Дочери полковника ободили изумленными взглядами роскошные залы Лисльвуда, который сдѣлался теперь, безусловно со всѣмъ къ нему принадлежащимъ, собственностью ихъ младшей сестры.

— Какъ хороша была леди Лисль подѣ вѣнцомъ! замѣтилъ майоръ Варней

Клэрибелль слегка вздрогнула, услышавъ это имя, которое она носила сама во дни былые, а всѣ сестры Оливіи задрожали отъ зависти. „*леди Лисль!*“ да она въ самомъ дѣлѣ сдѣлалась леди Лисль!“

Наканунѣ свадьбы, Вальтеръ Реморденъ оставилъ свое тихое, родное село, которое онъ любилъ такъ сильно, не потому чтобы оно само по себѣ имѣло какую-нибудь особенную привлекательность, а вѣдѣтвие связаннымъ съ нимъ дорогихъ воспоминаній. Онъ

поѣхалъ въ Лондонъ съ курьерскимъ поѣздомъ и полюбовался еще разъ безконечными равнинами. Онъ показался ему прекрасными, даже и подѣ холоднымъ, сѣрымъ осеннимъ небомъ и онъ мысленно говорилъ себѣ, что лучше Суссека нѣтъ графства въ цѣлой Англіи.

— Я отъѣхалъ не больше двадцати миль отъ мѣста своего рожденія, а уже сожалѣю, что покинулъ его, размышлялъ Реморденъ. — Какъ трудно удалиться отъ всего дорогаго! Но я никакъ не могъ оставаться въ Лисльвудѣ, гдѣ меня ожидали постоянныя встрѣчи съ леди Оливією Лисль!

Вальтеръ Реморденъ принялъ пасторатъ въ Юрширѣ, съ цѣлью, избѣжать встрѣчъ съ любимой, имъ женщиною. Мистеру Мильварду былъ тоже обещанъ другой приходъ и Реморденъ могъ бы послѣдовать за нимъ, такъ какъ епископъ епархіи хорошо зналъ молодого человекъ; но Провидѣнію угодно было, чтобы онъ поселился въ глухомъ, провинціальномъ городкѣ Вельминстерѣ, куда онъ и прибылъ вечеромъ дня вѣчанія Оливіи Мармэдокъ.

Читатель, не забывай конечно, что Вельминстеръ есть тотъ самый городокъ, который посѣтилъ мистеръ Соломонъ лѣтомъ этого же года. Ничто не измѣнилось со времени посѣщенія этого джентльмена. На станціи желѣзной дороги были все тотъ же начальникъ, тотъ же носильщикъ, тотъ же кассиръ, тѣ же книги и журналы на полкахъ и чуть-ли не тѣ же самыя пирожки и бутылки съ содовою водою на буфетѣ. Невзрачная карета, запряженная одною лошадыю, которая когда-то взяла призывъ въ одномъ бѣгѣ вокругъ этого города, доставила Вальтера со всѣмъ его багажемъ въ гостиницу, въ которой появленіе путешественника вызвало въ одно время и радость и смущеніе. Нѣсколько мѣстныхъ торговцевъ собирались каждый вечеръ въ залѣ этой гостиницы, чтобы потолковать за стаканомъ пива о достоинствахъ и недостаткахъ выборныхъ Вельминстера. Иногда прѣбывала какой-нибудь прикащикъ, желавшій предложить свой товаръ, заключавшійся въ предметахъ ежедневнаго потребленія, закусывалъ въ гостиной — и уѣзжалъ обратно. Но джентльменъ, который оставался дня на два, былъ безусловно рѣдкостью и ему оказывался вѣозможный почетъ, Вальтера повели по широкой лѣстницѣ въ

комнату, где для него ужь былъ разведенъ огонекъ и находились зеркало, картина, представлявшая церковь и изображение лошади, выигравшей когда-то большой золотой кубокъ. Хозяйка гостиницы, угадавшая по виду чемодана, что видитъ мистера Ремордена, назначеннаго быть викариемъ Бельминстера, подняла тотчасъ стору и указала ему на церковь, находившуюся прямо противъ окна, по ту сторону рынка.

— Соборъ находится на другомъ концѣ города, сказала она. — Ваша церковь, основанная во имя святаго Клементя, славится своею красивою постройкою и построена, кажется, еще раньше собора.

Молодой человекъ машинально взглянулъ на дѣйствительно древнюю и красивую церковь. Ему трудно было заинтересоваться своими новыми обязанностями, но все же онъ много расширялъ о бѣдныхъ жителяхъ города, пока хозяйка накрывала на столъ и подавала ужинъ, которого было-бы достаточно для двѣнадцати человекъ: онъ состоялъ изъ хлѣба, яичницы съ ветчиною, цыплятъ, маленькихъ паштетовъ, пирожного, сыра и консервовъ. Все это хозяйка называла закускою. Изъ ея разговора Реморденъ заключилъ, что ему предстоитъ много дѣла въ Бельминстерѣ и положительно не останется времени на безплодную сожалѣнія и тоскливыя воспоминанія о невозвратномъ прошломъ.

Самое прекрасное въ этой вѣрѣ, которую реформація подвергла известнымъ измѣненіямъ, разсуждалъ Вальтеръ Реморденъ, оставшись одинъ въ комнатѣ, есть бесспорно то чистое и то святое чувство полнаго отреченія отъ своихъ личныхъ выгодъ, которое католицизмъ вмѣняетъ въ обязанность всемъ служителямъ церкви. Да и на самомъ дѣлѣ, вправдѣ-ли человекъ, посвятившій себя и свою душу Богу, допуститъ надъ собою вліяніе земныхъ желаній и страстей? онъ и въ свѣтѣ и въ кельѣ обязанъ думать только объ исполненіи долга!

Не слѣдуетъ забывать, что къ Вальтеру Ремордену легко могли привиться такія убѣжденія со времени измѣны Оливіи Мармедюкъ, разбившей навсегда его душу и будущность.

ГЛАВА XXIV.

Къ сэру Руперту является старый другъ.

Сэръ Рупертъ и леди Лисль пробыли на континентѣ шесть мѣсяцевъ. Они посѣтили Флоренцію, Римъ и Неаполь; побывавъ Берлинъ, Дрезденъ и Рейнскіе берега, они отправились въ Парижъ, откуда вернулись въ Англію въ половинѣ юніа. Капитановыя деревья были ужь въ полномъ цвѣтѣ, когда мистрисъ Вальддинггамъ, полковникъ и его дочери вышли на парадную лѣстницу замка, чтобы встрѣтить баронета съ молодою женою. Старикъ горько желаніемъ обнять скорѣе дочь; но сестры Оливіи торопились узнать, какъ она себя держитъ и насколько она счастлива съ своимъ мужемъ. Изъ писемъ ея нельзя было узнать ничего яснаго, такъ какъ все они были крайне сухи, и коротки. Она еще и раньше не любила писать, а со дня своего брака отказалась, повидимому, отъ всякихъ изліяній. Сэръ Рупертъ выскочилъ изъ фагона, которымъ правилъ самъ и, бросивъ возжи груму, направился къ конюшнямъ, сдѣлавъ общій поклонъ весьма стоявшимъ на лѣстницѣ.

— Рупертъ, куда же ты? крикнула мистрисъ Вальддинггамъ, между тѣмъ какъ полковникъ поспѣшилъ высадить Оливію изъ фагона.

— Я иду въ конюшню, чтобы выкурить трубочку, отвѣтилъ баронетъ. — Я сидѣлъ такъ долго въ провѣтомъ вагонѣ, что чувствую потребность прийти на свѣжемъ воздухѣ.

Сэръ Рупертъ, очевидно, вынесъ немного пользы изъ своихъ путешествій. Политура не претаетъ къ трубочку дереву, а требуетъ чтобы известная поверхность была хоть нѣсколько приспособлена къ приятію ея, — такъ и на угрюмаго, невоспримчиваго сэра Руперта не произвели впечатлѣній ни величественныя картины природы, ни безподобныя произведенія, ни ясное небо Италіи и клас-

сически-прекрасныя лица ея жителей — ничего из того, что такъ облагораживаетъ понятія и вкусы. Онъ вернулся на родину болѣе рѣзкимъ и непріятнымъ, чѣмъ былъ, находясь въ Англіи; одѣтъ онъ былъ вершишкою, чего нельзя было сказать прежде о немъ, такъ какъ майоръ всегда выбиралъ для него предметы туалета. Его верхнее платье было куплено въ одною мѣсть, шляпа — въ другомъ, жилетъ — шпору, и галстукъ въ третьемъ или въ четвертомъ. На груди блестяю множество драгоценныхъ камней; всѣ магазины улицы de-la Paix и Palais-Royal'a были перерыты сверху до низу, чтобы доставить баронету необходимое для него количество изумрудовъ, рубиновъ, опаловъ, аметистовъ, изохотовъ и бирюзъ. Всѣ пальцы его рукъ были покрыты перстнями; часовая цѣпочка изогнулась подъ тяжестью навѣшанныхъ на нее печатей и брелочковъ.

— Пусть знаютъ, что я въ силахъ купить все, что у нихъ есть хорошаго, говорилъ онъ, когда воображалъ, что ему оказываютъ слишкомъ мало почта въ томъ или другомъ городѣ.

Онъ кричалъ и раздражался проклятіями на своемъ языкѣ, разговаривая съ хозяевами гостиницы; въ особенности же злился онъ примѣчалъ, что ихъ не понимаютъ: онъ начиналъ вопить, что *принудитъ* понять его распоряженія! Не смотря на презрѣніе ко всемъ нѣмецкимъ винамъ, онъ пилъ ихъ въ изобиліи, такъ что избѣдиль Австрію и Пруссію въ безсознательномъ состояніи. Онъ звалъ передъ замѣчательнѣйшими картинами; говорилъ громко въ церкви, звени безцеремонно своими золотыми, сверкающими шпорами. Даже курьеръ, который сопровождалъ его, пожималъ плечами и предоставлялъ его на произволъ судьбы.

— Для лэди Лисель, сказалъ онъ, я готовъ сдѣлать все, но для этого чучелы....

Онъ кончилъ свою фразу энергическими проклятіями и, садясь въ омнибусъ, сказалъ во всеуслышаніе: я умываю руки, чтобы съ *нимъ* не случилось: онъ чуднѣе и несноснѣе всѣхъ прочихъ англичанъ!

Курьеръ такъ и уѣхалъ, оставивъ баронета провѣрять счетъ гостиницы и болтать разный вздоръ съ слугами ресторана.

Мы дѣйствительно пользуемся за границею тѣмъ преимуществомъ,

что всякаго черзчуръ непріятнаго человѣка считаютъ представителемъ нашей англійской націи. О болѣе общительныхъ, любезныхъ англичанахъ говорятъ, что они, не мало путешествовали и потому воспользовались уроками людей, принадлежащихъ къ болѣе образованнымъ націямъ!

Что дѣлала Оливія, которая, вообще, не привыкла скрывать своихъ мнѣній и чувствъ? Страдала-ли она, когда тотъ человѣкъ, кому она влялась въ любви и послушаніи, доводилъ самоудрово до такой сильной степени, что даже самыя вѣжливыя хозяйва гостиницы не могли удержаться, чтобы не выказать прямо своего отвращенія? — Всѣ эти безобразія не трогали ее: Оливія смотрѣла на всѣ выходки мужа съ ледянымъ равнодушіемъ. Будь баронетъ собакою, надѣбдавшюю всѣмъ, то она и тогда сошла бы себя обязаною извиниться за его поведеніе! Но онъ былъ человѣкомъ или считался имъ, и молодая женщина никогда не выказывала ни чувства удивленія, ни досады, ни грусти; презрѣніе ея къ мужу было настолько сильно, что она притворялась, будто она не слышитъ и не видитъ его. Когда ему подъ часъ приходила фантазія идти на перекуръ желаніямъ жены, она тоже не жаловалась, но упорно настаивала на принятомъ рѣшеніи. Такъ какъ сэръ Рупертъ былъ и физически тоже послабѣе ея, то она и таскала его на осмотръ всевозможныхъ картинныхъ галлерей до тѣхъ поръ, пока онъ не падалъ отъ усталости. Лэди Лисель вызывала общее восхищеніе, а это обстоятельство было очень пріятно пустому и тщеславному сэру Руперту Лиселю.

— Не жалѣйте моихъ денегъ, дорогая Оливія, сказалъ онъ ей однажды: — бросайте ихъ въ окно, если это вамъ нравится! этого добра идоволь у моего банкира. Докажите этимъ чопорнымъ иностранцамъ, что жена богатого англійскаго баронета стоитъ по крайней мѣрѣ шестерыхъ герцогинь, которыя имѣютъ не больше четырехъ или пяти сотъ фунтовъ годового дохода и питаются только морковью и капустою.

Но поѣздка окончилась и лэди Лисель вступила въ замокъ своего мужа — въ качествѣ его новой, полновластной хозяйки. Клэрибелль приготовилась удалиться изъ Лисельвуда, какъ только новобрачные возвратятся домой. На другой день пріѣзда лэди

Лисль натолкнулась случайно на свекровь, одѣтую въ дорогу и въ сопровожденіи горничной.

— Что вы хотите дѣлать? воскликнула Оливія. — Чья это чмодава?... Мистриссъ Вальдзингамъ, неужели вы хотите уѣхать?

Да; я шла проститься съ вами, лэди Лисль, отвѣтила холодно Клэрибелль:—въ теченіи нашего медовата мѣсяца я оставалась въ замкѣ моего сына только, какъ гостя. Я отправлюсь въ Врайтонъ, гдѣ наняла себѣ квартиру. Сэръ Рупертъ потрудился высказать мнѣ, какъ можно яснѣе, что намъ нельзя жить вмѣстѣ, хотя я сознавала это гораздо ранѣе.

Лэди Оливія, слушавшая ее съ глубокимъ изумленіемъ, схватила Клэрибелль неожиданно за руку и потащила ее за собою въ бібліотеку.

— Ну, мистриссъ Вальдзингамъ, начала она, усадивъ ее въ кресло возлѣ окна: — объясните же мнѣ хорошенько суть дѣла! Сэръ Рупертъ оскорбилъ васъ?... О, я не сомнѣваюсь, что онъ очень способенъ оскорбить свою мать? добавила она въ отвѣтъ на движеніе Клэрибелль, которая, краснѣя противъ воли за сына, старалась скрыть лице отъ глазъ своей невѣстки.

— Дорогая мистриссъ Вальдзингамъ, продолжала Оливія: знаю, что я имѣю меньше всѣхъ право высказывать вамъ подобныя горькія истины. Какимъ бы ни былъ сынъ вашъ, я не должна, конечно, говорить о немъ дурно! я этого не дѣлала и никогда не сдѣлаю. Я не особенно стѣсняясь въ выраженіяхъ съ нимъ, но не позволяю себѣ высказывать другимъ моимъ мнѣнію о немъ.... Милая мистриссъ Вальдзингамъ, я умоляю васъ не уѣзжать изъ дома только потому, что я вошла въ него! Хотя я и не надежду въ числу очень общительныхъ и пріятныхъ людей, но тѣмъ не менѣе у меня не явится желанія огорчить васъ и мысленно. Если только вы можете сочувствовать созданію, которое не знало никогда ласки матери, — то скажитесь надо мною! Сестры мои и прежде не любили меня! онѣ теперь завидуютъ моему положенію.... Да помогите мнѣ Богъ!.... Скажитесь надо мною и любите меня, если вы въ состояніи исполнить эту просьбу!.... позвольте мнѣ считать и называть васъ матерью, которой я не знала!

Обворожительная лэди Лисль опустила свою прекрасную голову на плечо Клэрибелль и горько зарыдала.

Это короткое свиданіе имѣло громадное вліяніе на обоюдныя отношенія этихъ двухъ женщинъ. Мистриссъ Вальдзингамъ осталась въ Лисльвудѣ, но отказалась натрѣзъ жить въ замкѣ, а выкупила домъ и земли, принадлежавшія когда-то ей теткѣ, миссъ Мертонъ, которыя находились въ чужихъ рукахъ со дня бракосочетанія Клэрибелль съ сэромъ Режинальдомъ Лислемъ.

Всѣ окрестные жители не замедлили убѣдиться, что Оливія Лисль тратитъ щедрою рукою доходы баронета. Она пригласила въ замокъ столько гостей, что всѣ мансарды и чердаки были переполнены лакеями и горничными. Она стала вести самую веселую и шумную жизнь; давала сельскіе праздники въ паркѣ, при чемъ главная аллея иллюминаровалась безчисленнымъ множествомъ разноцвѣтныхъ фонарей; сама управляла постройкою новыхъ конюшенъ съ прекрасными соломенными крышами и наполняла ихъ охотничьими лошадьми. За замкомъ устроили манежъ, въ которомъ она ежедневно ѣздила верхомъ, перескакивала черезъ воображаемыя препятствія и выдѣлывала всевозможные маневры на лошади. Давно уже забытая коллекція мячиковъ была приведена въ надлежащій порядокъ и поселяне часто видѣли на дворѣ групу игровыхъ въ мячъ, во главѣ которой находилась миследи. Все это дѣлалось безъ участія сэра Руперта. Онъ подписывалъ чеки подъ диктовку жены — одинъ взглядъ ея черныхъ, великолѣпныхъ глазъ уничтожалъ въ зародышѣ всѣ его возраженія. Безумная любовь, которая заставила его снѣнничъ такъ передъ свадьбою, давно уже остыла. Она принадлежала безраздѣльно ему и этого сознанія было вполне достаточно для его самолюбія. Хотя лэди Оливія и держала его, очевидно, въ рукахъ, но онъ видѣлъ въ ней только часть своего богатства, которую онъ могъ распорядиться такъ же, какъ онъ распорядился лошадьми и собаками. Онъ боялся послѣднихъ, не менѣе Оливій; но онъ купилъ ихъ всѣхъ: жена, собаки, лошади сдѣлались его собственностью? Желанія баронета не заходили далѣе.

Лѣто прошло въ увеселеніяхъ всевозможныхъ родовъ, отъ которыхъ лордъ Лисль былъ вполне устраненъ. Маіоръ, жена его

и Соломонъ, бывшіе лѣтомъ въ отсутствіи, возвратились осенью въ Лисльвудъ. Ловкій индійскій офицеръ хорошо зналъ, чѣмъ могъ понравиться леди Лисль и послѣдняя, никогда не совѣщавшаяся съ мужемъ, стала принимать совѣты майора съ удовольствіемъ. Въ такомъ-то положеніи были дѣла, когда настала конецъ осени и вмѣстѣ съ тѣмъ и перваго года брачной жизни Оливіи, и когда одно происшествіе вызвало первую ссору между женою и мужемъ.

Въ одинъ ноябрьскій вечеръ Оливія возвращалась съ прогулки въ равнинахъ и, подъѣзжая къ замку, замѣтила какую-то женщину, сидѣвшую на маленькой скамейкѣ, стоявшей за рѣшеткою парка, прямо противъ сторожки, которую нѣкогда занималъ Жильбертъ Арнольдъ съ женою. Эта женщина была мала ростомъ, худая и очень бѣдно одѣта; возлѣ нея лежалъ небольшой узелокъ. Она подняла голову, когда сторожъ отворилъ ворота, чтобы пропустить Оливію, и умоляющее выраженіе ея лица до того поразило леди Лисль, что она остановила лошадь, чтобы поговорить съ бѣдною незнакомкою.

— Что съ вами, моя милая? спросила она.

Владѣтельница замка дѣлала много добра, но была, тѣмъ не менѣе, довольно осмотрительна: ложь и притворство не достигали дѣли въ примѣненіи къ ней. Она пристально всматривалась въ незнакомку, которая встала съ скамейки, — но не нашла въ этомъ бѣдномъ, изможденномъ лицѣ ничего, что могло бы возбудить подозрѣніи.

— Что вамъ угодно отъ меня, милая? повторила она.

Она любила, чтобы ей объясняли прямо, безъ дальнихъ околичностей, чего отъ нея хотѣли.

— Сударыня.... ваше сіятельство, начала незнакомка, запинаясь подъ пристальнымъ взглядомъ Оливіи. — Вы, вѣдь, леди Лисль?... не правда-ли, вы его жена, миледи?

— Да—я жена сэра Руперта Лисля? Но къ чему эти вопросы? проговорила Оливія довольно сухо.

— О, миледи, говорятъ, что вы очень добры и милостивы къ бѣднымъ людямъ.... позвольте же мнѣ взглянуть на моего....

виновата... на сэра Руперта, хотѣла я сказать. Больше я ничего не проую.

— Но вамъ ужъ сказано разъ навсегда, что сэръ Рупертъ не желаетъ васъ видѣть, подхватилъ сторожъ, слѣдившій за этимъ разговоромъ. — Ей сказано это, миледи. Она пришла сюда часа два тому назадъ и просила позволенія повидаться съ сэромъ Рупертомъ; я ей объяснилъ, что это невозможно. Тогда она рѣшилась подождать здѣсь выхода сэра Руперта, хотя я говорилъ, что онъ едва-ли выйдетъ куда-нибудь, такъ какъ холодный воздухъ вреденъ ему. Потому она настойчиво начала просить, нельзя-ли переслать ему, оторванный отъ стараго конверта лоскутокъ бумаги, на которомъ она написала карандашемъ свое имя. Долго она просила, вопила и плакала, пока я наконецъ не исполнилъ ея каприза, отославъ своего сына съ клочкомъ бумаги въ замокъ. И что же вышло изъ этого? Мой сынъ вернулся и рассказалъ мнѣ, что камердинеръ посоветовалъ ему, никогда больше не брать на себя подобныхъ порученій. Дѣло въ томъ, что сэръ Рупертъ, взглянувъ на посланный ему клочекъ бумаги, затрепеталъ отъ гнѣва и прозвизгъ проклятіе, а затѣмъ сказалъ, что если онъ еще разъ увидитъ это имя, если еще будутъ надѣвать ему подобными глупостями, то онъ заставитъ назойливыхъ просителей познакомиться съ тюрьмою.

— А! онъ это сказалъ?! воскликнула незнакомка, падала на скамейку, съ выраженіемъ отчаянія. — Онъ рѣшился сказать такіа безсердечныя, ужасныя слова.... Господи! Боже мой!

Леди Лисль соскочила въ ту же минуту съ лошади и бросила поводья, провожавшему ее груму.

— Ведите лошадь въ стойло, а я поведу эту женщину къ себѣ, сказала она.

— Ну, ужъ это не дѣло! — безпокоитъ сэра Руперта съ его слабымъ здоровьемъ разговоромъ съ бродягами! вѣдь ихъ не мало въ графствѣ! дернуть замѣтить сторожъ.

— Молчать! крикнула леди и сказала потомъ, обратясь къ незнакомкѣ.

— Идите со мною и расскажите мнѣ, чего вы добиваетесь. Кто вы и что вамъ нужно отъ сэра Руперта Лисля?

— Вамъ, вѣроятно, приходилось слышать мое имя, миледи! Я знала сэра Руперта еще въ дни его дѣтства и дѣлала все, что можно было сдѣлать при моей страшной бѣдности, чтобы ему жилось у меня попривольнѣе. Затѣмъ явились люди, которые и стали между мною и имъ.... подчинилъ ихъ влiянiю, онъ убѣжалъ, не обративъ на меня никакого вниманiя, не взявъ меня съ собою, какъ мнѣ, конечно, слѣдовало ожидать отъ него....

Женщина рыдала и немного суетилъ, добавила въ пол-голоса:

— Все мои усилiя уберечь его отъ дурнаго не имѣли успѣха... но я никакъ не думала, чтобы онъ былъ способенъ обращаться со мною съ такимъ безчеловѣчiемъ.

Но. Боже мой! воскликнула леди Оливiя Лисель, терпѣливой которой истощалось при видѣ этихъ жалобъ и слезъ. — Скажите же наконецъ: кто вы и что имѣли общаго съ моимъ мужемъ?

— Я жена Жильберта Арнольда, миледи, — этого сторожа, о которомъ вы, должно быть, слышали раньше.

— Я дѣйствительно слышала эту крайне запутанную, печальную исторiю, проговорила сухо и холодно Оливiя. — Это была безчестная, ужасная продѣлка и мнѣ кажется, что вамъ мужъ долженъ считать себя счастливымъ человѣкомъ, избѣжавъ наказанiя за свое преступленiе.

— Я не была участницею этого преступленiя, миледи... Богъ знаетъ, какъ я сильно противилась поступку, который могъ случиться — и того, кто былъ настоящимъ зачинникомъ и меня, виновную.

— Вѣрно-ли вы говорите? спросила леди Лисель.

— Такъ же вѣрно, какъ то, что солнце свѣтитъ на небѣ! Еслибъ я не была невиновна во всемъ, то я бы не осмѣлилась явиться на глаза сэру Руперту Лислю.

— Я готова вамъ вѣрить, сказала Оливiя, — но скажите же скорѣе, что заставило васъ прiйти сюда, въ Лисельвудъ? Если я не ошибаюсь, то вы въ прошломъ году отправились въ Америку, то-есть вы и вашъ мужъ!

— Да, миледи, мой мужъ и сейчасъ еще тамъ, на сколько мнѣ извѣстно!... Онъ никогда не обращался со мною, какъ слѣдуетъ, но въ Нью-Йоркѣ онъ сталъ обращаться уже шлопѣ

безчеловѣчно. Мы жили тамъ недавно, когда онъ вдругъ ушелъ, нождъ предложомъ купить клочокъ земли для постройки и взявъ съ собою все, что мы только имѣли, за исключенiемъ нѣсколькихъ фунтовъ, которыхъ, по словамъ его, было вполне достаточно, чтобы прокормить меня до его возвращенiя. Онъ не вернулся болѣе и я съ тѣхъ поръ не слыхала уже о немъ, миледи. Нѣсколько добрыхъ людей узнали о моемъ печальномъ положенiи и доставили мнѣ мѣсто, и начала отказывать себѣ въ необходимомъ и стала копить деньги на возвращенiе въ Англiю. Я надѣялась, что сэръ Рупертъ приметъ во мнѣ участiе и дастъ мнѣ возможность прожить остатокъ дней моихъ беззаботно и мирно.... Я не очень стара: миссъ Клэрисбелль Мертонъ, то есть мистрисъ Вальдвингамъ и я родились въ одно время.... но меня состарило раньше времени горе.... И онъ могъ обойтись со мною подобнымъ образомъ, добавила Рахиль, какъ будто про себя.

Онѣ дошли до замка, леди Лисель начала всходить быстро по лѣстницѣ.

— Идите за мною слѣдомъ, сказала она мягко своей усталой снутицѣ.

Пройдя переднюю и узкiй корридорчикъ, она вошла въ биллиардную.

Сэръ Рупертъ стоялъ у самаго биллиарда и вынималъ шары, онъ даже не замѣтилъ прихода жены. Въ залѣ было еще нѣсколько джентльменовъ, между которыми находился маiоръ, принавившiй на себя обязанности маршера.

— И такъ, я запишу еще двадцать на васъ, мой дорогой Рупертъ, сказалъ маiоръ Варней. — Вы отличный игрокъ!?

— Вы совершенно напрасно поддѣиваетесь, отвѣтилъ сэръ Рупертъ, все еще наклонилъ надъ лузою биллиарда; — не одинъ я играю ошибочно и дурно, и вы не изъ числа искусныхъ игроковъ.

— Сэръ Рупертъ Лисель, сказала въ это время Оливiя своимъ спокойнымъ, ровнымъ и симпатичнымъ голосомъ.

Баронетъ поднялъ голову и взглянулъ на жену; онъ въ это же мгновенiе увидѣлъ странно-блѣдное лице Рахили Арнольдъ, стоявшей за Оливiей и сильно поблѣднѣвъ.

— Зачѣмъ это вы вводите ко мнѣ въ домъ всякихъ нищихъ,

спросил онъ съ содроганіемъ. — Неужели же я долженъ принимать всѣхъ бродягъ, которыхъ придется въ голову просить у меня денегъ?... Какъ вы съмете приводить этотъ сбродъ, леди Лисель? спрашиваю опять: какъ это вы осмѣлились на подобную выходку? Я перенесъ не мало всевозможныхъ капризовъ, тратилъ довольно денегъ на всѣ ваши прихоти, но подобныхъ вещей я не хочу сносить.

Лицо Руперта Лиселя внезапно побавровѣло и на лбу его выступили капли пота.

— Когда же вы оставите меня въ покоѣ, леди Лисель? продолжалъ баронетъ?... Не точъ, такъ другой является ко мнѣ: давай денегъ сюда, бросай деньги туда!.... На что же мнѣ богатство, если я не могу пользоваться имъ самъ? на что мнѣ этотъ дождь, если мнѣ не даютъ и уснуть въ немъ спокойно?... Чего еще хотять и теперь отъ меня?

Рахиль Арнольдъ кинулась передъ нимъ на колѣна и съ страстнымъ движеніемъ схватила и прижала его руку къ губамъ.

— Отъ васъ хотять единственно одного сожалѣнія, отвѣтила она, вида, что баронетъ порывается отнять руку. — Я прощу исключительно одного сожалѣнія, во имя той любви, которую оказывала вамъ въ годы вашего дѣтства! Скажитесь же надо мною!

Продолжая стоять все еще на колѣнахъ и судорожно сжимая руку Руперта Лиселя, она съ жолбою взглянула ему прямо въ глаза. Не помня себя отъ досады и бѣшенства, баронетъ вдругъ ударилъ ее свободною рукою такъ сильно по лицу, что у нея тотчасъ брызнула кровь изъ верхней губы. Она упала навзничь, испустивъ глухой крикъ.

Леди Лисель, смѣривъ мужа взглядомъ, полнымъ презрѣнія, поспѣшила поднять и посадить несчастную. Всѣ свидѣтели этой сцены быстро переглянулись и по залу пронесся ропотъ негодованія. Маіоръ подошелъ къ Лиселю и, въ то самое мгновеніе, когда Рахиль упала, схватилъ его за горло и притиснулъ къ стѣнѣ.

— Негоднй! крикнулъ онъ: — низкій трусишка, не вмѣшуйся капли человѣческихъ чувствъ!.... Клянусь, что еслибъ я зналъ васъ такъ, какъ знаю теперь, то не сдѣлалъ бы шага, чтобы освободить васъ изъ коуруы, въ которой вы провели всю молодость...

пусть бы вы сгнили тамъ! Я не думаю, чтобы въ Ньюгэтѣ нашелся хоть одинъ презрѣнный человѣкъ, способный сдѣлать то, что вы рѣшились сдѣлать!.... Я ненавижу васъ, я презираю васъ, но что больше всего, ненавижу себя, за то, что я дерзнулъ вытаскивать васъ изъ чины!

Никому изъ присутствовавшихъ не удалось видѣть маіора въ такомъ гнѣвѣ: высокій и сильный, онъ казался гигантомъ въ сравненіи съ баронетомъ, прижатымъ къ стѣнѣ и мысленно желавшимъ провалиться сквозь землю, чтобы только не видѣть сверкающихъ негодованіемъ глазъ маіора Варнея.

— Я не хотѣлъ ей сдѣлать никакого вреда, проговорилъ онъ слабо и дрожа всѣми членами, зачѣмъ же она вывела меня на эту сцену? я вовсе не хочу, чтобы всякіе бродяги приходили сюда цѣловать мои руки и выставлять меня въ самой нелѣпой роли въ глазахъ моихъ гостей. Зачѣмъ, чортъ возьми, притащила ее сюда леди Оливия?... она, навѣрно, сдѣлала это просто нарочно, чтобы мучить меня.... Если этой женщицѣ нужно пять фунтовъ стерлинговъ, то я дамъ ихъ охотно, только бы она оставила меня совершенно въ покоѣ.... Въ ней никто не нуждается и потому ей незачѣмъ у меня оставаться.... Да будь проклято это блѣдное, противное лицо!

— Она должна остаться здѣсь столько, сколько ей вздумается, возразилъ маіоръ:— она останется, чтобы доказать вамъ, что въ человѣкѣ съ самою черною душою. Знаете, который вы сдѣлали на ея лицѣ, не изгладится никогда, она пойдетъ съ нимъ въ гробъ.... вы знаете, что я не изъ числа чувствительныхъ, но все же я помню свою мать, потому что любить ее, пока люди и свѣтъ не научили меня заботиться единственно о своихъ интересахъ! я никогда не подымалъ руки на женщину вообще, а тѣмъ менѣе на женщину, имѣвшую такое значеніе въ моемъ прошломъ.

— Но вы не знаете еще всего, маіоръ Варней, сказала леди Лисель, посадившая при помощи другихъ Рахиль Арнольдъ на кресло:— вамъ, вѣрно еще не извѣстно, что несчастная женщина не принимала ровно никакого участія въ разговоръ своего мужа противъ сара Руперта, она была его единственною защитницею

въ то время, когда онъ не имѣлъ во всемъ свѣтѣ ни единого друга, мы сейчасъ видѣли, чѣмъ онъ отплатилъ за подобную преданность.

— Молчите! крикнулъ баронетъ съ ужаснымъ озлобленіемъ. Маіоръ въ эту минуту выпустилъ изъ рукъ Лисля и онъ сталъ поправлять бантъ своего галстука.

— Что же касается васъ, Оливія, продолжалъ онъ, — то прошу васъ оставить меня совершенно въ покоѣ и не вѣшиваться въ мои дѣла... Вамъ легко толковать о любви и о преданности, вамъ, такой зловѣсткѣ! И вы, конечно, преданны, но не моей особѣ а моему богатству, и кромѣ этой преданности отъ васъ нечего ждать!

Оливія гордо выпрямилась и прошла мимо мужа, не удостоивъ его ни однимъ словомъ; но, подойдя къ двери, она остановилась и сказала съ спокойною и холодною рѣшимостью:

— Я до минуты смерти не позабуду вашего безчестнаго поступка, вашей низости, Рупертъ Лисль, и не прощу себѣ, что я могла забыть уваженіе къ себѣ на столько, чтобы сдѣлаться женою человѣка, достойнаго всеобщаго и полнаго презрѣнія!

Она ушла, не давъ ему возможности отвѣтить. Когда дверь затворилась и гости поспѣшили выйти на свѣжій воздухъ, Рупертъ бросился въ кресло и заплакалъ навзрыдъ.

— Она невозможна! говорилъ онъ, отрывисто. — Какой же я несчастный! Мнѣ лучше умереть... лучше быть бы собакою!... хотѣлось бы уйти, куда глаза глядятъ, только бы не быть здѣсь!... О, еслибъ я могъ залетѣть далеко, далеко отъ Лисльвуда!

Оливія прислала званому позаботиться о Рахилѣ. Несчастливая женщина была отнесена въ отдаленную комнату, гдѣ горничная раздѣла ее и осталась при ней до прибытія доктора.

Обѣдъ въ замкѣ былъ скучный: Оливія отираилась къ отцу, баронетъ обѣдалъ въ своей комнатѣ, а маіоръ долженъ былъ исполнять роль хозяина. Сколько онъ ни шутилъ для того, чтобы изгладить неприятное впечатлѣніе, произведенное на всѣхъ сценою въ биллиардной — разговоръ не вылезалъ: надъ присутствовавшими нависла мрачная туча. Не великому пріятно пользоваться роскошными обѣдами человѣка, достойнаго презрѣнія, и за столомъ сэра Руперта не было никого, кто бы не предпочелъ раздѣ-

лить кусокъ сала съ Сусекскимъ крестьяниномъ, пированію въ въ Лисльвудѣ.

— Я съ ужасомъ присутствовалъ при этой возмутительно-отвратительной сценѣ, сказалъ одинъ старикъ одному изъ своихъ сосѣдей за столомъ, — такъ какъ я видѣлъ въ ней доказательство приниженія нашихъ древнихъ фамилій. Лисля, милостивый государь, считались самыми благородными людьми въ Сусевскомъ графствѣ въ теченіи сотенъ лѣтъ. Могу увѣрить васъ, что поведение этого низкаго человѣка оскорбило меня за все наше почтенное, англійское дворянство!

ГЛАВА XXV.

Бельминстеръ.

Вальтеръ Реморденъ напелъ себѣ довольно много дѣла въ Бельминстерѣ. Несмотря на то, что картины модъ, выставленныя въ окнѣ миссъ Фэгъ, портнихи, на Большой улицѣ, устарѣли на полтора года, а для Бельминстера были еще совершенно новы; несмотря на то, что этотъ маленький городокъ отсталъ во многихъ отношеніяхъ на цѣлое столѣтіе отъ большихъ городовъ, — онъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ не уступалъ даже самому промышленному городу Англии. Увы! неужели я должна высказать, что этотъ богочраимый градъ не отставалъ только по пути преступленій, распространяющихъ свою мрачную тѣнь на самыя отдаленныя страны вселенной?! Впрочемъ, въ отношеніи къ порокамъ, Бельминстеръ, пожалуй, опередилъ свой вѣкъ... или вѣрнѣе сказать, онъ затонулъ въ ихъ тѣнѣ, такъ какъ въ эту глушь не проникалъ ни одинъ лучъ свѣта изъ центровъ просвѣщенія? Жители Бельминстера были вполнѣ предоставлены произволу своихъ дурныхъ наклонностей и темныя улицы городка оглашались каждую ночь шумомъ и крикомъ безчиновнавшихъ гражданъ. Послѣдній ректоръ церкви святой Маріи былъ лѣнивый старикъ, который дѣдалъ иногда въ своихъ проповѣдяхъ прямыя намеки на тотъ или другой проступокъ прихожанъ, чѣмъ вызывалъ ихъ смѣхъ, но

такъ какъ съ наступленіемъ праздника Рождества, онъ жертвовалъ приходу огромное количество прекраснаго вина и множество припасовъ, то всѣ его любили и, когда онъ скончался, все населеніе города проводило его съ почетомъ на кладбище, всѣ были ошечалены! но это обстоятельство не помѣшало имъ устроить ночью похоронъ разгульную пирушку и громадный скандалъ.

Новый же ректоръ оказался другимъ человѣкомъ. Сынъ бѣднаго фермера, онъ началъ свое поприще съ пастората въ маленькомъ селѣ Линкольнширскаго графства, съ шестью-десятью фунтами стерлинговъ гонорарія и по немногу обратилъ на себя благосклонное вниманіе Йоркскаго архіепископа — непритворнымъ смиреніемъ и самоотреченіемъ; всѣ любили его, но вѣсть съ тѣмъ — боялись. Такой-то человѣкъ и быть нуженъ Бельминстеру. Голосъ его звучалъ мужествомъ и энергіею, когда онъ обличалъ пороки прихожанъ и онъ вообще старался исправить ихъ понятія; грѣхъ не пугалъ его: онъ вступалъ съ нимъ въ борьбу и побѣждалъ его. Онъ не переходилъ на ту сторону улицы, когда встрѣчался съ женщиною дурнаго поведенія: онъ ее останавливалъ и спрашивалъ у ней: зачѣмъ ведетъ она постыдный образъ жизни и намѣрена-ли она продолжать его въ будущемъ, не дѣлая попытки свернуть на прямой путь? Онъ всегда принаравливалъ свое слово къ понятіямъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ говорилъ: онъ ихъ не озадачивалъ громкими фразами, но убѣждалъ ихъ ясными и логичными доводами.

— Я такой же работникъ, какъ и всѣ вы, друзья! говорилъ онъ киричнику, который отличался вѣчною лѣнью и пьянствомъ. — Вы пренебрегаете трудомъ и надѣдаете своими частыми просьбами о вспоможеніи, имѣя между тѣмъ возможность заработать тридцать шиллинговъ въ недѣлю. Вы зализались, начали пить и потеряли мѣсто. Повѣрьте, что и я выпилъ бы съ удовольствіемъ бутылку портера и провелъ бы потомъ весь вечеръ за разетою, но я не даю воли подобному желанію. По этому и вы не должны предаваться искушеніямъ лѣни; а если не опомнитесь, то вамъ, въ концѣ-концевъ, придется умереть прямо годною смертью.

Въ девяти случаяхъ изъ десяти увѣщанія ректора приносили плоды; лѣнивецъ ободрился и принимался снова отыскивать работу.

Мистеръ Гэвардъ никогда не пытался дѣйствовать на людей какими-нибудь увертками, которыя рѣдко и достигаютъ цѣли; никогда онъ не говорилъ несчастнымъ жителямъ сырыхъ подваловъ, куда не было на малѣйшаго доступа воздуху, что они жали бы гораздо лучше, еслибы вели себя хорошо, но усидливая вбить имъ въ голову, что имъ не слѣдуетъ свѣкаться съ грязью, а должно открывать окна, мыть и чистить свое жилище — и тогда они будутъ чувствовать себя довольными, по мѣрѣ возможности. Онъ самъ помогалъ имъ ввести чистоту и порядокъ, и когда это было сдѣлано, когда старшая дочь, проводившая цѣлые дни на улицѣ, была помѣщена въ исправительное заведеніе, устроенное вблизи Бельминстера нѣкоторыми добрыми людьми, съ ректоромъ во главѣ, когда старшій сынъ, тоже имѣвшій привычку бездѣлничать, былъ опредѣленъ на плавильный заводъ, гдѣ давали мальчикамъ по пяти шиллинговъ въ недѣлю — тогда только ректоръ начиналъ учить этихъ людей добру и находилъ въ нихъ полную готовность къ исправленію.

Мистеру Гэварду стоило не малаго труда проложить себѣ путь къ довѣрію прихожанъ. Они въ самомъ началѣ презирали его, потомъ стали бояться, а затѣмъ полюбили его искренно и сердечно. Въ такомъ-то положеніи находились дѣла, когда ректоръ прибрѣлъ себѣ отличнаго помощника въ лицѣ Вальтера Ремордена.

У мистера Гэварда была дочь девятнадцати лѣтъ, горячо имъ любимая и любившая его, съ своей стороны, съ безграничною преданностью. Мистрисъ Гэвардъ была очень простая женщина, проводившая время за своими вышиваніями и вѣчно возмущавшаяся глубокою непорочностью Бельминстерскаго общества. Управление домою, раздача милостыни, кройка и шитье платья для бѣдныхъ — все это было предоставлено Вланшъ, которая была повѣренною отца и помогала ему во всѣхъ его дѣлахъ. Отецъ съ дочерью прогуливались по вечерамъ въ саду, разговаривая о проишествіяхъ дни, между тѣмъ какъ мистрисъ Гэвардъ смотрѣла на нихъ изъ окна гостиной и недоумѣвала, о чемъ они могли такъ долго говорить. Вланшъ не была обыкновенною дѣвчушкою:

она училась очень многому под руководством отца — говорила на шести новейших языках, знала хорошо историю и не затруднилась бы написать превосходную проповедь.

Молодые дѣвушки раскрывали съ удивленіемъ глаза, когда Бланшъ признавалась имъ, безъ всякаго смущенія, что не училась музыкѣ и не умѣетъ вышить ни одного листка. Ее нельзя было назвать вполне красавицею, но блѣдное лице ея дышало такою искреннею, сердечною добротою, такимъ свѣтлымъ умомъ, что человѣкъ со вкусомъ предпочелъ бы ее блистательной красавицѣ.

Ея длинныя волосы каштановаго цвѣта падали въ безпорядкѣ на прекрасныя плеча. Бланшъ одѣвалась просто, такъ какъ не посѣщала никого, кромѣ бѣдныхъ. Разъ, впрочемъ, ей пришлось бѣжать на какомъ-то балѣ, въ черномъ шелковомъ платьѣ съ длинными рукавами; Бельминстерскія барыни замѣтили, что въ волосахъ ея не было положительно ни одного цвѣтка; но волосы эти были такъ густы и роскошны, платье ея обхватывало такъ ловко стройный станъ ея, что она привлекала всеобщее вниманіе. Она разговаривала съ своими кавалерами, — но еще того болѣе, съ стариками, стоявшими второпѣ отъ танцующихъ, съ дѣвушками, съ старушками и, несмотря на это, всѣ ее любили и она вернулась въ свой тихій насторать съ пріятными воспоминаніями о вечерѣ, что ей не помѣшало на слѣдующее утро проснуться въ шесть часовъ и отправиться тотчасъ же въ народное училище, исполнять принятую на себя обязанность преподавательницы.

Бланшъ Гэвардъ и Вальтеръ Реморденъ сдѣлались въ короткое время хорошими друзьями. Она была въ восхищеніи отъ новаго викарія: она не могла знать причину его грусти, но она ясно видѣла, что онъ исполняетъ свою обязанность чуть-ли не съ большимъ рвеніемъ, чѣмъ самъ мистеръ Гэвардъ и дѣлаетъ добро отъ искренняго сердца.

— У мистера Ремордена есть что-то на душѣ, мама, замѣтила она въ одно утро отцу: — не знаете-ли вы причину его грусти?

— Нѣтъ, Бланшъ, у него нѣтъ родныхъ; содержаніе онъ получаетъ достаточное, здоровье его тоже въ отличномъ состояніи!

— Ну, оно не отличное, но довольно хорошее, перебила она, онъ, вѣдь, только что оправился послѣ тяжелой болѣзни, когда прибылъ сюда.

— Тебѣ извѣстно все, что творится на свѣтѣ! замѣтила ей отецъ съ добродушною насмѣшкою.

— Онъ мнѣ самъ разсказалъ объ этомъ обстоятельстве, какъ вы знаете, мама! отвѣтила молодая дѣвушка, смотря въ глаза отцу. — Онъ мнѣ очень понравился, я считаю его хорошимъ человѣкомъ! Но я знаю, что онъ несчастенъ, какъ немногіе, а это тяжело.

— Онъ, вѣрно, признавался тебѣ въ своемъ несчастіи?

— О, нѣтъ, мама! напротивъ, онъ старается постоянно казаться веселымъ, а такое усиліе, конечно, не легко.

— Ты замѣчаешь это, а я не замѣчаю... Неужели, шалунья, ты думаешь что я стану ломать голову надъ причиною вздоховъ Вальтера Ремордена? Я знаю только, что онъ лучший викарій на свѣтѣ, что онъ добросовѣстно исполняетъ свой долгъ и дѣлаетъ добро вездѣ, гдѣ только можетъ.

— Мнѣ кажется, что онъ былъ несчастливъ въ любви, замѣтила Бланшъ, и тутъ же покраснѣла, хотя и не была изъ числа слабонервныхъ или сентиментальныхъ; наклонилъ надъ работою, она начала шить быстрымъ обыкновеннаго. Но ректоръ, очевидно, этого не замѣтилъ; онъ даже не взглянулъ во все время на Бланшъ.

Настала годовщина брака Оливіи Лисль и — пріѣзда въ Бельминстеръ Вальтера Ремордена. Дружба его и Бланшъ росла и укрѣплялась съ каждымъ днемъ все сильнѣе, принималъ характеръ стариннаго товарищества, такъ какъ въ сужденіяхъ дѣвушки было много мужскаго. Не было ничего, о чемъ бы онъ не могъ разговаривать съ нею: если она и уступала ему въ политикѣ, богословіи, политической экономіи, литературѣ и метафизикѣ, то была по крайней мѣрѣ всѣхителію неопытною, прямою, не жеманною, не хвастливою, жаждущей постоянно пополнить свои знанія. Никто никогда не осмѣливался польстить Бланшъ, всякая лесть казалась ей глубокимъ оскорбленіемъ. У нея почти не было обожателей, потому что мужчины немного побавлялись ей, хотя и уважали ее за доброту и недюжинныя способности.

Въ одинъ декабрьскій вечеръ Вальтеръ Реморденъ садѣлъ въ столовой въ домѣ ректора, разговаривалъ съ Бланшъ и ея матерью; впрочемъ мистрисъ Гевардъ почти не принимала участія въ разговорѣ, замѣтивъ, что ея юные собесѣдники обогнали ее въ понятіяхъ и свѣденіяхъ. Ректоръ ушелъ послѣ обѣда въ свой кабинетъ, чтобы просмотрѣть бумаги и расчесть новую народную школу. Въ эту минуту Бланшъ смогрѣла съ наслажденіемъ на грудѣ новыхъ книгъ, принесенныхъ ей Вальтеромъ и радовалась случаю провести вечеръ въ приятной, задумчивой бесѣдѣ. Но ей не пришлось наслаждаться ею долго: ректоръ скоро пришелъ и началъ разсуждать о посѣтителѣ, котораго онъ только отпустилъ.

— Я вообще не умѣю давать совѣты, Бланшъ обратился онъ къ дочери, но вы съ Реморденомъ можете быть, надоумяте меня, какъ и чѣмъ мнѣ помочь горю мистера Дантона, директора первокласснаго пансіона въ Вельминстерѣ; онъ сегодня приходилъ посоветоваться со мною на счетъ одного представившагося ему затрудненія.

— А какого рода это затрудненіе, папа? спросила его Бланшъ.

— Дѣло въ томъ, моя милая, что въ числѣ учениковъ мистера Дантона находится уже двѣнадцатый годъ одинъ молодой человекъ, по фамиліи Саундерсъ, который былъ пожщенъ къ нему въ десять лѣтънею возрасту; такъ какъ онъ, по закону, теперь совершеннолѣтній, то ему уже пора оставить пансіонъ, но тутъ-то и является большое затрудненіе. Кажется, что онъ привезенъ мистеру Дантону своимъ дядею, Саундерсомъ, назвавшимъ себя ректоромъ какой-то Англиканской церкви и сказавшимъ ему, что этотъ мальчикъ—сынъ его роднаго брата, умершаго въ Западной Индіи, гдѣ ребенокъ и вынесъ желую лихорадку, затмившую на время его слабый разумокъ; онъ оправился послѣ, но память, разумеется, не вернулась къ нему, вслѣдствіе чего Саундерсъ-дядя порѣшили отвезти его немедленно въ Вельминстеръ, надѣясь, что заботливый уходъ и свѣжій воздухъ восстановятъ его умственныя способности. Въ теченіе десяти лѣтъ плата мистеру Дантону вносилась аккуратно: Саундерсъ-дядя прѣвѣжалъ каждые полгода появляться съ илемянникомъ и отдавать за него условленную сумму; но

прошелъ слишкомъ годъ съ тѣхъ поръ, какъ мистеръ Дантонъ не получаетъ платы и не имѣетъ даже никакихъ извѣстій о Саундерсъ-старшемъ.

— А у мистера Дантона развѣ нѣтъ его адреса? спросилъ Вальтеръ у ректора.

— Нѣтъ, Саундерсъ просилъ Дантона адресовать всѣ письма на имя адвоката, живущаго въ Гра-Зинъ-Скверѣ. Онъ писалъ много разъ этому человѣку, но получилъ въ отвѣтъ, что Саундерсъ, вѣроятно, переселился въ Индію—но въ какую, не знаетъ.

Но Дантонъ могъ узнать это—по списку духовенства!

— О! въ списокѣ нѣсколько Саундерсовъ; Дантонъ писалъ каждому изъ нихъ и всѣ они отвѣтили, что ничего, не знаютъ.

— Ну, а этотъ приброщенный молодой человекъ не можетъ развѣ дать никакихъ указаній?

— Никакихъ, которыя помогли бы Дантону разрѣшить затрудненіе. Онъ буквально не помнитъ ничего касающагося до поры его дѣтства, исключая того, что былъ опасно боленъ и потомъ началъ жить съ своимъ „дядею Джоржемъ“, какъ онъ называетъ этого Саундерса, на берегу моря. Онъ увѣряетъ, что провѣлъ у моря два или три года, но-гдѣ собственно и въ какой обстановкѣ, онъ это позабылъ.

— Но помнитъ-ли онъ, время своей странной болѣзни?

Безъ сомнѣнія нѣтъ; впрочемъ, онъ всегда дѣлается задумчивымъ и страннымъ, когда его спрашиваютъ объ этой эпохѣ. Нужно еще замѣтить, что онъ довольно нервень и слабаго здоровья.

— Умственныя способности его еще сильно разстроены? спросилъ ректора Вальтеръ.

— О, нѣтъ, мистеръ Дантонъ увѣряетъ, напротивъ, что онъ очень умень.

Милый папа! воскликнула неожиданно Бланшъ:—мнѣ пришла на умъ мысль....

— Я такъ и предугадывалъ, что ты выручишь насъ изъ этихъ затрудненій! перебилъ ее ректоръ.

— Когда будетъ устроено ваше новое народное училище, то вамъ понадобится учитель для мальчиковъ. Я думаю, что вамъ было бы очень пріятно видѣть на этомъ мѣстѣ молодого человѣка,

у которого нѣтъ нелѣпныхъ предразсудковъ и отсталыхъ понятій. Стало бы вамъ не брать этого бѣдняка? Вы могли бы внушить ему собственные принципы и сдѣлать изъ него образцоваго преподавателя.

— Ты права, Вланшъ, и я приму этотъ совѣтъ!

Если росла трапа передъ папертью церкви, то она не могла зайти подъ ноги Бельминстерскаго ректора.

На слѣдующее утро, имѣя много дѣлъ, онъ послалъ своего молодого викарія къ мистеру Дантону, чтобы познакомиться съ Ричардомъ Саундерсомъ.

— Имѣйте въ виду, что я полагаюсь въ этомъ дѣлѣ на васъ, сказалъ мистеръ Говардъ—вы убѣдитесь въ пять минутъ—годится ли молодой человѣкъ въ должность преподавателя или наоборотъ и мнѣ, въ послѣднее, лучше, придумаемъ другое!

Викарій нашелъ Саундерса, сидящимъ предъ дверью приемной. Директоръ пансіона ничуть не переизмѣнилъ своего обращенія съ молодымъ человѣкомъ, съ тѣхъ поръ какъ пересталъ получать за него условленную плату. Онъ отъ души привязался къ нему и желалъ ему счастья.

— Очень грустно, сказалъ онъ мистеру Ремордену, введя его въ приемную,—видѣть молодого, впечатлительнаго, симпатичнаго человѣка брошеннаго безъ всякой опоры и безъ средствъ.

Вальтеру Ремордену понравился Ричардъ съ своимъ блѣднымъ, замѣчательно нѣжнымъ лицомъ и откинутыми назадъ русыми волосами.

— Вотъ и мистеръ Реморденъ, Ричардъ, проговорилъ директоръ,—проповѣди котораго вы слушали всегда съ глубокимъ наслажденіемъ.

Молодой человѣкъ поднялъ голову, отложилъ книгу, которую читалъ, и всталъ, чтобы поклониться молодому викарію, краснѣя, точно дѣвушка.

— Я оставляю васъ наединѣ съ Ричардомъ, сказалъ мистеръ Дантонъ, обратясь къ посетителю. Мистеръ Реморденъ желаетъ поговорить съ вами, дитя мое! пояснилъ онъ воспитаннику.

Викарій притупилъ спокойно къ разговору, но Саундерсъ отвѣчалъ только полу-словами, перелюбывая книгу, которую взялъ

снова и Вальтеръ Реморденъ замѣтилъ, что его трепетанія руки ослѣпительно—бѣлы и нѣжны, какъ у женщины.

— Что же это за личность? подумалъ викарій.—Молодой человѣкъ слишкомъ женopodobенъ и я подозреваю, что ужь его далеко не изъ самыхъ блестящихъ.

Но вскорѣ Вальтеръ Реморденъ убѣдился въ противномъ. Молодой человѣкъ оживился и сдѣлался даже краснорѣчивымъ. Онъ говорилъ о многомъ и въ сужденіяхъ его проглядывалъ чрезвычайно здравый, хотя и дѣйствительно не блестящій умъ. Когда викарій высказалъ цѣль своего прихода, молодой человѣкъ объявилъ, что готовъ принять на себя всякую тяжелую обязанность, чтобы не обременять своего уважаемаго и добраго директора.

— Я такъ много обязанъ ему, сказалъ онъ между прочимъ—что едва-ли найду когда-нибудь возможность заплатить за все то, что онъ для меня дѣлалъ. Онъ замѣнилъ мнѣ близкихъ и родную семью и выдѣлилъ меня отъ самообольщеній...

— Какихъ? перебилъ Вальтеръ.

— Такихъ, отъ которыхъ я страдалъ еще послѣ перѣзда въ Бельминстеръ.... Прошу васъ не разспрашивать меня объ этомъ обстоятельстве! Я теперь вполне выдѣлился.... да—совершенно выдѣлился.

Онъ проговорилъ послѣднія слова съ лихорадочною энергіею, но овладѣлъ собою и продолжалъ спокойно:

— Расскажите же мнѣ о вашей новой школѣ. Мнѣ вѣжета, что если я вообще способенъ принести пользу, то принею ее только въ званіи учителя. Я полюбилъ науку.

На другое утро Ричардъ пришелъ въ ректорскій домъ. Мистеръ Говардъ встрѣтилъ его совершенно по дружески и поручилъ его заботливости Вланшъ.

— Моя дочь объясняетъ вамъ все, что вамъ нужно знать, сказалъ онъ Ричарду.—Она мой секретарь и мой первый помощникъ и любимица моя, добавилъ онъ впол-голоса, когда вошедшая молодая дѣвушка, откинувъ назадъ свои чудныя кудри, подставила отцу свой бѣлый, чистый лобъ.

Ричардъ страшно сконфузился, когда его представили миссъ

Бланш Гэвардъ. Онъ рѣдко видѣлъ женщинъ и просто испугался, ощутившись во власти такой молодой дѣвушки.

Какъ съ нею говорить? Однако, Бланш успѣла успокоить его. Пригласивъ его сѣсть, она начала объяснять ему планы новыхъ народныхъ школъ, распространилась о значеніи ихъ, привела статистическія данныя — и въ концѣ-концевъ заставила его увлечься разговоромъ и забыть и объ ея присутствіи. Впрочемъ, онъ, должно быть, не совсѣмъ-то забылъ объ этомъ обстоятельстве, такъ какъ успѣлъ замѣтить, что у нея прекрасные и умные глаза, густые, каштановые волосы, что она высока, стройна, граціозна и обладаетъ прелестью округленными формами. Онъ вспомнилъ, что видѣлъ ее сидящею въ церкви святой Маріи на скамейкѣ ректора и подумалъ тогда еще, что она, вѣроятно, симпатичная личность.

— Она право преледа, рѣшилъ онъ, когда Бланш ушла переодѣться. — Какое у нея слабое обращеніе. въ ней вовсе нѣтъ жеманства! Какъ естественно выражается ея желаніе быть полезною всѣмъ и каждому!

Бланш возвратилась прежде, чѣмъ Ричардъ кончилъ мысленный монологъ, хотя онъ и сознавалъ, что слѣдуетъ сказать что-нибудь мистриссъ Гэвардъ, занятой своимъ вѣчнымъ прилежнымъ вышиваніемъ.

— Я хочу пригласить васъ съ собою въ училище, сказала ему Бланшъ, надѣвшая шляпъ и простенькую шляпу съ широкими полями. — Я покажу вамъ домъ, который для васъ строится, гдѣ вы будете жить и гдѣ будутъ прислуживать вамъ старуха или мальчишкы. Вы, конечно, не можете справиться сами съ кухней?

— Вы хотите сказать, что я не сумѣю готовить себѣ кушанья? спросилъ Ричардъ, краснѣя. — Это пожадуй, вѣрно!

— Жаль! отвѣчала Бланшъ. — Въ такомъ случаѣ вамъ прійдется нанять себѣ кухарку; а вѣдь было бы лучше, еслибы вы могли обойтись безъ нее!

Новое училище стояло въ маленькой долинкѣ, на полу-мильномъ разстояніи отъ города. Бланшъ и Ричардъ шли рядошъ по мокрой травѣ. Дочь ректора обращалась съ своимъ спутникомъ безъ

натяжки, какъ съ младшимъ, хотя онъ былъ ея старше почти что на три года.

— Вы ужъ давно въ Бельминстеръ? спросила она мягко.

— Да, уже двѣнадцать лѣтъ.

— А гдѣ-жь вы были прежде?

— Я жилъ на морскомъ берегу, въ какомъ-то тихомъ мѣстѣ, вдвое меньше Бельминстера. Помню, что тамъ было очень мало домовъ и много высокихъ скалъ, тѣсившихся докругъ бурнаго моря.

— Но вы же должны помнить названіе мѣстечка?

— Нѣтъ; я, кажется, даже и не слышалъ его. Оно, вѣроятно, далеко отсюда, такъ какъ меня везли отъ него до Бельминстера ровно цѣлые сутки. Я тамъ не видѣлъ никого, кромѣ навѣщавшаго меня кой-когда, моего дяди Джоржа, да еще старой женщины, по имени Мэгвей, служившей мнѣ въ болѣзни.

— Такъ вы были больны?

— Да, но не постоянно: у меня только часто болѣла голова.

— Но скажите, пожалуйста, разспрашивала Бланшъ — вы пріѣхали въ Бельминстеръ въ десяти-лѣтнемъ возрастѣ, на морскомъ берегу вы провели не мѣсяце, какъ два или три года — слѣдовательно, васъ привезли туда семи, или быть можетъ, восьми-лѣтнимъ ребенкомъ. Неужели вы не помните, что было съ вами раньше этого періода?

— О нѣтъ.... о нѣтъ.... воскликнула молодой человекъ съ выраженіемъ ужаса, который въ немъ замѣтилъ и Вальтеръ Реморденъ, когда онъ предложилъ ему подобный же вопросъ. Я ничего не помню изъ эпохи моего ранняго дѣтства.... это только фантазія, только глупыя бредни и больше ничего!

А какого же рода были эти фантазіи, мистеръ Саундерсъ? спросила его Бланшъ, любопытство которой было возбуждено до высочайшей степени странностями Ричарда.

— О, не разспрашивайте меня о нихъ! сказалъ онъ: — я поклялся, не говорить объ этомъ никому!

— Вы поклялись?... кому же?

— Дядѣ Джоржу. Онъ увѣрилъ меня, что я могу избѣгнуть суксѣствія единственно тогда, когда я перестану вспоминать

эти бредни. По его словам, мозг мой был отуманен дикими и странными идеями и отъ меня зависело полное излеченіе или — вѣчное сумасшествіе. Онъ объяснилъ мнѣ это ровно за день до нашего переезда въ Вельминстеръ. Я понялъ слова дяди, хотя былъ еще ребенкомъ. Онъ заставилъ меня повторить за нимъ клятву — не вспоминать фантазій, засѣвшихъ въ мою голову.

— А теперь, когда вы стали ужъ взрослымъ, вамъ все еще кажется, что вашъ дядя былъ правъ, назвавъ ваши идеи нелѣпными иллюзіями?

— Я поклялся не говорить о нихъ.... Умоляю васъ, не спрашивать меня больше!

— Еще одно слово. Вы, конечно, помните вашихъ друзей, родныхъ — отца, мать.... вѣроятно.

— Мать!... о! скажитесь мисъ Вланшъ!... умоляю васъ именемъ Бога не говорить о матери!

Молодой человекъ замахалъ вдругъ руками и свалился на землю.

Вланшъ встала на колѣна и старалась заботливо приподнять его голову. Но онъ пряталъ упрямо лицо свое въ траву и восклицалъ, рыдая судорожно и отрывисто.

— Моя бѣдная.... добрая, нѣжная мать!... она существовала только.... въ моей фантазій и была снавидѣниемъ.... какъ и все остальное!..

ГЛАВА XXVI.

Бредъ.

Рахиль Арнольдъ страдала очень долго отъ раны, нанесенной ей кулакомъ баронета. Усталость, лишеніе, волненіе, дурное обращеніе и вѣчныя заботы истощили послѣднія силы этой несчастной и она находилась нѣсколько недѣль между жизнью и смертью, въ одной изъ верхнихъ комнатъ Лисльвудскаго замка. Леди Лисльвудъ приказала, дѣлать все то, что нужно для ея излеченія и окру-

жила ее заботливымъ уходомъ. Но докторъ сомнѣвался и, даже очень долго, въ ея выздоровленіи.

— Она очень слабога тѣлосложенія, миледи, сказалъ онъ леди Лисль, силы ея надорваны тяжелой работою. Я увѣренъ, что эта бѣдная женщина вынесла много горя. Я помню ее, когда она еще жила съ своимъ мужемъ въ сторожкѣ, а сынъ ея, который былъ похожъ съ сэромъ Рупертомъ, постоянно игралъ возлѣ рѣшетки парка.

— Онъ умеръ отъ горячки! замѣтила Оливія.

— Вѣрю, вѣрю, дорогая леди Лисль, онъ былъ такой же тщедушный, какъ и его мать. Меня ни чуть не удивляетъ извѣстіе объ этомъ! пойду теперь къ больной... Вѣднѣжка ослабѣла и тѣломъ и душою, все это повліяло и на ея разумъ.

Сэръ Рупертъ не протестовалъ противъ пребыванія Рахили Арнольдъ въ замкѣ. Казалось, что онъ даже отчасти безпокоился о ея состояніи. Онъ ежедневно осмѣдновалъ ее — съ свойственною ему осторожностью — и, очевидно, интересовался отвѣтомъ на своей вопросъ.

— Лучше-ли ей? говорили онъ обыкновенно. Не бредить ли она? отвѣчайте скорѣе!

— Нѣтъ, отвѣчали люди.

— Спокойна-ли она? продолжалъ баронетъ.

— Совершенно спокойна; она въ полномъ сознаніи.

— О чемъ же говорить она?

— Что касается этого, то она такъ слаба, что ей говорить трудно и почти невозможно.

Эти отвѣты удовлетворяли его; но на слѣдующее утро онъ снова предлагалъ такіе же вопросы, съ тою же осторожностью и съ тѣмъ же дурно скрытымъ, но живымъ любопытствомъ. Между тѣмъ ничто не могло убѣдить его, сколько онъ ни безпокоился объ ея положеніи, войти въ ея комнату, хотя она каждый день посылала къ нему съ мольбою, прійти къ ней на нѣсколько минутъ, чтобы она могла хоть взглянуть на него, поддержать его руку, вспомнить тѣ дни, въ которые она держала его, маленькимъ, болѣзненнымъ ребенкомъ у себя на колѣнахъ, и вмѣстѣ испросить прощеніе за то, что она рѣшилась прибить въ Лисльвудъ

въ настоящее время, когда онъ находится на вершинѣ богатства и земнаго блаженства! эти мольбы могли бы снять холодный камень, но не Руперта Лисля!

Ему вовсе не хочется скушать у постели больной, оправдываясь онъ. Почему знать, можетъ быть, болѣзнь то заразная? Онъ, даже убѣжденъ, что она заразна — какал-нибудь злокачественная, опасная горячка, схваченная на кораблѣ. Было бы чрезвычайно странно, еслибъ баронету и первому богачу во всемъ графствѣ. пришлось умереть отъ горячки, привившейся къ нему отъ ничтожной служанки! Она должна, конечно, благодарить Создателя, что попала къ такимъ гуманнымъ господамъ! пусть довольствуется этимъ непредвидимымъ счастьемъ!

Другого рода утѣшеній не дождалась Рахиль отъ сэра Руперта Лисля!

Маюръ, Варней, позавѣшивъ по мѣрѣ того, какъ время проходило едва замѣтный слѣдъ по его волосамъ, не дѣржалъ однако превращать ихъ въ сѣдые, маюръ, говорю я, взялъ снова верхъ въ Лисльвудѣ.

Послѣ сцены въ бильярдной, онъ принялъ скипетръ власти съ такимъ невозмутимымъ, величавымъ спокойствіемъ, какъ будто никогда не выпускалъ его изъ рукъ, и уже навсегда. Баронетъ занялъ свое прежнее положеніе въ домѣ и возвратился къ прежнимъ привычкамъ; можетъ быть, онъ надѣялся найти себѣ союзника въ лицѣ своей жены, но Оливія держала себя отъ него всторонѣ, такъ что онъ стоялъ совершенно одинъ, почему и не могъ сладить съ маюромъ. Онъ, по прежнему, взглядывалъ сначала на маюра, передъ тѣмъ какъ сказать какое нибудь слово; онъ, по прежнему слѣдовалъ за нимъ, какъ вѣрная собака, только что провинившаяся и только что подвергнувшаяся наказанію хозяина; баронетъ жилъ, по видимому, только по приказанію Гранвилля Варнея и для того, чтобъ слѣпо исполнять его волю. Разъ онъ заговорилъ съ своимъ менторомъ о больной.

— Что мнѣ дѣлать? началъ онъ своимъ рѣзкимъ голосомъ: — она надѣдаетъ мнѣ своими посланіями, посредствомъ которыхъ добивается свиданія со мною, моего прощенія и Богъ знаетъ чего

еще. Я вовсе не нуждаюсь въ объясненіяхъ съ нею, какъ это вамъ извѣстно.

— Да — отвѣтилъ маюръ. — Я прихожу въ восторгъ, смотря на вашу руку и на ваше кольцо съ сверлающимъ сафиромъ. Вы дали за него двадцать наполеоновъ въ Парижѣ, въ улицѣ де-ли-Па; этимъ же сафиромъ разѣбли вы губу Рахили Арнольдъ.... Да, я вполне убѣренъ, что вы не нуждаетесь въ объясненіяхъ съ нею... съ вашею прежною служанкою!

— Мнѣ кажется, что вамъ бы не мѣшало отчасти придерживать языкъ, прошепталъ злобно Рупертъ. — Вы извлекали себѣ изъ этого неприятнаго случая блистательныя выгоды!

— Я извлекаю выгоду буквально изъ всего, дорогой баронетъ (баронетъ со времени Джамса I, помните это, мой милый, и кавалеръ съ незапамятныхъ временъ — родъ Лисль очень древній и очень знатный родъ!). Я извлекаю выгоду изъ чего только можно, повторялъ онъ, бросаясь на мягкій диванъ. — На жизненномъ рынкѣ нѣтъ бесспорно товара, дороже ума. Я на немъ торговалъ и употребляю всѣ свои силы, чтобы получить невозможную высокую цѣну за свой цѣнный товаръ, то-есть — разумный мозгъ. — Я стараюсь недаромъ, добавилъ маюръ Варней, вытаскивая изъ кармана превосходный фуляръ и начиная чистить имъ свои длинные ногти съ розоватымъ оттѣнкомъ.

Ну такъ поймите же, отвѣтилъ баронетъ: — что я не могу помириться съ присутствіемъ у меня этой женщины, я попросилъ бы насъ, пойти къ ней и сказать, чтобы она держала себя немножко поскромнѣе; она живетъ въ комфортѣ, а если же она будетъ глумить еще впередъ, то дождется того, что я просто велю вытолкать ее въ шею! поняли вы меня?

— Еще бы! Вы хотите, чтобы я передалъ это Рахили Арнольдъ.

— Конечно, слово въ слово! подтвердилъ баронетъ.

— Это порученіе не въ слишкомъ приятныхъ, дорогой мой Рупертъ.

— А мнѣ то какое дѣло? Приятно-ли оно, неприятно-ли вамъ, — во всякомъ случаѣ вы можете исполнить его въ точности. Вы пользуетесь мною и должны мнѣ оказывать кой-какія услуги.

Баронетъ старался придать своему лицу загадочное выраженіе, хотя онъ сознавалъ, что это бесполезно и что ему никогда не провести маіора.

— Обо всемъ, чѣмъ я пользуюсь отъ васъ въ данное время и чѣмъ угодно будетъ мнѣ пользоваться впереди — намъ толковать не стоитъ, проговорилъ Варней, смотря на баронета. — Не забудьте, сказалъ онъ, что я пользуюсь кое-чѣмъ, благодаря случайности, сдѣлавшей васъ рабомъ моимъ, какъ будто бы вы куплены мною въ Южной Америкѣ за нѣсколько долларовъ — сдѣлавшей васъ собакою, какъ будто и купилъ васъ за извѣстную цѣну у торговца собаками и держу на цѣпи, вмѣстѣ съ другими въ псарной... Не забывайте этого!

Сказавъ это маіору, разстегнулъ свой жилетъ и показалъ кушакъ, сжимавшій его талию, и къ которому былъ прирѣпленъ порт-панье съ крѣпкимъ стальнымъ замочкомъ.

— Видите-ли вы это? пронесъ онъ торжественно — этотъ поясъ противудѣйствуетъ развитію дородности, которой я подвергся, къ большому сожалѣнію; сверхъ того онъ надеженъ!

Сэръ Рупертъ Лисль вѣдчилъ въ свои жидкіе волосы, желая вырвать ихъ; но онъ былъ черезъ чуръ изнѣженъ и трусливъ, чтобы нанести себѣ вредъ или сильную боль.

— Да... да... воскликнулъ онъ, вращаясь на стулѣ: — вы держите меня очень крѣпко въ рукахъ... Чортъ возьми! будьте прокляты!

— А! дорогой мой Рупертъ! какъ у васъ много сходства съ тѣмъ милымъ человекомъ, подъ кровлею котораго вы провели годы благословенной молодости: вы также были въ дѣйствіяхъ, также споры въ ругательствахъ и въ проклятіяхъ людямъ! замѣтилъ маіоръ Варней съ привѣтливою улыбкою.

Вялъ въ дѣйствіяхъ, маіоръ? проговорилъ баронетъ.

Да! повторилъ Гранвилъ.

Въ то самое время, когда звукъ голосовъ маіора и сара Руперта раздается подъ сводами Лисльвудскаго замка, между тѣмъ какъ густыя темныя облака окутываютъ вершины Суссекскихъ косяговъ, какой то незнакомецъ прокладываетъ себѣ дорогу въ одно изъ Американскихъ лѣсовъ, сквозь переплетенія лѣвъ, иссохшія вѣтви сломенныхъ гигантскихъ деревь и колючіе

кустарники, которые цѣпляются за него и рвутъ его платье при каждомъ его шагѣ, какъ будто бы они находятъ удовольствіе колотъ и мучить странника. Какъ онъ ни утомленъ, но все же идетъ впередъ по высокой травѣ, опутывающей ноги, — идетъ, проклиная терновники, царапающіе ему лицо и руки и превращающіе его платье въ лохмотья; проклиная мрачныя тѣни и жгучее солнце, мѣсто, въ которое стремится, и людей, которыхъ онъ встрѣтитъ въ этомъ мѣстѣ; проклиная себя и весь подлунный міръ. Онъ идетъ, съ угрюмымъ лицомъ и неподвижнымъ взоромъ къ завѣтной цѣли, указанной ему мнѣніемъ; желаніе достигнуть поскорѣ этой цѣли придаетъ его истомленному тѣлу новыя силы, помогаетъ ему перенести все трудности.

Съ веселою и сіяющею улыбкою, приглаживая усики, направляется маіоръ Варней по длиннымъ корридорамъ къ комнатѣ Рахили Арнольдъ. Отъ него, какъ и прежде, какъ будто бы исходить какое-то сіяніе, озаряющее даже темные уголки, такъ что слуги, встрѣчавшіе его на узкой лестницѣ, по которой онъ выходитъ въ верхній этажъ, — противъ воли прищуриваются. Вся фигура его сверкала, а брелоки часовой цѣпочки гармонично звякали, ударяясь другъ въ друга. Тихими шагами пошелъ Варней къ больной.

Эта комната, находившаяся въ одной изъ отдаленнѣйшихъ частей замка, была низка, съ потолкомъ изъ дубовыхъ бревенъ и косоугольнымъ окномъ, полу-заслоненнымъ выступомъ крыши. У стѣны противоположной окну стояла старинная кровать подъ балдахиномъ, на которой лежала больная. Влѣдное лицо ея было обернуто къ дверямъ и широко открытые голубые глаза ея выражали испугъ и сильную тревогу. Докторъ сидѣлъ въ креслѣ у ея изголовья и задумчиво смотрѣлъ на свою пациентку, между тѣмъ какъ глаза толстой сидѣлки блуждали безсознательно по деревьямъ парка.

Ей немного похуже сегодня, сказалъ наконецъ докторъ, и по всемъ вѣроятіямъ, у нея начнется бредъ.

Сидѣлка, углубившись въ созерцаніе деревьевъ, не слышала фразы. Докторъ вынулъ часы и вяло руку больной. Но черезъ нѣсколько минутъ онъ съ недовольнымъ видомъ поднималъ темныя

брови, какъ будто убѣдился въ бесплодности усилий отвратить пароксизмъ и закрылъ чашею, издавшею чужь слышныи, металлической звукъ. Помотавъ на это время голову и ступивъ и ступивъ

— Единственный сынъ!.. злой... безсердечный... дурной... неблагодарный... и легко снать: единственный сынъ!.. единственный!.. простонала больная.

— Это невыносимо! замѣтила сидѣлка, терпѣние которой видимо, истощилось. — Она бредила во всю ночь и я не могла спать изъ-за ея *единственного сына!* Хотя кострюли и овощи надѣли мнѣ сильно, а это вдвое хуже.... Ахъ ты Царь мой небесный!

Нужно замѣтить къ слову, что дородная дѣвушка деботировала въ подвальномъ этажѣ замка въ качествѣ помощницы кухарки, а изъ этого, мало почетнаго званія, была обращена въ сидѣлку у постели Рахили Арнольдъ.

— Единственный сынъ! повторяла Рахиль, смотря пристальнымъ взглядомъ на открытую дверь. злодѣй!.. безчеловѣчный! А единственный сынъ!..

Маіоръ въ это мгновеніе явился на порогѣ. Онъ былъ такъ высокъ, такъ плечистъ и такъ статенъ, что наполнялъ собою всю амбразуру двери.

Докторъ, молча, сидѣлъ въ весьма небрежной позѣ, растагивая пальцы своихъ черныхъ перчатокъ; сидѣлка зѣвала, прикрывая ротъ грубыми и красными руками; на окнѣ глѣла птичка, въ каминѣ трепалъ огонь, а въ котлѣ, стоявшемъ на татаиѣ, закипала вода. Никто не замѣтилъ присутствія маіора, исключая больной: испустивъ слабый крикъ и собравъ всѣ силы, она соевочила съ постели и, бросившись на изумленнаго своего посетителя, схватила его за воротъ; казалось, что она, слабая женщина, хочетъ вступить въ борьбу съ этимъ высокимъ и сильнымъ человекомъ.

— А это вы?! воскликнула она съ безумнымъ взглядомъ въ первый злодѣй въ мірѣ!.. Зачѣмъ вы пришли ко мнѣ?.. Для чего вы показываете опять ваше насмѣливое, фальшивое лицо.... Вы не должны являться мнѣ никогда на глаза, если вы не хотите, чтобы я убила васъ!

— Я это предугадывалъ, сказалъ спокойно докторъ, я пред-

видѣлъ возможность этого пароксизма, такъ какъ давно замѣтила, что голова ея не въ нормальномъ порядкѣ. — Сидѣлка оттащила больную отъ маіора и уложила ее снова въ постель; несчастная не думала сопротивляться ей. Волосы ея разтрепались и висѣли, скрывая на-половину блѣдное, безумное лицо.

Маіоръ отстранилъ доктора и занялъ его мѣсто такъ спокойно, какъ будто онъ считалъ себя другомъ или роднымъ больнои

— Добрѣйшая мистрисъ Арнольдъ, милая мистрисъ Арнольдъ!.. произнесъ онъ вѣжно: — Вы не должны тревожиться!

— О, этотъ страшный голосъ! воскликнула больная, заметавшись тоскливо на пуховыхъ подушкахъ. — Этотъ проклятый голосъ, который говорилъ мнѣ такъ много страшныхъ словъ....

— Слушайте, моя дорогая, перебилъ ее Варней — вамъ не слѣдуетъ говорить объ голосахъ и ломать вашу бѣдную, усталую головушку подъ нацмывомъ различныхъ болѣзненныхъ фантазій; а нужно постараться успокоиться и терпѣливо выслушать слова вашихъ друзей! и пришелъ съ порученіемъ отъ сэра Руперта Лисля.

— Сара Руперта Лисля... сэра Руперта Лисля! повторила Рахиль, продолжая метаться, Единственный сынъ.... онъ единственный сынъ!

— Ну, не можетъ-ли это надѣветъ хоть кому! воскликнула сидѣлка, обратившись къ маіору — Вѣдь это утоительно?... Такою она была и во всю эту ночь — скучною, какъ арифметика.

Быть можетъ, Рахиль Арнольдъ разслышала послѣдніе слова своей сидѣлки и вдругъ перенеслась, подъ влияніемъ горячки, въ то далекое время, когда она, съ другими молодыми же дѣвухами училась тоже въ школѣ — потому что она начала вдругъ высчитывать днямъ и рѣзкимъ голосомъ.

— Семью-пять — тридцать, пять, семью-пять... Рупертъ Лисль.... я кладу семь.... кладу сэра Руперта Лисля.... я носила его.... и носила его, хотя руки мои нерѣдко утаивали... вѣдь, онъ же былъ моимъ единственнымъ дитятемъ.... единственнымъ дитятемъ!..

— Ахъ! бѣдняжка, бѣдняжка! проговорилъ маіоръ со вздохомъ состраданія — это грустное зрѣлище!... Докторъ Люкинсъ, мнѣ бы очень хотѣлось побѣздовать съ вами хоть нѣсколько минутъ

у меня въ кабинетѣ! Эта сцена невольно ввозновала меня... Эта молодая дѣвушка, сидѣвшая мистрисъ Арнольдъ? спросилъ онъ, зорко всматриваясь въ помощницу кухарки — она была сидѣлкою ея во все время болѣзни?

— Да -- отвѣтила дѣвушка; — никто не помогалъ мнѣ въ уходѣ за больною, но я стала бояться съ тѣхъ поръ, какъ она спатила совершенно съ-ума.

— А! Вамъ не помогли, пробормоталъ маіоръ. — Никто не помогалъ?... Ну, это преносходно!

Маіоръ Варней проговорилъ эту фразу съ разбѣяннымъ видомъ. Онъ взглянулъ внимательно на сидѣлку — на доктора и потомъ на больную, которая лежала теперь въ полномъ изнеможеніи, от-вернувшись къ стѣнѣ.

— Теперь, докторъ Льюкинсъ, сказалъ онъ послѣ короткой паузы, — потрудитесь пройдтись со мною въ мою комнату, я за-держу васъ тамъ только на пять минутъ.

Маіоръ занималъ хорошенькую комнату въ самой лучшей части замка, куда и проведъ доктора; четверть часа спустя, докторъ вышелъ оттуда, проникнутый сознаниемъ собственнаго достоинства.

— Я увижу сегодня мистера Моррисона, маіоръ Варней, ска-залъ онъ, обвиняясь съ нимъ пожатіемъ руки; я думаю, что достать подобное свидѣтельство не составитъ труда.

ГЛАВА XXVII.

Сказано въ тайнѣ.

Бетси Дженъ, какъ-помощницѣ кухарки, не легко было справ-ляться съ больною послѣ визита гуманнаго маіора; Рахиль Ар-нольдъ бредила и съ каждою минутою все болѣе и болѣе; она произносила безсвязныя фразы, въ историхъ имя Руперта играло вездѣ роль. И чего-только не слетало съ ея горячихъ губъ! Си-дѣлка поминутно обкладывала голову ея холодными компрессами — но они не оказывали желаемаго дѣйствія. Бетси Дженъ махнула на-

конецъ рукой; усѣвшись какъ можно удобнѣе на табуреткѣ передъ каминомъ и прислонившись головою къ мѣдной его рѣшеткѣ, она начала пробѣгать интересный романъ: „Рудольфъ съ красною рукою“.

Она, должно быть, не напрасно жаловалась доктору Льюкинсу, что не смыкала глазъ въ предыдущую ночь, такъ какъ начала путаться въ номерациі страницъ и перескакивала съ 17-й къ 20-й. Во концѣ-концевъ она запуталась до такой степени, что даже стала сомнѣваться въ тождественности Рудольфа; она заснула надъ самою интересною страницею и ей пришлось, что герой съ крас-ною рукою лежитъ на постели подъ балдахиномъ и говорить о сэрѣ Рупертѣ Лислѣ.

— Леди Лисль! послышалось ей вскорѣ затѣмъ. — Леди Лисль!... позовите поскорѣ леди Лисль!...

Рудольфъ съ красною рукою началъ въ эту минуту такъ шумѣть и бунить, что разбудилъ сидѣлку, конечно на мгновеніе: она вздрогнула и перемѣнила положеніе головы, перемѣстивъ ее съ рѣшетки на коѣбна.

Въ это время больная приподнялась съ подушекъ и смотрѣла на дверь.

— Леди Лисль! позовите поскорѣ леди Лисль, повторяла она.

Бетси снова раскрыла заспанные глаза, но все же не была и теперь въ состояніи, обратить вниманіе на возгласъ больной.

— Отыщите ее! продолжала Рахиль. — Приведите ее, чтобы я могла сказать ей кое что передъ смертю.... Приведите ее, чтобы я могла спасти свою грѣшную душу.... Слышите? — приведите ее сюда немедленно!....

Но дѣвушка сидѣла неподвижно на мѣстѣ. Рахиль Арнольдъ кидала на нее взгляды, полные бѣшенства, и, схвативъ вдругъ ножъ, лежавшій на тарелкѣ, закричала пронзительно.

— Ступайте же за нею или я васъ убью!

Бетси Дженъ вскочила съ страшнымъ крикомъ испуга, бросилась внизъ по лѣстницѣ, а оттуда въ парадныя комнаты дома.

Великолѣпный замокъ сдѣлался съ нѣкоторыхъ поръ чрезвы-чайно скучнымъ. Сэръ Рупертъ уѣзжалъ то въ Лондонъ, то въ Брайтонъ, гдѣ игралъ на бильярдѣ въ гостиницѣ «Лисльвудъ»,

въ которой останавливался когда-то Вальдзингамъ; то пребывавъ въ Чичестерѣ, однимъ словомъ: появился вездѣ, кромѣ своего дома. Онъ чувствовалъ себя въ немъ, какъ то не по себѣ и блуждалъ по роскошнымъ заламъ Лисльвудъ, съ видомъ совершенно посторонняго человѣка, а не владѣльца ихъ. Его страшилъ отчасти даже видъ старыхъ слугъ, отцы которыхъ жили и умерли на службѣ знатному роду Лислей. Оливія съ своей стороны проводила большую часть времени въ Вонажѣ, или верхомъ на лошади, или же въ своей комнатѣ. Такимъ образомъ весь замокъ былъ къ услугамъ мистера и мистрисъ Варней. Слуги получали приказанія отъ одного маіора. Начали поговаривать обо всѣхъ этихъ странностяхъ, добавляя при этомъ, что Оливія Лисль *на ножкахъ* съ своимъ мужемъ, что баронетъ съдѣлался пьяницею и развратникомъ и его разореніе неизбежно, но мимо всѣхъ стараній Варней.

Случилось такъ, что леди Лисль была дома въ описываемый нами вечеръ. Она сидѣла одна въ залѣ, у окна, смотря на шедшій въ то время дождь, когда дверь внезапно отворилась и въ комнату влетѣла какал-то фигура. Это была сидѣлка, пробѣжавшая безъ оглядки отъ мансарды до залы.

— Въ чемъ дѣло? Что вамъ нужно? спросила леди Лисль.

— О миледи, простите! отвѣтила ей Бетси. — Бѣдная больная мистрисъ Арнольдъ, миледи, умолила меня пойти сюда за вами.... Она схватила ножъ и сказала съ угрозою, что убьетъ меня, если я не пойду.... О, миледи, идите!

— Рахиль Арнольдъ желаетъ увидѣться со мною?

— Да, да, съ вами, миледи; она дѣльный день бредила, говоря, что ей нужно очистить свою душу.... О, миледи, идите....

— Иду, иду, отвѣтила поспѣшно леди Лисль. — Бѣдная женщина!.... Я не могу понять, что ей отъ меня нужно, но все-таки пойду!

Оливія послѣдовала сейчасъ же за сидѣлкою и, войдя тихо въ комнату, сѣла съ покойнымъ видомъ у постели Рахили.

— Вотъ я привела къ вамъ наконецъ миледи, сказала Бетси Дженъ. — Не всѣ бы согласились исполнять ваши требованія!

— Леди Лисль!... леди Лисль!... повторяла больная, не при-
мѣтивъ Оливію.

— Да, леди Лисль пришла. Если вы не довольны, такъ вамъ ужъ послѣ этого ничѣмъ не угодишь.

Рахиль приподнялась на локтяхъ и взглянула на леди.

— Нѣтъ, нѣтъ, это не та! закричала она. — Приведите другую! эта слишкомъ мрачна и черные глаза ея горятъ, какъ будто уголья.... я боюсь ее!.... Нѣтъ мнѣ нужна другая!.... мнѣ нужна та, которая, во время моей молодости была со мною похожа! О Господи, спаси и помилуй меня!

— Она говоритъ о матери моей! прошептала Оливія, называвшая матерью Клэррибелль Вальдзингамъ.

— Я говорю о той, у которой печальное и блѣдное лице и бѣлокурые волосы.... о той, что вышла замужъ за Режинальда Лисля... которая имѣла до безумія любимаго, единственнаго сына!.... Бѣдня леди Лисль!.... Мнѣ нужно ее видѣть!

— Вы не можете увидать ее, такъ какъ ея нѣтъ въ Лисльвудѣ, отвѣтила Оливія; — но, если только вамъ необходимо нужно, сказать ей что-нибудь особенно серьезное, то вы ее увидите черезъ день или два.

— Особенно серьезное? повторила Рахиль. — Дѣло идетъ буквально о жизни или смерти... о спасеніи души моей.... Развѣ я въ состояннн умереть съ такою тяжестью на сердцѣ и на совѣсти?

— Но если вы хотите облегчить вашу совѣсть, то не можете-ли сдѣлать это теперь? замѣтила Оливія. — Все, касающееся мистрисъ Вальдзингамъ, касается меня. За чѣмъ вы не хотите вѣрнѣе моей честности?

— Нѣтъ! воскликнула больная. — Вы, вѣдь мнѣ не простите Вѣдь вы—его жена.... и съ вами посетили еще хуже, чѣмъ съ нею.... да, несравненно хуже. Она можетъ простить мнѣ, потому что она была моею барынею, да и знала меня, когда я еще была дѣвучкою, молодою, и счастливою.... Она проститъ меня за то, что я хранила эту гнусную тайну, но вы, *вы* не простите!

— Вы сильно ошибаетесь! расскажите мнѣ все, и я даю вамъ слово, что и прошу вамъ все!

— Вы даёте мнѣ слово?! воскликнула Рахиль. Но вѣдь вы же не знаете.... вы не знаете сами, что вы мнѣ обѣщаете.... Повторяю вамъ, что вы не въ состояннн простить мою вину. Вы такая надменная... я слышала, что вы очень древняго рода... Нѣтъ, отъ васъ нельзя ждать сердечнаго прощенья!

— Да я же прошу васъ, увѣрила Оливя, встревоженная слыно выходками больной.— О, скажите мнѣ все! добавила она, сжавши руку Рахили.

— Такъ сядьте же и спрячьтесь за кроватью занавѣсь, что вы и могла представить себѣ, что говорю съ другой.... но сперва отойдите отсюда эту дѣвуху!

— Вы можете идти, обратилась Оливя къ обманувшейся къ своимъ ожиданьямъ дѣвухѣ, любопытство которой было возбуждено предвѣдущею сценою.— Вы можете отправиться и совѣтую вамъ—не подслушивать насъ!... Сойдите внизъ по лѣстницѣ такъ, чтобы я могла слышать, какъ вы по ней пойдете!

Бетси Джэнь удалилась, а леди Лисль приготовилась выслушать иновѣдь, спрятавъ свое прекрасное лице въ тѣнь занавѣсокъ, отчего оно сдѣлалось мрачнѣе обыкновеннаго.

Какова бы ни была тайна, выведенная влнннємъ горичешнаго бреда, вливавшагся въ обичивыхъ, и отрывочныхъ фразахъ—она произвела странное впечатлѣнне на безмолвную слушательницу: она вышла изъ спальной Рахили Арнольдъ—съ мертвенно блѣднымъ, почти окаменѣлымъ отъ ужаса лицомъ и начала спускаться малинальво по лѣстницѣ, шатаясь и останавливаясь, чтобы провести рукою по холодному лбу и проментать съ испугомъ и съ жгучею тоскою:

— Возможно-ли такаа глубокая испорченность? Неужели все это не сонъ, а непреложная, роковая дѣйствительность?

ГЛАВА XXVIII.

Сила противъ права.

Остатокъ вечера леди Лисль провела одна въ своей гостиной, привалившись къ кушеткѣ, стоявшей у камина; она о чельто думала, устремивъ на огонь блестяще глаза. Выволоченные часы, стоявшн на столикѣ, били ужъ много разъ, а Оливя Лисль не отрывалась отъ своихъ грустныхъ думъ.

Маюру съ баронетомъ уѣхали въ Чичестеръ еще до обѣда и ихъ ждали только къ ночи. Оливя очень рѣдко интересовалась дѣйствнми своего мужа, но на этотъ разъ она освѣдомилась, куда онъ отправился и когда возвратится. Прекрасные часы со звономъ пробили одиннадцать, двѣнадцать, часъ, полчаса втораго, три четверти втораго—Оливя терпѣливо и съ спокойнымъ лицомъ ждала возвращеня запоздавшаго мужа. Съ послѣднимъ ударомъ трехъ четвертей втораго, послышался стукъ подъѣзжавшаго экипажа, который векорѣ стихъ подъ окнами гостиной.

— Это править маюръ, подумала Оливя, а тотъ презрѣнный трусъ бонгся править ночью.

Въ передней раздались голоса сэра Руперта и маюра Варнея. Первый говорилъ очень громко, но довольно невнятно и могъ только съ трудомъ отворить дверь гостиной. Сильно пошатываясь, дошелъ онъ до дивана, бросился на него и разразился оглушительнымъ смѣхомъ.

— А вѣдь мы провели сегодня славный вечеръ?... что скажешь, старый другъ? отнесся онъ къ маюру, откинувъ назадъ голову и повернувъ къ нему обрызгное лице, выловнну закрытое подъ нависшими на лобъ, жидкими волосами.

— Дорогой мой Рупертъ, развѣ вы не видите леди Лисль? проговорилъ маюръ тономъ упрека.

— Какъ?! она здѣсь?! воскликнулъ молодой человѣкъ. — Нѣтъ, я ее не вижу и не нуждаюсь видѣть.... Будь она проклята!... Очень мнѣ нужно видѣть это блѣдное лице, съ надменными глазами и мрачнымъ выраженіемъ!... Я научу ее, какъ со мною обходиться! я покажу ей, кто я! и будь я проклятъ Богомъ, если я ей поддамся!

Гордясь своимъ нахальствомъ, этотъ презрѣнный трусъ сжалъ грозно кулаки и взглянулъ на жену съ торжествующимъ видомъ.

Леди Лисль встала съ мѣста и, выпрямивъ свой стройный, величественный станъ, подошла смѣло къ мужу.

— Предпожимъ, что я знаю, кто вы такой, сказала она сухо.

Маюръ стоялъ въ дверяхъ, снимая свои перчатки, красивыя перчатки; при возгласѣ Оливій, онъ прикрылъ быстро дверь и прислонился къ ней.

— Предположите же, что я знаю, кто вы, повторила Оливія. — Предположите кстати, что я, къ величайшему личному стыду и униженію, знаю не только васъ, но и все ваше прошлое!

Ноздри и верхняя губа ея дрожали отъ волненія, да и все тѣло ея трепетало такъ сильно, что она была вынуждена опереться на столъ.

— Драгоценнѣйшая леди Лисль, началъ маюръ Варней съ какимъ-то напряженнымъ выраженіемъ лица, я положительно не ожидаю отъ васъ подобной вспышки; нельзя было подумать, чтобы вы, съ вашимъ умомъ, были способны вызвать такое объясненіе.

— Я говорю вамъ прямо, сказала леди Лисль громкимъ и яснымъ голосомъ, — что мнѣ вполне извѣстенъ этотъ подлый обманъ, извѣстна и та роль, которую играли и вы, маюръ Варней.... Но взгляните сюда! закричала она, задыхаясь отъ гнѣва: — взгляните же на этого безсмысленнаго пьяницу, который стоитъ нравственно ниже всякой собаки! О, Боже, Боже праведный!... Какъ я была глупа, если могла позволить себѣ пойти съ *нимъ* подъ вѣнецъ.

Она нервно расхохоталась и взглянула на мужа съ безграничнымъ презрѣніемъ.

Маюръ спокойно вытащилъ ключъ изъ замка, опустилъ его въ карманъ и подошелъ къ Оливій.

— Леди Лисль, сказалъ онъ, стараясь схватить ея руки, — выслушайте меня.

Она съ отвращеніемъ отняла свои руки.

— Леди Лисль! повторила она съ живымъ негодованіемъ. — Какъ вы смѣете, лицемеръ, какъ вы смѣете называть меня и теперь ложнымъ именемъ, которое не принадлежало мнѣ ни на единый часъ, ни на одну минуту?!.. О, глупая я женщина! воскликнула она съ тоскою, замѣнившюю минутную запальчивость. — Какъ могла я забытья до того, чтобы продать свою душу за роскошь и титулъ, чтобы пожертвовать честнымъ и благороднымъ сердцемъ и для кого, вдобавокъ?!.. для того, кто присвоилъ себѣ чужое имя и чванится чужимъ, украденнымъ богатствомъ!

Саръ Рупертъ Лисль смотрѣлъ пугливо на жену. Откинувъ съ влажныхъ глазъ растрепанные волосы, онъ, вышедъ какъ-то сразу изъ своего оцѣпенѣнія и сдѣлался, по прежнему, задорнымъ и нахальнымъ.

— Она, вѣроятно, говорила сегодня съ этой дьявольскою женщиною, что лежить на верху, отнесся онъ маюру: — и та сказала ей....

— Она сказала мнѣ положительно *о се*, перебила Оливія. — *Ваша мать* сообщила мнѣ очень вѣрныя свѣдѣнія о томъ, кого считаютъ — саромъ Рупертомъ Лислемъ.

Маюръ пожалъ плечами и улыбнулся нѣсколько насмѣшливою улыбкою.

— Я повторяю вамъ еще разъ, леди Лисль, сказалъ онъ ей спокойно, — что вы послѣдняя особа, отъ которой я могъ бы ожидать такихъ словъ. — Сядемъ, добавилъ онъ, подвигая ей кресло, — и постараемся обсудить хладнокровно, что это означаетъ.

Оливія была такъ слаба и растроена, что была вѣнъ возможности отклонить предложеніе и опустилась въ кресло.

— И такъ постараемся разобрать это дѣло, продолжалъ

маюръ: — Вы иѣли неосторожность уличить желаніемъ навѣстить несчастную больную!

— Да, отвѣтила она, глухо.

— Ну, и эта несчастная, которая уже нѣсколько дней страдаетъ, очевидно, потерей разсудка — что навѣрно, конечно, не мнѣ одному — рассказала вамъ свои галлюцинаціи.

— Я инстинктивно чувствую, что она сообщила мнѣ только половину истину! возразила Оливія, не снушая съ маюра своихъ блестящихъ глазъ. — Вѣрьте, что я отъ души желала бы быть убѣжденной въ противномъ!

— А! вы чувствуете, что она говорила вамъ правду! пробормоталъ маюръ. Позвольте же спросить: чѣмъ она доказала вамъ правдивость своихъ словъ?

— Ни чѣмъ осязательнымъ.

— Ни чѣмъ осязательнымъ? спросилъ маюръ съ лучезарною улыбкою. — Такъ она не дала вамъ ни какихъ доказательствъ?... Нѣтъ? воскликнулъ онъ вдругъ, возвысивъ слегка голосъ: о, я знаю — что нѣтъ!.... Она, конечно, говорила вамъ, что у нея есть сынъ, котораго какая-то знатная дама вдругъ признала за собственнаго!... Ну, однимъ словомъ она, рассказала такую несмысленную басню, какую не придумаешь и любому писателю.

— Она мнѣ сообщила, какое участіе принимали вы въ этой адекой продѣлкѣ: вы начали ее и вы же довели ее искусно до конца — если и непосредственно, то съ помощью орудія.

— Дорогая леди Лисль, началъ снова маюръ, нисколько не смущавшійся обвиненіями Оливіи: — я обращаюсь къ вашему уму или разсудку: пусть онъ одинъ руководитъ въ этомъ случаѣ вами — и тогда мы скорѣе сговоримся другъ съ другомъ! Неужели вы думаете, что я на столько глупъ, чтобы избрать въ повѣренные эту Рахиль Арнольдъ, еслибъ когда-либо задумалъ подобную интригу. Неужели я довѣрился въ этой слабой, вѣчно болѣзненной и позушной женщинѣ, которой бы могла не сегодня, такъ завтра прийти мысль измѣнить мнѣ. Ну возможно-ли это? правдоподобно-ли это?... Великіе боги, неужели я способенъ сдѣлать такую глупость?

— Она говорила очень несвязно; но все же я могу понять изъ

ея словъ, что она подделывала какой-то разговоръ между вами и ея мужемъ, замѣтила Оливія, вѣсивъ въ отвѣтъ и онъ — и наглѣе озарила

— Леди Лисль, мнѣ досадно, что вы такъ встревожились — и вдобавокъ, напрасно, сказали маюръ торжественно. — Вы слушали просто бредъ помѣшанной женщины, галлюцинаціи которой не трудно объяснить, если только припомнить, что у нея былъ сынъ — одинъ лѣтъ съ сэромъ Рупертомъ и вдобавокъ похоронъ съ нимъ. Не допускайте же, чтобы такая особа могла вліять на васъ, да еще въ такой степени, чтобы вы рѣшились сказать вашему мужу, что онъ вовсе не тотъ, кѣмъ онъ былъ и останется — и обвинять меня въ подлогъ и обманъ. Предположимъ, что вамъ собственный интересъ потребовалъ бы, чтобы мы добились доказательствъ отъ Рахили Арнольдъ — чего быть не можетъ, потому что вы сдѣлались бы дѣлюю насмѣшекъ всего графства, какъ женщина, продавшая себя за титулъ и богатства и открывшая послѣ, что она вышла замужъ за нищаго бродягу.... Но еслибъ, говорю я, потребовались факты, какое же доказательство представили бы вы?

Оливія молчала.

— Вы теперь говорите, что вашъ мужъ самозванецъ, подложный баронетъ а настоящій Лисль ждѣ-то вдали.... съя спросить васъ, гдѣ?

— Я этого не знаю!

— Я это предугадывалъ! проговорилъ маюръ. — Это не въ вашей власти!

— Пожалуй что и такъ! подтвердила Оливія.

— Прекрасно! А могу я спросить у васъ еще, когда мистриссъ Арнольдъ видѣла сэра Руперта?

— Лѣтъ пятнадцать назадъ, когда его ввели изъ больницы докой.

— Пятнадцать лѣтъ назадъ, повторилъ маюръ — это дѣлая вѣчною, дорогая леди Лисль!... Но мы, къ счастью, можемъ опровергнуть это необовательное обвиненіе Рахили Арнольдъ, признанной пользующимъ ее докторомъ безусловно помѣшанною, и писаннымъ показаніемъ ея мужа, Бильберта Арнольда, подписаннымъ имъ въ присутствіи нотариуса баронета.

— Да поможет мнѣ небо! воскликнула Оливія, сложивъ тоскливо руки, — но я чувствую истинно, что эта женщина сообщила мнѣ правду.

— Вашъ истинный будетъ вамъ весьма плохую поддержкою передъ лицомъ закона, милая леди Лисль, возразилъ майоръ. Мы васъ не боимся... не такъ-ли, милый Рупертъ? мы не боимся также и Рахили Арнольдъ. Ни свѣтъ существуетъ только одна особа, которой сэръ Рупертъ долженъ слегка бояться, а эта особа — майоръ Гранвиль Варней.

При послѣднихъ словахъ майоръ слегка ударилъ рукою по жилету, въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежалъ извѣстный порт-наше и стальная пѣлочка, посредствомъ которой онъ былъ прикреплень къ поясу, издала легкой звонъ.

— Да поможетъ мнѣ Богъ и научитъ меня, какъ поступить въ моемъ несчастномъ положеніи, сказала леди Лисль.

— Я совѣтую вамъ лучше оставить все, какъ есть, чѣмъ начинать вполнѣ бесполезный скандалъ, который только сдѣлаетъ васъ предметомъ состраданія — въ качествѣ честолюбивой женщины, обманутой сыномъ бродяги-браконьера; это будетъ еще ужаснѣе „Лондонской дамы“.

Съ тоскою и отчаяніемъ ушла Оливія въ свою комнату, чтобы обдумать всѣ происшествія этого дня.

Утромъ другого дня леди Лисль увидѣла, проходя черезъ переднюю, двухъ человѣкъ, прохаживавшихся передъ главнымъ подъездомъ.

— Кого вы ожидаете? спросила она одного изъ нихъ, здороваго, широкоплечаго малаго, шея котораго была обмотана краснымъ бумажнымъ платкомъ.

— Мы ожидаемъ одну особу, которую должны перевезти въ пріютъ, но она долго не идетъ.

— Пріютъ?... какой пріютъ? изумилась Оливія.

— Пріютъ умалишенныхъ.

Прежде, чѣмъ леди Лисль могла предложить еще одинъ вопросъ, въ переднюю вошла Рахиль Арнольдъ, поддерживаемая сидѣлкою и еще другою женщиною съ грубымъ выраженіемъ лица, присланною изъ дома умалишенныхъ, чтобы перевезти больную.

Несчастливая Рахиль была блѣдна, какъ мертвая, и дрожала всѣмъ тѣломъ.

— О, миледи... миледи! воскликнула она: — не позволяйте мнѣ увести меня отъ васъ и вѣдь не сумасшедшая!... право, не сумасшедшая!... то, что я вамъ сказала — безусловно правдиво до единого слова!

— Это доказываетъ, леди Лисль, радалась вдругъ голосъ майора, появившагося въ дверяхъ библиотеки, — что пора запереть въ четырехъ стѣнахъ людей, которые сдѣлались жертвами галлюцинацій; иначе они могутъ оказать очень вредное вліяніе на другихъ — даже развитыхъ личностей, такъ что эти послѣдніе сойдутъ въ концъ-концевъ, какъ и они, съ ума. Не позабудьте, леди, что самый громкій титулъ не заграждаетъ входа въ домъ умалишенныхъ!

Женщина съ грубымъ лицомъ и одинъ изъ незнакомцевъ потянули Рахиль. Но дойдя до порога, она остановилась и, протанувъ свою исхудалую руку, воскликнула торжественно.

— Призываю проклятіе на весь этотъ домъ и на живущихъ въ немъ!

ГЛАВА XXIX.

Вѣднй Ричардъ.

Снѣгъ давно уже растаялъ на улицахъ Вельминстера. Крокусы въ саду мистера Говарда зацвѣли въ великолѣпными нарциссами и душистыми жонкиллами; скромныя фіалочки притались въ тѣни кустовъ, а Блэншъ Говардъ проводила все свое время за исполненіемъ принятыхъ ею обязанностей. Прекрасный выкарій быль все также печаленъ и ревностенъ къ дѣлу; добродушный ректоръ, по прежнему, боролся съ грѣхами и недостатками своей наставы, между тѣмъ какъ Ричардъ Саундерсъ занималъ должность директора ново-устроенной народной школы. Въ одинъ прекрасный, майскій день онъ сидѣлъ попереди своихъ безпозвоныхъ учениковъ,

терпѣливо объясня имъ какой-то урокъ. Какъ онъ ни неутомимъ, какъ ни любимъ учениками, но посторонній наблюдатель понималъ бы съ перваго же взгляда, что онъ не умѣтенъ въ этомъ простомъ училищѣ. Голубые глаза его выражаютъ смѣсь страданія, но вѣстѣи и добродушія; въ манерахъ его проглядываетъ что-то нервное, ненормальное, свидѣтельствующее, что духъ его стремится къ высшей дѣятельности. Но чтобы онъ ни думалъ и не чувствовалъ—онъ превосходно выполняетъ свой долгъ и дѣти преданы ему отъ всей души, что доказывается ими различными способами. Они приносятъ ему прекрасные букеты изъ своихъ садовъ—встаютъ еще до зари, чтобы украсить классную этими же букетами; они идутъ за нѣсколько миль, чтобы достать ему книгу, въ которой онъ нуждается, такъ какъ имъ извѣстно, что онъ много занимается науками, они смотрятъ на него удивленными взорами и розинувъ ротъ, когда онъ сидитъ, наклонившись надъ какимъ-нибудь толстымъ томомъ, взятымъ имъ у котораго-нибудь изъ окрестныхъ пасторовъ.

Въ его маленькой гостинной стоитъ этажерка, нагруженная книгами, купленными имъ на карманные деньги, когда ежегодные взносы за него дяди давали ему полную возможность удовлетворять своему влеченію къ наукѣ.

Въ этотъ день онъ какъ-то особенно молчаливъ и серьезенъ; онъ почти вовсе не разговариваетъ съ учениками, отсылая ихъ домой, такъ что старшіе изъ нихъ уходятъ съ унылымъ видомъ и говорятъ другъ-другу, что съ учителемъ, навѣрно, случилось что-нибудь несприятное. Оставшись наединѣ съ собою, Ричардъ погружился всецѣло въ размышленіи. Глаза его устремлены на открытое окно, въ которое ему видна, идущая вдоль красиваго плетня, тропинка, по которой Бланшъ вѣла его осенью въ народное училище.

— Придетъ-ли она? спрашиваетъ онъ себя. — Она обѣщала принести мнѣ последнее издание *Востерлея*, какъ только принесетъ его изъ библиотеки. Она такъ добра и такъ неутомима, что непременно сдержитъ данное обѣщаніе! О да, я убѣжденъ, что она его сдержитъ!

Эта мысль очевидно успокоила Ричарда. Онъ взялъ съ

полки книгу и началъ читать ее, поглядывая все-таки изрѣдка на тропинку.

— Если она принесетъ мнѣ „Обозрѣніе“ — не докажетъ-ли это, что она интересуется мною? Впрочемъ, она сдѣлаетъ то же самое для бѣднѣйшаго жителя Вельминстера, если только у него есть охота къ чтенію; она считаетъ долгомъ — доставлять удовольствіе. Въ ней такъ мало общаго съ другими дѣвушками, что нужно быть бессмысленнымъ и отчаяннымъ фатомъ, чтобы видѣть въ ея дѣйствіяхъ признаки предпочтенія.

Онъ снова опечалился и всталъ, чтобы пройти нѣсколько разъ по комнатѣ.

Ричардъ не былъ красавцемъ, но въ лицѣ его было что-то нѣжное, симпатичное, дѣлавшее его въ самомъ дѣлѣ привлекательнымъ. Онъ одѣвался просто, но смотрѣлъ джентльменомъ. Пока онъ ходилъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ, у окна показалось хорошенькое личико и нѣжный голосокъ произнесъ очень весело:

— А! Ричардъ, какъ вы нетерпѣливы! Вы ходите тутъ съ видомъ голоднаго льва, ожидающаго обѣда; а вѣдь я опоздала немного съ „Обозрѣніемъ“. Мнѣ очень досадно, что я принуждена назвать эту книгу чрезвычайной скучною: я не могла прочесть больше шести страницъ... Можно-ли войти къ вамъ?

— Да, если вамъ угодно! отвѣтилъ съ легкимъ трепетомъ молодой человѣкъ.

— Благодарю, сказала съ яenoю улыбкою Бланшъ;— я имѣю къ вамъ множество порученій отъ моего отца, да и кромѣ того, хочу сказать вамъ многое! И такъ, я зайду въ вамъ на цѣлыхъ пол-часа.

Молодой человѣкъ бросился открыть дверь, и дѣвушка, войдя въ классную, сѣла прямо на кафедру. Въ теченіе четверти часа она говорила о разныхъ разностяхъ, давала порученія, просила собрать свѣдѣнія относительно родителей его учениковъ и т. д. Но Ричардъ хранилъ глубокое молчаніе. Опершись на подоконникъ, онъ перебиралъ свою нѣжную рубку часовую пѣлочку. Бланшъ замѣтила его разсѣянность и проговорила наконецъ съ нетерпѣніемъ:

— Но, Ричардъ Саундерсъ, да вы вовсе не слушаете. Я уверена, что вы не слышали ни слова изъ всего мною сказаннаго.

— Это вѣрно, миссъ Гэвардъ! отвѣчалъ онъ ей съ внезапнымъ увлеченіемъ: — я прислушиваюсь только къ вашему голосу.... который кажется мнѣ, мелодичнѣе музыки и туманить мнѣ голову.

— Ричардъ! сказала Бланшъ укоризненнымъ тономъ.

— Да, да, отвѣчалъ онъ съ горькою улыбкою: — говорите, что и совершенно забылся, что ваша доброта сдѣлала мени дерзкимъ. Идите къ отцу, Бланшъ, и скажите ему, что онъ принялъ участіе въ недостойномъ его, такъ какъ человѣкъ, османиннй его благодареніями, благодарить его только тѣмъ, что осмѣлился полюбить его дочь.

— Ричардъ!... Ричардъ!... воскликнула она съ безотчетною тоскою.

— И вы не упрекаете меня за дерзость, миссъ Гэвардъ?

— Нѣтъ, Ричардъ. Что же дерзкого въ томъ, что вы мнѣ сказали? Развѣ вы мнѣ не равны по понятіямъ и чувствамъ, такъ же, какъ, вѣроятно, и по рожденію вашему?

— Какъ?! воскликнула Ричардъ, — блѣдное лице его озарилось лучемъ надежды и блаженства — обдумали-ли вы то, что сейчасъ сказали?... Вѣроятно-ли это?... Неужели вы выслушаете меня и мою искреннюю, задумчивую исповѣдь?

— Нѣтъ, сказала она спокойно и рѣшительно. — О, Ричардъ, Ричардъ! за чѣмъ такая мысль забрела въ вашу голову? Зачѣмъ неудовольствовались вы одною только наукою, которая давала вамъ столько свѣтлыхъ минутъ?... Да знаете-ли вы, какъ тяжело любить.... и любить безнадежно?... Вы еще не испытывали, каково думать вѣчно о томъ, который васъ никогда и не вспомнить?... О, Ричардъ, вы дитя, и я говорю съ вами, какъ стала бы, конечно, говорить съ младшимъ братомъ: совѣтую же вамъ выкинуть эту мысль изъ вашей головы.

Она проговорила эти слова съ необыкновеннымъ одушевленіемъ; сѣрые глаза ея разгорѣлись и лице покрылось пылающимъ румянцемъ.

— Такъ значитъ нѣтъ надежды?... нѣтъ никакой надежды! говорите же, Бланшъ?... Вспомните, что вы сами называли меня

только сейчасъ ребенкомъ; настоящее мое положеніе — положеніе временное: я готовлюсь въ коллегію.... Я сдѣлаюсь ректоромъ.... И буду равенъ вамъ, а тогда.... тогда, Бланшъ, можно-ли мнѣ надѣяться?

— Нѣтъ, Ричардъ, никогда!

Тихая грусть, отразившаяся на ея лицѣ, лучше всякихъ словъ могла доказать, даже самому упрямому влюбленному, что дѣло его проиграно. Ричардъ Саундерсъ закрылъ лице руками и горько зарыдалъ. Въ это время въ дверяхъ показался внезапно Вельминдстерскій викарій.

— Могу-ли я войти? спросилъ спокойно Вальтеръ, — и тутъ-же, не дожидаясь отвѣта на вопросъ, переступилъ порогъ. — Добрый вечеръ, миссъ Гэвардъ! Ричардъ, какъ вы себя чувствуете?

Положивъ руку на плечо молодого человѣка, онъ замѣтилъ, что все тѣло его судорожно вздрагиваетъ.

— Что это, Ричардъ?... Ричардъ, да что же съ вами? произнесъ онъ тревожно.

— Вы были такъ добры ко мнѣ, мистеръ Вальтеръ Реморденъ! я довѣрился вамъ, какъ старшему брату, отвѣтилъ ему мигло молодой человѣкъ. — Вы знаете давно, какъ я люблю ее.... простить-ли она мнѣ, что я сказалъ вамъ то, что сказалъ сейчасъ ей?

— Да... по всемъ вѣроятіямъ! отвѣтилъ Реморденъ.

— Она запретила мнѣ дожидаться взаимности въ настоящемъ, такъ какъ и въ будущемъ.... Да хранить ее небо! даже ангелъ не могъ бы отвѣтить мнѣ иначе, но она тѣмъ не менѣе разбила мое сердце!

Викарій не могъ видѣть лица молодой дѣвушки: она его закрыла дрожавшими руками.

— Вы оба очень милые, но навные дѣти! сказалъ ласково Вальтеръ; не слишкомъ-ли опростетливо подобное рѣшеніе? Вы мнѣ кажется созданными нарочно другъ для друга и я ожидалъ всеобщей иной развязки.... Миссъ Гэвардъ, дайте руку.... Какъ она холодна, эта бѣдная, маленькая, деликатная рука!... Сидемъ сюда, къ огню; я разскажу вамъ повѣсть любви, конецъ кото-

рой чрезвычайно грустенъ, но которая может послужить вамъ урокомъ.

ГЛАВА XXX.

Рассказъ викарія.

Всѣми признано, началъ Реморденъ, съѣвъ спиною къ окну, такъ что лице его оставалось въ тѣни, — что нелегко живется человѣку, сдѣлавшемуся игрушкой безнадежной любви, а въ особенности — обманутому любимому имъ женщиною. Какъ бы то ни было, но признаюсь вамъ, что я самъ нахожусь въ числѣ людей обманутыхъ такимъ плачевнымъ образомъ.

Вланишъ вдрогнула, услышавъ это признаніе, но ни она, не Ричардъ не возвысили голоса.

— До этого вечера я никогда не упоминалъ объ этой неблагоприятной, продолжалъ Вальтеръ Реморденъ. — Я несъ покорно крестъ, стараясь исполнять добросовѣстно долгъ; но когда я увидѣлъ этого бѣднаго молодого человѣка, оплакивающимъ свою надежду и свои разбитыя мечты, я подумалъ, что угѣшу его лучше всего, если расскажу ему, какъ были уничтожены и надежды другого — оставивъ по себѣ одно только отчаяніе.

Вланишъ пристально смотрѣла на лицо Ремордена, но голова Ричарда опустилась къ конторкѣ, за которую онъ писалъ обыкновенно.

— Нѣсколько лѣтъ назадъ, продолжалъ Реморденъ, я привязался къ дѣвушкѣ, которую считалъ образцомъ совершенства; теперь я уже знаю, что и она была не чужда недостатковъ. Помню ея высокомеріе, презрѣніе, съ которымъ отзывалась она о слабостяхъ другихъ, ея честолюбивыя блестящія мечты, которыя шли бы гораздо больше предприимчивому мундирѣ. Но, помимо этого, она обладала такимъ благороднымъ, смѣлымъ сердцемъ, такимъ яснымъ умомъ, отвергавшимъ все низкое и грязное, что я еще теперь

считаю ее выше большинства нашихъ женщинъ. Только Богу известно, какъ я ее любилъ! я зналъ, что и она любитъ меня.... въ особенности ясно выказала она мнѣ глубину своей любви за нѣсколько недѣль до вѣнчанія съ другимъ!

— Она любила васъ и вышла за другого! воскликнула Вланишъ.

— Да. Мы были друзьями почти съ самого дѣтства; ея отецъ былъ чрезвычайно расположенъ ко мнѣ и поды его-то кровлю я провелъ всѣ счастливыя минуты моей жизни. Ей только что исполнилось семнадцать лѣтъ, когда мнѣ пришлось выѣхать на время изъ пастората; мы разстались безъ клятвъ, но между нами было заранѣе условлено, что мы обвѣнчаемся по моемъ возвращеніи; и вѣрилъ въ ея честность, я былъ такъ убѣжденъ въ искренности ея любви, что мнѣ положительно не могла прійти мысль связать ее торжественнымъ, клятвеннымъ обвѣщаніемъ. Развѣ я могъ подумать, что она въ состояніи желать разбить мнѣ душу? а смотрѣлъ на нее, какъ на второе я!

— А она между тѣмъ обманула такое высокое довѣріе! прошептала Вланишъ Гэвардъ.

— Я пробылъ въ отсутствіи три года продолжалъ викарій Мы и не переписывались въ это долгое время, потому что отцу ея не было ею сказано ни единого слова; но я получалъ свѣдѣнія о ней черезъ людей, которые видѣлись часто съ нею. Въ теченіе этого трехлѣтняго отсутствія я чувствовалъ себя совершенно счастливымъ. Если я вѣрилъ ей, то понятно, что я считалъ свою женидбу едва ли не вполне совершившимся фактомъ. Быть можетъ, Богу было угодно наказать меня за то, что я осмѣлился себѣ создать кумиръ изъ земного созданія! моя любовь, быть можетъ, была тяжкимъ грѣхомъ. Я былъ странно наказанъ!

Вальтеръ остановился, какъ будто обезсиленный невыносимою тяжестью этихъ воспоминаній. Никто не прерывалъ его; переломивъ себя, Реморденъ продолжалъ.

— Я работалъ неутомимо — сколько изъ чувства долга, столько и изъ желанія удостоиться повышенія и сдѣлать ей угодно; я постоянно ходилъ всюду вѣнкомъ, не желая расходовать небольшихъ сбереженій на экипажъ и лошадей, и думалъ о томъ, какъ бы лучше обставить домъ къ блаженному дню предстоявшаго брака. Я

не выдержала этого тяжелого труда и заболела опасно от истощения силъ. Во время моей долгой, мучительной болѣзни, когда я лежала унылый и печальный у честнаго крестьянина, заботливо ухаживавшаго во все время за мною, — я узнала случайно, что она обручилась съ богатымъ человѣкомъ, имѣнне котораго граничало съ укромнымъ домомъ ея отца.

Голосъ викарія прервался отъ волненія. Бланшъ подошла къ нему и протянула ему свою блѣдную руку.

— Вы сочувствуете моему положенію, Бланшъ, сказала кротко викарій: — я знаю хорошо, что вы простили мнѣ мои грустные взгляды, мою несообщительность, мое равнодушіе ко всѣмъ молодымъ дѣвушкамъ, даже вполне достойнымъ любви и уваженія! Ударъ былъ слишкомъ страшенъ и онъ ошеломилъ меня на нѣкоторое время; когда я опомнился то долго сомнѣвался въ достовѣрности слуха, спрашивала себя: можетъ-ли быть, чтобы женщина, такъ горячо любимая, рѣшилась промѣнить мою любовь на золото?

— Но у ней не было сердца! воскликнула миссъ Гевардъ.

— Остановитесь, Бланшъ! не судите ее! Мнѣ больно это слышать, Господь знаетъ, что я давно простила ей, бѣдной, разбившей добровольно свою свѣтлую молодость! Какъ только я опиралась и встала, мною овладѣло сильное нетерпѣніе бѣжать; и чувствовалъ, что долженъ, во чтобы то ни стало лично удостовѣриться въ справедливости сказаннаго. Превосходящая жена ректора моей родной деревни пріятела меня у себя съ большою радостью, большого и развитаго физически и нравственно — и я очутился въ двухмильномъ разстояніи отъ той, съ которою думалъ соединиться вѣчно — неразрывными узами!

— И вы ее увидѣли? спросила его Бланшъ.

— Да — одинъ только разъ. Но короткаго свиданія было вполне достаточно, чтобы убѣдить меня, что ее заставляетъ вступить въ бракъ — честолюбіе... что чувства ея сердца ювсе не измѣнились, но она не могла побороть искушенія громаднаго богатства. Вѣднѣжка! она выросла и жила всегда въ бѣдности, а что можетъ быть хуже для дѣвушки извѣстнаго, знаменитаго рода и гордой по природѣ, какъ томленія бѣдности? Въ то время, я, конечно, не сознавала

еще этой печальной истины, но понялъ ее позже... я увидѣлъ тогда не только что ее, но даже ея суженаго.

— А онъ... начала Бланшъ.

— О, Бланшъ, не спрашивайте лучше объ этомъ человѣкѣ! Только при его видѣ я почувствовалъ волюнъ горечь ея измѣны. Чѣмъ ближе я всматривался въ это грубое, наглое, безмозглое созданіе, которому она отдавала себя — тѣмъ болѣе ужасался. Это былъ человѣкъ очень знатный, но, Боже мой! я даже сомнѣваюсь, чтобы во всѣхъ его помѣстьяхъ и владѣніяхъ былъ хотя одинъ человѣкъ съ такою антипатичною и пошлою наружностью и съ такими манерами, какими отличался этотъ знатный богачъ!

— Но онъ все-таки джентльменъ? спросила миссъ Гевардъ.

— По рожденію — да; онъ, впрочемъ находился, во время своей молодости, въ исключительныхъ обстоятельствахъ, которыя и могутъ послужить извиненіемъ его грубому обращенію и полной неразвитости. Сердце мое буквально обливалось кровью, когда я въ него всматривался и разсуждалъ, что счастье любимой мною женщины зависить отъ такого жалкаго существа; съ этихъ поръ и не слышалъ уже о ней ничего, такъ какъ я избѣгалъ упоминать о ней въ моихъ письмахъ къ знакомымъ, да и знаніе мои чувства или, по крайней мѣрѣ, угадываніе ихъ, не желали, естественно, разстроивать меня. Господь вѣдаетъ, что съ нею стало? а я не могу вспомнить, о ней безъ жгучей боли, потому что я, лично, не доверилъ бы добровольно даже собаки сзру Руперту Лислю!

Въ продолженіе всего разсказа Ремордена, Ричардъ не поднималъ головы отъ конторки, но при имени баронета, онъ поднялся стремительно, блѣдный, какъ смерть.

Сэръ Рупертъ Лисль?! сказалъ онъ, неужели вы такой же сумасшедшій, какъ я? Я не произносилъ и даже не слышалъ этого имени въ теченіе длинныхъ двѣнадцати лѣтъ.

Что вы хотите сказать этимъ, Ричардъ, спросила его Бланшъ, опасаясь невольно за его здравый смыслъ.

— Я хочу сказать, что я былъ боленъ въ дѣтствѣ жестокою горячкою, которая разстроила части мой рассудокъ... и что исходною точкою моего помѣшательства была глупая мысль, что я — сэръ Рупертъ Лисль!

ГЛАВА XXXI.

Въ дорогѣ.

Въ одинъ жаркій июльскій день шелъ по тропинкѣ, въ двадцати миляхъ отъ Ливерпуля, по направленію къ Лондону, какой-то человекъ. Надѣтая на немъ блуза была изорвана до нельзы; толстые башмаки почти ужь развалились, а войлочная шляпа его перенесла, какъ видно, столько бурь и невзгодъ, что потеряла первоистинную форму: къ палькѣ былъ привѣшанъ небольшой узелокъ; путешественникъ, должно быть, подвергался различнымъ превратностямъ судьбы. Еслибъ не Англіійскія проклятія, то и дѣло слетавшія у него съ языка, вы приняли бы его за уроженца Юга — до такой сильной степени загорѣлъ онъ отъ солнца. Хотя вокругъ него не было ни души, онъ шелъ какъ-то несумѣло, стараясь держаться по близости плетней, какъ-будто опасаясь встрѣтиться неожиданно лицомъ къ лицу съ какинь-нибудь беспощаднымъ врагомъ. Физиономія этого путника была не изъ числа пріятныхъ и я вѣрю, читатель, что если бы онъ вдругъ очутился передъ вами въ какой-нибудь пустынной и отдаленной мѣстности, то вы непрежѣнно стали бы опасаться за часы и цѣпочку, если не за себя! Самая дорога, избранная этимъ страннымъ субъектомъ, не внушала довѣрія, такъ какъ она была очень удобна для различныхъ разбойничьихъ засадъ. Въ концѣ этой дороги находился пригорокъ съ громаднымъ дубомъ, на которомъ, въ доброе старое время, былъ повѣшенъ ни одинъ злодѣй, продолжавшій по смерти наводить на окрестность точно такой же ужасъ, какой онъ навелъ во время своей жизни; вълѣдствіе этихъ казней пригорокъ и понинѣ сохранилъ еще мрачное названіе Жиббетъ-Гилла *).

*) Gibbet — висѣлица; hill — возвышенность.

Возлѣ этого то холма бросился утомленный путникъ на землю, не переставая произносить проклятія, при помощи которыхъ онъ нарушалъ однообразие пустынного пути. Вытащивъ изъ узла обглоданную кость, нѣсколько кусковъ хлѣба и еще складной ножъ огромнаго размѣра, онъ принялся закусывать. Когда кость была очищена такъ тщателью, что самая голодная и жадная собака не тронула бы ее, онъ спряталъ ножъ въ карманъ, легъ на спину и началъ набивать закончѣную трубку, которая была заткнута за отдѣлку его измятой шляпы.

— Остается пройти еще двѣ сотни миль до мѣста назначенія, пробормоталъ онъ хриплымъ и непріятнымъ голосомъ; я усталъ и голоденъ, ноги мои изранены, и въ карманѣ осталось не болѣе трехъ шиллинговъ, а въ такомъ положеніи не легко, разумѣется, пройти двѣ сотни миль.

За этими словами полился безконечный потокъ грубыхъ ругательствъ; потомъ усталый путникъ закурилъ свою трубку и принялся сердито выпускать клубы дыма, какъ будто бы онъ злился на табакъ и старался покончить съ нимъ скорѣе. Такимъ образомъ онъ докуривъ свою трубку въ нѣсколько приемовъ, а такъ какъ запасъ благодатнаго зелья принуждалъ къ экономіи, то онъ засунулъ трубку снова за ленту шляпы — и порѣшилъ уснуть. Черезъ нѣсколько времени онъ былъ разбуженъ лаемъ, раздавшимся надъ нимъ. Открывъ глаза и проворчавъ одну изъ ругательныхъ фразъ, онъ слегка приподнялся и увидѣлъ огромнаго роста цыгана, сидѣвшаго верхомъ на здоровомъ ослѣ и всматривавшагося пристально въ лицо спящаго странника.

— Эй, товарищъ! крикнулъ цыганъ — позавидуешь вамъ, какъ вы славно храните.

— Отзовите свою проклятую собаку! заревѣлъ неожиданно разбуженный путникъ, или иначе а раскрою ей башку.

Но онъ былъ въ это время настолько утомленъ, что гнѣвъ истощилъ послѣднюю его силу и онъ снова свалился на густую траву, въ полнѣйшей невозможности прибить даже собаку.

— Ваше пробужденіе было чертовски-непріятно, товарищъ, продолжалъ цыганъ, болтая ногами по бокамъ осли. — Къ сожалѣнію вы не сильны, такъ какъ, вы вѣроятно, устали отъ дороги.

— Да — я устал и золь, отвѣтил незнакомецъ. — зачѣмъ вы разбудили меня? вѣдь я не спалъ ужъ цѣлыхъ четырнадцать часовъ? Я чувствую себя совершенно довольнымъ, когда я крѣпко сплю, потому что я вижу преприятные сны!

— Снится-ль вамъ, что вы кушаете? спросилъ цыганъ путника.

О нѣтъ, проворчалъ путникъ: — мнѣ снится кое-что, гораздо привлекательнѣе — несмотря на то, что и ѣда имѣетъ для меня свою прелесть, несмотря и на то, что я недавно ѣлъ такую говядину, какой ни одинъ джентльменъ не дастъ своей собакѣ.... Да, мнѣ снится кое-что, поприятнѣе ѣды, питья, денегъ, любви, приятнѣе даже жизни — мнѣ снится, что я иду за себя закланному и страшному врагу.

Онъ увлекся настолько, что снова приподнялся и съ силою ударилъ своею палкою о землю.

— О, чортъ! воскликнулъ цыганъ. — Вы страшный человѣкъ, и я бы не желалъ оскорбить васъ и словомъ.

— Я совѣтую всѣмъ оскорбившимъ меня — беречься моей мести! сказалъ угрюмый путникъ.

— У васъ весьма болѣзненный и изнуренный видъ, замѣтилъ ему цыганъ, смотря ему въ лицо.

Да, я, конечно, боленъ, отвѣтилъ онъ сурово; — но я былъ больнѣе и могу захворать еще вдвое сильнѣе, а все же я иду упорно къ своей цѣли. У меня на дорогѣ открылась лихорадка, которая прoderжала меня цѣлыя сутки на кучѣ тряпья, да еще въ такомъ мѣстѣ, гдѣ, кажется, собака не захотѣла бѣ лечь, я все-таки иду упорно къ моей цѣли. Я страдалъ ревматизмомъ, такъ что сталъ чисто остовомъ, а все-таки, какъ видите, я стойко иду къ цѣли!... И пусть я охромѣю и ослѣпну на вѣкъ, если я не дойду, теперь когда цѣль такъ близко отъ меня!

При послѣднихъ словахъ голосъ его осѣкся и онъ сильно закашлялся.

— Замѣчу вамъ, товарищъ, что вы черезчуръ слабы, чтобы продолжать вашъ путь сегодня, проговорилъ цыганъ. Всѣ наши тутъ, вблизи, и я смѣю увѣрить васъ, что они съ удовольствіемъ

дадутъ вамъ пріютъ на ночь, если я попрошу и если вы удержите вашъ языкъ за зубами.

Бродяга принялъ нехотя предложеніе цыгана и послѣдній, помогу ему уѣхать на осла.

— Вы не можете идти, сказалъ онъ ему, — между тѣмъ какъ я достаточно силенъ и очень радъ пройтись.

Цыганскій таборъ находился за поворотомъ дороги, въ одной миле отъ Жиббетъ-Гилла. Это было славное, тѣнистое мѣстечко, окруженное ольхами и осинами; посрединѣ виднѣлось небольшое озеро, на одномъ берегу котораго красовалась группа буконъ. На травѣ, подъ кустами лежало двое или трое мужчинъ, лѣвяно покуривая и плети рогожи; подъ наѣсомъ дремала свора собакъ, а на скамейкѣ сидѣла какая-то женщина, чистившая картофель. Другая, помоложе и покрасивѣе первой, спала на землѣ, положивъ себѣ подъ голову поношенный платокъ. За исключеніемъ спящей, всѣ приподняли головы при появленіи цыгана и угрюмаго всадника.

— Эй, Абрагамъ, кого это ты притащилъ сюда? спросилъ одинъ изъ мужчинъ.

— Человѣка, котораго я нашелъ у Жиббетъ-Гилла. Вы сдѣлаете право очень доброе дѣло, накормивъ его и давъ ему ночлегъ.... Хотите сдѣлать это?

— Положимъ, что мы сами не утопаемъ въ роскоши, но живемъ по половицѣ „чѣмъ богаты, тѣмъ и рады“.... Не будите Британію! Вѣднjackа заснула, а вѣдь это случается съ нею довольно рѣдко.

Бродяга удивился, услышавъ, съ какимъ чувствомъ отзывалась оспавшей. Она была красива, но лице ея выражало безпредѣльную грусть. Ея блѣдныя губы были судорожно сжаты, а подъ ея глазами ясно обозначались синіе круги и морщины.

— Вы можете помочь немножко товарищамъ, пока поспѣетъ сушь, сказалъ одинъ изъ цыганъ, обратясь къ незнакомцу. — Кстати, какъ васъ зовутъ?

Путникъ переминался съ мною человѣка, не знающаго какъ отвѣтить на вопросъ.

— Джонъ Андреусъ, отвѣтилъ онъ, сверхъ обычая, вѣжливо.

— Джонъ Андреусъ... хорошо... А чѣмъ же вы живете, господинъ Андреусъ?

— То тѣмъ, то другимъ способомъ, я ничего не дѣлалъ въ послѣдніе три мѣсяца... я умираю скорѣе отъ голода, чѣмъ отъ работъ, но все же я приближаюсь къ своей завѣтной цѣли.

Онъ сказалъ это больше про одного себя, тусклые глаза его засверкали дикимъ огнемъ, какъ будто въ его груди сидѣлъ злобный гений, подталкивавшій его и дававшій ему силу все одолѣть. Онъ сѣлъ и началъ плестъ съ цыганами рогожи, пальцы его дѣйствовали крайне неловко, но онъ старался, видимо, освободиться скорѣе съ непривычною работою—а это соответствовало желаніямъ цыганъ. Черезъ нѣсколько времени женщина, очищавшая передъ тѣмъ картофель, сняла съ огня, пылавшаго по близости навеса, котель съ вусною похлебкою, вынула изъ котелки глиняный кувшинъ съ пивомъ и затѣмъ объявила, что ужинъ готовъ.

Лице Джона Андреуса прояснилось, когда онъ почувствовалъ пріятный запахъ супа. Молодая же женщина, спавшая во весь вечеръ, проснулась при стукѣ ложекъ о миски.

— Ну, Британія, сказалъ тотъ, котораго цыгане называли Абрагамомъ: подойди сюда, дочь моя; ты хорошо спала и можешь теперь скушать.

— Мнѣ не хочется ѣсть, отвѣтила она съ замѣтнымъ утомленіемъ.— Вы все добры ко мнѣ... но я не хочу ѣсть и я только хочу идти опять туда...

Она указала сверкавшими глазами на пылающій небосклонъ; ея тонкія губы были судорожно сжаты и безцвѣтны, какъ прежде, во время ея сна.

— Я только и желаю, что сойти *туда внизъ*, повторила она.

Цыгане переглянулись: какъ ни были нелсны слова молодой женщины, но они хорошо поняли ихъ значеніе. Она съѣла съ усиліемъ только кусочекъ хлѣба, между тѣмъ какъ мужчины дѣлали честь похлебкѣ, а Джонъ улетаель все, что попадалось подъ руку.

— Ну, товарищъ, сказалъ ему самый старшій цыганъ, закуривая трубку: какіе у васъ планы на завтрашнее утро?

— Продолжать свой путь, отвѣтили Джонъ Андреусъ.

— Пѣшкомъ?

— Ну да, пѣшкомъ.

— Такъ нельзя-ли вамъ идти вмѣстѣ съ нами? Вы можете, конечно, быть намъ тоже полезнымъ тѣмъ или другимъ способомъ... я не думаю, чтобы вы придерживались опредѣленныхъ занятій и трудовъ.

— Нѣтъ, Воже ты мой, нѣтъ! проговорилъ Андреусъ съ печальною grimасою.

— Такъ почему бы вамъ и не остаться съ нами?

— Потому собственно, что для меня существуетъ только одна дорога, по которой вы, вѣроятно, не можете идти.

— Отъ чего-жъ и нѣтъ? сказала цыганъ, подумавъ.— Мы идемъ всегда тихо, а если и спѣшимъ отправиться отсюда, то единственно для того, чтобы исполнить желаніе этой несчастной дѣвушки, которая стремится дойти скорѣе куда-то, по ту сторону Лондона.

— И я тоже иду по ту сторону Лондона, замѣтилъ Джонъ Андреусъ.

— Мы все отправляемся теперь въ Суссексъ, на Чилтонскія скачки; мы были тамъ во время прошлаго листопада, но съ нами случилось тамъ несчастіе, омрачившее мозгъ этой бѣдной дѣвушки.

— Въ какой части Суссекса? перебилъ Джонъ Андреусъ съ нетерпѣливымъ жестомъ.— Богъ съ нею, съ этою дѣвушкою!... Въ какой части Суссекса происходило это?

— Чилтонская долина находится въ недалекомъ разстояніи отъ Чичестера.

Стало ужъ темно, такъ что разговаривавшіе видѣли другъ друга только при свѣтѣ свичекъ, которыми они закуривали трубки. Джонъ Андреусъ сохранялъ глубокое молчаніе, а затѣмъ сказалъ тихо:

Рѣшено: я остаюсь съ вами, товарищи!

Послѣ этого все обмѣнялось съ нимъ крѣпкимъ пожатіемъ рукъ, цыгане—дружелюбно и совершенно искренно, Джонъ Андреусъ—недовѣрчиво, съ свойственною ему робостью, какъ будто

завладѣвшій его душою демонъ, запрещалъ ему всякое сближеніе съ людьми.

Послѣ его внезапно озарила какая-то мысль и онъ сказалъ: — Зачѣмъ идти вашей молодой спутницѣ въ Чилтонскую долину?

— Чтобы посѣтить могилу своей родной сестры, похороненной тамъ, отвѣтила Абрагамъ.

— Молодая дѣвушка услышала послѣдніе слова, хотя и не прислушивалась къ общему разговору.

— Это была красивая и прелестная дѣвушка, прошептала она: ей не было еще и восемнадцати лѣтъ... и она была доброе, кроткое существо; Сюзанна!... моя бѣдная, дорогая сестра!

Послѣднія слова окончились глухимъ, болѣзненнымъ рыданіемъ.

— Почему она такъ горюетъ о сестрѣ? спросилъ тихо Андреусъ.

— Это длинная исторія, товарищъ, отвѣтилъ Абрагамъ; — но я, можетъ быть, расскажу ее вамъ когда-нибудь внослѣдствіи. Это такая драма, которую не слѣдуетъ рассказывать чужимъ.

Молодая женщина окинула присутствующихъ гнѣвнымъ, блестящимъ взоромъ и сказала запальчиво:

— Ее можно рассказывать даже цѣлому свѣту!... эту низкую, грязную, ужасную исторію! ее можно рассказывать и подъ открытымъ небомъ! Но вы, вѣдь, доведете меня? добавила она умоляющимъ тономъ. — Вы клялись, Абрагамъ, что сдѣлаете это!

— Я сдержу свое слово— доведу тебя, дитя.

— И поставите меня съ нимъ лицомъ къ лицу? Не такъ-ли?

— Ну да: лицомъ къ лицу.

— Да наградите васъ небо за вашу доброту! отвѣтила она.

Давъ снова волю горю, дѣвушка повалилась съ рыданіемъ на траву.

— Она, какъ мнѣ кажется, немного того? спросилъ Джонъ Андреусъ, указывая на лобъ.

— Да, это почти такъ, отвѣчалъ Абрагамъ. — У ней такое горе, которое могло бы свести съ ума даже самого умнаго чловека.... Вѣдьяжка!... я хочу жениться на ней и мнѣ тяжело видѣть ее въ подобномъ состояніи.

Мущины раздѣлили между собою все пиво и когда загорѣлись на небѣ звѣзды, они стали болтливыѣ и откровенныѣ другъ съ другомъ. Джонъ Андреусъ, вазалось, забылъ своего демона и тоже оживился, по примѣру всѣхъ прочихъ. Время отъ времени онъ прерывалъ бесѣду, чтобы повторить цыганамъ:

— Я останусь, друзья мои, да, я останусь съ вами!

ГЛАВА XXXII.

Почему цыгане сильно недолюбливали сэра Руперта Лисля.

Долина, въ которой устроиваются Чилтонскіе бѣга, отстоитъ въ трехъ миляхъ отъ города. Это сборное мѣсто всѣхъ бродягъ и цыганъ, но обыкновенно оно посѣщается очень мало, развѣ только какой-нибудь фермеръ, ѣдущій съ рынка, свернетъ нѣсколько въ сторону, чтобы сократить свой путь и проѣдетъ такимъ образомъ вблизи отъ косогора, на вершинѣ котораго возвышается обмазанный известкою шалапъ, которому нависные мѣстные поселяне дали названіе „*Большой Биржи*“.

Скачки происходятъ въ началѣ августа. Со втораго числа начинаютъ наполняться прѣбжиими разныя шалаши и палатки, которыя такъ низки, что въ нихъ можно лежать, но никакъ не стоять, для чего въ нихъ навалены цѣлыя груды папортника и другихъ растений; лошади и ослы бродятъ вокругъ ихъ, обдиравъ жесткую и сухую траву. Первыми посѣтителями заявившими палатку, были цыгане, пріютившіе въ своемъ таборѣ Джона Андреуса. Они прибыли ночью, выбрали самый отдаленный шалапъ и выказывали свое присутствіе лишь легкою струйкою дыма, подымавшеюся надъ пылавшимъ костромъ.

— У насъ здѣсь найдется много друзей, сказалъ Абрагамъ, когда всѣ расположились какъ возможно удобнѣе: — но мы въ нихъ

не нуждаемся. Для этой бѣдной дѣвушки будетъ отчасти лучше, если мы останемся совершенно одни.

„Бѣдная дѣвушка“ была та, которую называли Британію. Раза два Джонъ Андреусъ украдкой старался, противъ своего обыкновенія, вступить съ ней въ разговоръ; но онъ натолкнулся на крѣпкую преграду безысходнаго горя, отдалявшую ее отъ общенія съ людьми. Я даже подозреваю, что молодая цыганка чувствовала инстинктивно, что личность Андреуса ей не совсѣмъ чужда. Она говорила съ нимъ — хотя и односложно и отвѣчая только на заданные вопросы, но она не смотрѣла никогда на него и никогда лицо ея не измѣняло вѣчнаго выраженія глубокой неподвижности, не проявляло чувства ни въ присутствіи друзей, ни въ присутствіи враговъ. Когда ей предлагали пищу или питье, она ѣла настолько, чтобы не умереть. Спала она тоже только въ тѣхъ случаяхъ, когда истомленное тѣло ея настойчиво требовало спокойствія и отдыха и легкий сонъ ея былъ всегда безпокоенъ и полонъ видѣніями.

Прибывъ на мѣсто скачекъ, Джонъ Андреусъ спросилъ еще разъ о причинѣ грусти Британіи.

— Вы обѣщались рассказать мнѣ это, ознакомившись со мною ближе, сказалъ онъ Абрагаму; — теперь мы уже давно вмѣстѣ и я надѣюсь, что вы сдержите слово.

— Я расскажу вамъ все, отвѣтилъ Абрагамъ. — Иногда мнѣ и хочется разсказать эту драму; за то въ другое время я даже нахожу, что разглашать ее — значить метить въ половину оскорбившему насъ.... Да, я расскажу вамъ все, какъ было, Андреусъ.

Собесѣдники курили, лежа на землѣ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ прочихъ товарищей. Теперь же Абрагамъ всталъ и повелъ Андреуса по длинной аллеѣ къ какому-то барьеру, на который и сѣлъ, приглашая своего спутника помѣститься съ нимъ рядомъ. Джонъ послушался и принялся закуривать трубку, чтобы вслушаться внимательнѣе исторію цыгана.

— Британія замѣчательно-красивая дѣвушка, началъ Абрагамъ. — Она была еще лучше до ночи, ознаменовавшей себя ужаснымъ происшествіемъ.... которое не позабыто нами.... Богъ

всеидающій знаетъ, что оно не забыто!.... оно то и согнало съ ея лица румянецъ, а изъ глазъ прежній блескъ!.... Да, она была раньше настоящею красавицею!

— Вѣрю этому, проговорилъ съ нетерпѣніемъ Андреусъ. — Продолжайте, пожалуйста!

— Она не похожа уже болѣе на ту, которая была потеряна для насъ, продолжалъ цыганъ съ пламеннымъ ожилченіемъ: — не похожа на столько же, на сколько не похожи полевые цвѣты на чудные цвѣты, растущіе въ теплицахъ. Въ ней такъ же мало сходства съ убитою сестрою, какъ необязна равнина между тѣмъ фонаремъ, горящимъ въ отдаленіи и этой звѣздой, сверкающею надъ нами.... Бѣдняжка!.... мое бѣдное, убитое дитя!

— Вы сказали: убитое? переспросилъ Андреусъ.

— Видите-ли, товарищъ: есть убійцы, которые никогда не употребляютъ ножей или вообще другихъ смертоносныхъ орудій и не нападаютъ на скамью подсудимыхъ.... Есть убійцы, убивающіе не тѣло, а — душу: такому-то убійству подверглась и она!

— Я не могу понять, куда клонится ваша рѣчь, перебилъ Джонъ Андреусъ. — Мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы выражались яснѣе и не отходили бы отъ главнаго предмета.

— Я и хочу придерживаться сущности дѣла, но только при условіи: не торошить меня.... Есть слова, поострѣе ножа или кинжала, каждый слогъ ихъ жжетъ губы.... но я перехожу къ изложенію дѣла. Не далеко отсюда живетъ прекрасный джентльменъ: если только богатство и роскошь могутъ сдѣлать человека прекраснымъ — то я вѣрно называлъ его; а если зло и низость составляютъ не отъемлемыя качества негодяя, то онъ есть негодяй! ну, да какъ бы то ни было, но онъ одинъ изъ сильныхъ людей этого графства. Въ прошломъ году онъ присутствовалъ на бѣгахъ, правилъ самъ четвернею, а въ его экипажѣ сидѣла молодая и красивая дама, Онъ лилъ рѣкою шампанское и держалъ пари за каждую лошадь, конкурировавшую на призъ.

Джонъ Андреусъ внимательно прислушивался къ каждому слову цыгана и, когда этотъ смолкъ, чтобы перевести дыханіе, то онъ сказалъ ему съ видимымъ нетерпѣніемъ:

Продолжайте, товарищъ, продолжайте, ирому васъ!

Продолжаю, отвѣтил угрюмо. Абрагамъ.—Съ нами была въ то время Сусанна—родная и единственная сестра Британія. Она подходила ко всѣмъ экипажамъ и выручала къ вечеру довольно много денегъ. Её жена подвозила ее, какъ прочіе къ себѣ, дава ей золотой за ея ворожбу и долго говорила съ нею ласково и дружелюбно. Онъ тоже обращалъ на нее, очевидно, вниманіе—не открыто какъ прочіе, говорившіе ей вслухъ, что она восхитительна! Нѣтъ, онъ поступалъ иначе, подходилъ къ ней украдкой и одинъ изъ товарищей слышалъ даже, какъ онъ говорилъ ей шлод-голосомъ, что, если она захочетъ, то онъ ей подаритъ великолѣпный домъ и щегольской экипажъ. Она отомла съ живымъ негодованіемъ, но онъ ее преслѣдовалъ—и въ этотъ день и послѣ, такъ что она старалась оставать въ виду его прекрасной спутницы, при которой, конечно, онъ не смѣлъ приставать къ ней. По окончаніи бѣговъ оказалось, что мы заработали болѣе, чѣмъ даже ожидали. У всѣхъ насъ была одна общія касса и сестры отдавали намъ сплона свою выручку, преносходившую нашу общую вдвое; такимъ образомъ мы могли споконно отдохнуть два-три дня, чтобы приготовиться въ далекое странствованіе.... Повѣрите-ли вы, что въ продолженіе этихъ трехъ дней негодий каждый вечеръ бродилъ вокругъ палатокъ, стараясь всѣми силами поговорить съ Сусанною.

— И она ничего не сказала ему? пробормоталъ Джонъ Андрусъ.

— Нѣтъ! воскликнулъ цыганъ:—да и что же могла сказать ему бѣдняжка? Другая, разумѣется, была бы въ восхищеніи, что за нею увивается молодой джентльменъ, не могла бы отказатьсь принять его подарки, какіе ей не видѣлись ни разу и во снѣ; не одна дочь фермера пустила бы тотчасъ въ ходъ все женское кокетство, что бы только удержать его возлѣ себя; тщеславилась бы имъ предъ своими подругами, гордилась бы своимъ вліяніемъ надъ нимъ, хотя бы въ концѣ-концевъ осталась ни при чемъ. Но цыганки честнѣе, чѣмъ думаютъ о нихъ! Бѣдная дѣвушка!... я будто сейчасъ вижу ее, какъ она къ намъ въбѣжала, послѣ свиданія съ нимъ. Глаза ея горѣли, а лицо было блѣдно и бѣленькіе зубы стучали отъ волненія. „Я увѣрена, что мы болѣе

не увидимъ его“ заявила она:—онъ едва-ли рѣшится прийти послѣ того, что я ему сказала! О, еслибъ онъ дѣйствительно не приходилъ бы больше, то она и теперь была бы, быть можетъ, съ нами! Мы всѣ безъ исключенія остались въ дуракахъ, потому что повѣрили, что онъ уже не покажется намъ больше на глаза, убѣдившись въ своей полнѣйшей неудачѣ!

— Вы конечно, ошиблись?

— Да, мы страшно ошиблись! отвѣтилъ Абрагамъ, сжимая кулаки.—Мы не знали, на что способны негодяи безъ сердца и безъ чести! накануне отбѣзда, Сусанна попросила дать ей нѣсколько шиллинговъ изъ нашей общей кассы, чтобы купить себѣ лентъ. Мы не могли, конечно, отказать ея просьбѣ, такъ какъ и ея выручка была побольше нашей. И такъ, она взяла около пяти шиллинговъ и ушла въ три часа по-полудни въ Чилтонъ. Британія и я обѣщались выйти ей позднѣе на встрѣчу,—Богъ вѣсть, почему намъ пришла эта мысль; я думаю, что такъ ужъ было предназначено. Стоялъ жестокой зной и воздухъ былъ удушливъ. Я заснулъ и меня разбудила Британія, которая сказала съ глубокою тревогою, что назначенный часъ возвращенія Сусанны уже давно прошель, а ея не видать. Сонъ меня отуманилъ и я не обратилъ никакого вниманія на слова Британія, а только отвѣчалъ, что сейчасъ же пойду, конечно, вмѣстѣ въ нею и мы, навѣрное, встрѣтимъ немедленно Сусанну. Вамъ знакома дорога отсюда до Чилтона, товарищи, такъ что мнѣ нечего говорить, что по ней мало ходять и съ одной стороны ея тянется ровъ. Наступала ужъ ночь, когда мы съ Британією вышли изъ шалаша. Не встрѣчая Сусанны, мы дошли до Чилтона, гдѣ намъ тотчасъ сказали, что она давно кончила всѣ нужныя покупки и часа три назадъ отправилась спокойно по дорогѣ въ нашъ таборъ. Видите-ли, товарищи, когда вамъ предстоитъ тяжелое несчастье, то всѣ чувства и нервы напряжены до нелзя и въ такіа минуты достаточно точна, чтобы навести на истину. Я сейчасъ же смекнулъ, что съ дѣвшею случилось что-нибудь нехорошее. Я не говорилъ Британіи ни слова, да и она молчала, но я видѣлъ отлично, что она беспокоится, не менѣе меня и что сердце ея предчувствуетъ бѣду. Совершенно стемнѣло и я, на всякій случай, потребо-

валь фонарь—хотя мы дошли бы и без него до табора. Британія поняла, на что я взялъ фонарь. Когда мы вышли из города, я замедлил шаги, чтобы поговорить съ нею. Она шла со мною рядомъ, но была молчалива и блѣдна, какъ мертвецъ. Британія сказала: я, пойдемъ прямо вдоль рва! Сусанна могла сильно устать и прилечь гдѣ-нибудь. Я почти задыхался отъ сильного волненія, тяжелыя предчувствія тѣснились въ мою душу и въ довершенію горечи этого положенія, я зналъ, что и Британія раздѣляетъ со мною эти мысли и чувства, хотя и не высказываетъ мнѣ своихъ опасеній. Вы знаете, товарищъ, что этотъ ровъ идетъ по одной сторонѣ дороги изъ Чильтона, другая же граничитъ съ обширною равниною; я держалъ фонарь въ уровенъ съ поверхностью воды, наполняющей ровъ я наблюдалъ съ глубокимъ, напряженнымъ вниманіемъ, а Британія смотрѣла черезъ мое плечо.

— Что же дальше? спросилъ Андреусъ, увидѣвъ, что цыганъ снова остановился.

— Дальше—мы увидѣли почти то, чего ждали. Какъ разъ на полѣ-дорогѣ, въ самомъ пустынномъ мѣстѣ, мы нашли безжизненное тѣло Сусанны, лежавшее въ водѣ. На травѣ воелъ рва были видны слѣды мужскихъ и женскихъ ногъ, а на дорогѣ слѣды лошадиныхъ копытъ. Трава была помята; это ясно указывало, что тутъ происходила жестокая борьба; по близости валился сломанный хлыстъ. Я сохранилъ этотъ сломанный хлыстъ, потому что на ручьѣ его стояло *его* имя. Отчаяніе Британіи не имѣло границъ; она хотѣла тотчасъ же отправиться къ злодѣю, хотя до него было вовсе не близко, и прямо, предъ всѣми, обвинить его въ убійствѣ Сусанны. Но я убѣдилъ ее, что это бесполезно и послалъ ее за однимъ изъ товарищей, чтобы донести покойницу до нашей палатки, гдѣ мы и положили ее на постель, какъ будто бы она умерла, окруженная всѣми своими близкими.

На другое утро я отправился къ нему, съ сломаннымъ хлыстомъ. Я встрѣтилъ его, прогуливающимся съ однимъ изъ его прітелей, который мнѣ казался вдвое старѣе его. Когда я повелъ рѣчь объ этой страшной драмѣ и показалъ имъ хлыстъ, они расхохотались, а старшій изъ нихъ сказалъ еще, вдобавокъ,

что я измыслилъ басню, для того чтобы выманить себѣ побольше денегъ. Передъ моими глазами носился еще трупъ несчастной Сусанны и когда я услышалъ надлое увѣреніе, что я безстыдный лжецъ и что я поднялъ хлыстъ тамъ, гдѣ онъ былъ потерянъ, а именно на бѣгѣ, то вышелъ изъ себя, бросился на мадшата и чуть было не задушилъ его. Мнѣ хотѣлось не выпустить *его* живого изъ ружья, я былъ тогда готовъ разнести его на части; но сила была на ихъ сторонѣ; меня потащили сейчасъ же въ магистратъ, тамъ меня обвинили въ оскорбленіи джентльмена—и посадили въ Чильтонскій острогъ.... Но я увижусь съ *нимъ* и въ самомъ скоромъ времени, и заставлю *его* помнить меня до гроба!

— Вы не сказали имени этого джентльмена, замѣтилъ Джонъ Андреусъ.

— О, вѣдь дѣло не въ имени! возразилъ Абрагамъ.

— Но я желаю знать его, проговорилъ бродяга какимъ-то страннымъ тономъ:—если жъ вы не хотите назвать мнѣ его сами, то я, *я* назову вамъ этого человѣка.

— Вы?! воскликнулъ цыганъ, какъ вы можете знать...

— Имя его—сэръ Рупертъ Лисль, перебилъ Андреусъ;—живетъ онъ въ замкѣ Лисльвудъ, миль за девять отсюда. Тотъ, котораго вы видѣли съ нимъ, полный, рослый мужчина, носить желтый жилетъ, золотыя цѣпи, а усм, прикрывающіе его проклятый ротъ, золотистаго цвѣта! Это Гранвилъ Варней... Земля не создавала еще подобнаго злодѣя, добавилъ Джонъ Андреусъ, голосъ котораго возвышался при каждомъ словѣ все болѣе и болѣе и перешелъ наконецъ въ яростный крикъ.

— Будь онъ проклятъ! воскликнулъ онъ, потрясая рукою съ угрожающимъ видомъ.

— Объясните, товарищъ, что же все это значить! спросилъ Абрагамъ, гнѣвъ котораго былъ ничто въ сравненіи съ бѣшенствомъ, овладѣвшимъ Андреусомъ.

— Это значить, что мы съ вами—стали родными братьями съ настоящей минуты, а Британія—мнѣ сестрою, потому что у насъ одна общая цѣль.... А что касается до *того*, продолжалъ Джонъ Андреусъ, какъ будто про себя, если эта молодая соба-

на попадется мнѣ подъ руку, хоть даже сегодня же, я размо-
жу ей черепъ такъ же, какъ и тому. Богу известно, что я
никогда не чувствовалъ къ нему особенной любви. Пусть онъ
не воображаетъ, чтобы во мнѣ проявилось состраданіе къ
нему!

Когда собесѣдники вернулись въ палатку, Джонъ Андреусъ
подошелъ прямо къ Британіи и поцѣловалъ ее въ лобъ. Я уже
говорила, что въ немъ не было рѣшительно ничего привлека-
тельнаго, и потому молодая цыганка, не смотря на свое полу-
бесознательное состояніе, откинулась назадъ съ видимымъ отвра-
щеніемъ.

— Онъ тоже противъ него, сказалъ Абрагамъ; — онъ даже
готовъ убить его, если онъ не обманываетъ.

— Это правда? спросила та встрепенувшись и подошла къ Ан-
дреусу; — въ такомъ случаѣ, поцѣлуйте меня... поцѣлуйте же —
и будемъ друзьями.

ГЛАВА XXXIII.

Чильтонскіе бѣга.

Всѣмъ прѣхавшимъ въ Чильтонъ на бѣга было легко и
весело въ утро местного Августа, по случаю наставшей, чудной
погоды. Солнце ярко свѣтило и небо голубѣло надъ Чильтон-
скою долиною. Недовольные люди, завидовавшіе общей радо-
сти, старались всѣхъ увѣрять, что такая погода черезчуръ хо-
роша, чтобы продолжаться долго, и что надо ждать бури.
Жадные же къ удовольствіямъ отрицали, конечно, дурныя пред-
сказанія; они спрашивали себя: неужели такое яркое солнце и
спокойное небо предвѣщаютъ ненастье?

Положимъ, что на дорогѣ, ведущей къ Чильтонской долинѣ,
было не мало пыли, но развѣ дорога изъ Эпсому въ Лондонъ не
представляла такого же неудобства, какъ для побѣдителей, такъ
и для побѣжденных? И такъ Суссекскіе фермеры весело проѣз-

жали на своихъ тильбюри въ густыхъ облакахъ пыли, подни-
мавшейся подъ копытами ихъ бойкихъ лошадей, а жены ихъ
вполнѣ примирились съ мыслью, испортить свои хорошенькія шляп-
ки, купленныя нарочно по случаю бѣговъ. Бѣгъ начался въ часъ по-полудни, а въ пять минутъ второго,
когда было только что поднять номеръ выигравшей лошади и
державшіе пари фермеры отдавали и принимали деньги въ среднѣй
круа, — подкатилъ экипажъ сэра Румерта Лисля. Майоръ Вар-
ней правилъ лошадыни, а рядомъ съ нимъ на козлахъ сидѣлъ
баронетъ, изъ окна экипажа выглядывало прекрасное, всегда
высокомѣрное лицо леди Оливии. Она не упускала случая по-
казывать себя многочисленной публикѣ, какъ-будто говоря этимъ:
„Вы увѣряете, что я несчастна замужемъ? говорите еще что я
продала себя за богатство, которое не можетъ соста-
вить мое счастье, и за титулъ, который покрываетъ меня позо-
ромъ и безславіемъ; смотрите жъ на меня и любуйтесь, какъ я
поддерживаю собственное достоинство, хотя мой мужъ топчетъ въ
грязь древнее имя Лисля!“

Съ Оливією сидѣли двѣ изъ ея сестеръ. Ихъ блѣдныя лица и
безцвѣтные волосы выставляли рельефнѣе смуглую, и блестящую
красоту, леди Лисль: онѣ существовали какъ-будто для того, что-
бы дѣлать ее несравненно замѣтнѣе и сознавали это и потому не-
навидѣли ее отъ искренняго сердца. Ихъ угловатыя манеры и
пансионерское обращеніе придавали болѣе цѣны ея граціи и смѣ-
лости. Быть можетъ, имъ служило утѣшеніемъ думать, что сестра
ихъ несчастна, не смотря на свои преимущества передъ ними.
Онѣ видѣли лихорадочный блескъ ея глазъ, служавшихъ съ
предмета на предметъ, нервное подергиванье губъ и вѣчное же-
ланіе быть въ обществѣ, чтобы только не оставаться наединѣ
съ собою и со своими мыслями. Мужчины окружили ея экипажъ,
какъ только онъ показался передъ *кругомъ*, такъ какъ она
смѣялась и была разговорчивѣе другихъ чопорныхъ дамъ. Жены
фермеровъ, которыя заботились о домашнемъ хозяйствѣ, усту-
пали ей тоже въ полнѣйшей беззаботности и безпечной болт-
ливости. На бѣгахъ присутствовало между прочимъ и нѣсколько
блестящихъ драгунъ, которые разбѣжали вездѣ и впередъ, отис-

живая кого-нибудь, кто-бы могъ ихъ представить прекрасной леди Лисль и задаваясь вопросомъ: дѣйствительно-ли тотъ молодой человекъ, который сидѣлъ рядомъ съ блѣднѣйшимъ Варнеемъ, отставнымъ майоромъ индѣйской арміи, — сэръ Рупертъ Лисль?

Тутъ было множество цыганъ и цыганокъ; смуглыя лица, взглядывшія изъ подъ голубыхъ или желтыхъ платковъ, толпились возлѣ роскошныхъ экипажей.

Тамъ и сямъ появлялись смуглыя цыганята, которыхъ надѣляли то кускомъ пирогаго, то мелкою монетою, то стаканомъ шампанскаго, которое было легче достать на Чильтонскихъ бѣгахъ, нежели глотокъ воды.

Абрахамъ съ товарищами тоже ходилъ посреди зрителей, предлагая поддержать лошадь, почистить платье джентльменовъ и другого рода услуги за шесть пенсовъ. Странно было то обстоятельство, что Джонъ Андреусъ положительнѣе отказывался присоединиться къ нимъ и показываться на бѣгахъ.

— У меня есть причины, почему я отказываюсь! пояснял онъ цыганамъ и повѣрите мнѣ на слово, что онѣ основательны. Я буду плести рожи, сколько бы вы ихъ не заказали, но не выйду изъ шатра, пока будутъ продолжаться бѣга.

Онъ сдержалъ слово и спалъ большую часть дня въ палаткѣ. Британія, не оставившая отъ своихъ соплеменниковъ, была страшно блѣдна. На ней была сильно позамята шляпка, украшенная искусственными цвѣтами, кружевами и лентами. Казалось, что какая-то таинственная сила удерживаетъ ее около экипажа сэра Руперта Лисля, такъ что когда она уходила къ другимъ по обязанности своего ремесла, — то только на самое непродолжительное время. Оливія узнала ее наконецъ и подозвала знакомъ къ себѣ.

— Вы были здѣсь въ прошломъ году, спросила леди Лисль.

— Да, миледи; была.

— Вы, кажется, больны?

— Да, миледи... но я, скорѣе больна душою, нежели тѣломъ. Силы мои слабѣютъ съ каждымъ днемъ все замѣтнѣе; ихъ уноситъ злой бичъ лихорадки да горя... и я сама узнала страшную перемену, происшедшую со мною, только сегодня утромъ,

когда стала надѣвать платье, котораго не трогала ровно двѣнадцать мѣсяцевъ.

— Бѣдняжка!.... это грустно!.... Но гдѣ же ваша сестра, эта хорошенькая дѣвушка, которая была такъ похожа на васъ?

— Она была гораздо красивѣе меня, замѣтила цыганка.

— Да, она дѣйствительно была очаровательна. Я еще никогда не встрѣчала такого миловиднаго личика... Вы помните ее, Лаура? обратилась Оливія къ своей старшей сестрѣ. — Почему же ей нѣтъ въ нынѣшнемъ году съ вами? продолжала она спрашивать Британію.

— Потому, что ей нѣтъ ужъ больше на свѣтѣ, отвѣтила цыганка, стиснувъ судорожно зубы, между тѣмъ какъ лицо ее открылось смертною блѣдностью.

— Она умерла?!

— Да, она утонула во рву, находящемся не далеко отсюда.

Зарядочное выраженіе лица молодой дѣвушки и многозначительная интонація ея голоса ввухнула леди Лисль непроизвольный ужасъ.

— Сама-ли она утонула во рву? спросила она, тоже измѣнившись въ лицѣ.

— Нѣтъ, не сама, миледи.

— Нѣтъ?... Такъ кто-же это сдѣлалъ?... какъ же это случилось?... разскажите мнѣ все!

— Богу извѣстно, кѣмъ совершено это преступленіе, да и мы знаемъ имя преступника; но свѣтъ, разувѣется, не узнаетъ его, потому что свѣтъ лицемеренъ и живъ — и люди не хотятъ слышать о преступленіяхъ, если онѣ задуманы или совершены богатыми джентльменомъ.

— Мнѣ грустно узнать это, проговорила Оливія, опуская золотой въ руку молодой дѣвушки. Я не могу выразить, какъ я огорчена этимъ извѣстіемъ.

Она сказала это вполнѣ чистосердечно и сдѣлалась внезапно серьезна и задумчива, такъ, что блестящіе Брайтонскіе драгуны начали повѣрять другъ другу заключеніе, что Рупертъ обращается очень дурно съ женою, потому что она не кажется считаемою. Послѣ этого все они направили лорнеты на личность ба-

ронета и сбился надъ нимъ, видя какъ онъ держалъ пари непременно за самую ненадежную лошадь, руководясь единственно своимъ личнымъ сужденіемъ.

— Вѣдая дѣвушка! воскликнула леди Лисль, обратясь снова къ сестрамъ. — Она была еще полна жизни и силы и, вдобавокъ, прекрасна!... и подверглась же она такой печальной участи, по милости какого нибудь низкаго человѣка! Боже праведный! Да, земля, кажется, населена одними негодяями!

Немного погодя, когда шли приготовленія къ послѣдному бѣгу, Британія снова приблизилась къ экипажу баронета, который стоялъ воелъ дворецъ, опираясь на нихъ. Онъ не разговаривалъ съ женою и даже не смотрѣлъ на нее: онъ едва-ли осмѣливался дышать въ ея присутствіи, но стоялъ подлѣ нея, чтобы доказать восхващавшей ея толпѣ, что она — его собственность.

Онъ поблѣднѣлъ при видѣ молодой цыганки, которой не замѣчалъ ни разу на бѣгахъ, вплоть до этой минуты. Послѣдній остатокъ его мужества исчезъ, потому что мѣоръ Варней ушелъ къ Брайтонскимъ офицерамъ, между которыми имѣлъ много знакомыхъ.

— Не угодно-ли вамъ узнать вашу судьбу, прекрасный джентльменъ? спросила Британія, смотря пристально ему въ лицо.

— Нѣтъ! отвѣтилъ сэръ Рупертъ.

— Какъ? даже и въ томъ случаѣ, когда цыганка можетъ сообщить вамъ кое-что интересное? настаивала Британія, — когда она можетъ сказать вамъ не только одно будущее, но и все, что было прежде съ вами?... О, сэръ!

*„Прошедшее — преступленіе, вѣсплещица — впереди.
„Для честныхъ наступаетъ день, для убійцы же — ночь.“*

— Что это такое?! воскликнулъ Рупертъ съ бѣшенствомъ.

— Отрывокъ отъ стиховъ, прекрасный джентльменъ. Вѣдь мы, цыганки, знаемъ по немногу всего... Позвольте же предсказать вашу судьбу, милордъ!

— Да нѣтъ же! я сказалъ вамъ, что не желаю слушать! Неужели я долженъ повторять вамъ это разъ одну и ту же пѣсню? Вы, конечно хотите выманить деньги и наскажете разныхъ глупостей, на которыя одни дураки обращаютъ вниманіе.... Возьмите же и идите.

Онъ вынулъ золотой и подаль его ей. Цыганка подскочила съ движеніемъ тигрицы — золотой покатился и она съ омерзѣніемъ плюнула на него.

— Вотъ какъ я принимаю дары подобныхъ вамъ! воскликнула она.

Толпа съ изумленіемъ смотрѣла на всю эту загадочную сцену: Британія была буквально въ себя, баронетъ-то краснѣлъ, то блѣднѣлъ отъ неловкости своего положенія, но леди Лисль смотрѣла на все происходившее съ ледянымъ равнодушіемъ.

— Куртись, сказалъ лордъ Грэмъ, вознишемуся съ корзинами съ различными припасами: — ступайте, приведите сейчасъ же полицмена, чтобы заарестовать эту наглую женщину.

Грэмъ кинулся поспѣшно въ другой конецъ арены, гдѣ стоялъ полицменъ. Но цыганка стояла неподвижно на мѣстѣ; она даже не слышала приказанія сэра Руперта.

— Что вы хотите сдѣлать, сэръ Рупертъ Лисль? спросила Оливія.

— Я хочу приказать взять подъ арестъ цыганку.

— На какомъ основаніи?

— На такомъ основаніи, что она безъ причины оскорбила меня, отвѣтилъ онъ съ запинкою и мѣнясь въ лицѣ.

— Я знаю эту дѣвушку, я знала и сестру ея, произнесла Оливія совершенно спокойно. — Я выслушала недавно расказъ объ убійствѣ бѣдняжки.... Вы не прикажете арестовать эту женщину, сэръ Рупертъ.

— Почему? спросилъ онъ.

— А потому, что я этого не хочу, и еще потому, что мнѣ вполнѣ извѣстно, какое участіе вы принимали въ этомъ возмутительномъ дѣлѣ.

— Такъ пусть она уходитъ, перебилъ сэръ Рупертъ. — Куртись, скажите полицмену, что онъ больше не нуженъ. У леди Лисль такое нѣжное сердце, что ей пріятнѣе видѣть оскорбленіе мужа, чѣмъ за него вступиться.... Убравшись отсюда! обратился онъ грубо и нахально къ цыганкѣ: — и чтобы я не слышалъ никогда ни о васъ, ни о вашей сестрѣ, ни о комъ-бы то ни было изъ вашихъ нищихъ спугниковъ! Поняли вы меня?

— Слышу и понимаю, отвѣтила Британія;— слышали и другіе!
Она было ушла, но возвратилась снова и прошептала тихо на уху баронету:

— Неужели вы, лордъ Лисль, не боитесь умершихъ? Когда вы остаетесь одни во мракъ ночи, не смотрите ли на васъ, изъ тѣни драпировокъ вокругъ вашей кровати, блѣдное, неподвижное и грозное лицо? Я вижу его часто при яркомъ свѣтѣ дня и въ мракъ темной ночи, и если этотъ образъ наводитъ на меня невыразимый ужасъ, то онъ долженъ положительно леденить *вашу* кровь!

ГЛАВА XXXIV

Подъ сіяніемъ луны.

Маіоръ и офицеры подружились и сблизились до такой сильной степени подъ вліяніемъ шампанскаго, бургундскаго и прочихъ, выпитыхъ вмѣстѣ винъ, что когда скачки кончились, когда во всѣхъ тавернахъ и въстниихъ ресторанахъ заблестѣли огни и послышались звуки веселой бальной музыки, когда тяжеловѣсные суссекскіе фермеры перебували все на всѣсахъ Жюкей-Клуба, заплативъ каждый по цени за это удовольствіе и даже мѣсто скачекъ было приведено стараніемъ полисменовъ въ надлежащій порядокъ, общество офицеровъ не хотѣло расстаться съ своимъ новымъ знакомымъ.

— Мы уже заказали къ восьми часамъ обѣду у *Короля Георга*, объявили ему все эти джентльмены, почему вамъ, маіоръ, не отобѣдать съ нами? Вы доѣдите до Чилтъона вмѣстѣ съ нами въ каретѣ а тамъ вы всегда можете найти кабриолетъ для возвращенія въ Лисльвудъ.

— Я былъ бы не прочь воспользоваться любезнымъ приглашеніемъ, отвѣчала имъ Варней, но молодой мой снуггикъ....

— Такъ возьмите съ собою сэра Руперта Лисля, перебилъ его съ живостью молодой капитанъ, превосходившій малый, возьмите

сэра Руперта! хотя онъ не совсѣмъ пріятный собесѣдникъ, но мы втаемъ его какъ-нибудь въ разговоръ!

Капитанъ и маіоръ подошли рука объ руку къ каретѣ баронета съ предложеніемъ отправиться вмѣстѣ съ ними въ Чилтъонъ. Сэръ Рупертъ былъ еще чрезвычайно блѣденъ вслѣдствіе неожиданнаго столкновенія съ цыганкою; онъ поспѣшилъ воспользоваться любезнымъ предложеніемъ, какъ средствомъ отогнать безотвязныя мысли.

— Я ѣду съ удовольствіемъ, замѣтилъ онъ маіору, это меня разсѣбѣт! Въ Лисльвудѣ можно право задохнуться отъ скуки; онъ мраченъ, какъ кладбище!

Леди Одивія Лисль отправилась домой вмѣстѣ съ своими сестрами, а маіоръ и сэръ Рупертъ поспѣшили уѣхать въ офицерскій фургоногъ; капитанъ Гинтеръ правилъ, бѣсѣду съ маіоромъ, который предпочелъ занять мѣсто на козлахъ.

— Намъ нельзя не вернуться сегодня же въ Брайтонъ, сказалъ капитанъ Гинтеръ, мы обязаны быть на утреннемъ парадѣ. Это очень досадно: не правда-ли, маіоръ?

Маіоръ расхохотался.

— Служебныя обязанности индійскихъ офицеровъ такъ сложны и такъ трудны, отвѣтилъ онъ на это, что я даже не въ силахъ сочувствовать такимъ мелочнымъ непріятностямъ вашей завидной службы!

— Она была завидною, но теперь мы работаемъ, не менѣе другихъ! возразилъ капитанъ.

Веселая компанія пріѣхала въ Чилтъонъ при наступленіи сумерокъ; столовая въ гостиницѣ, гдѣ ее ждали къ обѣду, была залита свѣтомъ и столъ былъ сервированъ роскошно и эффектно; хозяинъ, очень видный и приличный мужчина, вышелъ встрѣтить гостей. Обѣдъ начался тотчасъ же; завязалась живая, веселая бѣсѣда, послышались возгласы, восклицанія, смѣхъ. Сэръ Рупертъ ниль шампанское въ громадномъ изобиліи и сдѣбался не въ мѣру развязенъ и болтливъ; его идиотическій и непріятный хохотъ у величиналъ шумъ веселаго обѣда.

За десертомъ одинъ изъ старыхъ офицеровъ пошутилъ добродушно надъ капитаномъ Гинтеромъ или вѣрнѣе сказалъ надъ богатствомъ его—его отецъ имѣлъ мастерскую въ Вестъ—Эндѣ и

важиль капиталъ — капитанъ и не думалъ обижаться за шутку, такъ какъ за него не крылось никакой задней мысли, но Рупертъ Лисель рискинулъ, подъ влияніемъ хмѣля, пошутить, въ свою очередь, надъ капитаномъ Гинтеромъ и надъ его отцомъ и пошутить по своему, глупо, грубо, безтактно! Онъ еще не успѣлъ сказать нѣсколькихъ словъ, какъ глаза его встрѣтились съ глазами Варней. Пристальный взглядъ маіора сверкалъ такою угрозою, что баронетъ остался съ полу-открытымъ ртомъ и не окончилъ фразы.

Но сэръ Рупертъ забылъ черезъ нѣсколько времени объ этомъ пораженіи: онъ шилъ и становился все глупѣе и бурливѣе: онъ съумѣлъ въ такой степени надоесть офицерамъ, что маіоръ Варней, потерявъ терпѣніе, схватилъ его за шиворотъ и оттащилъ его безъ всякихъ объясненій въ одну изъ дальнихъ комнатъ.

— Ложитесь и проснитесь! сказалъ онъ съ омерзѣніемъ; вы — неумѣстны въ обществѣ порядочныхъ людей, вы также неразвѣты, какъ ваши воспитатели. Погребъ Лисельвудъ-Шарка заваленъ шампанскимъ, а вы не съ состояніи выпить двухъ, трехъ бутылокъ, чтобы не опьянѣть отвратительнымъ образомъ. Лежите же и спите!

Немногіе, конечно, изъ числа джентльменовъ, фамиліи которыхъ имѣютъ привилегію стоять въ золотой книгѣ и владѣніи которыхъ обширны и извѣстны, какъ владѣній Лиселей, допустили бы подобное обращеніе съ собою, но владѣлецъ Лисельвуда исполнилъ безъ протеста приказаніе маіора, какъ будто бы Варней былъ настоящимъ наследникомъ знаменитаго рода, а онъ его слугою.

Пріятное расположеніе общества увеличилось еще болѣе отъ поступка маіора.

Офицеры собрались у открытыхъ оконъ, закурили сигары и любовались Чильтонскимъ рынкомъ, освѣщеннымъ луной. — Улица была пуста.

Только одинокій полиемень прохаживался по другой ея сторонѣ, прислушиваясь къ шуму въ гостиницѣ и мысленно радуясь множеству полу-кронъ, которыя достанутся ему, несомнѣнно, сегодня. — Былъ ужъ слишкомъ часъ ночи, когда послѣдняя бутылка шампанскаго свалила одного изъ офицеровъ съ ногъ и лошади забили съ нетерпѣніемъ копытами у подъѣзда гостиницы.

„Намъ предстоитъ порядочная прогулка до Брайтона, сказалъ

капитанъ Гинтеръ. — Не лучше ли будетъ отправиться равниной, чтобы къ четыремъ часамъ пріѣхать съ шумомъ въ „Левъ.“

Хозяйка гостиницы „Король Георгъ“ достала маленькій догартъ, приличный и запряженный весьма прыткою лошадкою, чтобы отвезти маіора и сэра Руперта въ Лисельвудъ.

— „Отпустите ей возжи, объяснилъ онъ маіору, отпустите ей возжи, дайте ей свободу и она довезетъ васъ до Лисельвуда такъ скоро, что вы едва успѣете опомниться, гдѣ вы.“

Чтобы разбудить хотя на время баронета, пришлось его трясти и кричать ему въ уши. — Проснувшись наконецъ, онъ сталъ сильно браниться и назойливо спрашивать, гдѣ онъ теперь находится? Маіоръ Варней счелъ лишнимъ терять напрасно время и, взявши его за воротъ, свелъ его съ крутой дѣстицы и уложилъ въ догартъ.

Ватѣмъ послѣдовали долгія рукопожатія между маіоромъ и кавалерійскими офицерами; поднялся шумъ и крики, когда молодые люди расаживались въ экипажъ; только молодой корнетъ, на котораго вино подѣйствовало слишкомъ сильно, не принималъ участія въ всеобщей суетѣ.

Полиемень перешелъ улицу, чтобы сдѣлать замѣчаніе насчетъ этого шума, нарушающаго спокойствіе Чильтона, но получивши нѣсколько ожидаемыхъ полу-кронъ, онъ вдругъ сдѣлался глухъ и не сказалъ ни слова, когда одинъ изъ офицеровъ взялъ флейту и экипажъ удалился подъ звуки веселаго галона „Почтовый рожекъ“, который офицеръ исполнялъ изо всей силы своихъ здоровыхъ легкихъ.

Маіоръ Гранвилъ Варней былъ, вообще, очень бдителенъ и когда онъ слышалъ грохотъ дрозжекъ по улицѣ и веселые голоса молодежи, которые покрывали собою шумъ колесъ, то почувствовалъ къ-что въ родѣ грусти и скуки при мысли, что онъ долженъ ѣхать въ Лисельвудъ одинъ.

— „Я могъ бы ѣхать въ Брайтонъ вмѣстѣ съ своею компаніею, подумалъ онъ со вздохомъ, могъ бы заночевать въ гостиницѣ „Корабль.“ — Но что сдѣлалъ бы я съ этимъ презрѣннымъ пьяницей, съ этимъ пошлымъ глупцомъ.“

Маіоръ подобралъ возжи и отпустилъ ихъ лошади.

Вскорѣ онъ уже ѣхалъ по дорогѣ къ Лисельвуду.

— Это довольно скучная дорога, даже и днем, продолжалъ разсуждать майоръ, ее пересѣкаютъ безпрестанно проселѣчныя дороги. — Я надѣюсь, что лошадь не собьется съ нея!

Сэръ Рупертъ заснулъ и, при каждомъ сотрясеніи экипажа, тяжело ударился головою о майора.

Я начинаю право тяготиться этимъ болваномъ, проворчалъ сивозубый индѣйскій офицеръ. Нѣтъ ничего пріятнаго дрессировать такое нелѣпное животное. — Кошелевъ у меня набитъ довольно туго, и могу прожить, не нуждаясь ни въ чемъ и кромя того, у меня есть кое-что, чѣмъ я могу держать этого дурака въ полномъ повиновеніи. Я приведу немедленно свои дѣла въ порядокъ и уѣду съ женой куда нибудь изъ Англии. Мы можемъ поселиться во Флоренціи и прожить тамъ до смерти. Мы оба постарѣли и облѣнились оба!

Мы, по своему, дѣлали немного добра, но и немного зла; но за то мы не дѣлали того, что называютъ на свѣтѣ преступленіемъ; мы за то не давали грозному учрежденію, которое называется закономъ и судомъ, права сказать о насъ: „Эти два человѣка подлежатъ моей власти!“ пріятно повторитьсебѣ эти слова у конца бурной жизни, прошепталъ майоръ съ какимъ то упоеніемъ.

Майоръ не былъ пьяницей и кромя того онъ былъ однимъ изъ тѣхъ людей, которымъ ихъ желѣзные нервы и сильное сложеніе позволяютъ пить много и безъ всякихъ послѣдствій.

Нѣсколько стакановъ вина, которые онъ выпилъ въ гостинницѣ, только возбудили силу и дѣятельность его разсудка. Онъ ѣхалъ, предаваясь серьезнымъ, но никакъ не неприятнымъ мыслямъ. Если у Гранвила Варнея была когда-то совѣть, то онъ отогналъ этого неприятнаго ментора такъ давно отъ себя, что онъ не помнилъ времени, когда голось его надобалъ ему своими увѣщаніями.

— Красота или скорѣе порядокъ моей жизни, говорилъ майоръ, — нормальный результатъ моего добросовѣстнаго изученія закона. Человѣкъ съ дня рожденія подчиняется его власти. Если онъ плуствуетъ въ игрѣ — законъ караетъ шулера; если онъ зализаетъ добровольно въ долги — его берутъ въ онеку въ исполненіе.

закона; если онъ пожелаетъ жениться второй разъ и при живой женѣ — законъ гласитъ: „нелзя!“ Если кто задолжалъ, а его кредиторъ внезапно умираетъ, то законъ долженъ знать, какъ все это случилось.

Развлекалъ себя этии размышленіями, майоръ продолжалъ ѣхать по пустынной дорогѣ, освѣщенной луною, а его товарищъ покачивался въ маленькомъ экипажѣ съ права на дѣво и спалъ глубокимъ сномъ.

Во всемъ графствѣ Суусеесъ нѣтъ подобія такой неприятной дороги, какъ извѣстный промежутокъ между двумя мѣстечками. Это ничто иное, какъ длинный косягоръ съ крутыми поворотами, совершенно избитое колесами пространство; съ одной стороны тянутся кусты тощаго вереска, съ другой голый откосъ. Возница, менѣе опытный, чѣмъ былъ майоръ Варней, подвергся бы опасности, проѣзжая по этой трудной дорогѣ при блѣдномъ луножъ свѣтѣ, но онъ привыкъ къ опасностямъ и поднимался легкой поспушью на крутой косягоръ, ведя подъ уздцы лошадь. На вершинѣ его темнѣлъ густой кустарникъ, который выросъ здѣсь съ тѣхъ поръ, какъ проложили эту невыносимую и скучную дорогу.

Майору показалось, что онъ видитъ за нимъ сидѣть человѣка и майоръ не ошибся. Когда онъ ужъ поднялся на вершину пригорка, стоящій человѣкъ вышелъ къ нему на встрѣчу и схватилъ узду лошади.

— Сударь, можете-ль вы дать мѣсто въ экипажѣ — нѣтъ и моему товарищу? спросилъ онъ преепокойно.

— Нѣтъ! отвѣтилъ майоръ, мнѣ еще приходится проѣхать десятъ миль, а лошадь утомилась.

— Но нѣтъ, кажется, сударь, что вы право могли отвѣчать бы повѣжливѣе. Я васъ остановилъ не безъ пользы для васъ: вы развѣ не знаете что у васъ совершенно оборвалась постромка?

— Нѣтъ! отвѣтилъ майоръ.

— Слѣзайте и посмотрите. Незнакомый былъ правъ. Майоръ юсѣпшилъ выйти и осмотрѣлъ постромку.

— Какаа досада, проворчалъ онъ угрюмо; нѣтъ ли у васъ веревки?

— Ни дюйма, но внизу есть, кажется, жилище и очень может быть, что вы найдете тамъ все, что вамъ будетъ нужно.

— Хорошо. Сэръ Рупертъ, вытѣшайте скорѣе!

Но баронетъ молчалъ; онъ сожолзнулъ съ сидѣнья и сидѣлъ на корточкахъ на коврѣ экипажа!

— Подождите, сказала маіору незнакомецъ. Васъ не знаютъ въ деревнѣ и вамъ можетъ придется стучаться до зари, прежде чѣмъ вамъ отворять; но меня знаютъ тамъ и сдѣлаютъ, конечно, все, что я попрошу. Я сведу лошадей внизъ, разбужу крестьянъ и почию поострому, а вы здѣсь подождете моего возвращенія.

При другіяхъ обстоятельствахъ маіоръ бы возмѣнилъ подозрѣнія къ поводамъ, побуждающимъ незнакомца быть такимъ обязательнымъ, но онъ сильно усталъ, ему хотѣлось спать и притомъ онъ былъ очень радъ, что ему не приходится сводить лошадей съ пригорка. Онъ принялъ предложеніе и, напоминая неизвестному бытъ осторожнымъ съ лошадью, обмѣнилъ ему полъ-крану за труды.

Маіору Варней остался одинъ на коегорѣ. Онъ стоялъ, обернувшись спиной къ кустамъ и смотрѣлъ на песокъ. Черезъ нѣсколько времени онъ взглянулъ на часы: лунный свѣтъ дозволялъ разсмотрѣть превосходно положеніе стрѣлокъ.

Было четверть четвертаго.

— Мы не потеряли времени, подумалъ онъ невольно. Мы будемъ въ Лисльвудѣ въ четыре часа.

Онъ досталъ порт-сигаръ и закурилъ сигару. Онъ вдыхалъ сильно дымъ и красный огонекъ рельефно выдѣлялся въ окружающемъ мракѣ. Онъ ощутилъ вдругъ скорое, горячее дыханіе. Онъ живо обернулся и встрѣтился лицомъ съ лицомъ съ широкоплечимъ чело-вѣкомъ, одѣтымъ въ крестьянскую блузу.

— „Кто вы и что вамъ нужно?“ процѣдилъ маіоръ, не отнимая сигары отъ рта.

Человѣкъ не отвѣтилъ.

Внезапное появленіе подобнаго субъекта, въ уединенномъ мѣстѣ, въ это поздневремя, его мрачное молчаніе—все это потрясло бы до глубины души чело-вѣка трусливаго, но безграничная храбрость маіора только увеличивалась въ опасності.

— „Кто вы?“ закричалъ онъ, оторвавши сигару и схватив-

шивъ рукой за свою массивную золотую цѣпочку. Кто же вы?... Отвѣчайте или я брошу васъ въ эту темную яму!

— „Берегитесь, чтобы я не бросилъ васъ туда, отвѣчалъ ему хриплай, неблагозвучный голосъ, который былъ давно уже знакомъ маіору.

Мнѣ не нужно вашихъ часовъ! продолжалъ бродяга презрительно. Я могъ бы ихъ взять ужъ много лѣтъ назадъ, но не нынче.... не нынче.... Мнѣ нужны одни вы — ваша душа и тѣло! Ваше тучное тѣло и ваша безопасная и низкая душа! Ну, начнете скорѣе! Дѣло идетъ о жизни кого нибудь изъ насъ!

Незнакомецъ схватилъ маіора своей грубой и жилистой рукой, но маіоръ въ свою очередь успѣлъ схватить его за воротъ его блузы.

Обхвативши другъ друга, оба они боролись на узкой дорогѣ, покачиваясь часто изъ стороны въ другую, то привлекая другъ друга къ краю пропасти, то отталкивая другъ друга отъ нее. Во время всей борьбы маіоръ былъ хладнокровенъ и боролся съ предусмотрительностью опытнаго борца, онъ былъ остороженъ и пользовался всеми ошибками противника.

Незнакомецъ, напротивъ, ободрялъ себя криками и изрыгалъ проклятія на искусство маіора. Это былъ дикій звѣрь и онъ былъ тѣмъ ужаснѣе, что владѣлъ даромъ слова.

— Я вамъ говорилъ, рычалъ онъ, задыхаясь, я вѣдь вамъ говорилъ, чтобы вы береглись, если я вернусь когда-нибудь на родину.... Я васъ предупреждалъ и говорилъ вамъ правду.... А теперь я вернулся!.... Чтобы вернуться!.... а шель, а страдалъ, голодалъ.... а пришелъ чтобы покончить съ своею несчастною жизнью! Я пришелъ, чтобы убить васъ... и конечно, убью!

Эти слова звучали пронзительно, какъ крики, среди молчанія ночи.

Ни вблизи, ни вдали—не было ни души, чтобы услышать крики и разлучить борющихся.

— Все тѣ деньги, которые вы добыли интригами, не спасли бы васъ жизни, говорилъ съ озлобленіемъ противникъ маіора, въ ваши драгоценности не избавили бы васъ отъ моего удара. Я

вас ненавижу!... Какъ я вас ненавижу!... я пришелъ васъ убить, понимаете вы?

Майоръ не отвѣчалъ, но его деликатныя и красивыя руки сжимали съ страшною силою шею злого противника и его голубые прекрасные глаза свѣтились дикимъ блескомъ. Молчаніе его усиливало злобу и ярость незнакомца.

Вы знаете меня, восклицалъ онъ отрывисто, вы знаете меня и знаете причины моей глубокой ненависти! я вас ненавижу: вы пользовались мною, чтобы достигнуть цѣли. Я былъ вашимъ орудіемъ и вы стали потомъ свѣдѣть надо мною, когда достигли цѣли. Вы провѣдали тайну моей несчастной молодости и грозили мнѣ ею. Вы узнали, что я застрѣлилъ человека около Севеньюва, человека котораго я тоже ненавидѣлъ, но ненавидѣлъ во сто разъ меньше, чѣмъ васъ! Слышите ли меня?

Конечно, отвѣчала хладнокровно майоръ.

Искусство и отвага одержали верхъ: индійскій офицеръ свалилъ Жильберта Арнольда на дорогу и уперся козломъ въ его мощную грудь. Но браконьеръ, замѣтно, приготовился ко всему. Въ ту самую минуту, когда Варцей нагнулся и устремилъ свои голубые глаза въ багровое лицо его, Арнольдъ удалось вытащить изъ кармана широкихъ панталонъ маленькій пистолетъ. Прежде нежели майоръ могъ замѣтить движеніе, онъ ужъ успѣлъ вывести заржавленный курокъ и выстрѣлилъ въ лице своего побѣдителя. индійскій офицеръ, пораженный на смерть, свалился на убійцу и испустить дыханіе. Жильбертъ Арнольдъ освободился изъ подъ грузнаго трупъ и началъ быстро рваться въ карманахъ майора. Онъ взялъ его часы, множество золотыхъ и порт-моне, наполненный банкными билетами: майоръ былъ очень счастливъ въ своихъ пари на скачкахъ!

Затѣмъ браконьеръ, съ криками дикой радости, поволокъ свою жертву къ краю песочной ямы, проводя за собой длинный, кровавый слѣдъ, и сбросилъ тѣло въ пропасть.

Оно тихонько скатывалось, задерживаемое въ паденіи кустами, пока, освободившись собственной своею тяжестью, не оборвалось внизъ и не упало съ шумомъ на дно глубокой ямы.

Въ это время цыганъ, сводившій лошадей подь гору, былъ уже

далеко отъ мѣста происшествія. Онъ свелъ экипажъ до ската съ пригорна, затѣмъ, настегавъ лошадь, погналъ ее галопомъ. Лошадь разгорячилась и бѣшеннымъ галопомъ понесла экипажъ.

Сегодняшняя ночь вѣроятно послѣдняя въ жизни Руперта Лисля, прощаніе Абрагажъ, прислушиваясь къ шуму катившихся колесъ. Эта мѣсть, разувѣтая, неравна съ преступленіемъ: она слишкомъ слаба. Но все жъ честнѣе отмстить хоть какънибудь убійцѣ, чѣмъ пощадить его!

ГЛАВА XXXV.

Гдѣ сводятся счеты.

Селеніе Лисльвудъ было взволновано извѣстіемъ о несчастіи, постигшемъ владѣльца Лисльвудъ-Парка.

Рано утромъ, на другой день бѣговъ, нѣсколько пахарей, отправляясь на работу, нашли сѣра Руперта Лисля, разбитаго, изуродованнаго, окровавленнаго, на мало посѣщаемой дорогѣ, которая идетъ отъ Чильтона къ Лисльвуду. Обломки догорта валялись на землѣ; оси были поломаны, одно колесо разбито, а сруба все въ кускахъ.

Рабочіе взяли на сосѣднемъ полѣ носилки, и, положивъ на нихъ безчувственнаго баронета, отнесли его за три мили къ селенію Унтергильдъ, стоящее на пол-дорогѣ отъ Лисльвуда, затѣмъ они снесли его къ доктору.

Они застали деревенскаго эскулана за завтракомъ. Увидѣвъ положеніе больнаго, онъ тотчасъ же всталъ изъ за стола. Возливая и любопытная толпа крестьянъ заняла окно и дверь маленькой пріемной, гдѣ, по указанію доктора, положили сѣра Руперта Лисля на столъ.

Одна нога была совершенно раздроблена, правая рука тоже, а плечо было вывихнуто.

Осматривая всѣ эти поврежденія, врачъ сильно призадумался.

— Люди, которые принесли джентльмена, знают ли его имя? спросил онъ.

Нѣтъ: они знаютъ только то, что они сказали. Они нашли его на дорогѣ и около него разбитый экипажъ.

Это неприятный случай, сказалъ докторъ, большой въ чрезвычайно-опасномъ положеніи.

Докторъ могъ бы сказать, что больной безнадеженъ!

Во время этихъ разспросовъ сэръ Рупертъ находился въ полнѣйшемъ безсознаніи.

Въ карманѣ его жилета нашли маленький порть-папье, эмальированный и вышитый жемчугомъ. По его карточкѣ узнали его имя и званіе.

Врачъ Унтергильскій былъ молодой человекъ, который никогда не имѣлъ счастья лечить вліятельную личность; его практика состояла изъ богатыхъ фермеровъ и удалившихся отъ дѣлъ торговцевъ. При мысли, что ему придется лечить настоящаго баронета, онъ поблѣднѣлъ почти также, какъ и его больной

— Теперь извольте разтворить на-стежь окна и двери, сказалъ онъ; — да уходите отсюда: при такомъ стеченіи народа невозможно дышать. Ступайте по мѣстамъ и дайте сару Руперту время прити въ себя.

— *Сару Руперту!* такъ это былъ лордъ Лисль изъ Лисльвудъ-Парка, который лежалъ безчувственнымъ, безжизненнымъ, покрытымъ пылью, въ окровавленной одеждѣ на столѣ въ кабинетѣ мистера Давсона?

Эта новость не могла побудить присутствовавшихъ уйти поскорѣе: они направилась было къ выходу, но потомъ тихонько повернули опять назадъ. Положеніе сэра Руперта не предвѣщало, чтобъ онъ могъ прійти скоро въ сознаніе. Подносили къ его ноздрямъ нашатырный спиртъ; натирали виски уксусомъ, вспрыскивали его холодною водою — и когда онъ наконецъ открылъ налившіеся кровью глаза, то только для того, чтобы безсознательно осмотрѣться вокругъ и затѣмъ закрыть ихъ.

Послѣ совѣщанія молодой докторъ рѣшился послать въ луч-

шую гостиницу — за лошадьми и экипажемъ, чтобы отвезти баронета въ Лисльвудъ.

Пол-дюжина крестьянъ отправилась исполнять это порученіе, между тѣмъ какъ прочіе оставались, чтобы узнать, то что будетъ дальнѣйше съ сэромъ Рупертомъ. Эти добрые люди, кажется, воображали, что мистеръ Давсонъ вправитъ разбитые члены баронета въ какіе-нибудь пол-часа и вернуть ему прежнее положеніе здоровья.

Громадный, тяжелый старинный экипажъ, запряженный бѣлою лошадей, съ шумомъ и трескомъ подъѣхалъ по неровной мостовой и остановился передъ домомъ доктора.

Баронета положили на матрацъ, на которомъ и понесли его бережно въ экипажъ, гдѣ матрацъ прикрѣпили замысловатымъ способомъ къ извѣденнымъ молю каретнымъ подушкамъ. Докторъ, запасшись микстурами, примочками и бутылкою спирта, поспѣшилъ возлѣ больного, отдавъ старому кучеру лужныя приказанія.

Докторъ хотѣлъ сдѣлать баронета съ рукъ на руки жень его и друзьямъ его дома.

Оливія Лисль завтракала въ библиотекѣ, возлѣ готическаго окна. Она была не одна: мистрисъ Варней лежала на кушеткѣ, съ другой стороны окна, и зѣвала надъ какимъ-то журналомъ. Нельзя сказать, чтобы эти двѣ женщины были бы очень дружны, но онѣ никогда не ссорились другъ съ другомъ. Ада Варней смотрѣла апатично на все, кромѣ роскошныхъ платьевъ, деликатныхъ обѣдовъ, щегольскихъ экипажей, да красиваго замка! получивъ все это, она жила всегда въ миру съ своею судьбою и сдѣлалась самою любезною женщиною въ мѣрѣ. Лисльвудъ осуществлялъ всѣ желанія Ады. Она сознавала, что маіоръ играетъ почти главную роль въ замкѣ и потому считала себя равноправною съ Оливіею.

Ни та, ни другая не беспокоились относительно долгаго отсутствія баронета и его друга. Оливія вообще интересовалась мужемъ только въ качествѣ вреднаго и гадкаго животнаго; Ада наоборотъ, питала такое неограниченное довѣріе въ блестящему маіору, что не стала бы тревожиться, еслибъ онъ запропасть даже на цѣ-

лей мѣсяць: ее, разумеется угѣшила бы мысль, что ее мужъ имѣетъ разумныя причины на это замедленіе.

И такъ, дамы сидѣли за завтракомъ. Леди Лисль, печальная и разсѣянная, смотрѣла безсознательно въ садъ, между тѣмъ какъ мистрисъ Варней, тоже подсевшая къ столу, то обсаживала голубиное крыльцо, то трудилась надъ кусочкомъ поджареннаго хлѣба, то очищала абрикосъ или уничтожала большую Гверсейскую грушу, разбѣзанную на четыре части; вообще она, съ истиннымъ энциклопедизмомъ, не пренебрегала ни однимъ лакомствомъ.

— Знаете-ли, леди Лисль, начала Ада, нѣсколько времени внимательно наблюдавшая за Оливію, полу-закрывъ свои прекрасна глаза съ продолговатымъ разрывомъ: — знаете-ли, что я иногда нахожу въ васъ много сходства съ однимъ человѣкомъ, умершимъ въ этомъ домѣ?

— Вы говорите о капитанѣ Вальдзингамѣ?

— Да, о бѣдномъ Артурѣ Вальдзингамѣ, который женился на вашей хорошенькой, блѣдухой свекрови — и кончилъ свое земное поприще въ этой роскошной темницѣ. На вашемъ лицѣ выражается что-то, сто разъ мною замѣченное въ лицѣ капитана — это выраженіе человѣка, испытавшаго что-то ужасное.

— Да, и я испытала вполнѣ это ужасное, отвѣтила Оливія, сдвинувъ черныя брови: — это вамъ известно, такъ же, какъ мнѣ самой, и только удивляюсь, что побудило васъ заговорить объ этомъ.

Мистрисъ Гранвилъ Варней взглянула на потолокъ съ кроткимъ видомъ голубки.

— Дорогая леди Лисль, умоляю васъ не забывать, что я положительно ничего не знаю, возразила она. — Какими бы ни были тайны моего мужа — онѣ остаются тайнами и для меня, такъ какъ я слишкомъ глупа, чтобъ онѣ доверили ихъ мнѣ.

Она пожала плечами, скорчивъ веселую гримаску, и вышла изъ библиотеки, напѣвая живую баркаролу.

Черезъ полчаса Оливія приказала осѣдлатъ свою лошадь, на которой потомъ и отправилась въ поле.

Отъѣхавъ немного, она встрѣтила на дорогѣ тяжелый экипажъ,

медленно катившійся по направленію къ Лисльвуду, но она такъ задумалась, что не обратила на него никакого вниманія.

Прошло пять часовъ, когда она вернулась. Жена сторожа встрѣтила ее взглядомъ, полнымъ участія: ей страхъ какъ хотѣлось сообщить своей госпожѣ о случившейся катастрофѣ. Сторожъ вышелъ къ воротамъ съ трубкомъ во рту, а возлѣ самой рѣшетки стояло нѣсколько крестьянъ, которые явились для того, чтобъ узнать подробности событія и разнести ихъ по Лисльвуду.

Оливія замѣтила, что всѣ эти люди сгораютъ желаніемъ сказать ей что-то важное.

— Что случилось? спросила она, обратясь къ женѣ сторожа. — Зачѣмъ пришли сюда всѣ эти крестьяне?

Этого было достаточно, чтобъ развязать языкъ, просившійся на волю.

— О, миледи! воскликнула она. — Бѣдный сэръ Рупертъ... несчастный джентльменъ!... Но не поддавайтесь горю, миледи, вооружитесь мужествомъ!... Онъ можетъ, разумеется, прийти въ себя, миледи... При немъ находится теперь лондонскій докторъ и онъ дѣлаетъ все, что отъ него зависитъ.... Не тревожьтесь, миледи!

Но леди Лисль казалась далеко не въ отчаяніи. Только лице ее поблѣднѣло болѣе обыкновеннаго и черные глаза открылись широко. Одинъ изъ болѣе услужливыхъ крестьянъ поднесъ было ей стаканъ чистой воды — съ выраженіемъ искреннаго сожалѣнія къ ней, но она вырвала стаканъ изъ его рукъ и бросила на землю, такъ что онъ разбился точчасъ же въ дребезги.

— Развѣ произошло что-нибудь съ вашимъ господиномъ? обратилась она опять къ женѣ сторожа, при чемъ голосъ ее оставался, по-прежнему, ровенъ и звученъ.

— О, миледи, отъ васъ слѣдовало бы скрыть все это... Вы не...

— Случилось ли съ нимъ что-нибудь?... Такъ отвѣчайте же! намѣрены ли вы отвѣтить ядъ нѣтъ?

— О, миледи, сэръ Рупертъ уналь изъ экипажа... и живъ его въ опасности... Но вы не...

Но прежде нежели женщина успела кончить фразу, Оливия хлестнула по спине своей лошади и поскакала къ заикѣ.

Оставшіеся переглянулись, когда леди Лисель исчезла между деревьями аллеи.

— Какъ странно приняла она это извѣстіе, пробормотала жена сторожа: — она просто разсердилась, но не думала огорчаться. Я бы на ея мѣстѣ подняла такой крикъ, что меня было-бы слышно за миллю отъ сторожки.

Мужъ ея утвердительно кивнулъ головою: онъ помнитъ, что она во всѣхъ случаяхъ, выходящихъ немного вонъ изъ ряда, начинала обыкновенно вопить изо всѣхъ силъ.

— Не всѣ поступаютъ одинаково въ одинаковыхъ обстоятельствахъ, замѣтилъ онъ внушительно, — но всѣ говорятъ, что сэръ Рупертъ и миледи не могли называться счастливыми супругами, добавилъ онъ шепотомъ.

Леди Лисель прошла прямо въ комнату, находившуюся рядомъ съ спальнею мужа. Два доктора съ серьезными, торжественными лицами, совѣщались въ албразурѣ окна, между тѣмъ какъ мистеръ Дэвсонъ, докторъ Унтергильскій, держался отъ нихъ въ почтительномъ разстояніи и безпрестанно потиралъ себѣ руки.

Управляющій сэра Руперта вытребовалъ телеграмму изъ Лондона и Брайтона извѣстныхъ докторовъ. Докторъ Дэвсонъ со-всѣмъ ступешивался передъ этими знаменитостями, которые угрюмо посматривали на него сквозь очки и недобѣрчиво покашливали, когда онъ излагалъ, какого рода помощь онъ подалъ баронету.

Блѣдная и спокойная, съ развѣвающимися по плечамъ черными, густыми волосами — явилась леди Лисель передъ свѣтлыми накуи.

— Я слышала, что сэръ Рупертъ подвергся опасности, произнесла она спокойно. — Не потрудитесь-ли вы, господа, объяснить мнѣ, что собственно случилось съ нимъ?

— Сударыни, отвѣтили торжественно одинъ изъ докторовъ: — будьте увѣрены, что наука употребитъ всѣ силы, чтобы спасти сэра Руперта. Если можно спасти его — то мы сдѣлаемъ это.

— Но вы предполагаете, что это трудно сдѣлать?

Доктора ожидали слезъ и криковъ и хладнокровіе леди Лисель поставило ихъ въ тупикъ.

— Да, миледи, это довольно трудно... отвѣтили они.

При этихъ словахъ, которые были произнесены такимъ тономъ, что ихъ можно было считать за смертный приговоръ баронету, Оливия поблѣдѣла еще сильнѣе и поднесла руку ко лбу, какъ будто бы желая привести въ порядокъ мысли.

Мистеръ Дэвсонъ, вообразившій, что отвѣтъ знаменитостей расшевелитъ безчувственную леди Оливію, пододвинулъ ей кресло.

— Она, однако, не упадетъ въ обморокъ, пеннужъ Брайтонскій докторъ, покраснѣвъ невольно за свою недогадливость.

— Господа, я увѣрена, что вы отнесетесь внимательно къ больному, сказала леди Лисель. Пусть будутъ испробованы всѣ средства для спасенія! Если вамъ угодно созвать консилиумъ, то умоляю васъ пригласить самыхъ опытныхъ докторовъ съ континента. Слѣдуетъ принять быстро всевозможныя мѣры и затѣмъ предоставить рѣшеніе Провидѣнію и ждать его съ покорностью.

Леди Лисель вела себя при настоящемъ случаѣ такъ рѣзко-непохоже на всѣхъ женъ и всѣхъ женщинъ, что доктора переглянулись съ глубокимъ изумленіемъ.

Оливия опустила въ кресло, стоящее у стола и закрылась руками.

Она молила Бога, не допустить ея радоваться несчастью владѣльца Лисельвудъ-Парка.

ГЛАВА XXXV.

Цѣль достигнута.

Одинъ и тотъ же вопросъ повторялся всѣми жителями Лисельвуда, — а именно: куда дѣлся майоръ Гранвилъ Варней?

Баронетъ и майоръ оставили вѣсѣтъ обѣгъ, а между тѣмъ наши только одного Лисля на дорогѣ, ведущей изъ Чилтона въ Лисельвудъ. Если леди Лисель оставалась спокойною въ эту тяже-

лую минуту, то съ мистрисей Адою Варней было совѣтъ не то. Она бѣгала, какъ безумная, по обширному замку и вопила, что мужъ ея несомнѣнно убитъ, иначе онъ, конечно, былъ бы при баронетѣ. Слугамъ, которые ходили въ свою очередь съ испуганными лицами, удавалось съ трудомъ успокоить ее, говоря, что маюръ могъ остаться въ Чильтонѣ или ухватъ въ Брайтонѣ, между тѣмъ какъ сэръ Рупертъ отправился домой... да и мало ли что могло его заставить отложить возвращеніе?

— Отстаньте, Бога ради! отвѣтила она: — онъ убитъ, это вѣрно, а иначе бы онъ вернулся съ баронетомъ.... Умоляю васъ, именьте Бога, осмотрѣть всю дорогу отъ Лисльвуда до Чильтона!

Грумы и конюхи отправились въ сумерки на поиски маюра, точно такъ какъ за нѣсколько лѣтъ назадъ другіе слуги замка отправились на поиски исчезнушаго Руперта.

Маюръ былъ отысканъ около полудночи. Осматривая дорогу, люди дошли до ямы, находившейся отъ нее неиного въ сторонѣ, и глазамъ ихъ представилось страшное зрѣлище. Въ наполнявшей ее мутной, заглохой водѣ, покрасившейся отъ крови, лежалъ Гранвилъ Варней, помятый и мертвый, съ открытыми глазами. Его повезли въ замокъ и положили на ту роскошную постель, на которой, бывало, въ теченіи столькихъ лѣтъ, онъ засыпалъ приятнымъ и благоуханнымъ сномъ.

Поразенная ужасомъ и убитая горемъ, мистрисей Ада Варней просидѣла всю ночь и слѣдующій день подлѣ останковъ мужа, рыдая неутѣшно и не спуская глазъ съ неподвижнаго трупа. Извѣстіе объ этой ужасной катастрофѣ облетѣло все графство и вызвало вездѣ оживленные толки: объявленіи, прибывши на фонарныхъ столбахъ, возвѣстили награду въ двѣсти фунтовъ стерлинговъ тому, кому удастся направить правосудіе на слѣды злоумышленниковъ, совершившихъ убійство.

Члены мѣстной администраціи принимались энергично за розыскъ преступниковъ и являлись въ Лисльвудъ по нѣскольку разъ въ день, а сыщики вступали въ разговоры съ прислугой, которая была, натурально, не прочь, рассказать все, что знала объ этомъ для нее интересномъ событіи.

При осмотрѣ убитаго на немъ нашли кушакъ, съ придѣлан-

нымъ къ нему маленькимъ портъ-нащѣ, который былъ раскрытъ въ присутствіи властей.

Онъ содержалъ въ себѣ поль-листина бумаги; это было какое-то странное показаніе, написанное рукою маюра, подписанное Джемсомъ Арнольдомъ, Рупертомъ Лислемъ, тожъ и засвидѣтельствованное Альфредомъ Соломономъ.

Вотъ его копія.

— Я, Джемсъ Арнольдъ, иначе — сэръ Рупертъ Лисль, признаюсь, что я согласился, по подстрекательству моего отца, Жильберта Арнольда, находящагося теперь въ Америкѣ (нѣсколько мѣтъ извѣстно), — играть роль сэра Руперта Лисля, изъ Лисльвуда въ Суссекскомъ графствѣ и что, посредствомъ этого обмана, я вступилъ во владѣніе всѣмъ имуществомъ означеннаго сэра Руперта Лисля, хотя зналъ, что онъ живъ и живетъ до сихъ поръ еще въ Юркскомъ графствѣ.

Писано десятаго октября 18...

Джемсъ Арнольдъ, назвавшійся Рупертомъ Лислемъ.
Засвидѣтельствовалъ: Альфредъ Соломонъ.

Альфредъ Соломонъ призналъ свою подпись и удивленные представители правосудія предложили ему сказать то, что онъ знаетъ объ этомъ документѣ.

— Я знаю только слѣдующее, отвѣчалъ слуга — глаза котораго осухли отъ непритворныхъ слезъ, такъ какъ онъ былъ сердечно привязанъ и преданъ своему господину: — мой господинъ узналъ совершенно случайно, что этотъ молодой человекъ — самозванецъ и хотѣлъ заявить объ этомъ правосудію, чтобы возстановить права законнаго наследника, но потомъ онъ подумалъ, что еще неизвѣстно, какъ судъ взглянетъ на дѣло и какъ трудно представить на это доказательствъ! да въ томъ же законный наследникъ не показывался и баринъ порѣшилъ оставить все, какъ есть. Изъ чувства сожалѣнія къ бѣдной молодой женщинѣ, на которой женился этотъ подложный лордъ.

— Маюръ былъ такимъ образомъ соучастникомъ преступленія, сказалъ одинъ изъ судей. Онъ скрывалъ то, что зналъ о преступномъ подлогѣ и смотрѣлъ равнодушно, какъ чужой человекъ

пользовался правами настоящего лорда Лисла. Это было нечестно, даже очень нечестно!

— Онъ умеръ, произнесъ угрозою Соломонъ: — и если вы хотите судить его поступки и обвинять его, говорите при мнѣ: я служилъ ему около девятнадцати лѣтъ и онъ былъ для меня хорошимъ господиномъ.

Послѣ этого замѣчанія, мистеръ Соломонъ повернулся на каблукахъ и вышелъ, предоставивъ представителямъ правосудія поступать, какъ имъ вдумается.

Между тѣмъ Джэмъзъ Арнольдъ — подложникъ Рупертъ Лисль — все еще оставался въ безсознательномъ состояніи, хотя свѣтила науки прилагали все силы для того, чтобы добиться желанныхъ результатовъ, а мистеръ Дэвсонъ почитательно наблюдалъ издали за всѣми ихъ приемами: сельскій докторъ не могъ рѣшиться добровольно уѣхать отъ больнаго, котораго судьба привела къ нему въ домъ, въ поддержку его скромной, мало-доходной практикѣ.

Ни въ комнатѣ больнаго, ни въ другихъ частяхъ замка не знали ничего объ серьезныхъ открытіяхъ, сдѣланныхъ неожиданными судьями, заперевшимися въ спальнѣ маіора Варнея.

Въ это же время были сдѣланы, въ свою очередь, серьезныя открытія на другомъ концѣ графства. Какой-то человѣкъ сомнительной наружности пытался разбить билетъ въ сто фунтовъ стерлинговъ въ трактирѣ одного изъ сель, расположенныхъ вблизи морскаго берега. Хозяину трактира, который находился подъ свѣжимъ впечатліемъ насильственной кончины несчастнаго Варнея, взволнованной все графство — удалось задержать этого человѣка и увѣдомить объ этомъ Лисльвудскую полицію. Телеграмма его полетѣла со станціи на станцію — и часа черезъ три въ трактирѣ вошелъ какой-то пожилой джентльменъ и прошелъ прямо въ залъ, гдѣ Жильбертъ Арнольдъ короталъ день за трубкою и за бутылкою пива. Пожилой джентльменъ заарестовалъ ужъ шесть подозрительныхъ индивидуумовъ — отчего-жь не сдѣлать того же и съ седьмымъ, въ надеждѣ открыть слѣды настоящихъ преступниковъ? Такимъ образомъ Жильбертъ Арнольдъ очутился опять въ Ливингской тюрьмѣ. На немъ нашли, при обыскѣ, золотые часы съ цѣпочкою Варнея и нѣсколько билетовъ — между двойныхъ подшовъ

его тяжелой обуви; онъ относился, видимо, съ глубокимъ равнодушіемъ къ ожидающей его участи. Тюремщики дѣлали съ нимъ, что имъ было угодно, не встрѣчая рѣшительно никакого протеста; онъ смотрѣлъ на нихъ, молча, своими желтоватыми, кошачьими глазами, горѣвшими какими-то ненормальнымъ огнемъ.

Узникъ сосѣдней камеры слышалъ въ ночное время, какъ Арнольдъ разговаривалъ постоянно съ собою.

— Я для этого только вернулся, изъ Америки, говорилъ арестантъ — и обѣщаль отомстить и сдержалъ свое слово... пусть повѣсятъ меня, если это способно доставить удовольствіе, а я готовъ на все: я сдержалъ свое слово.

Онъ повторялъ эти слова съ какою-то дикою радостью, потирая свои мозолистыя руки. На утренней зарѣ ему вдругъ представилось блѣдное искаженное лице Гранвила Варнея, смотрѣвшее съ угрозою на своего убійцу, но браконьеръ не отступилъ передъ грознымъ видѣніемъ, какъ сдѣлалъ бы другой. Онъ напротивъ того бравировалъ его:

— Я вижу васъ, сказалъ онъ; — вижу ваши лукавыя, голубыя глаза, коварную улыбку, вашъ хитрый живиный ротъ и лисья бокенбарды. Я сдержалъ свое слово — и вы мнѣ заплатились за ваши злодѣянія. Мы въ расчетѣ, маіоръ!

Три дня послѣ ареста Жильберта Арнольда, подложникъ Рупертъ Лисль скончался, признавъ подлинность документа, найденнаго при убійствѣ Варнея.

— Да, произнесъ онъ слабымъ, прерывавшимся голосомъ: — эта подпись моя, но весь этотъ подлогъ былъ придуманъ не мною. Одинъ маіоръ Варней управляетъ этимъ дѣломъ съ начала до конца.

Старшій изъ докторовъ принялъ трудъ сообщить леди Оливіи Лисль о смерти ея мужа.

Она спокойно выслушала вѣсть объ его кончинѣ, но минуту спустя — въ первый еще разъ въ жизни, повалилась безъ чувствъ.

Послали за полковникомъ, который поспѣшилъ прибыть въ Лисльвудскій замокъ.

— Я жестоко наказана за свое честолюбіе! говорила Оливія! роковой этотъ бракъ принесъ мнѣ въ результатъ позоръ и приниженіе.

Возьмите меня, папа, домой въ мирный Боксажъ, если я еще вправѣ вернуться къ прежней жизни.

Пока всё эти прошествія слѣдовали одинъ за другимъ, Кларибелль Вальдзингамъ находилась въ Гастингсѣ. Одинъ изъ представителей правосудія въ Лисльвудѣ, старшій другъ ея дома, прѣхалъ рассказать ей обо всемъ происшедшемъ и началъ обсуждать, какъ вернуть настоящаго наследника Лисльвуда, если онъ еще живъ.

Первымъ дѣломъ ихъ было — поѣхать точася въ „Таймсъ“ такую публикацію.

Сэръ Рупертъ Лисль — просить всёхъ, находящихся въ состояніи дать какія-либо свѣденія относительно этого джентельмена, пожаловать къ мистеру Вильмору, нотариусу въ Лисльвудѣ, въ Суссексъ.

Черезъ два дня въ Лисльвудѣ явился Реморденъ:

Нотариусу Вильмору пришлось выслушать странную, но тяжкую повѣсть, рассказанную съ пылкимъ, сердечнымъ краснорѣчіемъ Бельминстерскимъ викаріемъ и отчасти, уже известную нашимъ читателямъ; справедливость ея была подтверждена тутъ же Ричардомъ Саундерсомъ, молодымъ человекомъ, воспитывавшимся въ Бельминстерѣ и заявившимъ прямо, что — онъ сэръ Рупертъ Лисль. Онъ рассказывалъ про случай, происшедшій съ нимъ въ дни дѣтства *въ Вишергъ-Ридъ*, отъ котораго онъ опомнился въ больницѣ, гдѣ пролежалъ, вѣроятно, нѣсколько мѣсяцевъ, онъ описалъ какъ былъ увезенъ изъ больницы человекомъ, который навязался ему въ дяди, но котораго онъ помнилъ отлично въ качествѣ слуги очень высокаго, виднаго господина съ красивыми усами; онъ рассказалъ еще о маленькой деревнѣ на морскомъ берегу, въ которой онъ прожилъ, быть можетъ два-три года въ обществѣ старой Мегвей — и какъ дядя Джоржъ или вѣрнѣе, Содомонъ старался убѣдить его, что всё воспоминанія изъ поры его дѣтства — недѣлныя бредни разстроеннаго мозга; слугѣ было приказано сходить за Соломономъ, чтобы заставить его подтвердить справедливость рассказаннаго Саундерсомъ, но зототъ дальновидный и достойный субъектъ удалился изъ замка, пока собраніе судей ломало себѣ голову надъ мудреннымъ вопросомъ:

какъ поступить съ нимъ въ этомъ затруднительномъ случаѣ? Взаимнѣ его однако нашлись другіе люди, доказавшіе фактами истину словъ Ричарда. Во-первыхъ — мистриссъ Вальдзингамъ: материнскій инстинктъ ея сказалъ ей безошибочно при взглядѣ на Ричарда, что это ея сынъ! Ея сердце забилось такимъ живымъ восторгомъ, такую искреннюю радость, какихъ она далеко не чувствовала въ немъ, когда, въ былое время, прижимала къ груди наглаго самованца, Джамса Арнольда. О радости же сына, увидѣвшаго мать, бесполезно рассказывать.

— Я вспоминалъ о васъ, какъ о чудномъ видѣніи, воскликнулъ онъ, обнявъ обѣими руками тонкій станъ Кларибелль, я помню, что у васъ были длинныя локоны, которыми я часто игралъ также, какъ нашу золотую цѣпочку. Въ моей памяти сохранились моя дѣтская комната и портретъ отца... я все твердилъ о немъ а меня называли за это сумасшедшимъ.

Но самое вѣское подтвержденіе разказа было дано суду Зилбертомъ Арнольдомъ, обвинявшимся въ убійствѣ Гранвила Варнея. Когда судъ уличилъ его въ совершенномъ злодѣйствѣ, онъ сознался во всемъ. Онъ рассказывалъ, какъ онъ былъ вынужденъ маіоромъ выдавать своего сына за Руперта Лисли и какъ маіору Варнею удалось послѣ сдѣлаться полновластнымъ хозяиномъ замка Лисльвуда и его подложнаго владѣльца, забравши въ руки Джамса; однимъ словомъ Арнольдъ разоблачилъ всю суть этой ловкой интриги.

По окончаніи слѣдствія Кларибелль Вальдзингамъ возвратилась въ Лисльвудъ, изъ котораго вышла въ изгнаніе всякихъ дальнѣйшихъ столкновеній съ его бывшимъ владѣльцемъ. Она ужъ не застала въ немъ мистриссъ Ады Варней, которая отправилась давно на континентъ, оставивъ въ Лисльвудъ-Паркѣ письмо на имя Кларибелль и маленький пакетъ, тщательно запечатанный и обвязанный ленточкою. Письмо было написано мелкимъ и сжатымъ почеркомъ на двухъ листахъ бумаги и когда мистриссъ Вальдзингамъ стала его читать, то блѣдное лице ея стало еще блѣднѣе; рука ея дрожала, когда она сломала импанную печать мистриссъ Ады Варней на маленькомъ пакетѣ.

Въ немъ было пачка писемъ, писанныхъ мужскимъ почеркомъ

это были письма Артура Вальдзингама къ той, на которой онъ женился въ Саутгемптонѣ и которую бросилъ тотчасъ послѣ вѣнчанія. Письма еще доказывали, что онъ впоследствии времени развелся съ нею формально и что майоръ Варней перевѣчался съ нею, давъ Вальдзингаму слово никогда не разказывать о ея первомъ бракѣ.

Клэрибелль разгадала по прочтеніи писемъ тайну власти Варнея надъ жизнью Вальдзингама. Положивъ ихъ въ пакетикъ, она бросила ихъ къ пылающій каминъ и стояла задумчиво, пока пылія увѣренія Артура Вальдзингама въ любви къ Адѣ Варней не превратились въ пепель.

Клэрибелль подавила томительное чувство, овладѣвшее ею и пошла къ своему старшему сыну.

Сэръ Рупертъ Лисль стоялъ въ это время въ столовой и смотрѣлъ съ тихою грустью на портретъ своего умершаго отца.

— Рупертъ! сказала Клэрибелль, положивъ на плечо его свою блѣдную руку, ты вѣдь будешь любить меня? Я вынесла въ прошедшемъ такъ много испытаній! Но я стану надѣяться, что ты и Артуръ заставите меня позабыть длинный рядъ страданій и

Необходимо ли продолжать нашъ романъ? Не излишне ли будетъ описывать то мрачное и туманное утро, когда Жильбертъ Арнольдъ былъ выведенъ жандармами изъ Ливисской тюрьмы и взошелъ твердою поступью на грозный эшафотъ, воздвигнутый на площади, чтобъ получить возмездіе за свои преступленія и поплатится жизнью за жизнь Гранвилы Варнея и убитаго дѣснаго сторожа? волнений.

Прошелъ годъ послѣ только что описанныхъ событій и въ церкви Лисльвудъ-Парка была страшная давка: настоярь соединялъ съ особенною торжественностью двѣ юныя четы и педель еще разъ проявилъ свою власть, удерживая натискъ окрестныхъ поселянъ и дѣлая внушенія строптивымъ и назойливымъ.

Вѣнчаніе совершалось безъ особенной пышности: дѣти были, положимъ, одѣты всѣ по праздничному и дорога была усыпана цвѣтами; въ Лисльвудъ-Паркѣ былъ выставленъ для мѣстныхъ крестьянъ цѣлый жареный быкъ и эль лился рѣкою, но при обрядѣ не было ни гордой аристократіи, ни рада экипажей за цер-

ковною оградю—въ церкви стояли только двѣ счастливыя парочки, въ сопровожденіи близкихъ, испытанныхъ друзей.

Сперва вышла изъ церкви Бланшь Гевардь, опираясь на руку мужа—сэра Руперта Лисля, и улыбалась дѣтиямъ, бросавшимъ ей цвѣты, а за нею Вальтеръ Реморденъ велъ свою молодую, прелестную жену—бывшую лэди Лисль. Полковникъ Мармэдюкъ отдалъ ему Оливію съ такою твердою увѣренностью въ ея будущемъ счастье, какой онъ не испытывалъ при первой ея свадьбѣ, которая была, тѣмъ не менѣе, отпразднована съ чисто-царскою роскошью.

Добрый Лисльвудскій ректоръ перешелъ въ другой, отдаленный приходъ, а Лисльвудское ректорство, окруженное тѣнистыми садами, перешло къ Ремордену, который поселился въ немъ съ своею молодою женою.

Вѣдныя жители Лисльвуда благословляли день прибытія къ нимъ Бланшь въ качествѣ лэди Лисль.

Въ замкѣ Лисльвудѣ и въ ректорствѣ водворилось то тихое, благодатное счастье, которое дается весьма немногимъ избраннымъ.

Мистриссъ Гранвилъ Варней кончила жизнь въ Парижѣ, оставивъ препорядочный, солидный капиталъ, скопленный въ Лисльвудъ-Паркѣ стараніями майора.

Рахиль Арнольдъ была, по общему желанію, привезена изъ дома, гдѣ она изнывала среди умалишенныхъ и помѣстилась снова въ хорошенькой сторожкѣ у воротъ Лисльвудъ-Парка, гдѣ такъ часто играли въ давно прошлое время ея сынъ и сэръ Рупертъ, а теперь раздавались звонкіе голоса дѣтей нового сторожа.

к о н е ц ъ .

ИЗУМРУДЪ

СБОРНИКЪ

РОМАНОВЪ, ПУТЕШЕСТВІЙ И НЕБОЛЬШИХЪ РАЗСКАЗОВЪ

въ переводѣ съ иностранныхъ языковъ на русскій.

Издается въ Москвѣ по образцу существующихъ журналовъ книгами большого формата и выходитъ между 10 и 20 числами Января, Марта, Мая, Юля, Сентября и Ноября мѣсяцевъ.

Въ сборникѣ печатаются романы, путешествія и небольшіе рассказы лучшихъ писателей Англии, Франціи, Германіи и другихъ Европейскихъ странъ.

Подписная цѣна за годовое изданіе „Изумруда“.

Въ Москвѣ безъ доставки на домъ . . . 5 руб.
» » съ доставкою » » . . . 5 руб. 50 к.
Съ пересылкою многороднымъ » . . . 6 руб.

На полгода подписка не принимается.

Бромъ означенныхъ шести книгъ подписчикамъ выдается еще книга въ видѣ преміи и которая состоитъ изъ хорошаго историческаго или уголовнаго романа, стоимостью отъ 2 до 3 рублей за экземпляръ.

Премія выдается только тѣмъ подписчикамъ, которые записываются на сборникъ въ теченіи года, а не по прошествіи его. Выписывающіе Изумрудъ за истекшій уже годъ лишаются права на получение преміи.

Примѣчаніе. Премія раздается подписчикамъ въ концѣ года, а именно вмѣстѣ съ послѣднею книгою сборника.

Желающіе получить сборникъ благоволятъ слѣдующимъ за него деньгами высылать на имя редактора, Михаила Николаевича Воронова, въ Москву въ контору редакціи сборника „Изумрудъ“, на углу Тверской и Газетнаго переулка, въ домъ № 280.

Примѣчаніе. Такъ какъ многіе имѣютъ очень не разборчивый почеркъ, то редакція считаетъ необходимымъ обратить вниманіе Гг. подписчиковъ на это обстоятельство и проситъ ихъ покорнѣе присылать свои адреса написанные разборчиво.

Редакторъ-Издатель М. Н. Воронцовъ.